Игорь Зимин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Вторая четверть XIX—начало XX в.

ВЗРОСЛЫЙ МИР ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Из книги вы узнаете много нового и интересного о членах императорской фамилии. Поймете, что их жизнь совсем не была бесконечной чередой праздников и торжественных церемоний. Помазанники Божии – живые люди со своими характерами, вкусами, причудами, странностями, увлечениями. Каковы они были в быту? Чем увлекались на досуге? Как ладили между собой великие князья? Об этом и о многом другом рассказано в обстоятельном исследовании доктора исторических наук, профессора Игоря Викторовича Зимина.

- Игорь Викторович Зимин
  - Введение
  - Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности
    -
    - Император Александр I
    - Император Николай I
    - Император Александр II
    - Императрица Мария Александровна
    - Александр III
    - Император Николай II
    - Императрица Александра Федоровна
  - Мода в стиле милитари
  - Императоры верхом
  - Взаимоотношения в семье
    -
    - Семья Александра II
    - Семья Александра III
    - Семья Николая II
  - Взаимоотношения с родственниками
  - Отдых в императорской семье
    -
    - Хобби
    - «Первая охота»
    - «Вторая охота»
    - «Третья охота»
    - Байдарка
  - Путешествия членов императорской семьи
    -
    - Железная дорога
    - «Собственный Его Императорского Величества

гараж» 1905–1918 гг
- Развлечения в императорской семье
  -
  - Спиритизм
  - Рыцарские карусели
  - Карточные игры
  - Деревянная гора
  - «Велосипедные истории» императорских резиденций
  - Теннис
  - Анекдоты
  - Фотография
  - Кинематограф
  - Музыкальные увлечения членов императорской семьи
  - Театр в жизни императорской семьи
  - Любительские спектакли
  - Летние купания
  - Балы в императорских дворцах
  - Придворные маскарады
- Праздники в императорской семье
  - Рождество
  - Новый год
  - «Христос воскресе…»
  - Дни рождения взрослых в императорской семье
- «Вредные привычки»
- Граффити на стекле
- Духовники российских императоров
- Наследственные черты Романовых
- Филологическая подготовка российских монархов
- Имена и прозвища в семье Романовых
  -
  - Семейные прозвища
- От издателей
- Примечания

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Игорь Викторович Зимин
Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX – начало XX в.

Введение

Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий.

И. Е. Забелин

Жизнь самодержавных монархов огромной империи на первый взгляд казалась многим чередой бесконечных праздников и церемоний. Но те, кто находился рядом с ними, видели и понимали, что это далеко не так, поскольку наряду с пышной церемониальной стороной жизни была и другая, повседневная, не видная со стороны. И эта повседневная жизнь для них, как и для всех людей, являлась не менее важной, чем жизнь парадно-официальная.

Следует отметить определенную неразделенность официальной и повседневной жизни членов императорской фамилии. Дело в том, что современный человек может параллельно иметь несколько образов: «для работы», «для семьи», «для друзей». И каждый из этих образов может существовать изолированно. Однако такая изолированность для членов семьи Романовых исключалась. Почти. Вплоть до Александра III их семейная, частная жизнь была такой же частью «сценария» власти, как и парадно-церемониальная. Эта неразделенность бытия на «работу» и «личную жизнь» являлась специфической, публичной чертой профессии российских монархов. Заметим, что необходимость подобной публичности российские монархи хорошо осознавали. В свою очередь, тот, кто пренебрегал этой профессиональной публичностью, пожинал очень горькие плоды.

Российский императорский двор был самодостаточным и обладал своеобразным миром. Некоторые члены императорской семьи проживали в этом искусственном мире целую жизнь, имея весьма смутное представление о реальной жизни за стенами императорских резиденций.

Вместе с тем и в императорских резиденциях, наряду с видимой, парадной стороной жизни, всегда была своя, скрытая от посторонних глаз повседневная жизнь. В парадных резиденциях трудились, жили тысячи людей, в них обустраивались поуютнее и императоры, и их придворные. Дворцы имели особый стиль и ритм жизни, который не исчерпывался придворным торжественным ритуалом[1].

Сегодня акценты интереса к истории смещаются. От безусловно важных сюжетов, связанных с дипломатическими перипетиями и политической борьбой, общественное внимание обращается к повседневной жизни обитателей дворцов. В какой-то степени это оправданно, поскольку именно бытовая сторона жизни императорской семьи была практически недоступна для взгляда рядового обывателя до 1917 г. Во второй половине 1920-х гг. этот интерес был отчасти компенсирован музейными экспозициями, созданными на личных половинах императорских резиденций. Однако эта практика быстро прекратилась, поскольку власть была озабочена популярностью экспозиций, показывавших народу, «как жили цари». За прошедшие десятилетия интерьеры «личных половин» оказались, как правило, полностью утраченными. В этом виноваты и власть, и непростое время. И сегодня в комнатах Зимнего дворца, где жили фрейлины, висят на стенах картины Матисса, в кабинете Александра II, где он умирал, экспонируются платье Екатерины II и мундир Петра III, в спальне Екатерины выставлены картины французских классицистов[2].

Главной задачей настоящей книги является достоверная реконструкция такого текучего и сложного понятия, как повседневная жизнь российского Императорского двора. Основой для этого стали мимолетные упоминания мемуаристов о различных «пустяках», архивные документы, картины, фотографии и многое другое, на чем остались следы блестящей, но, тем не менее, повседневной жизни Императорского двора.

Российские императоры: внешний облик, характер и личностные особенности

Внешность играет важную роль в жизни любого человека. Для российских монархов внешний облик имел ряд важных составляющих, которые, как правило, не столь важны в жизни обычных людей. В России с ее традициями персонификации власти достойный облик монарха служил важным фактором укрепления самодержавия.

Внешний облик монархов имел достаточно много слагаемых: от собственно внешних, физических данных, до манеры поведения, прически и предпочтений в одежде. На этих параметрах мы и остановимся.

Император Александр I

Александр Павлович был первым сыном цесаревича Павла Петровича и первым внуком императрицы Екатерины II. Однако для бабушки он был больше, чем внук. Императрица, у которой забирали детей после их рождения, «обрушила» все свое нерастраченное материнство на первого внука. Она забрала его у родителей и воспитывала сама. Мальчик, росший между двумя дворами, Императорским двором и Двором цесаревича, поначалу неосознанно маневрировал между ними, а затем эти «маневры» стали вполне осознанными. Конечно, это калечило характер молодого человека, да и бабушка с отцом не отличались легкими характерами.

Став императором, Александр I проводил самостоятельную и внятную политику. Некоторые мемуаристы утверждали, что

Александр I «слаб», однако другие отмечали, что царь обладал «непреклонной волей и упорством, граничащим с упрямством». В пользу последней черты свидетельствует тот факт, что в конце 1812 г. Александр I лично посещал тифозные госпитали, не страшился быть под огнем во время сражений. После 1815 г. Александр I упрямо пренебрегал всякими мерами безопасности, помня о том, что его отец и дед были убиты в результате переворотов. Одна из фрейлин писала: «Вокруг царского жилища (имеется в виду Каменноостровский дворец. – *И. З.*) не было видно никой стражи, и злоумышленнику стоило подняться на несколько ступенек, убранных цветами, чтобы проникнуть в небольшие комнаты государя и его супруги»[3]. Александр I повсюду ездил без сопровождения. Он предпочитал открытые экипажи, хотя зимой это грозило обморожениями. В декабре 1812 г. он пять дней провел в открытых санях, но это была не прихоть императора, а привычка-традиция, впитанная с юношеских лет. Дело в том, что во времена Павла I офицерам вообще запрещалось ездить в закрытых экипажах. Они могли ездить только верхом, в открытых санях или дрожках[4]. Кроме того, учитывался и фактор публичности «профессии» российских императоров: самодержавцы считали, что подданные должны их видеть. Этого же правила придерживался и Николай I.

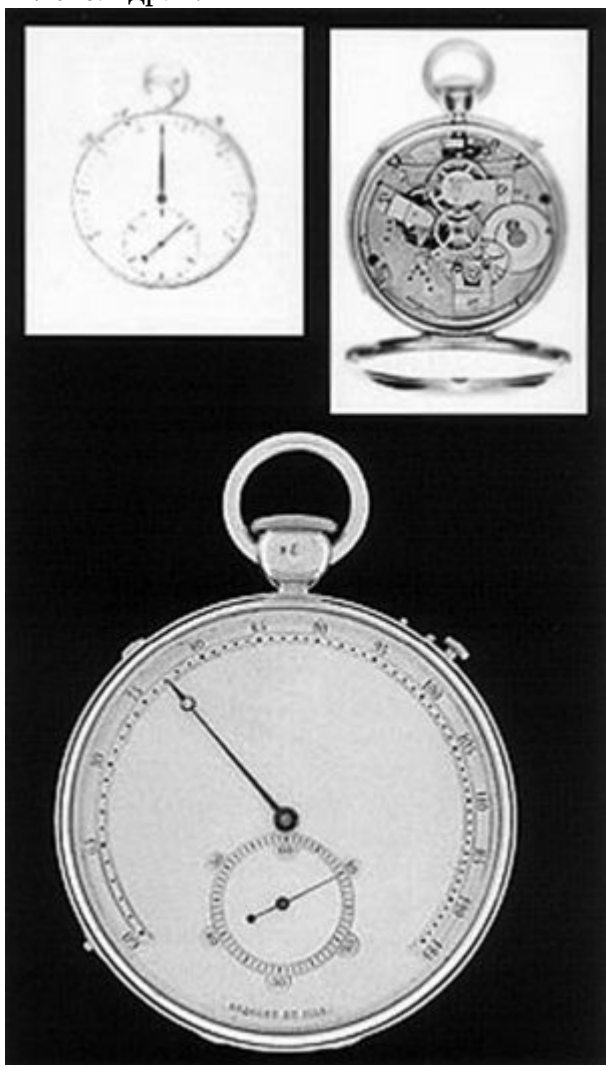
Говоря об особенностях характера Александра I, стоит упомянуть и о такой наследственной черте Романовых, постоянно воспроизводившейся вплоть до Николая II, как «парадомания». Действительно, Александр I, как и его отец Павел I, и его дед Петр III, был на протяжении всей жизни увлечен внешней стороной военной жизни, бесконечными разводами караулов,

блестящими парадами и переменами в военной форме. При этом для монарха первостепенной была не боевая подготовка армии, очень далекая от искусства тянуть носок и держать строй, а именно внешняя, парадная сторона армейской жизни. Возможность мановением руки, кратким приказом приводить в движение огромные массы людей была зримым символом и воплощением могущества российских самодержцев.

Свидетельства этой особенности характера разные, подчас неожиданные. Известно, что 15 мая 1821 г. за 1800 франков для Александра I был приобретен специальный «шагомер» у знаменитого швейцарского часовщика Абрахама Луи Бреге[5].

Император Александр I. *Т. Лоуренс. 1818 г.*

Имя часовщика Бреге дало название знаменитым часам – «брегетам». Этот мастер неоднократно выполнял штучные и, конечно, очень дорогие заказы, поступавшие от европейских монархов. Так, им были изготовлены часы для султана Османской империи, для принца-регента Великобритании и для российского императора Александра I.



Часы Бреге № 3825 с измерителем темпа маршировки. *1821 г.*

Примечательно, что для российского монарха знаменитый часовщик изготовил не часы, а измеритель темпа маршировки. Всего было изготовлено 5 экземпляров этого прибора. На

серебряном циферблате была нанесена шкала с цифрами от 60 до 125. Стрелка отсчитывала соответствующее число колебаний в минуту. Такой прибор был очень удобен во время парадов, когда монарх мог лично контролировать темп маршировки воинских подразделений путем подсчета шагов в минуту. А Романовы парадам традиционно придавали огромное значение.

Если упомянуть о внешности императора, то женщины эпохи Александра I признавали монарха красавцем. Действительно, в молодые годы Александр Павлович, всегда внимательно следивший за своей внешностью, был весьма хорош. Монарх чертами лица больше «пошел в мать» – императрицу Марию Федоровну (принцесса Вюртембергская), чем в отца. Многие обращали внимание на характерный круглый подбородок монарха.

Конечно, с возрастом «проблемы» копились, у Александра I появилась лысина. Хотя в молодые годы, в период правления бабушки, он и носил парики, но в зрелом возрасте от них отказался и лысину свою не скрывал. Кроме этого, у него рано испортилось зрение и обозначилась глухота. Это, конечно, не могло не повлиять на характер монарха.

Что касается одежды императора, то он всю жизнь носил мундиры со скромной орденской колодкой. Покрой мундиров мог меняться, но колодка из наград, сложившаяся к концу войн с Наполеоном, оставалась неизменной вплоть до 1825 г. Эта орденская колодка, изображенная на множестве портретов, включала: Крест Св. Георгия IV степени (награжден 13 декабря 1805 г.); «Медаль память Отечественной войны 1812 г.»; австрийский военный орден Марии Терезии (вручен в 1815 г.); прусский орден Железного креста (вручен в 1813 г.); шведский военный орден Меча (вручен в 1815 г.); крест австрийский «В память войны 1813–1814 годов» (вручен в 1815 г.); медаль прусская «В память войны 1813–1814 годов» (вручена в 1815 г.) и звезда ордена Св. Андрея Первозванного, к которой был присоединен клинком вверх миниатюрный меч от шведского военного ордена Меча[6].

Император Николай I

Основные характеристики «породы» Романовых были «заложены» Павлом I и его женой императрицей Марией Федоровной. Внешне сыновья Павла I очень разные. Больше всего походил на Павла I его второй сын – великий князь Константин Павлович.

Самым представительным из сыновей Павла I его третий сын – император Николай I. Он внешне совершенно не походил на своего маленького, курносого, с холерическим темпераментом отца. Один из мемуаристов описывал внешний облик 29-летнего Николая Павловича следующим образом: «Высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный… Свежесть лица и все в нем выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»[7].

Это описание достаточно объективно. Царь действительно имел атлетическую фигуру. Надо заметить, что в мужской и женской моде того времени широко использовались корсеты.

Великий князь Николай Павлович. *О. Кипренский. 1816 г.*

Так, в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Скалозуб характеризуется как «хрипун», «удавленник», «фагот». Эти определения свидетельствуют не только о характере, но и о перетянутой талии. А. С. Пушкин использовал фразу, безусловно, понятную современникам – «гвардейцы затяжные». Кроме этого, в одежде мужчин, для того чтобы придать фигуре требуемые формы, использовалась и вата.

Надо заметить, что к своей внешности Николай Павлович относился с иронией. В 1833 г. император писал своему «отцу-командиру» И.Ф. Паскевичу: «Желал бы с тобой быть неразлучным; за невозможностью сего, прошу тебя в замену оригинала принять и носить подобие моей хари»[8]. Под «моей харей» Николай I имел в виду одно из высших имперских отличий – миниатюрный портрет императора, усыпанный бриллиантами.

Современники внимательно фиксировали малейшие изменения во внешнем облике императора. Во время официального визита в Англию в 1844 г. британцы оценивали Николая I и по внешним «параметрам». Один из сановников королевы Виктории отметил, что русский царь «потолстел и что у него несколько поредели волосы на голове, но все-таки он оставался прежним благородным, величественным человеком, царем с головы до ног. Его лицо отличалось открытым выражением, и хотя глаза у него были очень подвижны, но в них скорее выражалась беспокойная наблюдательность, чем подозрительность»[9].

На рубеже 1830—1840-х гг. Николай I начал носить парик. Он не делал из этого секрета. Встречаясь с американским посланником в 1837 г., он без особых комплексов признавал, что «волос-то у меня немного, да и те седые. А ведь это у меня парик, – пояснил он, проводя рукой по голове»[10]. Надо заметить, что в ту пору отношение к мужским парикам было совершенно иным, чем сегодня. Со времен Петра I и до конца XVIII в. парики были обязательной деталью повседневного облика российских мужчин аристократов. И хотя в начале XIX в. парики постепенно вышли из употребления, в их ношении не было ничего необычного.

Говоря о прическе и париках императора, следует отметить, что первые парики у Николая Павловича появились в январе 1812 г., когда 16-летний великий князь начал принимать участие во взрослых маскарадах[11].

В качестве парикмахера Николая I обслуживали и профессионалы, и «любители». Например, в апреле 1833 г. его

дважды подстригал мундшенкский помощник[1] Федоров (25 руб. за стрижку), в июне – отставной унтер-офицер Максимов и лакей Востриков, в сентябре – камердинер Сафонов, в октябре, ноябре и декабре – вновь мундшенкский помощник Федоров[12]. Складывается впечатление, что уже в это время император носил парик-накладку, поэтому «любители» только коротко подстригали отросшие под париком волосы.

Наряду с «любителями» у императора был и профессиональный парикмахер. Его услуги оплачивались раз в полгода. В мае 1833 г. парикмахеру Этиену было выплачено за услуги 245 руб. Именно он изготавливал для царя накладки, чтобы скрыть наметившуюся лысину. В апреле 1834 г. парикмахер получил «за стрижку волос и накладки 230 руб.»[13]. Как правило, Этиен готовил царю по две накладки на голову в год. Со второй половины 1830-х гг. накладки для Николая Павловича стали делать самые разные мастера: парикмахер Хемот (стоимость одной накладки – 135 руб.), парикмахер Фелео (стоимость накладки – 75 руб. 71 коп.), парикмахер Этиен (за накладной парик – 58 руб. 87 коп.).

Кроме этого, Николай I, внимательно следивший за своей внешностью, использовал не только помаду для волос, которую ему поставлял все тот же парикмахер Этиен, но и специальную мазь для усов. Во время череды январских и февральских балов брутальный Николай Павлович, следуя моде, завивался (парикмахер Хемот получил за завивку в январе и феврале 1845 г. 69 руб. 30 коп.).

Тщательный уход за внешностью обходился Николаю I в приличную сумму. Например, за 1837 г. парикмахер Этиен заработал 966 руб. Эта сумма включала стоимость стрижек, накладок и помады для Николая I.

Главным парикмахером Николая I с начала 1830-х гг. и до 1843 г. оставался Этиен. Однако позже его место заняли другие парикмахеры (Шемио, Гелио, Хемот, Гешот, Персон). Следует отметить, что, по мере того как волосы царя редели, гонорары придворных парикмахеров сокращались.

Одежда императора Николая I

В России императоры носили только военную форму. Это было «железное» правило, поскольку они считали себя именно офицерами на троне. Барон М.А. Корф упоминал, что военных офицеров Николай I всегда считал «своими». На одном из частных балов, где было больше статской, чем военной молодежи,

барон услышал, как император спросил у одного генерала: «Что тут так мало наших?»[14] Только покидая территорию Российской империи, российский император мог позволить себе носить партикулярное платье[2]. Шитье новых мундиров для Николая I финансировалось из его «Гардеробной суммы»[3]. Расходы на содержание самых разнообразных мундиров в достойном виде, как и на шитье новых, выливались царю в очень значительные суммы.

Из этой же «Гардеробной суммы» Николай I оплачивал и первые военные мундиры своих детей и внуков. Великие князья свои первые военные мундиры одевали в раннем детстве.

Император Николай I. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

Первый солдатский мундир по форме Измайловского полка, стоимостью в 10 руб., для великого князя Николая (будущего Николая I) был сшит в 1801 г., когда ему было только 5 лет. Первый генеральский мундир (стоимостью в 35 руб.) у Николая появился в 14 лет, в 1810 г.[15] Существовала традиция, по которой мальчики из дома Романовых с 5 до 7 лет носили солдатские мундиры, с 7 до 16 лет – штаб-и обер-офицерские, а после 16 лет – генеральские мундиры.

С 1817 г. статья расходов «на обмундирование» становится самой большой в «Гардеробной сумме» великого князя. Если указать имена всех лиц и фирм, работавших над внешним обликом императора Николая I, то список получается довольно обширный.

Прежде всего, следует перечислить портных императора. Круг портных, постоянно «обшивавших» царя, сложился постепенно. Среди них были портные-универсалы, которые «шили все». Были полковые портные, лучше которых сшить мундир «их полка» не мог никто. «Ведущим» портным Николая I был Акулов (иногда в документах – Окулов), имя которого встречается в исторических источниках на протяжении двух десятков лет, с начала 1830-х до конца 1840-х гг.

Всего с начала 1833 по 1853 г. в документах упоминается восемь имен портных: Акулов – «за сшитие нового мундира и переделку старых – 745 руб.»; Малиновский – «за мундир для принца прусского Альберта – 400 руб.»; Иванов – «за казачий мундир – 450 руб.»; Ефимов – «за черкесское одеяние – 909 руб. 50 коп.»; Фрейде – «за переделку мундиров и сшитый гренадерский мундир – 373 руб. 50 коп.»; Маркевич – «за чикчир – 120 руб.»; Мазокевич – «за гусарский мундир – 1850 руб.» и Белынтейн.

Из этих имен следует упомянуть имя портного А. Фрейде, который являлся «портным мастером Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича». Примечательно то, что Фрейде уже в 1830-х гг. использовал на своем фирменном бланке герб Российской империи, фактически имея статус поставщика Высочайшего двора. Однако только с 1856 г. имперский герб станет официальной визитной карточкой поставщиков Императорского двора.

Для сшитых или переделанных мундиров требовалась различная фурнитура, заказывали ее на Придворной эполетной фабрике Е.Д. Битнер, которая находилась «близ Аничкина моста, в Троицкой улице № 10». Счета этой фабрики в «Гардеробной

сумме» были регулярными и весьма солидными, вполне сопоставимыми со стоимостью новых мундиров. Например, эполеты и ташка[4] обошлись Николаю I в 220 руб. 50 коп.; пара золотых пехотных артиллерийских генерал-адъютантских эполет с чеканными золотыми пушками[5] и такими же серебряными толстыми вензелями стоили 135 руб. Аксельбант золотой форменный, с особенной арматурой на наконечниках, обходился в 70 руб.

Примечательно, что Николай I, назначая шефами российских полков иностранных венценосцев, по традиции дарил им и полную форму подшефных полков. Например, для его королевского высочества принца Генриха Нидерландского на эполетной фабрике были заказаны золотые контр-адмиральские эполеты с вышитыми орлами (73 руб.), золотые эполеты с вышитыми орлами по форме «№ 12-го Экипажу» (75 руб.) и кивер флотский с вызолоченным гербом 12-го Экипажа (10 руб.). Мундирные пуговицы десятилетиями покупали у «пуговичника» Буха.

Генеральские мундиры в Николаевскую эпоху щедро украшались золотым шитьем. Для царя мундиры расшивали золотошвеи из мастерской Залемана. Расшивались в основном воротники и обшлага генеральских мундиров. Так, золотое шитье только одного воротника для мундира Гродненских іусар обходилось в 75 руб.

Неотъемлемой частью военных мундиров были ордена. Их Николай I заказывал только у золотых дел мастера Кеммерера[16], а у фабриканта Локтева приобретались орденские ленты.

Со временем Николай Павлович стал оплачивать «подарочные» мундиры своих сыновей. Поэтому свои первые мундиры великие князья получали в подарок от отца. Именно с этого момента начиналось их настоящее приобщение к военной службе. По распоряжению Николая I портной Акулов сшил первый генеральский мундир для цесаревича Александра Николаевича, который обошелся в 516 руб. В 1845 г. царь оплатил портному Акулову два мундира для своего второго сына Константина Николаевича.

В октябре 1838 г. для третьего сына императора, семилетнего Николая Николаевича, была сшита «экипировка лейб-гвардии Уланского полка»[17]. А в конце июля 1838 г. Николай I в письме к сыну писал: «Вот и семь лет тому протекло, и вместе с этим, по принятому у нас в семье обычаю, получил ты саблю!!! Великий для тебя и для нас день»[18].

В 1839 г. четвертый сын царя Михаил Николаевич, когда ему исполнилось семь лет, получил свой первый офицерский мундир,

сшитый портным Фрейде.

Поскольку мальчики из царской семьи с 5 до 7 лет носили солдатскую форму, то в сентябре 1848 г. пятилетнему Николаю Максимилиановичу, сыну герцога Лейхтенбергского и дочери Николая I, дедушка подарил солдатскую форму «от закройщика Остогова» за 100 руб. В 1849 г. шестилетнему мальчику дедушка подарил уже ружье и шашку (65 руб.). Солдатская форма для первого внука Николая I пятилетнего Николая Александровича (Никсы) стоила в 1848 г. 80 руб.

Перед официальными визитами за границу император обновлял те мундиры иностранных полков, которые предполагалось посетить во время визита. Эти мундиры, как правило, выписывались из-за границы. В 1824 г. в Пруссии портному Клею «за сделанный для Его Высочества один мундир и одни рейтузы» было уплачено «прусскою монетою 56 талеров»[19].

Заканчивая рассказ о мундирах, нельзя не упомянуть еще об одном важном качестве Николая Павловича. Дело в том, что этот грозный монарх любил детей. При этом не только собственных. Николай I придал новый импульс развитию системы кадетских корпусов, внимательно следя за ними и посещая их регулярно. Эти посещения выливались для царя в серьезные «мундирные потери».

Художник А.П. Боголюбов, проведший детство в Александровском кадетском корпусе Царского Села, вспоминал: «Детей Николай любил, ибо не проходило двух недель, чтобы кто-нибудь из высочайших особ не навещал Корпуса, а потому держали нас чисто, кормили хорошо и заботились о нашем здоровье.

Случалось, что Государь входил в зал, где нас кишело до 400 ребят и стоял гул, как в громадном птичнике, где разнопородные гогочут и щебечут по-своему на все лады. «Здорово, детки!» – говорил он голосом, которого уже после никогда не забудешь, и вдруг мертвая тишина воцарялась в зале. «Ко мне!» – и опять взрыв шума и такая мятка вокруг него, как в муравейнике. Нередко он ложился на пол. «Ну, подымайте меня», – и тут его облепляли, отвинчивая пуговицы на память, и т. д. Всего более страдал султан шляпы, ибо все перья разбирались, как и пуговицы, и в виде памяти клеились в альбомы. Наигравшись вдоволь, он нас ставил поротно во фрунт»[20].

Следует заметить, что традиция «откручивания пуговиц» была характерна не только для кадетских корпусов, но и для институтов благородных девиц, и монархи, зная об этой традиции, вполне сознательно шли на эти «мундирные утраты».

Поскольку мужчины из дома Романовых военную форму

носили с 5 лет и буквально до гробовой доски (все Романовы, лежащие в усыпальнице Петропавловского собора, похоронены в военной форме), то именно военная форма была для них самой удобной и естественной одеждой. Дочь Николая I вспоминала, что любимой домашней одеждой ее отца был «военный мундир без эполет, потертый на локтях от работы за письменным столом»[21].

Длительное время работал на императора перчаточник Ф. Френцель. Статья расходов на перчатки была довольно большой, поскольку белые перчатки быстро пачкались. Эти перчатки отдавались Френцелю в чистку и «мытье». Например, «мытье» четырех пар перчаток стоило всего 1 руб. 50 коп., а изготовление 16 пар новых перчаток обходилось в 128 руб., т. е. по 8 руб. за пару.

Френцель шил Николаю I не только новые перчатки, но и панталоны. Он же обеспечивал царя подтяжками. Панталоны были разные. В документах упоминаются панталоны «лосиные» (128 руб. 40 коп.), «цветные», «крепкие» (175 руб.) и «простые» (125 руб.). О том, что такое «лосиные панталоны» и как они сидели на офицерах, читатель может представить по портрету Евграфа Давыдова кисти О. Кипренского в Русском музее. О том, как одевались и носились эти панталоны, надо рассказывать отдельно. На зимнее время панталоны шились из тонкого шерстяного трико, которое покупали у купца Мельникова. Чистка панталон обходилась в 6 руб.

Лакеи и камердинеры, числившиеся при «Собственном гардеробе», также не упускали возможности заработать «на царе». Однако это были «разовые акции», видимо, связанные с какими-либо непредвиденными обстоятельствами. Например, гардеробский помощник Иванов получил «за сшитие для Его Величества панталон» 36 руб. и за шитье шлафроков[6] – 30 руб. Камердинеру Гримму за то, что он прикрепил кокарды к фуражкам, было выплачено 36 руб. 12 коп. Гардеробский помощник Шпицбарт брался даже за «переделку мундира», заработав 35 руб. Кастелянша Страус «за переделку 10 пар шелковых чулок Его Величества» получила 16 руб.

За верхней зимней одеждой царя следил скорняк Михельсон. Заказы ему были разные. «За переделку шубы» заплатили всего 45 руб., но поступал и заказ на два бобровых воротника в 750 руб.

Головными уборами «на заказ» Николая I обеспечивал шляпник Циммерман («за круглую шляпу – 55 руб.») и шляпник Можайский («за переделку 17 фуражек – 25 руб. 50 коп.»). В магазине офицерских вещей Сургучева для царя покупали готовые фуражки, каски и шляпы. Там же брали всю необходимую

фурнитуру (кокарды, султаны и пр.). В этом же офицерском магазине приобреталось и оружие («за шашку черкесскую и прочие починки султанов – 232 руб. 75 коп.»).

Обувь для царя, как правило, шилась на заказ. На протяжении четверти века обувь для Николая I изготавливал мастер Пемо. Стоимость его работы, по сравнению с расценками портных, была довольно низкой: новые каблуки обходились в 1 руб.; 6 пар штрипков под панталоны – 1 руб. 20 коп.; поправка сапог – 85 коп.; новые лакированные сапоги стоили 13 руб.; шпоры к сапогам – 2 руб. 50 коп. Поскольку сапоги должны были сидеть «как влитые», то их шили в обтяжку ноги, и для легкого одевания сапожник продавал мыльный порошок по 30 коп. за пакетик. Теплые, зимние сапоги стоили значительно дороже, но, судя по счетам, Николай Павлович их заказал только однажды, в январе 1835 г., сапожнику Хейде по цене 150 руб. за пару.

Для того чтобы сохранять обувь, использовался лак для сапог из магазина Бабста и вакса, которую покупали у фабриканта Быкова. Также единственный раз встречается в списке счетов по «Гардеробной сумме» упоминание о приобретении готовой обуви в башмачном магазине Брюно (42 руб. 90 коп.).

Кроме крупных вещей любой гардероб включает множество мелких вещей. Дочь Николая I упоминала в записках, что Николай Павлович предпочитал носить шелковые носки. Примечательно, что их покупали прямо «от производителя» и оптом. В ноябре 1848 г. у московского фабриканта Андрея Коколкина было приобретено 6 дюжин шелковых чулок на 360 руб.

Купец Эренберг поставлял в царский гардероб батистовые платки (две дюжины обходились в 160 руб.). У него также приобреталось голландское полотно, из которого Николаю Павловичу шили рубашки. Полотно покупали оптом. Ткань для «6 дюжин сорочек для Его Величества» обошлась в 2450 руб., там же «брали» ткань и для полотенец. Рубашки и все необходимое для царя шила белошвейка Гринберг.

Из других мелочей можно упомянуть о галстуках (купец Бабст), черных шелковых платках (лавка Энгбута). В магазине «Дилла и К°» покупали манишки, воротники и шарфы.

Со временем Николай Павлович начал полнеть, и в ноябре 1836 г., когда ему было 40 лет, впервые был заказан бандаж, которым «утягивали» живот под мундиром, при этом грудь становилась более выпуклой. Выполнил этот заказ «бандажный мастер» Остерлов.

Кроме одежды покупались различные повседневные мелочи: резедовое, миндальное и розовое масло «для туалета Его

Величества», полотенца, щетки для волос. В английском магазине было закуплено 8 дюжин розового мыла для рук (54 руб.). За доставленные из Лондона 12 дюжин миндального масла заплатили 178 руб. При этом все положенные таможенные пошлины за импортный товар немедленно отправлялись на Санкт-Петербургскую таможню.

Портные, поставщики Высочайшего двора, очень хорошо зарабатывали при подготовке высочайших визитов в Европу. Одной из весьма характерных особенностей таких визитов было то, что российские императоры могли во время неофициальных поездок носить «партикулярное платье».

Не отказывался от этой возможности даже Николай I, буквально сросшийся с военной формой. В 1833 г. он заказал портному Рутчу статское платье за 875 руб. В 1838 г. тот же портной Рутч «за партикулярное платье для чужих краев» получил 988 руб. Будучи в 1845 г. в Дрездене, Николай I инкогнито посетил знаменитую галерею. Во время этого визита на нем был «синий, открытый спереди короткий сюртук, шелковый темно-коричневый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке незнакомец держал тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки»[22]. К сожалению, изображения грозного императора в «жилете с цветочками» до нас не дошли, их, видимо, и не было, но можно с уверенностью утверждать, что Николай Павлович одевался по последней европейской моде.

Телосложение

Как уже упоминалось, Николай I отличался прекрасной выправкой и до конца жизни имел атлетическую фигуру. В 1849 г. его осматривал врач Конногвардейского полка Ф.Я. Карелль. Молодого врача поразило телосложение императора. С естественным чувством собственной значимости молодой доктор рассказывал знакомым «разные подробности из внутренней дворцовой жизни». Одну из этих подробностей приводит барон М.А. Корф в своих записках: «Карелль не мог довольно выразить удивления своего к атлетическому, необычному сложению его тела. Видев его до тех пор, как и все, только в мундире и сюртуке, я всегда воображал себе, что эта высоко выдававшаяся грудь – дело ваты. Ничего не бывало. Теперь, когда мне пришлось подвергать его перкуссии и аскультации, я убедился, что все это

свое, самородное; нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»[23]

Мемуаристы сохранили крайне редкие сведения о росте императора. Один из мемуаристов приводит диалог между Николаем Павловичем и актером Василием Каратыгиным, состоявшимся в ноябре 1838 г. после окончания спектакля по пьесе Н.А. Полевого «Дедушка русского флота»: «К игравшему роль Петра I Василию Каратыгину подошел Николай Павлович с приветливыми словами. «Ты совершенный Петр Великий!» – сказал он, любуясь им. – «Нет, государь, он был выше меня: 2 аршина 14 вершков». – «А в тебе?» – «Двенадцать». Государь померился с ним. «Все ты выше меня: во мне 10,5»»[24]. Нетрудно посчитать, что в переводе на современную метрическую систему рост императора был 189 см (рост Петра I – 203,5 см). Следует отметить, что все Романовы были, по меркам того времени, очень высокими. Этим они обязаны (по крайней мере, по официальной версии) свой матери, императрице Марии Федоровне.

Мемуаристы много писали о глазах императора. Его большие голубые глаза бывали очень разными. Так, политические противники превратили в штамп «оловянные глаза» Николая Палкина. Многие писали о глазах «василиска», которые буквально превращали подданных в камень, особенно если император изволил гневаться. При этом наиболее догадливые даже падали в обморок.

Так или иначе, на протяжении четверти века Николай I вполне соответствовал канонам мужской красоты своей эпохи. Высокий, атлетического телосложения, прекрасный кавалерист «с талией», на лице которого блестели бледно-голубые глаза, он был наделен еще и обаянием власти, что во все времена так ценят женщины. Многочисленные официальные портреты подтверждают описания мемуаристов. Можно только сожалеть, что не сохранилось ни одной фотографии Николая Павловича, хотя известно, что во второй половине 1840-х гг. он держал в руках «фотоаппарат», переданный им в Академию наук.

Характер

Николай I был скрытен и недоверчив. При этом он обладал высоким чувством ответственности, заставившим его «замкнуть» управление империей лично на себя, работая по 18 часов в сутки. Высокая требовательность к себе заставляла его требовать того же и от подчиненных. В своей деятельности он опирался на военных, будучи искренне уверенным, что толковый строевой генерал в

состоянии наладить четкую работу как Медицинского ведомства, так и Министерства народного просвещения. Присущие Николаю I спокойная уверенность в своей власти, харизма императора приводили в трепет даже его ближайших соратников.

Иногда мог быть безжалостным и беспощадным, но только в тех случаях, когда понимал, что возникший негативный прецедент повлечет серьезные последствия для всего государства. При этом император руководствовался не сиюминутными личностными порывами, как это случалось у его отца, холеричного Павла I, а государственной целесообразностью.

Николай I мог вспылить на людях, хотя в него с детства вбивалась привычка скрывать свои чувства и мысли. Однако в «своей», офицерской среде он мог позволить себе «отпускать тормоза». Но даже эти нечастые эмоциональные выплески император мог обратить себе на пользу, не только в силу «профессиональной» привычки просчитывать последствия своих поступков, но и в силу своего действительно благородного характера. Один из мемуаристов описывает, как на маневрах в Красном Селе Николай I «на чем свет стоит, не стесняясь в выражениях», обругал генерала Пенкержевского. «На следующее утро государь приглашает всех генералов и, выйдя к ним, говорит с присущим ему благородством: «Господа, вчера я совершенно забылся перед генералом П. Когда я командую войсками, то никак не могу сдерживаться и не выходить из себя. Мне уже сорок лет, а я до сих пор не преуспел в обуздании собственной вспыльчивости. Итак, господа, прошу вас впредь не принимать близко к сердцу мои слова, сказанные в гневе или раздражении. Ты же П., прошу, прости меня; я не желал тебя оскорбить, будем друзьями». И он сердечно обнял генерала»[25].

Николай Павлович был любящим мужем и отцом, неплохим педагогом и тонким психологом. Когда в 1849 г. Николай Павлович отправлял в Венгерский поход второго сына Константина Николаевича, то он составил для него инструкцию из 17 пунктов. Если сократить ее до отдельных пунктов, то она выглядела бы следующим образом: не высовываться, быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, записывать, анализировать, но публично никаких оценок не давать, почестей как великому князю не принимать.

Многие десятилетия, стараниями либерально-советской историографии, личность Николая I преподносилась исключительно в образе грубого солдафона с оловянными глазами. Это не так. Конечно, Николай I не был идеальным, на его совести много грехов, как и у всякого политика. Но это был сильный, порядочный человек, русский офицер с высоким

чувством ответственности за страну.

Император Александр II

Многочисленные портреты запечатлели внешность Александра Николаевича на протяжении всей его жизни. Кроме этого до нас дошли многочисленные фотографии, как официального, так и семейного характера. Поэтому изменения его внешнего облика на протяжении всего царствования прослеживаются в деталях.

В юные годы – типичный «прекрасный принц» из германских сказок. Наследник громадной империи, обладатель несметных сокровищ, обаятельный и прекрасно воспитанный молодой человек. Наследник был высоким, учитывая стандарты середины XIX в. Его рост составлял 186 см. Следует отметить, что Александр II всегда очень внимательно следил за своей внешностью. В различных музейных собраниях сохранились коллекции его многочисленных мундиров. Став императором в 1855 г., он сразу начал «переодевание» военной, придворной и бюрократической элиты.

Александр II с детства отличался хорошим физическим развитием. У него были пропорциональная фигура, высокий рост и правильные черты лица. Он был безупречно воспитан. К ношению военной формы Александр II приучался с детства, она сидела на нем «как влитая». Он знал об этом и искренне любил военную форму, умея ее носить. К военной форме во всех ее проявлениях он относился с любовью. Так, в своей приемной в Зубовском флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе он держал часть «военно-мундирной» коллекции Николая I. Ее стены украшали картины с изображениями мундиров, «под стеклянными колпаками стояли куклы, изображающие ординарцев»[26], в форме различных полков русской армии.

Современники единодушно отмечали, что «мундир сидел на нем как-то особенно щеголевато, грудь выделялась, талия стройно перетянута по-николаевски»[27]. Вплоть до реформы военной формы в период правления Александра III высшим шиком в ношении офицерской формы считалась именно эта «николаевская» стать.

Военный министр Д.А. Милютин, пытавшийся модернизировать армию по современным для того времени стандартам, не раз сталкивался с непрошибаемым упорством Александра II в вопросах, касавшихся малейших изменений в военной форме. Он писал: «Государь придавал вообще большое значение мундиру и мельчайшим подробностям формы. Сам он надевал мундир того или другого полка в известные дни,

соответственно связанным с ними воспоминаниям или по другим соображениям, доходившим иногда до такой тонкости, что нелегко было с первого раза угадать их. Так, например, в годовщину какого-нибудь сражения он надевал форму полка, особенно отличившегося в этом бою; удостаивая своим посещением бал, Государь приезжал в мундире того полка, в котором некогда служил хозяин или отец хозяйки, и т. п. Таких же утонченных соображений в выборе соответствующего каждому случаю мундира государь требовал и от членов своего семейства… тому, кто не обладал достаточною догадливостью в этом отношении, Государь делал замечания»[28].

Периодически военный министр приходил в отчаяние от бесконечных «идей» Александра II, связанных с не менее бесконечным «совершенствованием» военной формы: «Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разговоры о задуманных самим Государем переменах в обмундировании (в цветах погонов и воротников)…. Иная великая государственная реформа проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика»[29].

Выезжая за границу, Александр II переодевался в статское платье и наслаждался «свободой». Конечно, его «свобода» была относительной, поскольку царя постоянно сопровождали сотрудники III Отделения Собственной Его Императорского Величества (С.Е.И.В.) Канцелярии, и тем не менее, в 1867 г. в Париже «Государь и оба великие князья переоделись в штатское платье и поехали в русскую церковь, где было отслужено молебствие. Вечером того же дня они были в театре des Varietes, на представлении Офенбаховой оперетки «Герцогиня Геролынтейн»; в антрактах гуляли по бульвару, наслаждаясь своим incognito, как школьники, выпущенные на каникулы.

Император Александр II. *ЕМ. Ботман. 1856 г.*

На другой день, в воскресение, Государь и великие князья, опять в штатских платьях, были у обедни в русской церкви, где собралось много русских, после завтрака присутствовали на скачках на Longchamp, а потом ездили в Сент-Клу, чтобы взглянуть на юного наследного принца… государь и великие князья пользовались свободными часами и доставляли себе развлечения, посещая в строгом incognito парижские театры и общественные гуляния. Эти редкие для них развлечения частной жизни доставляли им, конечно, более удовольствия, чем

роскошные и блестящие балы, которые давались в честь царственных гостей…»[30].

Что касается прически Александра П, то он, будучи молодым человеком, носил небольшие, щегольские усики с зачесанными, по моде того времени, висками. В 1840 г. на его лице появились бакенбарды, которые тогда еще не были соединены подусниками с усами. На портретах «совершенно модного живописца» Ф. Крюгера эти нюансы внешнего облика царя тщательно зафиксированы. Именно с этой прической – зачесанными на правую сторону волосами, усиками и бакенбардами – Александр II короновался в 1856 г.

Со временем эта прическа получила дальнейшее развитие. Именно Александр II ввел в 1860-х гг. новый стандарт прически, включавшей сложную конструкцию из ухоженных усов с подусниками и роскошных бакенбард. Вся эта «конструкция» на лице органично сочеталась с тщательно уложенными волосами. При этом Александр II никогда не носил бороды.

Естественно, вся элита Российской империи немедленно, с большим или меньшим успехом, воспроизвела на своих лицах эту сложную «конструкцию». Даже наследник-цесаревич, великий князь Александр Александрович, во второй половине 1870-х гг. на некоторое время отпустил длинные бакенбарды.

Надо заметить, что со времен знаменитого «резания бород» Петром I в декабре 1699 г. форма растительности на лице мужчин приобрела явный политический подтекст. Более того, это регулировалось законодательно. Перечень законов, регламентирующих мужские прически, весьма внушителен.

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Павловского полка. Кат. 295

Мундир генерал-фельдмаршальский лейб-гвардии Литовского полка. Кат. 295

Одежда Александра II. *а, б* — мундиры генерал-фельдмаршальские лейб-гвардии Павловского и Литовского полков; *в* — форма генерала лейб-гвардии гусарского Гродненского полка; *г* — сюртук гражданский

Начало этому перечню было положено в январе 1705 г., когда Петром I был подписан указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлин с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков»[31]. Законодательное преследование бородачей велось с завидным постоянством. Так, в марте 1837 г. Николай I подписал

указ «О не ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород». В указе отмечалось, что «многие из состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров позволяют себе носить усы, кои присвоены только военным, и бороды в виде жидовских», поэтому император «повелеть соизволил: строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворные звания, не осмеливался носить ни усов, ни бород»[32]. Кроме этого, когда в конце 1840-х гг. начался знаменитый дискурс западников и славянофилов, то у последних «русская» борода стала своеобразным политическим знаменем, что вызвало гонения властей. Только в 1874 г. Александр II разрешил ношение бороды во всех войсках и на флоте, кроме гвардии, гренадер и императорской свиты[33]. При этом отдельным указом в 1875 г. военным было запрещено фабрить бороды и усы[34]. Примечательно, что сам Александр II не терпел бородачей, поэтому в его окружении их не было. Однако некоторые лица из свиты царя имели такие разросшиеся бакенбарды, что бритый подбородок буквально терялся среди них, и они выглядели со стороны настоящими бородачами, соблюдая при этом «букву» законов.

Со временем на голове у Александра II появились глубокие залысины, но он так и не изменил своей прически, сохранив зачес волос на правую сторону, и никогда не носил парика. Можно отметить, что с возрастом размер его усов несколько увеличился. На официальных портретах конца жизни императора видна некоторая «неухоженность» его прически – разросшиеся усы с подусниками и не очень аккуратно уложенные волосы.

Внешний облик российских императоров был тесно связан с их харизмой. Многие современники Александра II отмечали космополитичность и некоторую вялость характера царя. Оценивая характер Александра II, фрейлина А.Ф. Тютчева отмечала, что. по ее мнению, «он не был государем, популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струна… Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела»[35]. Отчасти так и было. По воспитанию, манерам и поведению Александр II являлся скорее европейским монархом, совершенно не обладая «национальной спецификой», столь характерной для его сына – Александра III.

А.Ф. Тютчева, наблюдавшая Александра II на протяжении полутора десятков лет и старавшаяся быть объективной в своем отношении к нему, писала, что в свои 35 лет (1853 г.) цесаревич «был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны,

но вялы и недостаточно четки; глаза большие голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом лицо его было маловыразительно, и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид»[36].

Современники подмечали и мелкие особенности в поведении Александра II, которые его не красили. Впрочем, подобные черточки можно при желании обнаружить почти у всех. Граф С.Д. Шереметев, товарищ детства Александра III. вспоминал: «Бывало, как государь сильно горячится, волнуется по мере того, что говорит, глаза становятся совсем круглыми, голос, и без того картавый, становится раздражительным и крикливым. Очень неприятно было видеть его в такие минуты, чувствовалось что-то несильное в этом раздражении, которое с годами все увеличивалось. Он не всегда держался меры, и многим приходилось от него выслушивать неподходящие слова»[37]. Откровенные недоброжелатели, которых всегда много у публичных политиков, назвали царя «бодрилой», а писатель Д.В. Григорович (в кругу близких людей) прямо глумился над ним, «уморительно имитируя его басок и картавость»[38].

Говоря об особенностях характера Александра II, следует отметить его чувство долга и ответственности, что было характерно для всех Романовых в XIX столетии. Так, присутствуя на театре военных действий, Александр II выполнял преимущественно инспекторско-представительские задачи, посещая, в числе прочих, многочисленные госпиталя, при этом царь «заходил в палаты тифозных и горячечных»[39].

Но даже симпатизировавшие императору современники, отдавая ему должное, считали его слабым. Слабым человеком и слабым, подверженным влияниям самодержцем. Амплитуда колебаний его внутриполитического курса была значительна, от либеральных реформ 1860-х гг. до «закручивания гаек» в 1870-х гг. Это также отражение его характера. При этом Александр II очень ревностно относился к власти. Своих старших сыновей он приобщал к власти, следуя традиции и здравому смыслу, но делал это с некоторой оглядкой. Граф С.Д. Шереметев отмечал: «В основе характера государя таилось мелочное чувство, и то была ревность. Она проявлялась в нем не раз и по отношению к самым близким ему людям. Такое чувство испытывал он по отношению к императрице и даже к цесаревичу Николаю Александровичу»[40].

Это чувство известной «ревности» проявлялось и во взаимоотношениях с соратниками. Колебания внутриполитического курса, смена министров позволили князю

П.А. Кропоткину справедливо отметить, что «ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок отличался мстительностью. Сомневаюсь, чтобы он искренно был привязан к кому-нибудь»[41].

Примечательно, что Александр II в начале своего правления проводил кадровую политику, своими корнями уходившую в XVIII в. В 1860-х гг. по Петербургу ходила едкая реплика Ф.И. Тютчева, связанная с назначением на пост товарища министра финансов генерала С.А. Грейга, служившего сначала в Конногвардейском полку, а затем в Морском министерстве: «Странное дело, конногвардейскому офицеру поручают финансы; публика, конечно, удивлена, но в меру, не особенно сильно; попробуйте же Рейтерна[7] сделать командиром Конногвардейского полка, все с ума сойдут, поднимется такой вопль, как будто Россия потрясена в своих основаниях»[42].

Императрица Мария Александровна

Императрица Мария Александровна прожила в России почти 40 лет. Приехав в страну юной девушкой, она стала истинно русской. Вторая половина ее жизни в России полна драматизма. Жена, родившая мужу-императору девять детей, она трагически потеряла старшего любимого сына-цесаревича накануне его свадьбы и одновременно фактически лишилась мужа.

Картины, акварели и фотографии донесли до нас ее внешний облик. Красивая и утонченная, в молодости Мария Александровна отличалась прекрасным вкусом. В 1841 г. цесаревна носила в качестве утреннего туалета легкое батистовое или жаконетовое платье[8] с белым вышитым воротничком, соломенную шляпу с лентами в цвет соломы, коричневую вуаль, коричневый зонтик, шведские перчатки и клетчатое манто43.

На картинах английской художницы Кристины Робертсон, считавшейся признанным мастером женского портрета и приглашенной в Россию Николаем I, изображена молодая женщина в дворцовых интерьерах. На одной из картин 1849 г., написанной в жанре парадного портрета, цесаревна Мария Александровна предстает перед зрителем стоя, в роскошном парчовом платье, ее шея и руки украшены крупным жемчугом. У цесаревны под рукой находится раскрытый фолиант с закладками. У ног – любимая левретка. Примечательна прическа будущей императрицы. Ее прекрасные густые волосы разделены посередине пробором. Эта прическа фактически без изменений сохранялась до последних дней жизни Марии Александровны.

На втором портрете, также кисти Кристины Робертсон, цесаревна Мария Александровна сидит за столиком перед раскрытой книгой. Изящный кувшин на столе подчеркивает изящество цесаревны. Безусловно, все детали этих парадных портретов тщательно продумывались и согласовывались.

Фрейлина А.Ф. Тютчева, впервые увидевшая Марию Александровну в 1853 г., отмечала, что 28-летняя цесаревна выглядела очень молодо.

Великая княгиня Мария Александровна. *К. Робертсон. 1850 г.*

Несмотря на высокий рост и стройность, она отличалась худобой и хрупкостью, но это складывалось в совершенно особое изящество, «какое можно найти на старых немецких картинах». Мемуаристка отмечала, что цесаревна не являлась классической красавицей николаевской эпохи, поскольку «черты ее не были правильны». Но при этом у цесаревны – прекрасные волосы, нежный цвет лица, большие голубые (немного навыкат) глаза, «смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами… а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к

выражению ее глаз»[44].

До нас дошла миниатюра, выполненная А.Г. Рокштулем[45] и датированная 1855 г. На ней Мария Александровна изображена в роскошном бальном платье, с синей муаровой лентой через плечо и с миниатюрной короной на голове. Из украшений только столь любимые ей жемчуга: в прическе, на шее и в ушах.

Одним из самых известных парадных портретов императрицы Марии Александровны стало полотно художника Ф.К. Винтерхальтера, законченное в 1857 г. На этом официальном портрете, написанном вскоре после коронации Александра II, мы видим женщину еще во всем блеске зрелой красоты. Волосы, руки и шея унизаны крупными жемчугами. Пышное парадное платье обильно украшено кружевами. В изящно сложенных руках – костяной, тонкой работы веер. Молодая императрица словно только вышла из бальной залы.

На левой руке императрицы, наряду с массивными золотыми браслетами, на безымянном пальце – два золотых кольца.

Императрица Мария Александровна. *Ф.К.Винтерхальтер. 1857 г.*

Императрица Мария Александровна. *Фото 1860-х гг.*

Именно о них писала камер-юнгфера императрицы А.И. Яковлева: «На левой руке она носила очень толстое обручальное кольцо и другое, такое же толстое, с узорною чеканкою, поперечник такой же толщины был прикреплен большим рубином. Это – фамильное кольцо, подаренное государем всем членам царской семьи»[46]. К сожалению, на картине правая рука императрицы просматривается не полностью, но камер-юнгфера упоминает, что «на правой руке, на четвертом пальце, великая княгиня носила множество колец; это были воспоминания ее детства, юности, тут были кольца ее матери; все не дорогие и не

имевшие даже особенного наружного достоинства»[47].

На фотографиях 1865–1866 гг., сделанных после пережитой личной трагедии, связанной со смертью старшего сына – великого князя Николая Александровича, умершего в апреле 1865 г., мы видим постаревшую женщину, сломленную горем. Всю оставшуюся жизнь она носила платья в темных тонах в память об умершем первенце. Примечательно, что, находясь при умирающем сыне, «она была очень тверда» и плакала меньше всех[48]. Вся твердость характера понадобилась ей в 1870-х гг., когда она боролась со своей болезнью и когда ее муж Александр II поселил свою многолетнюю любовницу с детьми над покоями Марии Александровны в Зимнем дворце.

Мария Александровна была императрицей и прекрасно знала, что ревность, выставленная на показ, – дурной тон. Поэтому она никогда не показывала, что глубоко уязвлена многочисленными увлечениями мужа, которые она, в узком кругу, не без иронии называла «умилениями моего мужа»[49]. Чего ей стоила эта ирония, знала только она сама.

Александр III

Будущий Александр III, второй сын в семье Александра II и Марии Александровны, до 1865 г. не рассматривался как возможный кандидат на российский престол. Родители были настолько уверены в своем Никсе[9], который должен был стать Николаем II, что не допускали и мысли о каком-либо несчастье с ним. Сам великий князь Александр Александрович спокойно относился к своему «второму» положению и готовился к карьере гвардейского генерала. При этом между братьями сохранялись очень теплые отношения.

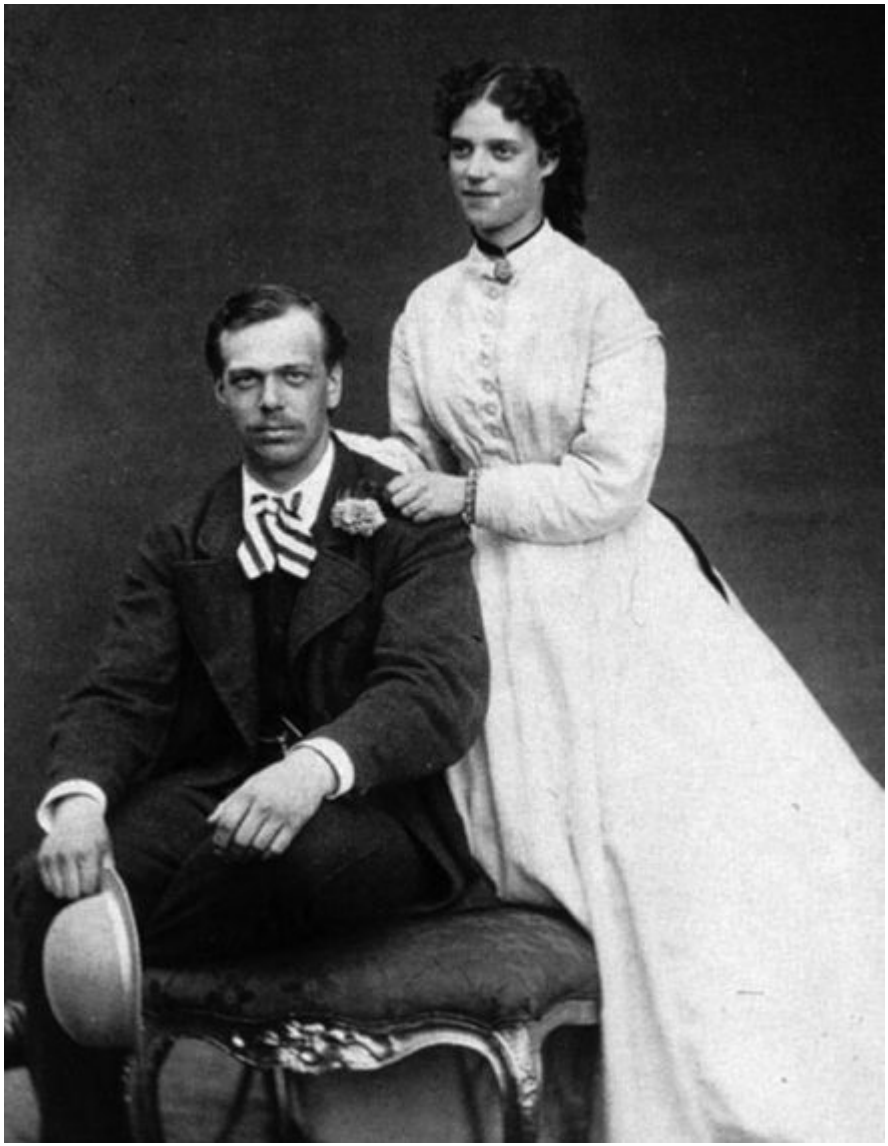
Великий князь Александр Александрович с детства отличался некоторой тяжеловесностью, заслужив прозвище Бульдожка. Он не был столь изящен и умен, как его старший брат, и это устраивало родителей, не желавших видеть в нем конкурента старшему сыну.

Когда цесаревич Николай Александрович в апреле 1865 г. умирал в Ницце, его младший брат был рядом с ним, а затем он присутствовал при обмывании тела, помогая обряжать покойника в чистое белье[50].

Будущий Александр III после смерти в апреле 1865 г. старшего брата Николая унаследовал от него не только титул цесаревича, но и невесту – датскую принцессу Дагмар.

Брак между цесаревичем и принцессой заключался без большой любви. Александр по приказу отца-императора был вынужден отказаться от своей первой любви – фрейлины Мещерской. В мае 1866 г. он отправился в Данию свататься. Именно тогда будущий Александр III впервые надел статское платье.

Рано начавший полнеть, высокий и крепкий Александр Александрович, видимо, чувствовал себя в гражданском костюме неловко. Однако этикет требовал от русского цесаревича, сватавшегося к датской принцессе, быть одетым именно в партикулярное платье. Сохранились фотографии этого периода.



Цесаревич Александр Александрович и Дагмар. *Фото 1866 г.*

На одной из них молодой цесаревич в темном, двубортном сюртуке, белой рубашке с отложным воротником. На этой постановочной фотографии (а в то время только такие и были) цесаревич опирается о спинку венского стула, придерживая руками темный, в цвет сюртука, котелок и перчатки. Слегка просматривается пестрый галстук.

Этот галстук хорошо виден на другой фотографии, менее официальной, из той же свадебной серии. Эта фотография уже не так статична. Одетый «по гражданке» цесаревич может себе

позволить свободную позу (он непринужденно сидит на стуле, подогнув ногу), что в военном мундире было совершенно недопустимо. Расстегнутый сюртук позволяет увидеть обязательный жилет и часовую цепочку брегета. Котелок уже светлый, но, судя по всему сюртук, рубашка и галстук те же самые, что и на другой фотографии.

Конечно, цесаревич имел богатый гардероб, положенный ему по статусу. Однако современники единодушно отмечали, что Александр III тяжело привыкал к новым вещам. И если он что-либо «обнашивал» из своего гардероба, то носил эту вещь до тех пор, пока она буквально не разваливалась. Это особенно хорошо заметно по «гражданским» вещам цесаревича. У него не было большого навыка носить сюртуки и пиджаки, но в некоторых из них он, видимо, чувствовал себя хорошо. Причем это приводило к тому, что костюмы катастрофически теряли вид, несмотря на все усилия камердинеров. Кроме этого император Александр III полнел, и некоторые из привычных, но редко носимых сюртуков и пиджаков становились малы, но император упорно отказывался надевать новый костюм. Не из скупости, а потому что привык к старому.

Император Александр III. *Фото 1890-х гг.*

На фотографиях хорошо видно, что пиджак мал, когда застегнут на все пуговицы, что карманы оттянуты и что его «украшают» многочисленные складки. Любопытно то, что одна из фотографий многовариантна в воспроизведениях. Видимо, фотографии российского монарха «по гражданке» были такой редкостью, что фотографы активно использовали ретушь при их подготовке для тиражирования. На исходной фотографии Александра III, одетого в гражданский костюм, держит под руку его жена, императрица Мария Федоровна. На последующих

фотографиях Марию Федоровну трудами ретушеров «убрали», и император стоит один.

Как правило, костюмы Александр III позволял себе носить во время визитов в Данию, на родину жены. Эти поездки носили почти семейный характер. В Дании российский император чувствовал себя свободно и позволял себе появляться на людях в одежде, в которой он чувствовал себя комфортно.

Тем не менее у императора возникали ситуации, когда он должен был выглядеть безукоризненно. Так, во время визита в Англию в 1873 г. русский цесаревич безупречен с точки зрения внешнего вида. Об этом свидетельствуют несколько фотографий, сделанных английскими фотографами во время визита.

Следуя тенденциям европейской моды, русский цесаревич в Англии мог позволить себе надеть светлую модную «тройку» в довольно крупную клетку. Примечательно, что на фотографии, сделанной в середине 1870-х гг., мы видим двух любящих сестер (цесаревна Мария Федоровна, в девичестве датская принцесса Дагмар, и принцесса Уэльская Александра, старшая сестра российской цесаревны) в одинаковых платьях. Как правило, эти «парные» платья заказывались у известного парижского портного Чарльза Ворта. Таким образом сестры демонстрировали всем свою сохранявшуюся с детства близость.

Датская королевская и русская императорская семьи в Дании. *Фото 1890-х гг.*

Ближайшее окружение императрицы Марии Александровны, зная трепетное отношение матери к старшему сыну, подчеркнуто

критически относилось к цесаревичу Александру. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что, бывая у наперсницы императрицы фрейлины А.Н. Мальцовой, он часто слышал «слабое мнение» о новом цесаревиче[51].

Перемены в характере будущего Александра III зрели незаметно даже для тех, кто постоянно находился рядом с ним. Точкой, во многом завершившей формирование его характера, стала трагическая смерть Александра II. Многие из тех, кто видел Александра III в мартовские дни 1881 г., отметили для себя эти совершенно непонятные и неожиданные для них изменения. Фрейлина А.Ф. Тютчева записала свои впечатления в дневник 25 марта 1881 г.: «В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад. Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, – одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами»[52].

Платье из узорчатого бархата и шелка. Фирма «Ч. Ворт». *Париж. 1880-е гг.*

Впоследствии эти черты личности Александра III развились и усилились. Мемуаристы отмечали некий контраст между свитой царя и им самим. Контраст, порожденный спокойным сознанием своей исключительности. Об этом в воспоминаниях очень хорошо написал художник, критик и искусствовед А.Н. Бенуа, случайно увидевший царя среди его свиты в театре: «Состав этой густой и толкавшейся в разные стороны массы не отличался ни красотой, ни элегантностью, ни величественностью, ни какой-либо

«породистостью». Большинство присутствующих состояло из согбенных под бременем лет сановников и из большей частью маленьких, толстеньких, а частью из тощих и комично высоких старых дам… Двери ложи распахнулись, выбежали церемониймейстеры с длинными тросточками, и за ними появился государь, ведя под руку новобрачную… Меня

поразили его «громоздкость», его тяжеловесность и – как-никак – величие… Лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз… Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Взгляд человека, стоящего выше всех, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и жизнь самых близких!»[53]

Следует подчеркнуть, что «особость» царя не являлась искусственной позой, порожденной исключительностью положения, нет. Это была столь редко встречающаяся и столь ценимая людьми особая харизма власти, воспринимающаяся на подсознательном уровне. А.Н. Бенуа писал: «Поражала его чрезвычайная простота, абсолютная непринужденность, абсолютное отсутствие какой-либо «позы» (позы властелина), что нельзя было сказать ни про его брата Владимира, ни (в особенности) про недоступного, высокомерного вел. кн. Сергея Александровича»[54].

При спокойном осознании силы своей власти Александр III считал себя вправе периодически «проявлять характер». Современники отмечали, что он умел держать и сдерживать. Несмотря на всю ровность характера, царь мог себе позволить, отчасти театрально, «гневаться», ударяя «кулаком об стол, и удар был серьезный»[55].

Его резолюции пестрят резкими и нелицеприятными высказываниями и характеристиками. Он мог прямо в глаза назвать нерадивого подданного резким словом. Как вспоминали близкие к царю люди: «Крепкое словцо[56] было присуще его натуре, и это опять русская черта, но в словах не было озлобления. Этот была потребность отвести душу и ругнуть иной раз сплеча, не изменяя своему добродушию. Иногда за столом и при свидетелях говорил он, не стесняясь, прямо набело, и когда уж очень становилось неловко от его слов, «она» (императрица Мария Федоровна. – *И. З.*) полушутя, бывало, обращалась ко мне и говорила: «Быстро расскажите мне что-нибудь» или «Ничего не слышно, не правда ли, мы ничего не слышали?», а, в сущности, нисколько этим не стеснялась и всегда сочувствовала ему. И это было особенно привлекательно»[57]. Но при этом Александр III

«никогда и никому не говорил «ты». Николаевское поколение видело в этом что-то патриархальное и отеческое, но на самом деле оно не всегда оправдывалось и только сбивало понятия… Ни тени «фамильярности» никогда не допускал себе цесаревич»[58].

Император Александр III *(с бакенбардами)*

Будучи великим князем, цесаревичем, а затем и императором Александр III всячески подчеркивал свою «русскость». И в этом отсутствовали наигранность, поза или ксенофобия. Это была органически присущая ему черта, которая выражалась и в использовании русского языка в светском обществе, и в его

одежде, художественных симпатиях, и в самом внешнем облике. Поэтому его способность «ругнуть, иной раз сплеча» и говорить «прямо набело» – часть его искренней русской души. При этом Александр III прекрасно знал свою родословную и не заблуждался по поводу своей «русскости» «по праву крови». Его мать, бабушка и прабабушка были немками, и множество исследователей высчитывали доли русской (мизер) и немецкой крови в его жилах.

Тем не менее, когда он прочитал «Записки» Екатерины II, из которых можно сделать вывод, что отец Павла I – один из русских вельмож, а не Петр III, он искренне обрадовался, поскольку это увеличивало долю его русской крови. Причем он совершенно не симпатизировал славянофилам, считая их «ряженными» и по духу, и по внешнему виду. Так, близких к славянофилам фрейлин А.Ф. Тютчеву и А.Д. Блудову он не выносил одинаково, поскольку «он был слишком русский человек, чтобы быть славянофилом»[59].

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на лице наследника-цесаревича Александра Александровича появляется борода. Это совершенно выбивалось из традиций царствования Александра II, но, видимо, отвечало каким-то внутренним импульсам цесаревича.

Великие князья Владимир *(неизвестный художник, конец XIX в.)* и Алексей Александровичи (*А.И. Корзунин, 1889 г.)*

Отметим, что появление бороды у цесаревича не было фрондой по отношению к отцу, хотя отношения между ними складывались очень сложно. Дело в том, что на время ведения боевых действий Александр II официально разрешил офицерам носить бороды. Как известно, «запретный плод» сладок, и в армии почти все офицеры начали отращивать бороды. Даже 20-летний великий князь Сергей Александрович начал отращивать бороду, записав в дневнике 9 июня 1877 г.: «Государь разрешил в кампании носить бороды, и мы отпускаем себе, я также»[60]. Однако, когда император возвратился в Петербург (10 декабря 1877 г.), он уже через неделю потребовал от своего ближайшего окружения привести себя в порядок. 19 декабря Сергей Александрович писал цесаревичу: «Мою чудную бороду пришлось обрить, это было очень печально и неприятно, но ПапА не хочет, по-видимому, чтобы носили бороды»[61].

Тем не менее, судя по фотографиям, цесаревич и его младшие братья Владимир и Алексей бороды так и не сбрили. Борода цесаревичу шла. Крупный телом и лицом, без «изящества»

вельмож предыдущих царствований, он очень органично смотрелся с бородой. В результате Александр III стал первым «бородатым» российским императором, возобновив во внешнем облике традицию православных московских царей допетровской Руси.

Император Александр III. *И.Н. Крамской*

После воцарения Александра III мода «на бороды» немедленно охватывает всю мужскую половину высшего света.

Современники, сравнивая Александра III с его предшественниками, отмечали его сходство в отношении к

России с Николаем I. Именно Николай I первым из российских императоров громко и четко заявил о своей любви к России и сделал первые шаги к «русификации»[10] высшего света, и «эстафету» воспринял Александр III. Граф С.Д. Шереметев, сравнивая Николая I и Александра III, писал: «Он (Николай I. – *И. З.)* сам желал быть Русским и по-своему, насколько мог, хотел им быть, хотя и в одежде средневекового рыцаря, да и не по одной одежде. Но он своим умом познал, что править Россией можно только будучи Русским или показывая, что хочешь им быть. Эта нота недостаточно звучала в Александре II, у которого его чувство было явно немецким, навеянное сентиментализмом времен своей юности. Русское воплощение царя в XIX веке совершилось в Александре III! Вот почему и царствовать после нельзя без этого воплощения…»[62]

Надо заметить, что Александр III инстинктивно отличал позу от истинного чувства. Или, по крайней мере, был очень определен в своих симпатиях и антипатиях. Так, граф С.Д. Шереметев упоминает, что, увидев у него на столе книгу стихотворений Тютчева, Александр III заявил, что «вообще не любит Тютчева, и как поэта, и как человека»[63].

Примечательно, что когда Александр II посещал Аничков дворец, в котором жил с семьей наследник, все ощущали некую отчужденность между отцом и сыном. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что присутствие Александра II «несколько стесняло всех, даже хозяев. Уж очень были различны характеры и вкусы. Государь подсаживался к цесаревне, слегка картавя заводил с нею речь и лишь изредка обращался к цесаревичу… Меня поражало это различие между сыном и отцом: другие приемы, другие речи, другое воспитание»[64].

В одежде император Александр Александрович был неприхотлив. У него, конечно, имелись все необходимые «по должности» мундиры и сюртуки. Но, в отличие от своего отца, он не обладал коллекцией мундиров. Мемуаристы утверждают, что Александр III, как правило, носил привычные вещи, совершенно занашивая их. С.Ю. Витте упоминает о штопаных штанах императора и клиньях, вшитых в его брюки. Дома с юных лет он привык носить тужурку[65]. Не носил Александр III и ювелирных украшений. Из колец у него было только венчальное и то «к концу растрескалось, так что опасно было его носить»[66]. Скромность российских императоров в отношении ювелирных изделий носила также традиционный характер. Мемуаристы упоминают, что Александр I не носил «никаких драгоценностей, ни одного кольца, даже не носил часов»[67].

Говоря об Александре III, следует упомянуть и о такой

детали, как манере царя обращаться к соратникам и подданным. Мемуаристы утверждают, что Александр III стал первым царем, обращавшимся к своим подданным на «вы». Это не совсем так. Первым монархом, который ввел обращение «вы» со своими подданными, стал Александр I. Однако императорский двор в начале XIX в. был франкоязычным, поэтому русское «вы» императора не привилось.

Николай I, начавший «русификацию» Императорского двора, обращался к своим подданным только на «ты», и эту привычку переняли его братья и сыновья. При этом в своей переписке Николай Павлович, как правило, использовал обращение «вы». При дворе Александра II обращение на «ты» сохранялось. Вместе с тем Александр II иногда использовал обращение «вы», чтобы показать свою нерасположенность к собеседнику, поэтому царского «вы» очень опасались. Однако времена изменились, и сыновья Александра II постепенно усвоили привычку обращаться к близким и подданным только на «вы». Поэтому и Александр III использовал это обращение.

Император Николай II

Традиционный и хорошо знакомый внешний облик российского императора Николая II сложился достаточно рано. Будучи еще наследником, в начале 1890-х гг. на лице молодого Николая Александровича появились небольшие, щегольские усики.

Цесаревич Николай Александрович во время путешествия по Японии. *Фото 1891 г.*

На фотографиях 1891 г., запечатлевших царя во время путешествия на Восток, мы видим бритый подбородок, короткую стрижку ежиком и небольшие усы. Судя по сохранившимся фотографиям, бородка на лице Николая II появилась в 1892–1893 гг. На серии фотографий, связанных с его помолвкой в апреле 1894 г., – уже новый образ, который Николай II не менял до конца своей жизни: короткая стрижка, с пробором на правую сторону, достаточно большие, ухоженные усы и небольшая, округлая борода. Со временем усы стали короче и «слились» с бородой. На голове появились небольшие залысины, а волосы слегка поредели.

Внешний облик царя на протяжении всей его жизни описан многими мемуаристами. Все они отмечали спортивность царя и

его хорошую физическую форму при крепком здоровье. Например, генерал Ставки[11] Ю.Н. Данилов описывал «позднего», 46-летнего царя следующим образом: «Государь был невысокого роста, плотного сложения, с несколько непропорционально развитою верхнею половиною туловища. Довольно полная шея придавала ему не вполне поворотливый вид, и вся его фигура при движении подавалась как-то особенно, правым плечом вперед.

Цесаревич Николай Александрович и принцесса Гессенская Алиса после помолвки. *Фото 1894 г.*

Император Николай II носил небольшую светлую овальную

бороду, отливавшую рыжеватым цветом, и имел спокойные серо-зеленые глаза, отличавшиеся какой-то особой непроницаемостью, которая внутренне всегда отделяла его от собеседника»[68].

За своим внешним обликом Николай II следил весьма тщательно. Об этом свидетельствуют счета парикмахеров, 2–3 раза в месяц посещавших царя. У Николая II в силу положения имелся достаточно обширный гардероб. Самой его значительной частью являлись различные военные мундиры. Будучи шефом множества полков русской армии, император надевал эти мундиры в зависимости от ситуации и с учетом множества причин: полковых праздников части, которая несла караул во дворце, различных полковых юбилейных дат и т. п. В этой коллекции были и мундиры полков европейских армий, надеваемые во время официальных визитов. Гардероб включал и гражданское платье, его Николай II, как правило, мог позволить себе носить только за границей.

Первая серия фотографий Николая II в статском платье относится к его поездке «на Восток» в 1890–1891 гг., когда он еще был цесаревичем. На этих фотографиях молодой 22-летний цесаревич одет в легкую «тропическую форму», и только во время официальных визитов он надевал офицерский мундир.

Первая семейная фотография Кобург. *Апрель 1894 г.*

Во время экскурсий цесаревич, как правило, одевался в модный легкий европейский костюм. На фотографии, сделанной в 1891 г. в Японии, на цесаревиче – фетровый котелок. Именно этот котелок разрубил двумя ударами сабли самурай-полицейский во время покушения на цесаревича в мае 1891 г. В Государственном Эрмитаже по сей день хранится белая рубашка с монограммами цесаревича Николая, на ней остались следы крови после покушения.

Примерно в эти же годы молодой цесаревич обзавелся охотничьим костюмом «из английской рогожки». Все последующие годы фасон этого охотничьего костюма неизменно сохранялся. Этот костюм сохранился, и именно с этого, пропотевшего костюма экспертам удалось взять генетический материал при проведении экспертизы по идентификации останков Николая II в 1990-х гг.

В 1893 г. цесаревич Николай Александрович посетил Англию. Во время визита обнаружилось, что двоюродные братья – наследники русской (будущий Николай II) и английской (будущий Георг V) короны – необычайно похожи. Похожи настолько, что это стало поводом для серии фотографий.

Следующую серию фотографий в статском платье сделали во время сватовства цесаревича Николая Александровича в апреле 1894 г. По традиции русский цесаревич приехал в Дармштадт в статском костюме. На этих постановочных фотографиях цесаревич довольно скован и несколько озабочен. Это понятно, поскольку обстоятельства сватовства к Алисе Гессенской оказались довольно сложными.

С 1895 г. в «Список» поставщиков Высочайшего двора вошел гражданин Швейцарии Генри Фолленвейдер, владелец фирмы «Генри». В своем магазине, находившемся в Петербурге на Большой Морской, 18, он продавал морскую форменную и гражданскую одежду. Включение его в «Список», видимо, состоялось Высочайшим решением, поскольку поставки этой фирмы морской и гражданской одежды ко Двору начались именно с 1895 г.

Фирма «Генри» поставляла Николаю II гражданскую одежду. Например, с апреля по август 1903 г. Генри Фолленвейдер продал Николаю II 16 предметов по счетам на сумму 1043 руб. Список этих предметов весьма показателен: сюртук, жилет и брюки (на 150 руб.); смокинг (150 руб.); три костюма (по 115 руб. каждый); белый теннисный костюм (110 руб.); осеннее пальто (140 руб.); сюртук «Фантазия» (30 руб.); три белых жилета для фрака (по 20 руб. каждый); велосипедные штаны (28 руб.); жилет к костюму (25 руб.); шелковый теннисный пояс за 5 руб.

В этом же магазине чистили и ремонтировали фраки Николая II, а также стирали царские жилеты. Магазин оказывал и сопутствующие услуги: например, купленная готовая одежда подгонялась по фигуре заказчика.

Следует еще раз подчеркнуть, что Николай II появлялся в штатском платье очень редко, и даже ближайшее окружение императора, постоянно находившееся рядом с ним, увидев царя в партикулярном платье, воспринимало это как несообразность.

Император Николай II во время визита в Германию. *Фото 1910 г.*

При этом, как следует из бухгалтерских счетов, в гардеробе царя имелись все необходимые штатские вещи, и за ними тщательно следили. В 1897 г. во время поездки на родину жены в Дармштадт Николай II и Александра Федоровна совершили инкогнито поездку во Франкфурт-на-Майне. Одеты они были в обычные партикулярные костюмы состоятельных буржуа. Окружение молодого императора немедленно отметило, что Николай II не имел привычки носить штатское платье, и цилиндр на нем был плохого качества[69].

Довольно много фотографий Николая II, одетого «по гражданке», осталось после посещения Германии осенью 1910 г. Главная цель поездки – лечение императрицы Александры

Федоровны на ее родине в Дармштадте. За границей семья Николая II пробыла около трех месяцев. Визит носил родственный, приватный характер, и Николай II по большей части одевался в гражданское платье, причем весьма разнообразное. Поначалу это вызывало удивление. Например, подруга императрицы А.А. Вырубова, впервые увидев в 1910 г. Николая II одетым «по гражданке», отметила этот факт в воспоминаниях: «Государь пришел в штатском платье. С непривычки было как-то странно его так видеть, хотя в то же время очень забавляло»[7]».

После 1910 г. Николай II совершил еще несколько поездок за границу, во время которых у него была возможность носить статское платье. Один из последних зарубежных визитов состоялся в мае 1913 г. В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну, с этого времени Николай II ни разу не одевал статское платье. Одетый в солдатскую гимнастерку, он встретил смерть в июле 1918 г.

Портные Николая II

Как уже отмечалось, российские императоры на родине носили только военную форму. Как правило, ее шили портные, специализировавшиеся на производстве военного обмундирования. Для сшитой военной формы требовалось еще множество элементов, от головных уборов, погон, аксельбантов и до сапог. Все это приобреталось в так называемых магазинах офицерских вещей. Хозяева этих магазинов со временем оказывались в числе поставщиков Высочайшего двора.

Самым давним поставщиком считался хозяин магазина офицерских вещей фабрикант И. Скосырев. Семейное дело существовало с 1812 г. Магазин располагался в Петербурге на Владимирском пр., 4. По «Списку» императорских поставщиков можно восстановить три поколения семьи Скосыревых, которые последовательно получали высокое звание поставщика Высочайшего двора: фабрикант И. Скосырев получил звание поставщика Высочайшего двора еще в 1857 г., затем звание подтвердил его сын Василий Скосырев, поставщик с 1863 г. Завершил купеческую династию Александр Скосырев, поставщик с 1895 г.

В военном магазине М.И. Скосырева, продававшего форменную одежду для офицеров, в 1903 г. для императора Николая II приобретены товары на сумму в 1234 руб. 90 коп. В основном это мелочи: два шарфа, семь фуражек различных полков, форменные ремни, кокарды для фуражек, пряжки для

сабли, эполеты и т. д.

Поскольку российские императоры состояли шефами различных иностранных полков, то в числе поставщиков оказались германские (И. Эйснер, Берлин, с 1862 г.; Теодор фон Линкер, Дармштадт, с 1896 г.; Феликс Коллани и Оскар Курде, владельцы фирмы «L.H. Berger Collani», Берлин, с 1903 г.) и датские (A.H. Herlin, с 1910 г.) портные.

Одним из выдающихся петербургских военных портных конца XIX – начала XX вв. являлся Николай Иванович Норденштрем, поставщик Императорского двора с 1895 г. Фирма «Норденштрем Н.» была одной из старейших столичных фирм, специализировавшейся на изготовлении военных мундиров. Основал ее Николай Иванович Норденштрем, приехавший в Петербург из Швеции в 1821 г. В 1841 г. мастерская перешла к его племяннику Андрею Ивановичу, в 1852 г. – к Николаю Ивановичу и в 1856 г. – к Карлу Ивановичу Норденштрему. Фирма имела ателье и магазин на Невском пр., 46. В начале 1900-х гг. главой фирмы стал К.Н. Норденштрем. Портные и закройщики фирмы выполняли весьма ответственные заказы – шили мундиры для Александра III, его младших братьев, великих князей Алексея, Сергея и Павла Александровичей.

Счета Н.И. Норденштрема за военную форму, поставленную для великого князя Сергея Александровича с 1884 по 1895 г., составили 14 500 руб. Первые его поставки великому князю Сергею Александровичу относятся еще к 1877 г. С декабря 1902 г. по декабрь 1903 г. магазин Норденштрема поставил 15 предметов и 2 комплекта военного обмундирования на сумму в 1572 руб. В этот список вошли: конногвардейский колет (225 руб.); зимний доломан (250 руб.); парадная кираса (55 руб.); тужурка (100 руб.); китель Московского полка (100 руб.); китель Преображенского полка (100 руб.); морской китель (110 руб.); жилет (15 руб.); три пары брюк (по 38 руб.); двубортный китель Преображенского полка (90 руб.); брюки для морской формы (38 руб.); брюки для пехотной формы (40 руб.); парадный пехотный мундир (145 руб.); парадный мундир Сводного полка (135 руб.). Этот же портной принимал царские мундиры в чистку и ремонт. Некоторые из мундиров, жилетов и брюк расставлялись портным, поскольку в 1903 г. царь начал прибавлять в весе.

В ателье известного портного шили мундиры для великих князей Константина и Дмитрия Константиновичей; великих князей Николая и Петра Николаевичей; великих князей Георгия и Александра Михайловичей; великих князей Кирилла, Бориса и Андрея Владимировичей, а также для Александра и Константина Петровичей Ольденбургских, для принца Петра Александровича

Ольденбургского, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского[71]. Любой офицер Императорской гвардии считал для себя обязательным сшить мундир именно у «старика Норденштрема». Через мастерскую Н.И. Норденштрема, поставщика Императорского двора, проходили практически все состоятельные гвардейские офицеры, «строившие» себе форму.

Коронационные платье Александры Федоровны и мундир Николая II

«Синий» (определение по цвету мундира) кирасир В.С. Трубецкой писал в воспоминаниях: «Ежедневно я после учений

ездил в Петербург, где первым долгом посещал почтенного Норденштрема – знаменитого петербургского военного портного… там я без конца примеривал офицерский колет, сюртуки, вицмундиры, кителя, пальто, николаевскую шинель, короткие и длинные рейтузы и чахчиры[12] с лампасами для парада, для гостиных и для повседневной жизни»[72].

Для коронации 1896 г. Николаю II сшили особый мундир, в настоящее время он хранится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов. Поскольку церемония коронации включала в себя очень значимое таинство миропомазания, то на мундире и сапогах сделали специальные отверстия для совершения обряда таинства. На мундире – клапан на груди, откинув его, можно было помазать миром обнаженную грудь императора. Как вспоминал камердинер, который одевал Николая II перед коронацией: «Мундир и подошвы сапог государя имели заранее сделанные отверстия, через которые было совершено таинство миропомазания. Переодевшись, государь велел убрать мундир и сапоги, которые должны были храниться как святыня и в качестве исторической реликвии»[73].

Российские императоры, как и обычные люди, привыкали к определенной одежде и с трудом с ней расставались. То же было и с Николаем II. Он годами носил одни и те же вещи, предпочитая латаные и штопаные, но привычные детали туалета. Это, конечно, усложняло жизнь его камердинерам. Как и все Романовы, он страстно любил военную форму. В его платяных шкафах хранились сотни военных мундиров, часть из них ныне можно увидеть в Александровском дворце Царского Села. В ясеневых шкафах в гардеробной Николая II в Александровском дворце Царского Села к 1917 г. хранилось до 1500 мундиров императора. Фактически он должен был иметь полный комплект формы всех полков русской армии. Во время парадных выходов он надевал мундир того полка, который в это время нес караул в императорской резиденции. Тем не менее Николай II предпочитал форму преображенцев и лейб-гусар[74]. С удовольствием Николай II носил малиновую косоворотку гвардейских стрелков.

Случались и другие, несравнимо меньшие расходы на одежду, но они показывают, сколь обширен был круг людей, вовлеченных в личное обслуживание императора. Так, в 1902 г. казак Собственного конвоя Платон Монастырский «исправлял» черкеску и бешмет царя формы Собственного конвоя и получил за работу 10 руб.

Характер и манера поведения

Многие черты в поведении Николая II обусловлены его детством. Несколько эпизодов времен детства и отрочества сыграли заметную роль в формировании личности царя. О них Николай II вспоминал, спустя много лет. Так, на маленького Николая глубочайшее впечатление произвел эпизод с шаровой молнией, которая влетела в дворцовую церковь во время службы. Он видел, что император Александр II оставался во время этого происшествия совершенно спокоен, и стремление подражать деду заставило его сознательно выработать необычайное самообладание[75]. 1 марта 1881 г. 12-летний будущий Николай II смотрел на умирающего, залитого кровью деда – Александра II, угасающего в своем кабинете на втором этаже Зимнего дворца. Он, безусловно, был потрясен, и это зрелище также отложилось в глубинных слоях его личности. В октябре 1888 г. 19-летний цесаревич едва не погиб во время железнодорожной катастрофы близ станции Борки под Харьковом. В мае 1891 г. на Николая Александровича совершено покушение в Японии, оставившее «зарубку» на его голове.

Император Николай II. *Э.К.Литарт. 1900 г.*

Николай II не сразу обрел навык и привычку к бесчисленным публичным выступлениям и к появлению на людях в качестве первого лица государства. Поначалу от этого он испытывал настоящий стресс. Однако со временем навык был приобретен, но, тем не менее, несмотря на его внешнее спокойствие и «непрошибаемость», он, как и всякий человек, нервничал, и «внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза»[76]. Эту сохранявшуюся внутреннюю неуверенность

царя при внешнем «непрошибаемом» спокойствии отмечали многие внимательные мемуаристы, особенно те, кто мог наблюдать царя длительное время в его повседневной жизни. Так, один из генералов Ставки вспоминал, что «эти черты государя выявлялись и наружно нервным подергиванием плеч, потиранием рук и излишне частым покашливанием, сопровождавшимся затем безотчетным разглаживанием рукою бороды и усов»[77].

Постепенно Николай II выработал и определенную «защитную» манеру поведения, ставшую частью его делового стиля: «Все жесты и движения императора Николая II были очень размеренны, даже медленны. Эта особенность была ему присущей, и люди, близко знавшие его, говорили, что государь никогда не спешил, но никуда не опаздывал»[78].

Поскольку к каждому слову императора внимательно прислушивались, Николай II рано понял, что последствия самых, на его взгляд, безобидных реплик могут оказаться весьма серьезными. Поэтому он очень редко бывал откровенен со своими собеседниками, предпочитал слушать, держа свое мнение при себе. Спорить, доказывать то, что для него представлялось совершенно очевидным, он не желал. Молчание же императора многие ошибочно принимали за согласие с их мнением и после испытывали жестокое разочарование, когда император поступал так, как он считал необходимым. Тогда немедленно начинались разговоры о двуличии царя. Близко знавшие царя люди единодушно отмечали его «умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его»[79].

Спокойствие и сдержанность царя в стрессовых ситуациях оставались загадкой для современников и порождали самые разнообразные толки. Сдержанность в поведении и оценках, в подражание деду, формировалась им сознательно с детства, а затем уже стала маской, настолько сросшейся с ним самим, что трудно было отделить развившийся фатализм его натуры и сознательно скрываемые эмоции. Флигель-адъютант А. Мордвинов (его тестем был англичанин К.И. Хис – воспитатель и преподаватель молодого цесаревича) также подчеркивал, что «даже мальчиком он почти никогда не горячился и не терял самообладания»[80].

Государственная деятельность неизбежно связана с решением сложных, конфликтных ситуаций. Общеизвестно, что царь старался избегать их. Объясняют это по-разному. Одни пишут о его воспитанности, мешавшей ему говорить неприятные вещи своим сановникам, другие видят в этом проявление некоего двоедушия и иезуитства. Например, С.Ю. Витте, не питавших

особых симпатий к царю, отмечал, что «государь по натуре индифферент-оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только тогда, когда гроза перед глазами, и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит»[81]. Министр народного просвещения А.Н. Шварц писал, что «не сердился он, как будто, никогда. Ни сам я гнева его никогда не видел, и от других о проявлениях его никогда не слышал»[82]. Военный министр А. Редигер считал, что, «несмотря на выпавшие на его долю тяжелые дни, он никогда не терял самообладания, всегда оставался ровным и приветливым, одинаково усердным работником. Он мне говорил, что он оптимист»[83].

Особенно примечательно поведение царя в стрессовых ситуациях. За время его царствования их возникало весьма достаточно. Но войны – это события, потрясающие любую державу до основания. В день начала Русско-японской войны военный министр А.Н. Куропаткин записал в дневнике: «28 января 1904 г. На докладе 27 числа государь был бледен, но спокоен»[84]. Посол Германской империи граф Пурталес, сообщивший царю об объявлении войны в 1914 г., также отмечал это необычайное самообладание, оно даже вызывало у него впечатление некой психической аномалии: «31 июля 1914 г. Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе….У меня получилось впечатление, что мой высокий собеседник либо в необычайной манере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения»[85].

Особенно много толков вызвало поведение царя во время отречения. Наиболее часто цитируется фраза официального историографа Ставки генерала Д.Н. Дубенского, произнесенная во время допроса в августе 1917 г.: «Это такой фаталист, что я не могу себе представить… он отказался от Российского престола, как сдал эскадрон»[86]. Это показное спокойствие глубоко оскорбило многих и, в свою очередь, заставило спокойно отнестись к смерти самого царя и его семьи летом 1918 г. Но, вместе с тем, генерал, сталкивавшийся с царем только с 1914 г., счел нужным добавить: «Я думаю, будут писать об этом многие психологи, и им трудно будет узнать; а вывести, что это равнодушный человек, будет неверно».

Впечатление о чрезмерном спокойствии царя глубоко поразило и принимавшего текст отречения А.И. Гучкова[13]. Во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством, 2 августа 1917 г. он поделился своими наблюдениями: «Вообще я должен сказать, что

вся эта сцена произвела в одном отношении очень тяжелое впечатление, …что мне прямо пришло в голову: да имеем ли мы дело с нормальным человеком? У меня и раньше всегда было сомнение в этом отношении, но эта сцена; она меня еще глубже убедила в том, что человек этот просто, до последнего момента, не отдавал себе полного отчета в положении, в том акте, который он совершал, …мне казалось, что эти люди должны были понять, что они имеют дело с человеком, который не может считаться во всех отношениях нормальным»[87].

Не все разделяли это мнение. О том, что это «непрошибаемое» спокойствие только маска, писали те, кто хорошо знал царя на протяжении многих лет. Они подчеркивали, что для сохранения этой привычной маски царю иногда требовались серьезные волевые усилия. Хорошо знавшая его баронесса С.К. Буксгевден вспоминала, что «сдержанность была второй его натурой. Многие спрашивали: отдавал ли он полностью себе отчет в трагичности некоторых событий? – настолько спокойно было его отношение, настолько скрытно было выражение его лица. На самом деле это была маска»[88]. А. Блок приводит слова генерала Д.Н. Дубенского: «Когда он говорил с Фредериксом об Алексее Николаевиче, один на один, я знаю, он все-таки заплакал»[89].

Свои настоящие переживания царь позволял видеть только самым близким людям. Младшая сестра царя Ксения в дневнике писала, что после приема в Зимнем дворце в апреле 1906 г. по случаю открытия заседаний I Государственной думы: «Многие плакали! Мама и Алике плакали, и бедный Ники стоял весь в слезах, самообладание его, наконец, покинуло, и он не мог удержаться от слез!» Очень характерное замечание сестры – «наконец». Видимо, чрезмерное спокойствие государя угнетало даже самых близких к нему людей[90]. Анна Вырубова в воспоминаниях упоминает, что когда царь вернулся в Царское Село после отречения 9 марта 1917 г., он «как ребенок рыдал перед своей женой»[91]. Она же передает слова царя: «Видите ли, это все меня очень взволновало, так что все последующие дни я не мог даже вести своего дневника»[92]. Один из биографов царя, Е.Е. Алферьев, в самом названии своей книги выразил мысль о его необычайной воле. Он писал, что «постоянной упорной работой над собой он развил в себе сверхчеловеческое самообладание и никогда не выражал сколько-нибудь явно своих переживаний. По своей природе Государь был очень замкнут… Незнание порождало непонимание»[93].

Такая внешняя и эмоциональная «закрытость» царя имела и объективные причины: слишком многие люди в беседах с ним

искали малейших проявлений каких-либо эмоций, на основании которых они могли бы судить об отношении Николая II к их словам. Царь же желал сохранить полную приватность своих мыслей и настроений по поводу взглядов и аргументов очередного собеседника, дабы избежать каких-либо толков и сохранить за собой определенную свободу маневра. И для этого необычайно хорошо подходила маска непроницаемого спокойствия. В целом подобное поведение было нетипично для российских монархов, ведь в силу своего положения они могли себе позволить не сдерживать эмоции, а «царский гнев» – вообще неотъемлемая часть их «царской профессии». Поэтому у П.А. Столыпина и вырвалось однажды: «Да рассердитесь же хоть раз, Ваше Величество!»

Советские историки 1920-х гг., занимавшиеся этим вопросом, сошлись во мнении, что это спокойствие есть результат особого психоэмоционального склада царя. Например, П.Е. Щеголев утверждал: «Чувствительность Николая была понижена чрезвычайно, она была ниже уровня, обязательного для нормального человека»[94].

Нам представляется, что нет никаких оснований говорить о какой бы то ни было психической аномалии. Столь сдержанное поведение – результат многолетних волевых усилий, вошедших в привычку, ставших вторым лицом. Кроме этого, религиозность царя, граничившая с фатализмом, также способствовала некоему отстраненному взгляду на происходящие события, а образ спокойного, держащего себя в руках царя импонировал окружающим. Но импонировал только в условиях стабильности. В ситуации надвигающегося краха, отчетливо ощущаемого многими современниками, это чрезмерное спокойствие воспринималось как безволие, как психическая аномалия, что в свою очередь подрывало престиж императорской власти.

О патологическом впечатлении от «непробиваемого» спокойствия царя пишет протопресвитер русской армии и флота Г.П. Шавельский. В своих воспоминаниях он приводит весьма любопытную фразу Николая II, произнесенную в июле 1916 г. в беседе с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым: «Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу»[95].

Очень важным является степень воздействия монарха на ближайших сотрудников. То, что Николай I и Александр III обладали отчетливо выраженной харизмой власти, общеизвестно. Эта харизма основывалась как на их характере, так и на «профессионально-должностной» способности подчинять. Что

касается Николая II, то внутренняя убежденность в божественности своей власти у него была, но интеллигентный царь считал излишним кого-то убеждать в этом. Поэтому на все попытки спорить с ним он отвечал молчанием, а затем, через некоторое время, «убирал» спорщика с политической арены. Те, кто работал с царем непосредственно, были убеждены в том, что царь «слаб». По мнению В.И. Гурко, с одной стороны, Николай II «не умел внушить свою волю сотрудникам», но с другой – и «сотрудники его не были в состоянии переубедить в чем-либо царя и навязать ему свой образ мыслей»[96]. Трагичным для судеб России стало то, что во главе огромной империи «на переломе» оказался человек, не имевший «той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться»[97].

Заканчивая разговор об особенностях характера царя, хотелось бы привести один малоизвестный факт, вновь порождающий непростые вопросы. Николай II, как и его дед, и отец, был страстным охотником. По принятому в Министерстве Двора порядку в конце каждого охотничьего сезона составлялся итоговый список царских охотничьих трофеев. Так, в этом списке у Николая II наряду с традиционными медведями, зубрами, оленями, волками постоянно присутствовали вороны, бродячие кошки и собаки. Причем в огромных количествах. Так, по подсчетам автора, только за шесть лет (1896, 1899, 1900, 1902, 1908, 1911 гг.) царь застрелил 3786 «бродячих» собак, 6176 «бродячих» кошек и 20 547 ворон[98]. Трудно понять, зачем были нужны эти несчастные собаки и кошки царю, где и как он их отстреливал. Не было ли это своеобразным выходом для глубоко скрытой агрессивности внешне кроткого царя?

Императрица Александра Федоровна

Императрицу Александру Федоровну в России не любили. А к 1917 г. уже ненавидели. Это отношение к императрице проявилось и в описаниях ее внешности: «Нельзя сказать, чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны»[99]. При этом никого не интересовало, что у императрицы больные ноги, и «неловкое подгибание ног» связанно именно с этим. Однако характер ее действительно был, что называется, сложный.

Своей внешности императрица, как и всякая женщина «с положением и возможностями», уделяла большое внимание. При этом имелись и нюансы. Так, императрица практически не использовала косметику и не завивала свои прекрасные волосы. Только накануне больших дворцовых выходов парикмахер с ее позволения использовал завивочные щипцы. Императрица не делала маникюр, «поскольку Его Величество терпеть не мог наманикюренные ногти»[100]. Из духов императрица предпочитала «Белую розу» парфюмерной фирмы «Аткинсон». Они, по ее словам, прозрачны, без всякой примеси и бесконечно ароматны. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену»[101].

Свои парфюмерные предпочтения появились и у великих княжон, когда те подросли. Девочки, как и положено в их возрасте, экспериментировали, но со временем остановились на парфюмерии французской фирмы «Коти». При этом Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» («Корсиканский жасмин»), Ольга – «Rose Tee» («Чайная роза»), Мария то и дело меняла духи, но, в конечном счете, остановилась на «Сирени», а постоянными духами Анастасии стала «Фиалка»[102].

Начавшееся в октябре 1894 г. царствование Николая II немедленно пополнило Список поставщиков Высочайшего двора новыми портными. Из иностранцев появились только два новичка: фирма «Дэвис и сын» (с 1895 г., Лондон) и фирма портного Редферна (с 1895 г., Париж). При этом следует учесть, что все остальные иностранные портные, вошедшие в Список с начала 1860-х гг., продолжали выполнять заказы российского Императорского двора.

Особенностью этого периода стало появление «собственных» Списков поставщиков у вдовствующей и у царствующей императриц. Так, в Списке вдовствующей императрицы Марии Федоровны к 1915 г. насчитывалось четыре портных: Радферн (с 1895 г., Лондон; видимо, у этого мастера были мастерские в Лондоне и Париже); дамский портной Павел Китаев (с 1903 г.) и Рене Бризак, как «преемник французского гражданина Альберта Бризак» (с 1914 г., Петроград).

Императрица Александра Федоровна. *Н.К. Бондаревский. 1907 г.*

Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о женских платьях в контексте повседневной жизни Императорского двора, привычно затянутого в мундиры, следует иметь в виду, что даже «неформенные» платья имели значение «Табели о рангах». Другими словами, даже «обычное» платье великой княгини или императрицы должно наглядно демонстрировать ее статус. И первенство в «Табели…» оставалось за императрицами. Если же это правило нарушалось, то окружающие так или иначе ставили нарушительницу на место. Подобный случай описан мемуаристом в ноябре 1887 г. После торжественного обеда императрица Мария Федоровна «выразила намерение переменить нарядное и вырезное платье на более скромный костюм, причем великая княгиня Мария Павловна объявила, что наряда не переменит и поедет в театр (там должно было состояться первое представление оперы Верди «Отелло». – *И. З.*) в том же вырезном платье и бриллиантовой диадеме. Государь подошел к Марии Павловне и полушутя-полусерьезно велел ей одеться в одинаковое с императрицей по степени нарядности одеяние»[103].

Надо заметить, что мужчины-мемуаристы не только весьма внимательно отслеживали уровень женских парадных одеяний, но и квалифицированно описывали их: «…У императрицы было белое атласное платье, спереди оно раздваивалось и открывало серебряное глазетовое, серебром шитое треугольное поле, точно так же по бокам были разрезы, в коих виднелись из атласа же сделанные, смятые, в несколько рядов расположенные пучки, на рукавах пониже плеч были весьма художественно исполнены перевязки. Все платье было оторочено мелкими шелковыми шариками, напоминавшими жемчуг. На шее у императрицы было превосходное в один ряд ожерелье из крупного жемчуга. На великой княгине Марии Павловне было тоже белое атласное платье, тоже с переднею частью, вышитою серебром. На великой княгине Елизавете Федоровне розовое, обшитое собольим мехом, имевшее форму, которую в конце прошлого века столетия называли «польский фасон»»[104].

В Списке царствующей императрицы Александры Федоровны упомянуто пять портных. Первой «своей» петербургской портнихой Александры Федоровны стала в 1902 г. некая Морэн-Блосье. В 1907 г. дамский портной Михайлов пополнил личный Список императрицы. Примечательно, что у двух императриц некоторые портные «пересекались». Так, Павел Китаев, «автоматически»[105] унаследовавший звание придворного поставщика от своего учителя Ильи Крылова (поставщик с 1878 г.), одновременно вошел в Списки обеих императриц в 1903 г. Его мастерская располагалась на Невском пр., 68/40,

около Аничкова моста.

В мае 1896 г. в Москве состоялась коронация Николая II. В Успенском соборе Московского Кремля на помосте установили три трона. Два из них предназначались для вдовствующей и действующей императриц. Для них важной частью подготовки торжеств было шитье парадных платьев для церемонии коронации. Окружение императриц ревниво следило за подготовкой торжественных одеяний императриц.

Платье вдовствующей императрицы Марии Федоровны обошлось в 4040 руб. Эта сумма включала в себя покупку материала из «серебряной грани», изготовленного на ткацкой фабрике поставщиков Императорского двора Сапожниковых (855 руб.). Основную сумму уплатили за художественную вышивку этой ткани, сделанную в мастерской м-м Залеман (3000 руб.). Шитье самого платья стало самой дешевой позицией в общей сумме стоимости платьев (185 руб.). Платье сшила «мастерица Иванова».

Коронационное платье императрицы Александры Федоровны обошлось в 5857 руб. Примечательно, что эскизы коронационного платья для императрицы готовили и признанные модельеры, и дилетанты. Отвечала за этот «участок работы» фрейлина М.Н. Ермолова, она представила Александре Федоровне на выбор четыре проекта рисунка платья. Николай II и Александра Федоровна выбрали проект самой фрейлины Ермоловой, составленный по мотивам тем, почерпнутым в древней ризнице Новоспасского Московского монастыря. Фрейлине-дилетантке за удачный эскиз заплатили 300 руб. Окончательной прорисовкой эскиза, шитьем на бумаге и материи занималась госпожа (г-жа) Тейхарт (200 руб.). Материал купили на московской фабрике Сапожниковых (747 руб.). По традиции ткань была с «серебряной гранью» и очень тяжелая. С учетом того, что церемония коронации была очень продолжительной в переполненном Успенском соборе, а у Александры Федоровны болели ноги, то перед фабрикантами Сапожниковыми поставили задачу изготовить специальную «облегченную» ткань. Они успешно справились с задачей, но заказчикам это стоило денег. Вышивку ткани делали монахини Ивановского монастыря в Москве (4000 руб.). Платье шила самая известная мастерица, специализировавшаяся по парадным платьям, г-жа Бульбенкова (фирма «M-me Olga»). Шитье обошлось в 610 руб.[106] После коронации мундир Николая II и платье Александры Федоровны сдали в Оружейную палату Московского Кремля.

Со временем у императрицы Александры Федоровны сложился круг модельеров, которые шили на нее. Из них

императрица Александра Федоровна предпочитала вещи «от Бризака». Модный дом, основанный французским гражданином Бризаком, также значился в Списках обеих императриц. В 1914 г. Торговый дом возглавил Рене Бризак, подтвердив звание придворного поставщика.

Имя Альбера Бризака, или, как его называли в России, Августа Лазаревича, широко известно в конце XIX – начале XX вв. В своих воспоминаниях последний хозяин фирмы Рене Бризак упоминает, что он родился в 1885 г. в Петербурге. За несколько лет до этого его «дедушка и бабушка основали в этом городе крупный Дом моделей». К 1885 г. у руля фирмы стояли уже родители Рене – Альбер Бризак и его жена. Уже в 1880-х гг. среди клиентов Торгового дома «Альбер Бризак» были «Ее Императорское Величество императрица Мария Федоровна, супруга царя Александра III, и вся императорская семья. Позднее клиенткой Дома стала Ее Императорское Величество императрица Александра Федоровна, супруга царя Николая II, а также их четыре дочери, Великие Княжны: Мария, Ольга, Татьяна и Анастасия….Вся одежда, начиная от матросок, которые носили маленькие Великие Княжны, до платьев и манто, которые они носили, будучи молодыми девушками, выпускались Домом А. Бризак»[107].

Следует отметить, что не только Альбер Бризак выполнял обязанности главного дизайнера-модельера фирмы. Судя по воспоминаниям А.А. Вырубовой, в семейной фирме активно работала и его жена. Более того, Вырубова прямо упомянула, что у женской половины семьи Николая II портнихой была именно «M-me Brizaak». Талантливая женщина-модельер создавала такие фасоны, которые позже дали основания мемуаристам упомянуть, что женская половина семьи Николая II одевалась просто, но со вкусом[108]. Рене Бризак также пишет, что «императрица очень любила мою мать, она относилась к ней с большим доверием и часто советовалась с ней относительно своих детей»[109].

Это действительно было так. Императрица Александра Федоровна внимательно следила за внешним видом своих дочерей, и костюмы им шили те же портные, что и самой императрице. Как правило, костюмы заказывались одного и того же покроя для всех четырех дочерей. Или два парных костюма для «старших» – Ольги и Татьяны и два одинаковых для «младших» – Марии и Анастасии. Девочки по-разному относились к бесконечным примеркам. Например, великая княжна Татьяна очень любила наряды, и любое платье, даже самое простое, смотрелось на ней великолепно[110].

Если посмотреть счета императрицы только за один год

(1914 г.), то по счетам «V. Brisac», шившей «на девочек», выплатили очень приличные суммы[111].

Дата	Ольга	Татьяна	Мария	Анастасия
2 января 1914 г.	750 руб.	2778 руб.	576 руб.	571 руб.
18 января 1914 г.	420 руб. 60 коп.	476 руб. 85 коп.	414 руб. 90 коп.	322 руб. 20 коп.
25 февраля 1914 г.	1362 руб.	1248 руб.	689 руб.	619 руб.
5 июня 1914 г.	521 руб.	553 руб.	461 руб.	439 руб.
8 июля 1914 г.	908 руб.	855 руб.	795 руб.	773 руб.
28 октября 1914 г.	1194 руб.	1029 руб.	861 руб.	809 руб.

Если посчитать, то только в 1914 г. по счетам «V. Brisac» уплатили 19 423 руб. По тем временам это огромные деньги, вполне сопоставимые с ювелирными счетами.

Мадам Бризак обшивала, кроме императриц, значительную часть состоятельных дам Петербурга. Так, в 1907 г., когда

Лили Ден первый раз представлялась императрице Александре Федоровне, то на ней было «простое белое платье от Брессак (написание оригинала. – *И. З.)* и шляпка, украшенная розами». Императрице наряд молодой девушки пришелся по вкусу[112].

Надо признать, что мадам Бризак прекрасно учитывала особенности психологии своих заказчиц, эксплуатируя их тщеславие. Поскольку хорошо было известно, что она одевает всех дам фамилии Романовых, то она откровенно «задирала» цены. Одна из мемуаристок приводит следующий эпизод, описывая методы работы мадам Бризак: «Это была высокая смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: «Прошу Ваше Императорское Высочество не кому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я сделаю скидку». Позднее Алики рассказывала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: «Прошу Вас, Ваше Императорское Величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для Вашего Величества». Мы с Алики от души расхохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас

заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге»[113].

Следует отметить, что при заказе каждого нового платья Александра Федоровна действительно всегда интересовалась его ценой и сетовала на дороговизну. Это не было крохоборством, это привычка, впитанная со времен небогатого детства и закрепленная при английском пуританском дворе королевы Виктории. Ближайшая подруга императрицы писала, что «воспитанная при небольшом дворе, Государыня знала цену деньгам и потому была бережлива. Платья и обувь переходили от старших великих княжон к младшим»[114]. Удивительно, но царские дочери в буквальном смысле донашивали одежду друг за другом. Это мемуарное свидетельство подтверждают и счета портным-поставщикам, которые перешивали детскую одежду.

Магазин Торгового дома «А. Бризак» входил в неофициальный список «статусных» магазинов, которые могли лично посещать родственники императорской семьи. Однако хозяева магазина должны были неукоснительно выполнять определенные требования, связанные с тем, что их покупатели входили в число охраняемых лиц. Например, предприниматели должны были заблаговременно оповещать полицию о намерении царственных покупателей посетить магазин. В связи с этим Р. Бризак писал: «Я очень хорошо помню о штрафе, который был наложен на моего бедного отца полицией в тот день, когда великая княжна Ольга, сестра императора, неожиданно приехала в магазин, застав врасплох мою бедную мать, чтобы посмотреть новые модели, прибывшие накануне из Парижа. Мой бедный отец просто забыл проинформировать полицейский пост квартала. И только благодаря вмешательству великой княжны Ольги этот штраф никогда не был оплачен»[115].

В 1901 г. Рене Бризак, окончив школу, занялся делами, далекими от семейного бизнеса: работал подмастерьем в фирме «Центральные электросети», индустриальным дизайнером на металлургическом заводе Лесснера, который одним из первых в России начал изготавливать автомобильные шасси.

В 1906 г. в Шато де Вилар в местечке Сен-Марселин во Франции скончался дедушка Рене, заложивший в Петербурге фундамент семейного бизнеса. К началу 1914 г. в Торговом доме сменилось руководство. Альбер Бризак и его жена передали семейное дело сыну Рене, в 1914 г. тот включен в «Список» как поставщик обеих императриц. Затем Альбер Бризак с женой уехали из России, но когда они оказались в Германии, началась Первая мировая война. Бросив все вещи, они бежали из Германии в Швейцарию. Французский гражданин Рене Бризак после начала

войны отправился во Францию, где принял участие в боевых действиях. Рене Бризак, уезжая в августе 1914 г. на родину, оставил «у руля» Торгового дома «А. Бризак» свою жену. Осенью 1914 г. с большим трудом хозяева фирмы – чета Бризак – через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию вернулись в Россию. Старые Бризаки были вынуждены вновь возглавить семейное дело. В конце 1914 г. «госпожа В. Бризак» пожертвовала 400 руб. на Склад вещей, организованный императрицей Александрой Федоровной в Зимнем дворце[116].

В декабре 1916 г. Рене Бризак получил телеграмму от матери из Петрограда о том, что скончался его отец – знаменитый модельер Альбер Бризак. Рене немедленно отправился из Франции в Россию. Надо отметить, что семейство Бризаков было известно не только в России, но и во Франции. Так, в 1916 г. кузен Рене Марк Бризак являлся главой правительства и министром авиации Франции. Другой кузен, Жюль Бризак, руководил органами общественной благотворительности.

Платье вечернее. Мастерская А. Бризака. *Санкт-Петербург. Начало XX в.*

Вернувшегося в Петроград Рене Бризака в феврале 1917 г. приняла императрица Александра Федоровна. Принимала она его не как главу Дома моды «А. Бризак», а как представителя союзной Франции[117]. После того как Рене Бризак прибыл во дворец, его проводили в маленький зал на первом этаже Александровского дворца. В этот день Бризак был единственным, кого принимала императрица. Императрица встретила Рене Бризака очень тепло, благословив и поцеловав в лоб. Но разговор между

собеседниками так и не коснулся актуальных тенденций женской моды. Заботы были иные. После расспросов о семье императрица начала расспрашивать Бризака о настроении во французской армии, спрашивала его мнение о сроках окончания войны. Видимо, это был один из последних приемов Александры Федоровны накануне Февральской революции 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. Бризаки начали постепенно сворачивать семейный бизнес в Петрограде. Они не видели перспектив для развития бизнеса в новой России, где проработали более 40 лет три поколения их семьи. Для такого пессимизма появились весомые основания. Весной 1917 г. Торговый дом «А. Бризак» возглавил уполномоченный Петросовета, их лучший закройщик, работавший в фирме с 1899 г. Все счета фирмы заблокировали, и распоряжаться ими Р. Бризак мог только с санкции бывшего закройщика. Бризакам категорически запрещалось переводить деньги за границу и отправлять туда свой товар. Таким образом, уже весной 1917 г. Бризаки перестали быть хозяевами своего дела. Фактически это стало концом одного из известнейших домов мод в России.

В этой ситуации мать и сын Бризаки приняли решение об отъезде из России во Францию. Они попытались «отбить» часть своего имущества и добились своего! Р. Бризак подчеркивает, что это удалось только благодаря «доброжелательному содействию наших бывших служащих, преданного персонала, большинство которых видело меня еще с моего рождения». Условия сделки с новой властью были следующими: Бризаки оставляли персоналу Торгового дома всю недвижимость, нажитую Бризаками за 40 лет жизни в России, включая все товары Дома моделей. В распоряжение служащих передавался склад с прекрасными мехами – шиншиллы, соболи и горностаи.

Также там осталась изумительная коллекция кружев, большое количество тканей, среди которых были многочисленные отрезы великолепных лионских брошей[14], заказываемые для придворных выездов и для пошива стильных платьев. Кроме того, Бризаки обязывались выплатить авансом каждому из рабочих и служащих Торгового дома, которых насчитывалось в 1917 г. около двухсот человек, полностью годовую зарплату. На этих условиях Бризакам позволили вывезти все личные драгоценности и сумму в десять тысяч рублей, или двадцать пять тысяч золотых франков.

В 1923 г. Рене Бризак, будучи в Финляндии, последний раз посетил Петроград. Он пробыл в городе только один день, но это дало ему повод написать: «Имя Бризак было слишком известно в России, более полувека мы имели честь быть поставщиками

императорской семьи, и очевидно, что это не могло понравиться Советской власти»[118]. В 1930 г. умерла мать Рене Бризака, на протяжении многих лет она была соратницей выдающегося модельера Альбера Бризака. Похоронили ее в Париже на кладбище Монпарнас.

Наряду с Бризаками всем придворным дамам было хорошо известно имя модельера Ольги Николаевны Бульбенковой (1835–1918). Она стала создательницей модной мастерской, специализировавшейся на шитье роскошных придворных платьев.

Именно она обшивала императриц Марию Александровну и Марию Федоровну. Г-жа Ольга шила на императрицу Марию Федоровну после ее воцарения в 1881 г. Ее мастерская в 1880-х гг. находилась по адресу: Миллионная ул., д. Черткова, № 25–27, кв. 13. В конце марта 1881 г. Мария Федоровна оплатила ей счет на 200 руб.: «Г-жа Ольга. Платья, мантильи и придворные шлейфы: платье белое Фан с двумя лифами (атлас 50 руб.; канаус 28 руб.; аграмант 49 руб.; кружево 21 руб.; волан 7 руб.; приклад 10 руб.; фасон 35 руб.)»[119].

Поскольку так называемое русское придворное платье предполагало золотое шитье, ширина которого зависела от положения дамы в придворной иерархии, то золотошвейные работы исполнялись для «г-жи Ольги» в мастерской И.А. Васильева, расположенной на Екатерининском канале. Золотое шитье на придворных платьях, предназначенных для царской семьи, исполнялось в московском Новодевичьем монастыре. В начале XX в. делами О.Н. Бульбенковой практически руководила ее племянница – Ариадна Константиновна Виллим (1890–1976).

Парадное платье Александры Федоровны. *Начало XX в.*

Следует отметить, что шитое золотом женское придворное платье как важный элемент дворцовой формы появляется при Николае I, в начале 1830-х гг. 27 ноября 1833 г. А.С. Пушкин отметил в дневнике: «…Осуждают очень дамские мундиры – бархатные, шитые золотом, – особенно в наше время, бедное и бедственное»[120]. В 1834 г. женская «придворная форма» подробнейшим образом регламентировалась в Своде законов Российской империи: «Штатс-дамам и Камер-фрейлинам: верхнее платье бархатное зеленое, с золотым шитьем по хвосту и борту, одинаковым с шитьем парадных мундиров Придворных чинов. Юбка белая из материи, какой кто пожелает, с таким же золотым шитьем вокруг и на переди юбки. Наставницам Великих Княжон: верхнее платье бархатное синего цвета; юбка белая; шитье золотое того же узора. Фрейлинам Ее Величества: верхнее платье бархатное пунцового цвета; юбка белая; шитье тоже, как сказано выше. Фрейлинам Великой Княгини: платье и юбка, как у фрейлин Ее Величества, но с серебряным Придворным шитьем. Фрейлинам Великих Княжон: платье бархатное светло-синего цвета; юбка белая; шитье золотое, того же узора. Гофмейстринам при фрейлинах: верхнее платье бархатное малинового цвета; юбка белая; шитье золотое. Приезжающим ко Двору Городским Дамам предоставляется иметь платья различных цветов; с различным шитьем, кроме, однако ж, узора шитья, назначенного

для придворных дам. Что же касается до покроя платьев, то оный должны иметь все по одному образцу, как на рисунке показано.

Всем вообще Дамам, как Придворным, так и приезжающим ко Двору, иметь повойник или кокошник произвольного цвета, с белым вуалем, а Девицам повязку, равным образом произвольного цвета и также с вуалем»[121].

Нишу, связанную с изготовлением шитых золотом придворных платьев, и занимала модельер Ольга Бульбенкова.

Наряду с Бризаками и Бульбенковой императрица Александра Федоровна доверяла вкусу модельера Надежды Ламановой. Именно в ее мастерской исполнялась большая часть костюмов по заказу российского Императорского двора и аристократии.

Надежда Петровна Ламанова (1861–1941) родилась 14 декабря 1861 г. в русской провинции, в деревне Шутилово Нижегородской губернии. Отец – Петр Михайлович Ламанов, потомственный дворянин из обедневшего рода. Семья была на грани разорения, когда двадцатилетняя Надя после окончания курса местной гимназии уехала из родительского дома в Москву, чтобы самостоятельно зарабатывать на жизнь. Проучившись два года в школе кройки О. Суворовой, Надя в 1879 г. переходит на самостоятельную работу – закройщицей в известную мастерскую Войткевичей.

В 1885 г. Н.П. Ламанова открывает в Москве свое дело, а уже через 2–3 года ее мастерская приобретает широкую известность в среде живописцев, актеров, режиссеров. После открытия собственной мастерской и первых признаний ее таланта Надежда Петровна продолжала учиться – теперь в Париже – у известных, знаменитых в Европе модельеров. Позже произошло знакомство с выдающимся французским модельером Полем Пуаре, перешедшее затем в длительную творческую дружбу.

В этот период Надежда Петровна создает серии блистательных придворных туалетов, подлинных шедевров искусства. Эти вещи красноречиво свидетельствуют о том, что их творец – художник высочайшего класса, обладающий при этом оригинальным русским почерком.

В 1901 г. К.С. Станиславский приглашает Ламанову в Московский художественный театр. Здесь она трудилась в костюмерной мастерской 40 лет – до последнего дня своей жизни. Под руководством Надежды Петровны «работались» костюмы для всех спектаклей театра. Круг друзей художницы к этому времени расширился. Среди близких ей людей были В.И. Мухина, М. Горький, М.Ф. Андреева, В.А. Серов. Кисти последнего принадлежит портрет Надежды Петровны, написанный в 1911 г.

Говоря об основных тенденциях моды конца XIX в., следует иметь в виду, что после Всемирной выставки в Париже на смену «историзму» пришел стиль модерн. Бальные платья начала XX в. являются одной из многочисленных граней этого изящного стиля. Силуэт их определял особой конструкции корсет, придававший фигуре S-образный изгиб, подчеркиваемый лифом с напуском и юбкой, плотно облегающей бедра и веером распускающейся к полу. В этом силуэте нашел выражение эстетический идеал стиля модерн с его тяготением к волнистым формам и текучим линиям. Шили эти платья из мягких, пластичных, струящихся тканей светлых пастельных тонов: дымчатого, серебристо-серого, палевого и т. д. Часто использовался принцип многослойности: шифон, газ и тюль, положенные на атлас или парчу, приглушали блеск этих тканей, заставляя мерцать их в зависимости от освещения, создавая особый декоративный эффект. Подлинным воплощением стиля является и декор костюмов. Он многообразен по решению: вышивка блестками, бисером и синелью с характерным для модерна использованием в орнаменте стилизованных растительных мотивов. Широко использовались кружева[122].

В первое десятилетие XX в. в костюме происходят дальнейшие трансформации, но при этом сохраняются стилевые доминанты модерна. Так, более стройным становиться силуэт, исчезает корсет, сильно стягивавший фигуру. Одна из особенностей моды – соединение тяжелых тканей (бархата, парчи, атласа) с полупрозрачными воздушным газом, шифоном и тюлем. Своего апогея достигает декор нарядных туалетов. Часто платье из тонких, воздушных тканей украшала тяжелая вышивка стеклярусом, металлической нитью, мехом.

Дошедшие до нас платья императрицы Александры Федоровны дают возможность составить представление о вкусовых пристрастиях императрицы. Близкие к императрице мемуаристки подчеркивали, что «одевалась она очень хорошо, но не экстравагантно. Она подбирала наряды к своему типу внешности и ненавидела крайности моды»[123]. Дома императрица любила носить блузки с юбкой. Этот «женский взгляд» на императрицу, вероятно, более точен, чем «мужской», утверждавший, что «женская суетность была ей абсолютно чужда; например, нарядами она вовсе не интересовалась»[124]. Что касается отношения к экстравагантности в одежде, так известно, что императрица категорически не воспринимала «последний крик моды» – узкие юбки.

Любимыми цветами императрицы были голубой, лиловый, сиреневый, белый, серый и светло-розовый[125]. Александра

Федоровна предпочитала длинные, ниспадающие широкими складками платья, в которых выглядела очень привлекательно[126]. Большая часть этих платьев шились в ателье Альбера Бризака, Ольги Бульбенковой и Надежды Ламановой.

У императрицы были предпочтения и в обуви. Она любила обувь с длинным заостренным носком. Александра Федоровна обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли никогда не надевала[127].

Что касается ювелирных украшений, то императрица их, как всякая женщина «с возможностями», весьма высоко ценила и прекрасно разбиралась в качестве ювелирных изделий. По свидетельству мемуаристки «перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями»[128].

В соответствии с программой очередного дня Александра Федоровна сама составляла список вещей, которые она предполагала одеть на следующий день. Так называемые комнатные девушки Александры Федоровны тщательно готовили одежду, выкладывая ее в гардеробной.

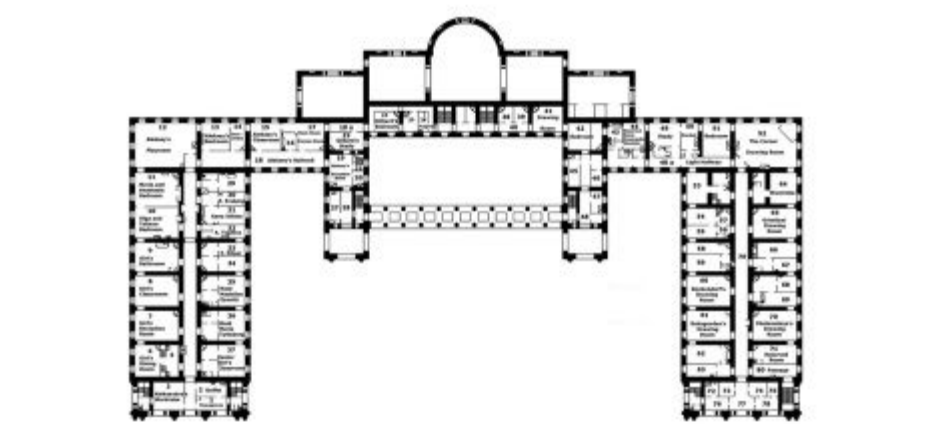
Платье визитное. Мастерская Н. Ламановой. *Москва. Вторая половина 1890-х гг.*

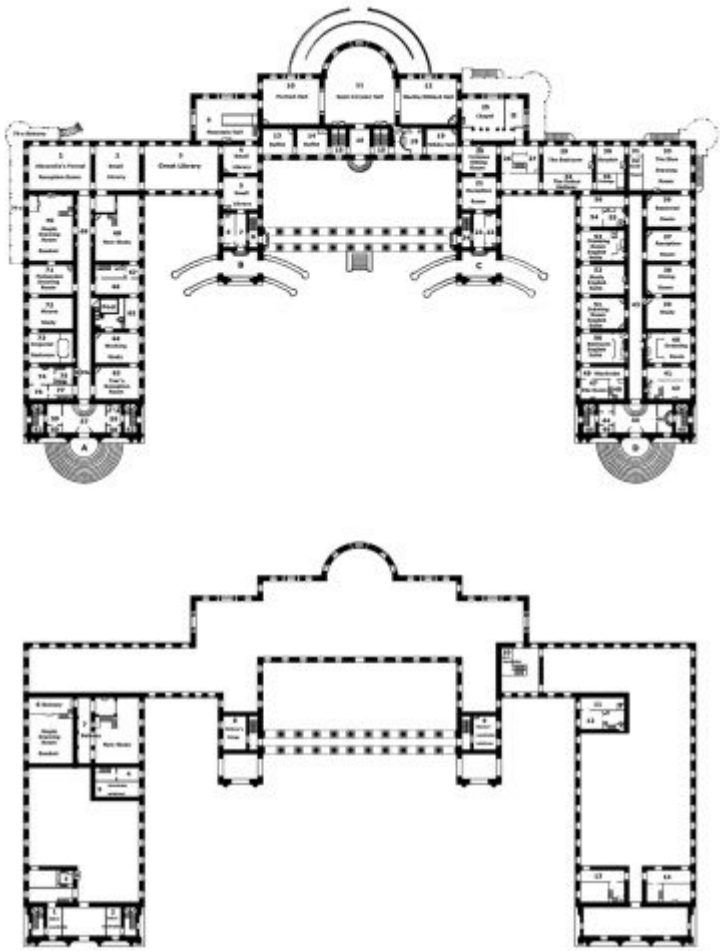
У прислуги в распоряжении были электроутюги и гладильные доски, а в списке поставщиков значились специалисты по чистке и покраске одежды. Кроме этого, вся одежда императорской семьи стиралась только в механической прачечной Аничкова дворца. Одевалась императрица сама, без посторонней помощи.

Хранению одежды и белья в Александровском дворце Царского Села, который с 1905 по 1917 г. являлся постоянной жилой резиденцией российского императора, уделялось самое

пристальное внимание. На первом этаже дворца, на «царской половине», располагалась комната дежурного гардеробщика Александры Федоровны (комната № 60), неподалеку располагалась гардеробная Николая II (комната № 66). В этих помещениях в дубовых шкафах хранились повседневные вещи императорской четы.

На втором этаже, в коридоре, рядом с комнатами цесаревича Алексея, в ясеневых шкафах хранились военные мундиры и фуражки цесаревича. На этом же этаже, вдоль коридора великих княжон, в ясеневых шкафах хранились костюмы кормилиц детей Николая II (шкаф № 1); «русские»[129] платья княжон (№ 2); пальто и меха (№ 3); платья, головные уборы и перчатки княжон (№ 4); шляпы, шарфы, зонтики и трости (№ 5); подушки и прочие подношения княжнам (№ 6); саше[15], носовые платки, воротнички, полотенца, накидки, русские кустарные кружева (№ 7) и пр. Хранились даже ленты (!!! – *И. З.*) от подносившихся букетов, они занимали целый шкаф (№ 8). В шкафу № 10 хранились японские костюмы, подаренные княжнам. В № 11 хранились одеяла и накидки княжон, детские костюмы, шапочки, трости, пояски и прочие вещи наследника Алексея. В этом же коридоре (у стены, справа) стояли сундуки для перевозки вещей княжон во время путешествий. Шкафы для хранения одежды располагались и в комнатах великих княжон. Например, в уборной великих княжон (комната № 9) в шкафах хранились «русские» маскарадные костюмы (боярышни и кучера), традиционные маскарадные костюмы (маркизы и пьеро) и «национальные» костюмы. В этом же шкафу находились костюмы сестер милосердия, их почти постоянно носили девочки с осени 1914 г. Там же хранилась и мемориальная вещь – военный сюртук времен Александра I[130].





Александровский дворец. Планы подвала, первого и антресольного этажей

В комнатах антресольного этажа, располагавшихся между первым и вторым этажами, находились основные «стратегические» запасы царской одежды. В гардеробной Александры Федоровны (комната № 1) в дубовых шкафах хранились платья, сшитые в мастерских А. Бризака и Н. Ламановой. В ясеневых шкафах на площадке деревянной лестницы – зонты, веера и шляпы Александры Федоровны, в том числе изготовленные в мастерской поставщика Высочайшего двора Бертрана. В гардеробной Николая II (комната № 2) кроме обычных дубовых шкафов для хранения одежды находились еще металлические чемоданы-корфы, использовавшиеся для хранения одежды царя во время заграничных вояжей. В комнате № 3 антресолей находились меховые вещи Александры Федоровны. В

этой же комнате присутствовала дежурная портниха на случай каких-либо срочных переделок.

Поскольку у Николая II имелось огромное количество мундиров различных полков русской и иностранных армий, то для их хранения выделялась еще одна комната (комната № 4), в ней жил камердинер царя. Там, перед комнатой, в ясеневых шкафах хранились костюмы, мундиры и белье императора. В комнате гардеробщика (№ 5) также были шкафы с военным обмундированием. В сундуках держали белье. Примечательно, что в комнате гардеробщика находился мужской манекен «с фигурой» царя, который, видимо, постоянно использовался портными, для того чтобы освободить царя от примерок. Можно добавить также, что после того как в начале 1920-х гг. в Александровском дворце развернули выставку, посвященную повседневной жизни царской семьи, то в 1922 г. из гардеробов Зимнего дворца в Царское Село отправили комплекты одежды дворцовой прислуги. На черно-белых фотографиях 1920-х гг. хорошо видны манекены арапов, лакеев и скороходов, одетых в роскошные мундиры.

К сожалению, о других портных-поставщиках известно значительно меньше. Из российских портных царствования

Николая II можно упомянуть Ивана Вагина (поставщик с 1895 г.), Евдокию Иванову (с 1898 г.), Александру Трофимову (с 1898 г.).

Среди персонала, обслуживавшего российских императоров, встречаются и весьма узкие специалисты. Так, двум российским императорам – Александру III и Николаю II – с 1881 г. стирала и «ремонтировала» рубашки некая Клара Г. Коиффевр. Она же вышивала монограммы на рубашках и стирала царские носки. При случае почтенная Клара занималась и ночными сорочками императрицы Александры Федоровны. Царская семья была действительно экономной, поскольку на рубашках «ремонтировались» не только воротнички, но и рукава.

Надо отметить, что расценки на эти работы держались весьма высокие. Так, только в мае 1903 г. прачка заработала «на носках» 104 руб. 40 коп.[131] В июне все было скромнее: перешиты рукава 8 рубашек (8 руб.); заштопаны 4 рубашки (6 руб.); переделаны 8 пар рукавов рубашек (8 руб.); постираны 8 рубашек (2 руб. 80 коп.) и 4 пары черных подтяжек (7 руб.); перевозка рубашек в Петергоф (3 руб.).

У поставщиков Императорского двора приобретались также шляпы и перчатки. Для Николая II на протяжении 1903 г. несколько раз заказывались перчатки «у Моррисона» на общую сумму 222 руб. 30 коп. (53 руб. 35 коп.; 111 руб. 75 коп.; 107 руб.

20 коп.). Поставщик Императорского двора с 1872 г. Фабрицио Бруно (фирма «Братья Бруно») заработал в 1903 г. на царских заказах только 36 руб., продав шелковый цилиндр за 16 руб. и мягкую шляпу за 12 руб., взяв 8 руб. за доставку.

Мода в стиле милитари

«Бабий век» российской монархии породил специфическую женскую моду в стиле милитари. Этот стиль, как явление, сложился во второй половине XVIII в. при российском Императорском дворе и был связан с формированием традиции ношения так называемых мундирных платьев, поскольку русские монархи по традиции являлись шефами тех или иных воинских подразделений и с полным правом носили форму подшефных полков.

Предпосылки для этого сформировались еще в первой половине XVIII в. Например, несколько костюмов Петра I с полным правом можно назвать мундирными, поскольку в их отделке использовались те или иные детали военных мундиров.

При Елизавете Петровне в повседневный быт Императорского двора вошли маскарады, на которых императрица появлялась затянутая в офицерские лосины. Она любила носить офицерскую форму, существует несколько конных портретов, на них императрица Елизавета Петровна изображена верхом, в полковничьем мундире шефа лейб-гвардии Преображенского полка.

Однако для Елизаветы Петровны, «дщери Петровой», подобный образ – игра, продолжение маскарадных переодеваний, поскольку ее права на трон бесспорны, и она пользовалась устойчивым влиянием в гвардейской среде.

Другое дело Екатерина II. В ходе переворота 1762 г. императрица Екатерина Алексеевна впервые появилась перед войсками в офицерском мундире[132], возглавила «поход» гвардии на Ораниенбаум, где находился Петр III. Именно этот сюжет и запечатлел художник Э. Вигилиус.

Императрица Елизавета Петровна с арапчонком. *Л.К. Пфанцельфельд. 1757 г.*

Однако то, что было допустимо в чрезвычайной ситуации дворцового переворота, выбивалось из норм повседневной жизни, согласно которым женщинам не полагалось (а скорее запрещалось) носить мужское платье. В результате появившиеся мундирные платья стали своеобразным компромиссом между общепринятыми моральными нормами того времени и стремлением продемонстрировать близость к гвардейским полкам, которые были в то время главной опорой трона.

Екатерина II, ликвидировавшая руками Орловых законного внука Петра I, отчетливо понимала, что популярностью среди гвардейцев пренебрегать не стоит. Поэтому ее первое мундирное платье датируется 1763 г., и сшито оно по форме Преображенского полка. Потом появляются мундирные платья по форме Конного полка, Кавалергардского корпуса. Последнее мундирное платье Екатерины II шилось по форме Морского флота в 1796 г.

Мундирные платья Преображенского (*1763 г.)* и Конного (*1773 г.)* полков, принадлежащие Екатерине II

Таким образом, коллекция мундирных платьев Екатерины II охватывает весь период царствования и насчитывает шесть единиц[133]. Первое мундирное платье сшито в 1763 г., последнее – в 1796 г.

При этом следует отметить, что в то время не существовало жестких канонов изготовления мундирных платьев. Это были скорее импровизации самой императрицы «по мотивам» офицерской формы. Об этом свидетельствует тот факт, что мундирные платья одного и того же полка существенно отличались по крою. Например, мундирные платья по форме лейб-гвардии Преображенского полка, изготовленные в 1763 г. и после 1785 г., схожи только «цветом полка».

На изображении видно, что в мундирном платье, изготовленном после 1785 г., отчетливо прослеживаются национальные мотивы, поскольку вместо лифа и юбки использован сарафан в русском стиле.

Императрица Екатерина II. *Э. Вигилиус*

Можно, конечно, утверждать, что появление элементов кроя древнерусского женского платья было связано с тем, что Екатерина II, немка на троне, даже в мелочах стремилась продемонстрировать свою «русскость», свою приверженность национальным традициям России. Но с не меньшей уверенностью можно предположить, что стареющая императрица просто стремилась скрыть свою полноту, которую лиф с юбкой только бы подчеркнули, а прямой сарафан скрывал.

Это предположение подтверждается и особенностями кроя

мундирных платьев императрицы по форме Конного полка.

Епанча на платье 1766 г. выполнена в талию, с богатым шитьем большого воротника и позолоченными офицерскими пуговицами. На мундирном платье 1773 г. уже более свободный, «сарафанный» крой (Екатерине II тогда было 44 года) с отчетливыми национальными мотивами (откидные рукава с открытыми проймами, расположение декора). Но при всей «русскости» мундирных платьев в них присутствовали и элементы господствовавшей французской моды. Таким образом, мундирные платья Екатерининской эпохи состояли из лифа, юбки и верхнего распашного платья, украшенного форменным шитьем с медными золочеными пуговицами.

В монографиях, посвященных истории русского костюма, мундирное платье Екатерины II по форме Конного полка (1773 г.) описывается следующим образом: «На фижмах, верхнее платье из синего шелка, распашное, с отложным воротником и длинными откидными рукавами. Спинка приталенная, от талии заложена мягкими складками, со шлейфом. Нижнее платье из красного шелка, рукава из синего с красными обшлагами. Воротник, низ откидного рукава, обшлага, полочки распашного платья и перед нижнего выложены форменным золотым галуном с городками. Декор платья дополняют гладкие золоченые пуговицы»[134].

Таким образом, с легкой руки Екатерины II в императорской семье сложилась прочная традиция ношения мундирных платьев, которая просуществовала с 60-х гг. XVIII в. до 1917 г. Следует подчеркнуть, что традиция ношения мундирных платьев, как правило, не выходила за рамки собственно императорской семьи. В мундирных платьях императрицы и великие княжны появлялись на парадах, полковых праздниках, принимали во дворце военачальников. Цвет платья и его форменное шитье полностью соответствовали цветовому решению и декору формы того или иного полка, шефом которого являлись женщины императорской фамилии.

Следует уточнить, что были шефы из числа великих княгинь, например великая княгиня Александра Иосифовна – шеф Кирасирского полка. Но при этом мундирных платьев они, как правило, не носили[135]. В целом мундирные платья были исторической прерогативой женской части семьи правящего императора. Но в любом правиле есть исключения. Так, 19 марта 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в дневнике: «В 10 $^{4}/_{4}$ отправилась в Царское[136] на манеж, где должен был состояться парад гвардейских драгунов, чьим шефом является теперь М. П.[137] На ней была военная униформа, и она прямо-таки сияла от удовольствия, что играет первую скрипку.

Приветствовала она всех по-военному – взмахом руки, что было невероятно комично. Затем был большой обед с полком и полковыми дамами»[138].

В первой четверти XIX в., в эпоху наполеоновских войн, стиль милитари в женской одежде выходит за рамки императорской семьи. Это уже не были мундирные платья Екатерининской эпохи в полном смысле слова. Скорее всего, это вольные стилизации элементов женского туалета на военную тему. «Гроза двенадцатого года» прямо отразилась на женской моде того времени, сделав популярными различные военизированные вставки. Особой популярностью пользовались элементы яркой и красивой гусарской формы. Этой моде следовали и в императорской семье. Так, и у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в 1815 г. появилось малиновое платье, расшитое шелковым шнуром, напоминающим по шитью и цвету форму лейб-гвардии Гусарского полка, которая включала в себя малиновый доломан со шнурами на груди. У этого платья есть своя история. Еще при Екатерине II наследник-цесаревич и великий князь Павел Петрович стал шефом Гусарского полка. Будучи императором, Павел I причисляет Гусарский полк к гвардии. В это время и вводится новая парадная форма, включавшая малиновый доломан со шнурами. В свою очередь жена Павла I императрица Мария Федоровна покровительствовала этому полку, поэтому и ее платье, сшитое в 1815 г., можно отнести к разряду мундирных платьев. В архивных документах это платье упоминается как «платье малиновое, в коем Ее Величество изволила присутствовать на смотре Польских войск в Варшаве в 1818 году. К оному перчатки и сапожки».

Возрождение традиции ношения «классических» мундирных платьев в императорской семье происходит в период тридцатилетнего правления Николая I. Он, офицер по призванию, высоко ценивший и умевший носить военную форму, одевает в мундир не только всю страну, но и свою жену с дочерьми. Порядку ношения любой формы в то время придавалось огромное значение. Так, были случаи, когда студентов исключали из университетов за расстегнутый крючок на форменном мундире. Даже при Императорском дворе для статс-дам и фрейлин ввели форму придворного платья с жесткой регламентацией цвета, ширины золотого или серебряного шитья, в зависимости от придворного статуса.

Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского Елисаветградского полка

Следует подчеркнуть, что в семье Николая I право носить мундирное платье ценилось весьма высоко. По крайней мере, дочери царя считали ношение мундирного платья большой честью. Правда, между отцом и дочерьми подчас происходили столкновения, поскольку в представлениях о красоте в стиле милитари и строгом порядке ношения военной формы у них имелись расхождения во взглядах.

1 января 1845 г. в качестве новогоднего подарка от отца великая княжна Ольга Николаевна получила приказ по Военному ведомству, из которого узнала, что она стала шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Радости ее не было предела. Однако между отцом и дочерью возник конфликт по поводу кроя

формы. Дочь хотела, чтобы «было красиво», а отец, «чтобы было по форме». Спустя годы Ольга Николаевна вспоминала: «Папа непременно хотел нарядить меня так же, включая расшитые чачкиры генерала. Я же протестовала против брюк. Папа настаивал на этом. И впервые в жизни он рассердился на меня. Наконец был найден выход: вышивка должна была быть нашита на мою верховую юбку; со всем же остальным, включая саблю, я согласилась»[139].

Этот эпизод показывает, что к 40-м гг. XIX в. традиция ношения «классических» мундирных платьев утратилась. Но Ольга Николаевна на уровне женского инстинкта возвращает «женский крой» мундирных платьев.

Надевала военный мундир и жена Николая I – императрица Александра Федоровна. В 1835 г. во время встречи трех императоров в Калише на одном из парадов «Мама вела кавалергардов в таком блестящем порядке, что привела в восторг Дедушку. Она была в парадной форме и с белой фуражкой на голове»[140].

Своих кавалергардов Александра Федоровна увидела еще в 1817 г., когда впервые приехала в Россию: «Увидев кавалергардов, стоявших возле Адмиралтейства, я вскрикнула от радости, так они мне напомнили дорогих моих берлинских телохранителей. Я не думала тогда, что буду со временем шефом этого полка»[141]. Не случайно во время похорон императрицы Александры Федоровны в мае 1860 г. «за колесницей с гробом ехал государь верхом, в мундире лейб-кирасирского Ее Величества полка»[142].

Кавалергардский полк сформирован при Павле 1 – 11 января 1800 г. Шефом полка с 1826 по 1860 г. состояла императрица

Александра Федоровна, с 1831 по 1860 г. полк именовался Кавалергардский Ее Величества императрицы Александры Федоровны. После смерти Александры Федоровны в 1860 г., спустя 20 лет, со 2 марта 1881 г., шефом Кавалергардского полка стала императрица Мария Федоровна, вплоть до 1917 г. полк снова назывался Кавалергардским Ее Величества[143].

К сожалению, мундирные платья эпохи правления Николая I не сохранились. Надо заметить, что императоры делали жен и дочерей шефами тех полков, которые имели яркую, красивую форму, поэтому предпочтение отдавалось гусарам, уланам и кавалергардам.

В период правления Александра II традиция ношения мундирных платьев вновь утрачена. Стиль милитари почти уходит из женской моды. Хрупкая и больная императрица Мария Александровна была далека от практики хождения в конном строю во главе подшефных полков. И тем не менее, когда Мария

Александровна выразила «неодобрение» цвету солдатских пик «своего» Кирасирского полка, то командир полка Арапов незатейливо пошел к горничной императрицы и с ее помощью вырезал кусок любимого синего платья императрицы и по этому образцу выкрасил пики[144].

Тем не менее мундирное платье имелось и у Марии Александровны, в нем она периодически появлялась на публике. Так, военный министр Д.А. Милютин упоминает, как в апреле 1868 г. в день 50-летия Александра II императрица Мария Александровна появилась на балконе Зимнего дворца в белом гусарском ментике, опушенном бобром[145]. Судя по описанию, это был мундир Гродненских гусар.

При Александре III, преклонявшемся перед своим дедом, Россия вновь одевается в форму. В истории России это является отчетливым признаком укрепления власти. Еще до воцарения Александра III, с 31 мая 1880 г., его жена стала шефом «синих» кирасир – лейб-гвардии Кирасирского Ея Императорского Высочества великой княгини Марии Федоровны полка. Императрице Марии Федоровне «синие» кирасиры, которые дислоцировались поблизости от Гатчинского дворца, жилой резиденции императорской семьи с марта 1881 г., были особенно близки. Впоследствии ее сын, младший брат Николая II, великий князь Михаил Александрович, стал командиром этого полка. Ежегодно на полковые праздники Мария Федоровна одевала свое мундирное платье по форме «синих кирасир» и принимала их очередной парад на плацу перед Гатчинским дворцом.

Кроме самых близких к императрице гатчинских «синих» кирасир Мария Федоровна стала шефом еще нескольких подразделений русской армии: Гвардейского экипажа (с 22 июля 1892 г.), 11-го уланского Чугуевского Ее Имени полка (с 20 мая 1868 г.), 2-го Лейб-Драгунского Псковского Ее Имени полка (с 31 мая 1880 г.), 15-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка (с 1896 г.) и 11-го Восточно-Сибирского Стрелкового Ее Имени полка (с 22 июля 1907 г.)[146].

Хрупкая Мария Федоровна, имевшая прекрасную фигуру, возродила покрой мундирных платьев «ранней» Екатерины II – приталенный лиф, юбка и епанча. Естественно, шитье на платье соответствовало шитью офицерских мундиров подшефных полков.

Следует также отметить, что шефство Марии Федоровны не ограничивалось представительскими функциями. Она имела голос при решении кадровых вопросов, имевших отношение к наиболее близким к ней полкам. Об этом свидетельствует письмо Николая II к матери от 3 ноября 1914 г.: «В Кавалергардском

полку за время войны отношения между Долгоруковым и всеми офицерами сделались невозможными… Николаша… на его место предлагает князя Эристова… Реши, как знаешь, и, пожалуйста, телеграфируй мне…»[147]

Сохранились два мундирных платья императрицы Марии Федоровны – по форме лейб-гвардии Кирасирского и лейб-гвардии Кавалергардского полков. Мундирное платье по форме «синих» кирасир состояло из колета[16] и юбки. Подол белой юбки обшит форменным галуном[17]. Колет к юбке сшит из белого сукна, приталенный, с баской. Воротник-стойка и манжеты из синего сукна. Рукава длинные двухшовные, на спинке – шлица с синей выпушкой и четырьмя гербовыми пуговицами. Воротник, полочки и манжеты обшиты форменным галуном; на воротнике и манжетах – вышивка серебром. На манжетах нашиты по две гербовые пуговицы.

Мундирное платье «синих» кирасир

Кроме мундирных платьев в повседневном обиходе императорской семьи встречались вещи с символикой подшефных полков. Так, в Туалетной Марии Федоровны Гатчинского дворца хранился парфюмерный флакон в виде каски кавалергарда. В Павловском дворце хранится икона-диптих, принадлежавшая Марии Федоровне, выполненная в виде штандарта лейб-гвардии Кирасирского полка. У Марии «синих» кирасир Федоровны хранился веер с надписью на алом атласном экране «Карусель Кавалергардского Ея Величества полка 1886». На лицевой

пластине был прикреплен эмалевый Мальтийский крест – полковой знак, серебряное кольцо сделано в виде шпоры, с офицерским темляком кавалерийского образца вместо кисти. Веер сделан в память о ежегодном полковом празднике, проходившем 5 сентября, и поднесен императрице, которая была шефом полка[148].

При Николае II, весьма почтительно относившемся ко всему, что касалось памяти его отца, традиция ношения мундирных платьев продолжилась в ее классическом варианте. Императрица Александра Федоровна стала шефом нескольких полков русской армии: лейб-гвардии Уланского Имени Ее Величества, 5-го гусарского Александрийского (с 30 июля 1904 г., в этот день в царской семье родился наследник-цесаревич Алексей Николаевич. В свою очередь, 30 июля 1907 г. в три года он зачисляется в состав полка в чине корнета), 21-го Восточно-Сибирского стрелкового и Крымского конного, а из числа иностранных – Прусского 2-го гвардейского драгунского полка. Поэтому у нее имелись мундирные платья по форме каждого из подшефных полков. В основном это были полки русской армии, чьи истории восходили к рубежу XVIII – начала XIX вв. Например, Уланский лейб-гвардии Е.И.В. Государыни императрицы Александры Федоровны полк сформирован в 1803 г. За проявленный героизм в боях с наполеоновскими войсками в 1812 г. полк получил Георгиевский полковой штандарт. За участие в Заграничных походах 1813–1814 гг. – 22 Георгиевские трубы. За участие в боевых действиях в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – знаки на шапки с надписью «За Телиш 16 окт. и Балканы 18 дек. 1877 г.». Традиционно уланские каски имели квадратный верх.

Однако ухудшающее здоровье императрицы, замкнутость на очень непростых семейных проблемах сделали ношение мундирного платья императрицей Александрой Федоровной крайне редкими эпизодами ее официальной жизни во главе российского Императорского двора. Но когда подрастали дочери, то они, включаясь в официальную жизнь Императорского двора, становились шефами гвардейских и армейских полков.

Первыми шефами «своих» полков стали старшие дочери Николая II, великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны. Произошло это в 1909 г. В то время девочкам исполнилось 14 и 12 лет соответственно. Надо добавить, что в 1907 г. состоялась очередная реформа обмундирования в русской армии. В результате реформы отказались от упрощенных мундиров времен Александра III и вернулись к традиционно красивым, больше пригодным для парадов, чем для повседневной жизни,

«историческим» мундирам. Именно в эти красивые мундиры и одели царских дочерей. Великая княжна Ольга Николаевна стала шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка, а ее младшая сестра, великая княжна Татьяна Николаевна, – шефом 8-го уланского Вознесенского полка. Но мундирные платья по форме «своих» полков они получили только летом 1913 г.[149], когда им было 18 и 16 лет.

31 июля 1913 г. в Красном Селе Николай II со старшими дочерьми принимал смотр Елисаветградского и Вознесенского полков, которые «представились отлично». Вечером этого же дня великие княжны приняли участие в торжественном обеде с офицерами «подшефных» полков. 5 августа 1913 г. Николай II в дневнике назвал «памятным днем» для Ольги и Татьяны. В Петергофе, как вспоминал император, «Вознесенские уланы и Елисаветградские гусары представились щеголевато и прекрасно в зимней парадной форме. Оба шефа молодцами прошли во главе своих полков и отлично сделали заезд. Завтракали с офицерами и дамами во дворце и затем снимались группой. Около 4 час. оба полка вошли пешком в Александрию, привел их к нашему дому, где песенники пропели несколько песен при Алике, сидевшей в коляске. Провел их с дочерьми вдоль моря к воротам и простился с ними». Именно в этот день и были сделаны фотографии царских дочерей во главе подшефных полков.

Стоит также отметить, что поскольку при российском Императорском дворе все строилось на основании принципа прецедента, то великая княжна Ольга Николаевна не случайно стала шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка, поскольку в 1845 г. ее полная тезка, дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна была шефом именно этого полка.

Новоиспеченные «улан» и «гусар» были горды своей замечательно красивой формой, охотно позировали и начали принимать участие в полковых праздниках подшефных полков.

Последней великой княжной, ставшей шефом 9-го драгунского Казанского полка русской армии, была великая княжна Мария Александровна. Стоит обратить внимание на то, что если императрицы, как правило, становились шефами старейших аристократических гвардейских полков, то великие княжны со времен Николая I – шефами рядовых армейских полков.

Стоит упомянуть и о том, что связь с подшефными полками сохранилась у императрицы Марии Федоровны и в эмиграции. В сентябре 1926 г. она направила телеграмму Собранию Кавалергардского полка в эмиграции: «Генералу князю Эристову. Сердечно благодарю Моих дорогих кавалергардов за

поздравления и выраженные чувства. Мария». Поздравления кавалергардов были связаны с юбилеем – 60-летием приезда датской принцессы Дагмар в Россию в сентябре 1866 г.

Таким образом, можно констатировать, что сложившийся в 1760-х гг. феномен женского военного мундирного платья «прошел» через весь имперский период существования России.

Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны в мундирных платьях Елисаветградского и Вознесенского полков

При этом на протяжении 150 лет сохранялась идеологическая основа этой традиции – демонстрация связи между

представителями императорской фамилии и русской армией, а мундирные платья стали зримым символом этой связи.

Императоры верхом

Говоря о внешнем облике российских императоров, следует также упомянуть и о такой особенности, как умение держаться на лошади. В монументальной скульптуре Медный всадник, Этьен Фальконе запечатлел Петра I верхом. Это было данью европейской традиции. Конный памятник первого лица – неотъемлемый атрибут европейской художественной традиции. Вспомним памятник Николаю I на Исаакиевской площади Петербурга работы Э. Монферрана и барона Клодта. Николай I действительно был прекрасным наездником и великолепно управлялся с лошадьми.

Что касается Александра II, то современники весьма критично оценивали его навыки как наездника. При этом следует иметь в виду, что первые лошадки-пони у царских детей появлялись в 3–4 года, а систематически учить верховой езде их начинали с 7 лет. Тем не менее мемуарист утверждает, что «Государь Александр II ездил неважно, постоянно шпоря лошадь, когда она стояла на месте, и не замечая того»[150]. Возможно, скульпторы учитывали это, поскольку на конном памятнике Александру II, сооруженном в Софии, император спокойно сидит на спокойной лошади. В России также преобладали его «пешие» памятники.

Что касается Александра III, то он тоже был плохим кавалеристом. Это было во многом связано с весом императора, которому требовались лошади-тяжеловесы. Доброжелательно относящийся к Александру III граф С.Д. Шереметев писал о царе: «Ездок он был плохой и вообще не охотник до верховой езды. Кавалерийской жилки у него не было, и это ставилось ему многими в упрек»[151]. Тем не менее самым известным памятником царю остался конный памятник работы Паоло Трубецкого, стоящий сейчас перед Мраморным дворцом в Петербурге. В результате конкурса вариант Трубецкого отобрала сама вдовствующая императрица Мария Федоровна. Памятник этот воспринимался публикой очень по-разному. Либеральная интеллигенция считала его пародией на российское самодержавие. Монархисты видели в нем символ незыблемости российской монархии. Споры об этом памятнике не утихают по сей день.

Самой лихой кавалеристкой среди российских императриц считалась императрица Мария Федоровна, жена Александра III. Граф С.Д. Шереметев упоминал, что «цесаревна наслаждалась верхом, скакала через рвы и канавы, брала препятствия, с трудом

за нею угонялись»[152]. Дочь императрицы упоминает, что «Мама… обожала лошадей, но Папа их терпеть не мог»[153].

На акварелях придворного художника М. Зичи запечатлено несколько сюжетов участия цесаревны Марии Федоровны в псовых охотах. При этом иконография остальных императриц XIX в. почти совершенно исключает сюжеты, изображающие их сидящими верхом. Есть единственная картина О. Берне, посвященная Царскосельской карусели 1842 г. На этой картине императрица Александра Федоровна изображена в средневековых одеждах, спокойно сидящая верхом в дамском седле.

Николай II был хорошим кавалеристом. Он уверенно держался в седле, но при этом верховой езды не любил[154]. Поэтому, когда у царя появилась возможность, то он поменял лошадь на автомобиль. К концу своего правления Николай II, даже принимая парады, объезжал строй полков на автомобиле. Тем не менее во время особо торжественных случаев Николая II старались «усадить» на лошадь. Это делало императора более величественным поскольку рост в 168 см не добавлял царю представительности. Кроме этого, у него была непропорциональная фигура – короткие ноги при длинном туловище. Лошадь и седло скрывали эти недостатки царя. Удивительно, но и вечно больная императрица Александра Федоровна иногда садилась на лошадь. В мае 1906 г. Николай II записал в дневнике: «Алике ездила верхом».

Взаимоотношения в семье

Семья, жена и дети, традиционно занимает важное место в жизни любого мужчины. Так было и при российском Императорском дворе. Но при этом в обыденном сознании бытует представление, что «жениться по любви» на императорском уровне невозможно. Отчасти это действительно так, но, тем не менее, практически все[155] XIX столетие при российском Императорском дворе браки заключались именно «по любви».

К началу XIX в. для подбора невест молодым великим князьям сложилась определенная методика. Как правило, великих князей по завершении образования отправляли в европейское турне, одной из главных задач которого был выбор невесты среди многочисленных немецких принцесс. При этом конкретные кандидатуры цесаревичам не навязывались. Просто маршрут их путешествия по Европе планировался так, чтобы у них появилась возможность «отсмотреть» всех потенциальных невест. Опытные дипломаты тактично «подводили» невест, «согласованных на всех уровнях», к российским женихам.

Традицию женитьбы на иностранках заложил Петр I, который женил своего сына Алексея на немецкой принцессе и выдал своих сводных племянниц Анну и Екатерину за герцогов Курляндии и Мекленбурга. За весь XIX в. только одна российская императрица была датчанкой, все остальные были именно немками, как и подавляющее число жен великих князей. Немки отвечали многим практическим соображениям.

Во-первых, протестантки легко меняли вероисповедание, принимая накануне замужества православие. На рубеже XVIII XIX вв. сделана единственная попытка породниться с католическим домом Габсбургов благодаря одной из дочерей Павла I. Этот брак был во многом обусловлен популярными тогда идеями сближения католической и православной церквей, что отчасти проявилось и в том, что Павел I стал гроссмейстером католического Мальтийского ордена. После этого русских великих княжон за католиков не выдавали.

Императрица Елизавета Алексеевна на прогулке в Царском Селе. *Неизвестный художник, начало XIX в.*

Во-вторых, немки, воспитанные в бедных семьях, были домовитыми, рачительно вели «хозяйство» императорской или великокняжеской семьи.

В-третьих, приехав в Россию, немки не тащили за собой родню, но при этом вводили своих русских мужей в круг самой родовитой европейской аристократии. Таким образом, в браках с немецкими невестами имелось больше плюсов, чем минусов.

Брак Александра I был далек от идеала, даже в то весьма

свободное в отношении супружеской верности время. Екатерина II начала подыскивать невесту любимому внуку с 1790 г., когда ему исполнилось 13 лет. Выбор невесты сделала именно Екатерина II. Из множества кандидаток она выбрала дочь маркграфа Баденского Луизу-Марию-Августу. Окончательно вопрос решился, когда потенциальная невеста в октябре 1792 г. прибыла в Петербург. Великому князю Александру Павловичу, которому тогда было 15 лет, 13-летняя девочка-невеста понравилась. 9 мая 1793 г. состоялось миропомазание 14-летней принцессы Луизы, которая была наречена великой княжной Елизаветой Алексеевной. 10 мая последовало обручение с великим князем Александром Павловичем, а 28 сентября 1793 г. – бракосочетание.

Когда молодые повзрослели, они осознали, насколько далеки друг от друга. Все внешние формы брачных отношений соблюдались, но супружеских отношений фактически не было. Тем не менее у Елизаветы Алексеевны родились две дочери – Мария (1799–1800) и Елизавета (1806–1808). Можно с большой долей уверенности утверждать, что вторая дочь императрицы родилась от связи с конногвардейцем Охотниковым. У Елизаветы Алексеевны при родах второй дочери возникли осложнения, которые сделали ее бесплодной. Александр Павлович знал об этой связи, но закрывал на нее глаза, поскольку сам жил на две семьи.

М.А. Нарышкина

Мемуаристы упоминают о многочисленных любовных связях Александра I, некоторые из которых были мимолетными (актриса Фаллие, мадам Шевалье, девица Жорж, фрейлина В.И. Туркестанова), а другие продолжались годами. Его фактической женой стала одна из первых красавиц петербургского света М.А. Нарышкина (урожд. княгиня Четвертинская), она родила царю троих детей. Двое из них умерли в раннем детстве, а Софья в – 1824 г.[156] При этом прекрасная полька М.А. Нарышкина была женой обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина. Один из современников писал об Александре I: «Государь любил общество женщин, вообще он занимался ими и выражал им рыцарское

почтение, исполненное изящества и милости»[157].

Великая княгиня Анна Федоровна и великий князь Константин Павлович

Не сложилась семейная жизнь и у второго сына Павла I – великого князя Константина Павловича. В феврале 1796 г. его женили на Саксен-Кобургской принцессе Юлиане-Генриетте-Ульрике, при миропомазании нареченной великой княгиней Анной Федоровной.

Этот брак оказался бездетен, что дало формальные основания для развода в марте 1820 г. Уже в мае 1820 г. 41-летний Константин Павлович сочетался вторым, морганатическим браком (брак, заключенный между членом императорской семьи и лицом неимператорского происхождения) с 25-летней полькой Иоанной Грудзинской, получившей после того титул светлейшей княгини Лович.

Старшие братья, испытавшие все трудности непростых отношений с женами, искренне желали счастья младшему брату и поэтому на него не давили. Брак будущего Николая I, конечно, готовился заранее. Вопрос о браке с прусской принцессой Шарлоттой-Фредерикой-Луизой-Вильгельминой обсуждался в

семье еще в конце 1808–1809 гг., когда Николай достиг возраста 13 лет. Окончательно вопрос был решен в 1813 г., когда Александр I увидел принцессу в Силезии. Однако последнее слово оставалось за женихом.

Княгиня Лович

С династической и дипломатической точки зрения брак был выгоден и Пруссии, и России. После разгрома Наполеона Россия, наряду с Англией, политически доминировала в Европе. Пруссия же, ослабленная наполеоновскими войнами, нуждалась в сильном союзнике. Поэтому прусский король Фридрих-Вильгельм одобрил возможность этого брака. Потенциальная невеста получила хорошее образование, поскольку с ней занимались профессора Берлинского университета.

Впервые Николай Павлович увиделся с принцессой Шарлоттой 21 февраля 1814 г., когда прибыл в Берлин. Российского великого князя приняли в прусской королевской семье. Между молодыми юношей и девушкой (18 и 16 лет) возникла взаимная симпатия. После многочисленных согласований в октябре 1815 г. объявляется о помолвке, но брак отложили до совершеннолетия молодых. Видимо, к этому решению подтолкнул печальный опыт Александра I.

В сентябре 1816 г. в Берлине состоялось обручение по протестантскому обряду. В апреле 1817 г. Николай Павлович вернулся в Петербург. Вскоре принцесса Шарлотта с братом выехали в столицу Российской империи. Наконец, в июне 1817 г. состоялась церемония перехода невесты в православие, которую нарекли Александрой Федоровной. На момент заключения брака жениху шел 22-й, а невесте 20-й год. Церемония бракосочетания состоялась 1 июля 1817 г. в Большой церкви Зимнего дворца. В этот день будущей императрице исполнилось 20 лет.

Брак был «по любви», поскольку это личный выбор великого князя, хотя и тщательно подготовленный старшим братом. На протяжении всей жизни Николай Павлович с трогательной внимательностью относился к своей жене императрице Александре Федоровне. К супруге он проявлял предельное внимание, окружая ее роскошью. На половине императрицы в Зимнем дворце традиционно собиралась ее большая семья, центром которой была слабая и постоянно недомогавшая Александра Федоровна.

С начала XIX в. загар в аристократической среде считался дурным тоном. В эпоху романтизма бледные, анемичные девушки (по моде того времени) уже в 17 лет «разочаровывались» в жизни, прогуливаясь с томиком Байрона по аллеям пригородных резиденций. Поэтому, когда в 1817 г. в Россию приехала принцесса Шарлотта, дамы высшего света, внимательно рассмотрев девушку, вынесли свой вердикт: слишком загорелая, как простолюдинка. Воспитательница Николая Павловича графиня Ливен сочла возможным заявить Шарлотте: «Вы очень загорели, я пришлю вам огуречной воды умыться вечером»[158].

В 1818 г. великая княгиня родила первого ребенка – будущего императора Александра II. В 1820 г. родился мертвый ребенок. Всего она родила Николаю Павловичу семерых детей, не считая мертворожденного. Конечно, это не могло не сказаться на состоянии здоровья еще молодой женщины.

Частые роды стали одной из причин преждевременного старения и худобы Александры Федоровны. Она считалась крайне больной женщиной, испытывавшей периодические «припадки биения сердца». По этой причине императрица могла позволить себе принимать гостей полулежа. Врачи старались удалять императрицу из столицы на зиму, поэтому она регулярно выезжала на курорты за границу (в 1821, 1824, 1834, 1835, 1839, 1844–1845, 1852, 1856, 1859 гг.), где лечилась сывороткой и минеральными водами. Постоянными местами ее пребывания были модные климатические курорты в Спа, Эймсе, Крейте у подножия Альп. Зимы Александра Федоровна проводила в

Неаполе, Палермо, Ницце, Шлангенбахе[159]. Современники отмечали, что императрица после трагических событий декабря 1825 г. страдала конвульсивными подергиваниями головы.

Трогательное и внимательное отношение к жене не мешали бравому Николаю I заводить интрижки. Эти интрижки император называл «васильковыми дурачествами». Испытывал он и более сильные чувства. Так, одна из фрейлин его жены В.А. Нелидова, на протяжении многих лет была его негласной фавориткой.

Императрица Александра Федоровна. *К. Робертсон. 1840–1841 гг.*

Но следует подчеркнуть, что свои несемейные увлечения Николай I тщательно скрывал, и все выглядело весьма прилично.

Современников, особенно дам, крайне интересовали эти «васильковые дурачества». При этом они дружно отмечали, что «дурачества» занимали далеко не главное место в жизни императора, буквально заваленного многочисленными делами и скованного очень плотным рабочим графиком.

Так, даже весьма осведомленные дамы, с надежными «источниками информации» при Дворе, задавались вопросом: «Когда же царь бывает у фрейлины Нелидовой? В 9-м часу после гулянья он пьет кофе, потом в 10-м сходит к императрице, там занимается, в час или 1 $у_2$ опять навещает ее, всех детей, больших и малых, и гуляет. В 4 часа садиться кушать, в 6 гуляет, в 7 пьет чай со всей семьей, опять занимается, в десятого половина сходит в собрание, ужинает, гуляет в 11, около двенадцати ложится почивать. Почивает с императрицей в одной кровати»[160].

Судя по всему, Варвара Аркадьевна Нелидова являлась больше другом царя, чем фавориткой, поэтому отношения Николая I и Нелидовой были непонятны окружающим, которые пытались уловить хотя бы намек на их «неформальные отношения». Бывшая фрейлина императрицы, «черноокая Россети», упоминает в воспоминаниях, что в марте 1845 г. «за ужином государь пожаловал за наш стол, между мной и Захаржевской; по ту сторону Захаржевской сидела Варинька Нелидова, которую государь всегда зовет Аркадьевна… она очень умно себя ведет и очень прилично. Особенного не было говорено»[161].

Видимо, император Николай I считал придворный флирт неотъемлемой частью своей «работы». Конечно, его «маневры» весьма критично оценивались «обойденными» его вниманием современницами: «В Аничковом дворце танцевали всякую неделю в Белой гостиной: не приглашалось более ста персон. Государь занимался в особенности бар.[онессой] Крюднер, но кокетствовал, как молоденькая бабёнка, со всеми и радовался соперничеством Бутурлиной и Крюднер. Я была свободна как птица и смотрела на все эти проделки как на театральное представление, не подозревая, что тут развивалось драматическое чувство зависти, ненависти, неудовлетворенной страсти, которая не переступала границ единственно оттого, что было сознание неискренности государя. Он еще тогда так любил свою жену, что пересказывал ей все разговоры с дамами, которых обнадеживал и словами, и взглядами, не всегда прилично красноречивыми»[162]. Этот приватный бал («не приглашалось более ста персон») состоялся в марте 1845 г., когда семейный стаж императорской

четы составил уже 28 лет, но при этом мемуаристка признает, что Николай I «любил свою жену». Об этом же свидетельствует и диалог между мемуаристкой и баронессой А.П. Крюднер, наблюдавшей, как царь беседует с одной из дам. «Вы ужинали, но последние почести сегодня для нее. – Это странный человек, – сказала она, – нужно, однако, чтобы у этого был какой-нибудь результат, с ним до конца никогда не бывает, у него на это нет мужества; он придает странное значение верности. Все эти маневры с ней ничего не доказывают»[163].

Современники подчеркивали, что по отношению к дамам Николай Павлович придерживался тона «утонченной вежливости», что совершенно не мешало императору требовать от своих подданных строгого соблюдения правил придворного этикета.

Наряду с аристократками у Николая Павловича были и лихие интрижки с простолюдинками, с которыми он мог познакомиться на улице или маскараде. С ними он был по-солдатски прост, скор и решителен. Видимо, следы этих интрижек отразились в его «Гардеробных суммах». Например, в 1853 г. он выплатил некой «жене коллежского регистратора Грибанова Ольге в пособие» дважды по 300 руб. В этом же году дочь коллежского секретаря Авдотья Юрьева также трижды получила 300 руб. «в пособие» и в «вспомоществование»[164]. В списке секретных пенсий, выплачивавшихся из сумм Кабинета Е.И.В., с 1842 г. значилась некая дочь титулярного советника девица Герасимова, которой выплачивалась скромная пенсия в 38 руб. в год[165]. То, что в списке вдовы чиновников, офицеров и пр. – это понятно, но «девица Герасимова» – загадка.

Семья Александра II

Цесаревич Александр Николаевич с молодых лет любил женщин. Всю жизнь. Еще до женитьбы он пережил несколько обычных юношеских романов, на которые родители смотрели сквозь пальцы, считая их естественной данью возрасту. Так, в 15 лет он флиртовал с фрейлиной матери Натальей Николаевной Бороздиной, которая была старше его на два года.

Самым серьезным «добрачным» увлечением будущего Александра II стала прекрасная полька, фрейлина его матери Ольга Калиновская. Роман начался в январе 1837 г. на так называемом китайском маскараде, на котором Калиновская изображала первую придворную даму. Цесаревичу тогда было 19 лет.

Отношения между молодыми людьми, конечно, находились под строгим «контролем» со стороны императрицы-матери Александры Федоровны и отца Николая Павловича. Естественно, эти отношения носили платонический характер, однако в их юном возрасте переживались весьма пылко.

После завершения образования в 1838 г. цесаревич отправился в Европу. К этому времени для него уже составили список потенциальных невест. По свидетельству младшей сестры цесаревича: «Саша уезжал с тяжелым сердцем. Он был влюблен в Ольгу Калиновскую и боялся, что во время его отсутствия ее выдадут замуж»[166].

Тем не менее чувство долга заставило цесаревича внимательно отнестись к подготовленному «списку», и произошло то, что должно было произойти: цесаревич Александр Николаевич обратил внимание на одну из немецких принцесс.

Во время большого ознакомительного тура по Европе в 1838–1839 гг. цесаревич Александр Николаевич остановился на одну ночь в Дармштадте. Эта случайная, незапланированная, мимолетная остановка в марте 1839 г. в конечном итоге и решила его судьбу. Именно там он впервые увидел 15-летнюю дочь Дармштадтского герцога Людвига II принцессу Максимилиану – Вильгельмину-Августу-Софию-Марию и заинтересовался ею. Между родителями молодой принцессы и российского цесаревича достигнута договоренность о будущей помолвке.

Однако не все оказалось просто, и в этом проявился непоследовательный и слабый характер цесаревича. Дело в том, что после возвращения из Германии в 1839 г. «его любовь к Ольге Калиновской снова разгорелась жарким пламенем. Несколько раз заявлял он о том, что из-за нее согласен отказаться от всего…

Папа был очень недоволен слабостью Саши. Еще в марте он говорил о том, что согласен жениться на принцессе Дармштадтской, а теперь после четырех месяцев уже хотел порвать с нею. Это были тяжелые дни. Решили, что Ольга должна покинуть Двор»[167].

Николай I счел необходимым лично переговорить с фрейлиной, объяснив ей «в простых словах, что не только два сердца, но будущность целого государства поставлена на карту»[168]. В результате Ольгу Калиновскую удалили от Императорского двора, и вскоре она вышла замуж за графа Огинского.

Родителей это увлечение старшего сына совсем не радовало, хотя они понимали, что для 20-летнего юноши подобные увлечения совершенно нормальны. О том, насколько родители опасались «варианта Калиновской», свидетельствует красноречивая реплика в письме Николая Павловича 1841 г.: «Его тоска по польке, чего оборони Боже!»[169] Но родители не оказывали прямого давления на сына. Хотя принято считать Николая I солдафоном, в отношениях к своим детям он вел себя бережно и тонко.

После удаления фрейлины и нескольких тяжелых разговоров с отцом цесаревич Александр Николаевич весной 1840 г. уехал в Германию, где 4 марта в Дармштадте объявили о его помолвке. Летом цесаревич представил невесту родителям. 8 августа 1840 г. состоялся торжественный въезд Гессенской принцессы в Санкт-Петербург. 5 декабря 1840 г. она приняла в православии имя Марии Александровны, а на другой день – 6 декабря 1840 г., в день именин Николая I, – молодых обручили. Бракосочетание состоялось в апреле 1841 г.

Ровно через год после торжественного въезда Марии Александровны в Петербург Николай I вспомнил, сколько нервов ему стоило «дело Калиновской», поэтому в письме к генерал-адъютанту А.А. Кавелину, от 8 августа 1841 г., Николай Павлович писал: «Не могла уйти от моих глаз его склонность к Ольге Калиновской; не обратив на сие больше внимания, чем следовало, я объяснил, однако, сыну, что сколь ни естественно в его летах предпочитать одно лицо женского пола другому, не должно, однако, давать волю мечтам или склонности, когда они не приличны ни по званию, ни по положению лиц»[170].

Примечательно, что многодетный отец Николай I очень по-доброму относился ко всем женам своих сыновей. Но особенно по-доброму к старшей невестке – великой княгине Марии Александровне: «Папа с радостью следил за проявлением силы этого молодого характера и восхищался способностью Мари

владеть собой. Это, по его мнению, уравновешивало недостаток энергии в Саше, что его постоянно заботило»[171].

Семья цесаревича быстро увеличивалась. С 1842 по 1860 г. Мария Александровна родила 8 детей – двух девочек и шестерых мальчиков[172]. Однако Александр II, «войдя в возраст», приобрел прочную репутацию «жизнелюба». Он всегда очень внимательно относился к женщинам, и в его жизни случалось множество мимолетных любовных приключений. По традиции на «забавы» монарха смотрели сквозь пальцы, поскольку это также одна из традиций Императорского двора. На быстроменяющиеся «забавы» мужа императрица Мария Александровна внешне старалась не реагировать.

На отношениях супружеской пары сказывались и объективные обстоятельства: императрица становилась все более нездоровой, худела. Однако ситуация коренным образом изменилась в 1860 г. после рождения последнего ребенка – Павла Александровича. Врачи заявили, что следующая беременность убьет императрицу, и супружеские отношения между Александром II и Марией Александровной полностью прекратились[173].

После этого рядом с Александром II немедленно появилась новая пассия. Ею стала фрейлина императрицы молоденькая княжна Екатерина Михайловна Долгорукова. То, что фрейлин использовали при Дворе для адюльтеров, было привычным. Во второй половине XIX в. их заменили балерины. На фрейлинах, как и на балеринах, не женились. Но фрейлина Е.М. Долгорукова стала единственной, закончившей свою историю законным браком с императором. Эта была последняя любовь стареющего императора к женщине, младше его на 29 лет. Их связь продолжалась 14 лет, и во второй семье императора Александра II родилось четверо детей.

Между тем Александр II и Мария Александровна очень скромно отметили в 1866 г. свою серебряную свадьбу. Скромно потому, что едва закончился годичный траур по умершему старшему сыну. Это трагическое событие, о котором упоминалось выше, буквально сломало императрицу. С этого времени она постоянно носила траур. Ей было не до традиционных семейных торжеств. Мемуарист упоминает, что серебряную свадьбу их величества «праздновали семейно, без всякого официального торжества. Только самые близкие люди собрались утром для принесения поздравления» [174].

Александр II и Е.М. Долгорукова с детьми

Александр II 16 апреля 1866 г. подарил жене «кольцо, подобное обручальному, с цифрою «XXV» из бриллиантов и золотое пасхальное яичко с двойным числом помолвки и ее 25-летней годовщины; то же число было изображено на браслете с крупной жемчужиной и на портрете Государя в полной парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка (в этой форме он просил ее руки)». Были и другие подарки. Мария Александровна получила вазу из ляпис-глазури Петергофской гранильной фабрики, а каждому из детей досталось по пасхальному яйцу из

твердого камня. Кроме этого младшие сыновья, Сергей и Павел, получили «корзины с живыми мопсами для пополнения их коллекции»[175].

Состоялись и неизбежные, но сведенные к минимуму торжественные публичные мероприятия. На семейное торжество прибыла сестра Александра II королева Вюртембергская Ольга Николаевна. Из посторонних лиц на торжестве присутствовал только князь А.И. Барятинский, приглашенный царем как его шафер на свадьбе в 1841 г. 16 апреля 1866 г. к 11 часам утра в Зимнем дворце собрались все члены Императорской фамилии, и великий князь Николай Николаевич (Старший) от имени всего царского дома поднес императорской чете икону трех святителей, которую Александр II сам отнес в Малую церковь Зимнего дворца для постоянного размещения. Вслед за этим отслужили обедню с благодарственным молебном. В 2 часа дня вся Императорская фамилия поехала в Петропавловскую крепость, где состоялась панихида по цесаревичу Николаю Александровичу. На этом закончились семейные торжества. Через два дня, 18 апреля 1866 г., в Николаевском зале Зимнего дворца состоялся большой бал на 1000 человек, которым, собственно, и закончились публичные торжества в Петербурге[176].

К этому времени Александр II уже имел определенную репутацию среди прекрасной половины высшего света. Современники, обратившие внимание на мельчайшие нюансы в поведении императора (например, граф С.Д. Шереметев упоминает, что «всем было уже известно движение его руки, когда он вынимал носовой платок, и по этому движению судили о настроении его духа»[177]), отмечали, что, «не поддаваясь влиянию мужчин, Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам. Близкие ему люди, искренно его любившие, говорили, что в присутствии женщины он делается совершенно другим человеком»[178].

Несмотря на то что семья практически распалась, и наличие второй семьи у Александра II было секретом полишинеля (т. е. секретом, который всем известен), тем не менее на официальном уровне все выглядело очень пристойно. Семейные юбилеи регулярно отмечались. Так, 13 марта 1874 г. семейно праздновалось 35-летие первой встречи Александра II и Марии Александровны. На так называемом охотничьем ужине были розы и первая земляника[179]. В 1876 г. прошел еще один семейный юбилей, связанный с 35-летием со дня свадьбы Александра II и Марии Александровны. 16 апреля Александр II подарил жене браслет с большим диамантом (алмазом), который можно было носить и как брошку. На браслете выгравированы памятные даты

«1841–1876». Кроме этого, он перевел на счет жены «подарочные» 100 000 руб. В заключение состоялся большой фамильный обед[180].

К этому времени маленькая Катенька Долгорукова давно и жестко держала гражданского мужа в своих руках. Александр II действительно любил свою «дусю», хотя уже хорошо знал все ее недостатки. В 1868 г. он писал[181] своей Катеньке: «я знаю мою гадкую шалунью до самого донышка и люблю мою дусю до безумия со всеми ее недостатками, как Бог ее сотворил».

Они любили друг друга. Об этом свидетельствует вся их переписка. У них был свой «язык». На фотографиях, подаренных

Е. Долгоруковой, Александр II на французском языке писал: «Твой отвратительный Мунька, который тебя обожает» (1868 г.); «От твоего Муньки, который тебя любит больше, чем душу» (1878 г.). Сама Долгорукова была не менее откровенна: «Я люблю тебя со страстью, как безумная… очутиться в твоих объятиях и забыть весь мир» (1868 г.); «Итак, до сегодняшнего вечера, до 3/4, и вопьемся как кошки. Это то, к чему у меня ужасная страсть. Целую тебя всего страстно» (1870 г.)[182].

Однако он – император огромной страны, а она происходила из обедневшей княжеской семьи. Поэтому в любви Е. Долгоруковой присутствовал и откровенный практицизм. Вся обширная переписка Е. Долгоруковой и Александра II проникнута беспокойством княжны за свое положение, за будущее своих детей. Е. Долгорукова сделала так, что император в начале их связи поклялся перед иконой, что он женится на ней, когда станет свободен. Долгорукова писала в мемуарах: «Он поклялся мне перед образом, что предан мне навсегда и что единственная его мечта – жениться на мне, если когда-нибудь он будет свободен». Александр II, как мог, успокаивал «дусю» и в завещании, составленном 8/20 сентября 1876 г., обеспечил ее и будущее их детей материально. Это завещание он неоднократно дополнял. В конечном счете осенью 1880 г. на имя Е.М. Долгоруковой в Государственное казначейство был положен капитал, который к моменту смерти Александра II составил более 3 млн руб.

Александр II, не особенно скрываясь, жил на две семьи. Когда официальная царская семья переезжала в Царское Село, туда же переезжала и Е.М. Долгорукова с детьми. До 1877 г. она жила в доме Коменданта Императорской Главной квартиры А.М. Рылеева. Этот холостой и бездетный генерал занимался воспитанием детей Долгоруковой, а после смерти Александра II стал их опекуном. Со временем в Царском Селе и Петергофе для Е.М. Долгоруковой купили дачи.

В 1877 г. начались ремонтные работы в Зубовском флигеле

Екатерининского дворца в Царском Селе на «половине» Александра II. Несколько комнат, ранее используемые как служебные помещения (Рейнкнехтская и Штандартная), превратили в жилые покои. Вполне возможно, что в этих комнатах и поселилась Е. Долгорукова. Точно известно, что в 1877 г.

Е.М. Долгоруковой выделили комнаты рядом с апартаментами Александра II в Большом Царскосельском дворце.

Для взрослых детей Александра II факт наличия у отца второй семьи не являлся секретом. Однако все держали себя так, как будто никакой Катеньки в природе не существует, хотя Екатерина Долгорукова не упускала случая обозначить свое присутствие рядом с императором. В основном скандалами. Так, в августе 1877 г. она в анонимном письме к начальнику Царскосельского дворцового управления Ребиндеру потребовала «выслать в квартиру генерал-адъютанта Рылеева ту долю фруктов, которая назначается самому государю в его здесь пребывание». Ребиндер письмо проигнорировал и продолжал отсылать лучшие фрукты из Царскосельских оранжерей императрице Марии Александровне. Тогда Катенька написала жалобу Александру II, тот в это время находился в Дунайской армии, осаждавшей Плевну. В результате этой переписки с берегов Дуная Ребиндер получил телеграмму с высочайшим повелением послать Долгоруковой «фрукты, предназначаемые для самого государя»[183].

В начале 1879 г., еще до серии покушений на Александра II, император переселяет свою вторую семью в Зимний дворец. Екатерину Долгорукову поместили на третьем этаже юго-западного ризалита императорской резиденции. По свидетельству мемуаристов, смех и крики маленьких детей были отчетливо слышны в гостиной Марии Александровны, которая находилась этажом ниже. Однако императрица ни словом, ни взглядом не упрекнула своего мужа.

С этого времени Екатерина Долгорукова начинает вмешиваться в государственные дела. Судя по мемуарам Е. Долгоруковой, ее влияние распространялось даже на охрану императора. Так, после апрельского покушения 1879 г. на Дворцовой площади Александр II, по просьбе Е. Долгоруковой, отказался от ежедневных утренних прогулок вокруг своей резиденции и вместо этого ежедневно совершал утреннюю прогулку по большим залам Зимнего дворца «в обществе своих троих детей, рожденных от его брака с княгиней Юрьевской»[184]. Она постоянно консультировалась по вопросам охраны с графом Лорис-Меликовым и А. Рылеевым, обсуждала эти вопросы и с

Александром II. По ее словам, «за такими сведениями она обычно обращалась, руководимая заботами, вдохновляемыми ее искренней привязанностью»[185]. Ее энергию можно понять: молодая, тридцатитрехлетняя женщина с тремя детьми (один ребенок умер) понимала, что все ее благополучие держится на жизни и здоровье Александра II, которому шел 63-й год и на которого беспрерывно совершались покушения.

Некоторые из придворных немедленно «поменяли ориентацию», уделяя Е. Долгоруковой самое пристальное внимание. Начали крутиться вокруг Катеньки и разного рода дельцы, хорошо представлявшие степень ее влияния на стареющего Александра II. Так, С.Ю. Витте, видный политический деятель, упоминал, что Катенька не брезговала добычей в пользу этих дельцов «различных концессий и льгот»[186]. И, конечно, не бескорыстно.

«Наконец», 20 мая 1880 г. императрица Мария Александровна, после длительной болезни, в одиночестве угасла в Зимнем дворце. Александр II в это время жил со своей «дусей» в Зубовском флигеле Большого Екатерининского дворца. С 20 мая для Катеньки Долгоруковой начались горячие дни, во время которых она проявила бешеную энергию и железную волю. Она буквально «ковала, пока горячо…».

О том, как развивались отношения Александра II с Екатериной Долгоруковой в мае-июне 1880 г., дает представление их переписка. В день смерти жены, 20 мая 1880 г., Александр II писал Долгоруковой: «Ты знаешь… что я исполню мой долг, лишь обстоятельства мне это позволят». На следующий день Александр II сообщил министру Императорского двора А.В. Адлербергу о своем желании вступить в законный брак с Екатериной Долгоруковой. Результаты этого разговора царь зафиксировал в дневнике 22 мая 1880 г.: «Адлерберг, представив множество возражений, не советует мне вступать в новый брак. Должен признать, что в некотором отношении он прав, но я не мог с ним говорить с полной откровенностью. Я дал слово чести и должен сдержать его, даже если Россия и История мне этого не простят»[187].

Только после смерти Александра II министр Императорского двора А. В. Адлерберг поделился с близкими людьми своими впечатлениями от этого разговора. Он подчеркивал, что «покойный государь был совершенно в руках княгини Юрьевской, которая довела бы государя до самых крайних безрассудств, до позора». По словам министра, он был «крайне возмущен» намерением царя жениться, когда тело его жены, матери его детей еще не предано земле. Адлерберг был категорически

против этого брака, Александр II настаивал на своем желании: «Государь, со своей стороны, доказывал необходимость предположенного брака, считая себя обязанным к этому чувством чести, совести и религии. Он горячился, волновался, и горячий наш спор продолжался более часа»[188]. Наконец, Адлербергу удалось убедить царя соблюсти минимальные приличия и отложить брак.

Для Катеньки отсрочка представилась катастрофой. Она стала жестко давить на Александра II, требуя немедленного выполнения обещания жениться. Царь не отказывался от своего обещания, но хотел соблюсти элементарные приличия, и настойчивость «дуси» стала вызвать у него раздражение. В письме к ней от 27 мая 1880 г. Александр II писал: «Но ты должна понимать, милая дуся, что мне неприятно касаться подобного предмета, когда тело усопшей еще не предано земле. Поэтому не будем говорить об этом, ибо ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы не сомневаться в моем слове»[189].

Александр II действительно сдержал свое слово. Когда миновал 40-й день после смерти императрицы Марии Александровны, он решительно объявил А.В. Адлербергу о своем желании жениться: «Государь при одном из моих докладов снова поразил меня, объявив свое решение не отлагать долее исполнение намерения и совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив все неприличие такого поступка до истечения годичного срока после кончины императрицы. Во все время, что я говорил, государь сидел молча, бледный, смущенный, руки дрожали, вдруг встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату. Я в полном недоумении соображаю, что остается мне делать, и намеревался также уйти, как вдруг отворяется снова дверь, и входит женщина; за нею вижу фигуру государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь. Странное было мое положение – очутиться лицом к лицу с женщиной, с которою приходилось мне говорить в первый раз и которая напустилась на меня с резкими упреками за то, что я отговариваю государя от исполнения долга чести. Я вынужден был возражать ей, так что между нами произошла бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго. Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась, и показалась голова государя, который кротко спросил, пора ли ему войти. На это княжна с горячностью ответила: «Нет, оставь нас докончить разговор». Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив всю злобу на меня, вышла из кабинета»[190].

Эта сцена поразила министра Императорского двора А.В. Адлерберга. Он первый раз видел и слышал, как выставляли из собственного кабинета самодержавного хозяина многомиллионной империи! В этот миг он, видимо, совершенно отчетливо понял, кто будет управлять этой империей.

Венчание Александра II и Екатерины Долгоруковой состоялось 6 июля 1880 г. в Екатерининском дворце Царского Села перед походным алтарем Александра I. Несмотря на секретность, факт венчания стал сразу широко известен. Императорскую фамилию и петербургский высший свет шокировал поступок Александра II. Осенью 1880 г. в крымской Ливадии молодую жену официально представили детям Александра II от первого брака.

Для молодых великих князей, младших сыновей Александра II, это стало настоящей трагедией. При этом о своем браке Александр II сообщил сыновьям через их воспитателя Арсентьева[18], «для них это был страшный удар; они питали культ к памяти своей матери, так недавно скончавшейся. Сергей Александрович знал о связи своего отца, но он поставил себе задачей помешать тому, чтобы младший брат его, великий князь Павел, что-нибудь узнал об этом»[191].

Вскоре после возвращения в Петербург из Ливадии Екатерина Долгорукова Высочайшим указом (от 5/17 декабря 1880 г.) превратилась в княгиню Юрьевскую. По слухам, циркулировавшим по петербургским гостиным, такая «фамилия» была связана с одним из семейных преданий Романовых. Якобы император Павел I «посмертным распоряжением назвал имевшую родиться побочную дочь Юрьевскою, что и подало покойному государю назвать своих побочных детей и их мать Юрьевскими»[192].

Реакция детей была пассивно-демонстративной. Например, цесаревич Александр Александрович, который в 1870-х гг. охотно жил в Царском Селе, в Александровском дворце, со дня свадьбы Александра II с княгиней Юрьевской перестал посещать Александровский дворец[193].

В Петербурге события лета и осени 1880 г. стали главным предметом для разговоров. Почти все осуждали стареющего императора и сочувствовали его детям. А.Н. Бенуа тогда был ребенком, но и ему запомнилось единодушное осуждение скоропалительного брака Александра II. Много позже он вспоминал: «В это лето мы не переехали на дачу, и тетя Лиза не прерывала своих еженедельных посещений, оттого мне особенно и запомнился этот ее гнев, сопровождавшийся совершенно убежденными пророчествами: Бог-де непременно накажет его за

такое попрание божеских и людских законов!»[194]

Темп развития событий второй половины 1880 г. не удовлетворил притязаний честолюбивой «дуси». В недрах Министерства Императорского двора началась неофициальная подготовка к ее коронации и превращению княгини Юрьевской в императрицу Екатерину III. Амбиции княгини Юрьевской всячески поддерживал всесильный тогда «диктатор», министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, который поддерживал с Юрьевской самые дружеские отношения.

Коронация планировалась на август 1881 г. К разработке проекта церемонии привлекли М.Т. Лорис-Меликова[195]. По свидетельству близкого ко Двору профессора Б.Н. Чичерина, «Епитроп[196] Иерусалимской церкви, ныне государственный контролер Тертий Филиппов по этому случаю даже ездил в Москву, чтоб из архивов извлечь подробности о коронации Екатерины I….Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта»[197].

Отношения в семье обострились настолько, что Александр II периодически в минуту гнева прямо говорил своему старшему сыну, что он может лишиться своего статуса цесаревича. Отношения в большой в семье Александра II в начале 1881 г. сложились весьма непростые.

Французский паспорт княгини Юрьевской

Однако гибель императора Александра II от рук террористов

1 марта 1881 г. положила конец честолюбивым притязаниям «дуси». Многие сановники, преданные соратники Александра II, в определенной степени с облегчением восприняли известие о мученической кончине царя, «списавшей» все его земные грехи. Министр Императорского двора А.В. Адлерберг конфиденциально высказал следующее мнение: «Трудно сказать, до чего могла бы довести государя эта женщина, нахальная и вместе с тем глупая и неразвитая! Вот почему я и сказал, что мученическая кончина государя, быть может, предотвратила новые безрассудные поступки и спасла блестящее царствование от бесславного и унизительного финала»[198].

При Александре III после ряда скандалов княгиня Юрьевская уехала из России во Францию. При Николае II она периодически приезжала в Россию. В этот период с Юрьевской подружилась великая княгиня Ольга Александровна, которая часто бывала в доме второй жены своего деда. Она вспоминала, что «всякий раз, как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. Она только о нем и говорила». Более того, Юрьевская сохранила все мундиры Александра II, всю его одежду, даже домашний халат, и поместила их в стеклянную витрину в домашней часовне[199]. Накануне Первой мировой войны Юрьевская продала всю недвижимость и уехала во Францию, где и скончалась в 1922 г.

Семья Александра III

Взаимоотношения в семье Александра III были на редкость гармоничны. Для императорской семьи. Несмотря на неизбежные сложности в начале супружеской жизни любой молодой четы и на взрывной характер Марии Федоровны, прозванной «Гневной», это была патриархальная семья в лучшем смысле слова.

Патриархальность проявлялась в самых разных вещах. Именно в семье Александра III сложилась традиция вечерних семейных чтений. По свидетельству современников, Александр III очень любил Гоголя, следил за современными писателями, читал Достоевского, Льва Толстого, Тургенева: «Он охотно читал вслух и чуть ли не каждый день императрице Марии Федоровне»[200].

Одной из особенностей этой семьи было то, что ни у Александра III, ни у Марии Федоровны современники не отметили ни одного увлечения на стороне. Удивлялись потому, что царствование Александра II, особенности семейной жизни великих князей Константина и Николая Николаевичей (Старшего) давали светскому обществу Петербурга массу поводов для разговоров.

В семье рано сложились ровные отношения, со своими «сферами влияния». Александр III, еще будучи цесаревичем, не позволял Марии Федоровне вмешиваться в его «работу», хотя к ее мнению и прислушивался. Он моментально ставил жену на место, если она выходила за рамки традиционных взаимоотношений. В свою очередь у Марии Федоровны была масса дел. Она занималась домом и детьми. Это была полностью ее сфера влияния. Она унаследовала от императрицы Марии Александровны все дела, связанные с благотворительностью по линии Ведомства императрицы Марии Федоровны, и покровительствовала обществу Красного Креста. Кроме этого, у нее, как цесаревны, а затем императрицы, имелось множество представительских обязанностей.

Императрица Мария Федоровна. *И.Н. Крамской*

Проблемы в семье, конечно, возникали, но уровень этих проблем не шел ни в какое сравнение с семейными проблемами Александра II. Александр III с пониманием относился к маленьким дамским слабостям жены. И даже посмеивался над ними. Он терпел ее увлечение танцами и нарядами, иронизировал по поводу любви Марии Федоровны к прогулкам по Невскому проспекту. У Александра III даже появился «свой» глагол, обозначающий эти прогулки: «Madame vous alles хлыще». Это словечко он производил от слова «хлыщь» («хлыщить»), т. е.

уподобляться катающимся хлыщам[201]. Видимо, это слово прижилось в семье, поскольку Николай II в своих дневниках в молодые годы частенько его упоминал по отношению к себе.

Семья Николая II

Николай II, женившись в 26 лет на любимой женщине, пытался воспроизвести семейные порядки, к которым он привык с детства. Однако его женой стала женщина, очень далекая по складу характера от его матери.

На семейную жизнь последнего царя оказывало влияние множество факторов, но, пожалуй, одним из главных был фактор состояния здоровья императрицы Александры Федоровны и цесаревича Алексея.

Когда гессенская принцесса Алике стала невестой цесаревича Николая в апреле 1894 г.[202], то состояние ее здоровья стало одной из центральных тем в переписке между будущими супругами и королевой Викторией. При этом необходимо отметить, что неблагополучное состояние здоровья принцессы Алисы не только не скрывалось ее родственниками, но, наоборот, подчеркивалось ими. Дело в том, что королева Виктория поначалу настроилась категорически против самой возможности этого брака. Еще в 1890 г. она писала старшей внучке, в замужестве принцессе Батенберг-Маунбэттен: «Сообщи Элле, что разрешения на замужество Алике в Россию не будет, и пора с этим кончать»[203]. И только угроза политической изоляции Англии заставила ее изменить отношение к этому браку. Но последующая откровенность королевы в сообщениях о состоянии здоровья своей внучки позволяет предположить, что она не оставляла мыслей расстроить этот брак.

Известно, что еще в восемнадцать лет молодая принцесса страдала от крестцово-поясничных болей, которые заставляли ее проводить длительное время в инвалидной коляске. Через много лет, в апреле 1909 г., старшая сестра императрицы Елизавета Федоровна упомянула в письме к царю о больных ногах как о семейном заболевании: «Ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье»[204].

В переписке будущих супругов тема здоровья невесты занимала значительное место. Никто не предполагал, что свадьба состоится так скоро. Из переписки следует, что на поправку здоровья невесты отводился как минимум год. Об этом пишет и она сама, и ее бабушка – королева Виктория. В апреле 1894 г. невеста писала будущему мужу из Виндзора: «Я сделаю все, что в моих силах, чтобы к будущему году привести ноги в порядок, но это совсем не легко, а ты так любишь ходить пешком»[205]. Никто не предполагал тогда, весной 1894 г., что болезнь буквально за полгода поглотит последние силы императора Александра III, и

что их свадьба состоится через несколько недель после смерти императора.

В мае 1894 г. для лечения больных ног невеста русского цесаревича уезжает на английский курорт Харрогит, откуда регулярно информирует своего жениха о своем здоровье. Она писала ему: «Сегодня утром я приняла свою первую серную ванну, запах довольно неприятный». Заболевание оказалось действительно серьезным, но молодая девушка не стеснялась упоминать об этом в письмах к жениху. В письме от 11 мая 1894 г. она вновь повторяет, что «у меня сегодня так болели ноги, и я приняла мою первую ванну». Все это время невеста наследника престола передвигалась в кресле-каталке, что, безусловно, сразу же начало вызывать нежелательные толки в среде русской аристократии. Естественно, это больно задевало Алису, и она признавалась жениху, что «если я не была бы в этом кресле-каталке, я бы и внимания не обращала»[206] на пересуды скучающей публики.

Объективная информация медицинского характера о состоянии здоровья будущей русской императрицы поступала к наследнику и от королевы Виктории. В письме, написанном 25 мая 1894 г. в резиденции Балморал, она сообщала, что «результаты лечения дорогой Алики в целом удовлетворительны, но ей нужен исключительный покой и отдых. Посылаю тебе копию письма доктора из Харрогита, очень умного и хорошего человека. Она на диете и соблюдает строгий режим. Ей приходится много лежать. Это надо было сделать давно, но врач, которому, к сожалению, очень доверяет, весьма глуп, и от него никакого проку, и он соглашается на все, о чем его просят. То, что она делает сейчас, надо было сделать прошлой осенью и зимой. Кончина ее дорогого отца, беспокойство за брата и споры о ее будущем очень сильно подорвали ее нервную систему. Надеюсь, ты это поймешь и не будешь спешить со свадьбой, ведь ради твоего и своего блага она сначала должна выздороветь и окрепнуть»[207]. В этом письме обращают на себя два момента. Во-первых, просьба королевы не спешить со свадьбой, во-вторых, ее упоминание о расшатанности нервной системы невесты. Надо заметить, что королева достаточно откровенна со своим родственником, так как особенности болезненной психики представителей Гессенского дома были широко известны среди владетельных дворов Европы.

В свою очередь внучка королевы Алиса Гессенская сообщала бабушке о ходе своего лечения. В письме от 28 мая 1894 г. она писала, что «ванны очень утомительны, и мне приходится много отдыхать. Хотя боли все еще не проходят, но я надеюсь, что со

временем ванны помогут»[208]. На курорте Харрогит будущая русская императрица пробыла все лето 1894 г., и королева Виктория регулярно оповещала жениха о том, что «дорогая Аликси ведет себя благоразумно, не ездит верхом и не играет в лаун-теннис»[209]. Однако уровень медицины того времени не позволял добиться серьезных перемен к лучшему, и ноги невесты продолжали болеть. 13 августа 1894 г. Николай писал невесте: «Твои бедные ножки опять болят… – хотел бы я быть рядом с тобой, уж я бы их растер»[210].

К осени 1894 г. стало очевидно, что состояние императора Александра III безнадежно, и Алисе Гессенской становится ясно, что она выходит замуж уже не за наследника, а за императора огромной России. Алису срочно вызывали в Ливадию, прервав ее лечение раньше отведенного срока. Состояние ее здоровья не изменилось к лучшему, но для влюбленного наследника это не имело существенного значения. В его дневниковых записях, наряду с темой болезни и приближающейся кончины отца, значительное место занимают упоминания о состоянии ног «бедной Алике». 14 октября 1894 г. он записывает в дневнике: «Алике ехала в коляске, т. к. надо беречь ее ноги, чтобы боли не возобновились»[211]. 19 октября 1894 г., за день до смерти отца, он упоминает: «Побоялся за ее ноги, чтобы она не устала лезть наверх».

Николай и Александра Федоровна, ждущая ребенка. *Фото 1895 г.*

Позже английские родственники, хорошо зная о больных ногах императрицы Александры Федоровны, прислали ей «механический экипаж». Это был четырехместный электромобиль «Colombia», на котором она ездила по парку[212]. Но чаще для этих целей использовалась обычная инвалидная коляска.

20 октября 1894 г. умер император Александр III, и принцесса Алиса Гессенская стала невестой русского императора Николая II. Но, несмотря на весь груз забот, свалившийся на молодого

монарха, тема здоровья жены продолжала оставаться одной из главных в его дневниковых записях. В день свадьбы, 14 ноября 1894 г., царь записал в дневнике: «Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова»[213]. Характерно, что запись, сделанная в день свадьбы, добавляет еще одну медицинскую тему для дневников царя – это постоянные изнуряющие головные боли молодой императрицы. Поначалу в дневнике он фиксировал каждое ее недомогание. В записях за ноябрь и декабрь 1894 г. Николай без конца упоминал об этом: «За обедней бедной Алике сделалось дурно, и она вышла… У Алике разболелась голова»; «Алике легла раньше, т. к. все еще не чувствовала себя еще хорошо»; 29 января 1895 г.: «Дорогая Алике проснулась с головной болью, поэтому она осталась лежать в постели до 2-х»; 3 марта 1895 г.: «Гулял один, т. к. Алике лежала в постели до 12 ч.»; 5 марта 1895 г.: «Алике осталась лежать и завтракала в постели… Алике легла пораньше»; 9 апреля 1895 г.: «К несчастью, у дорогой Алике продолжалась головная боль целый день» (с 8 апреля по 16 апреля) и «Только теперь, после целой недели, у нее прошли головные боли!»[214].

В результате больные ноги молодой императрицы, заставлявшие ее прибегать к инвалидной коляске, бесконечные головные боли, приводившие к тому, что она целыми днями оставалась в кровати, вызывали недовольство невесткой со стороны вдовствующей императрицы и досужие сплетни, которыми она будет окружена до конца своих дней. Начались разговоры о том, что молодая царица не в состоянии родить здорового наследника. Безусловно, эти факторы медицинского характера, из которых никто не делал поначалу секрета, учитывались в политических интригах конца XIX в.

Взаимоотношения с родственниками

Уже в первой четверти XIX в. семья Романовых благодаря многочисленным детям императора Павла I стремительно разрослась. Девочки, как правило, уезжали из России в Германию. В свою очередь, из Германии в Россию приезжали другие девочки, выросшие при карликовых дворах многочисленных германских герцогств, княжеств и королевств. Эта традиция сохранялась вплоть до начала XX в. В результате к концу XIX в. российский Императорский двор не только разросся сам по себе, но и оказался связанным тесными династическими узами со многими европейскими дворами.

Родни было много, как в России, так и за ее пределами. Как и у всех, у императорской семьи отношения с родней складывались по-разному. С одними – очень теплые и дружеские, с другими – холодные и официальные. Но, вне зависимости от личных симпатий и антипатий, на большие праздники, похороны и коронации все собирались вместе. Собравшись, обсуждали сложные межгосударственные проблемы, сплетничали и злословили, присматривали будущие партии для своих детей, интриговали, просили денег… Но при всей пестроте взаимоотношений личностные качества российских самодержцев, выстраиваемый ими «сценарий власти» определял некую стержневую линию во взаимоотношениях с ближней и дальней родней.

Великий князь Михаил Павлович.
И.Н. Крамской

При Николае I лично порядочный и твердый император установил такие правила взаимоотношений между родственниками, что никому не могло прийти в голову нарушить возрастную и династическую субординацию. Россия оставалась полуфеодальной империей, которая еще не была заражена ядом буржуазной демократии и революций. И, конечно, никто из великих князей, тогда еще немногочисленных, не мог и подумать о возможности морганатического брака. Хотя прецеденты имелись. Тем не менее «правила игры» во взаимоотношениях между родственниками, установленные Николаем Павловичем, жестко соблюдались вплоть до его смерти. Безусловно, симпатии и антипатии присутствовали, но это держалось глубоко под спудом, и длительное царствование не омрачилось ни разу серьезным династическим скандалом. Самый близкий родственник Николая I, его верный многолетний соратник – младший брат великий князь Михаил Павлович. Они вместе росли и были близки по своим взглядам на жизнь. Михаил Павлович отлично понимал свое место в семейной иерархии и вел себя безупречно в отношениях со старшим братом-императором. Тем не менее, при всей корректности отношений на

людях, Николай и Михаил Павловичи периодически «искрили» наедине. Дочь Николая Павловича вспоминает, как они спорили, как Михаил Павлович впадал в ярость и «начинал кричать, Папа в свою очередь выходил из себя, после чего дядя предлагал уйти в отставку …такие сцены обижали Папа, оттого что он любил своего брата и всегда оберегал его»[215].

Николай Павлович держал свою стремительно разраставшуюся родню и сановников, окружавших трон, «в кулаке», жестко пресекая малейшие вольности, которые, по его мнению, могли нанести урон чести императорской фамилии. К таким эпизодам можно отнести случаи «высочайшей контрабанды». Барон Корф описывает эпизод, когда старшая сестра царя великая княгиня Мария Павловна воспользовалась дипломатической почтой, отправив с фельдъегерем «контрабандную» посылку в адрес Канцелярии Министерства иностранных дел на имя министра графа К.В. Нессельроде. Следует еще раз подчеркнуть, что это была старшая сестра Николая I, ставшая в замужестве герцогиней Саксен-Веймарской. Ее герцогство – крохотное, и желание, по немецкой скаредности, «сэкономить на таможне» вполне понятно. Однако фельдъегерь прежде Петербурга заехал в Гатчину с пакетом к Николаю I. Тот поинтересовался, что он везет еще, и приказал принести все пять пакетов. Видимо, у осведомленного царя появилась информация о «дипломатическом» контрабандном канале. Поэтому Николай Павлович сам вскрыл объемистый пакет старшей сестры, обнаружив там фрак и брюки. Примечательно, что содержимое пакета адресовалось фрейлине Ю.Ф. Адлерберг, подруге детства Николая Павловича.

Николай Павлович немедленно вызвал в Гатчину начальника петербургской таможни Ильина с двумя досмотрщиками. Таможенники вскрыли все остальные пакеты. Согласно таможенных правил, всю «высочайшую контрабанду» конфисковали, наложив штраф на фрейлину в 630 руб. серебром. Кроме этого, наказали посла в Берлине, и император лично сделал выговор министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде[216].

Надо заметить, что столь жесткая реакция Николая I на «высочайшую контрабанду» не случайна. Тот же Корф описывает еще один подобный эпизод, произошедший несколько ранее. Статс-дама Елизавета Алексеевна Паскевич-Эриванская, супруга генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевич-Эриванского, которого Николай I глубоко уважал и называл в личных письмах «отцом-командиром», прислала в Петербург своим зятьям разных гостинцев в запломбированных ящиках. Их должны были вскрыть

в Петербурге. Зятья, получив посылки сами, без таможенных чиновников, сняли пломбы. Это стало известно, поскольку министр финансов счел необходимым доложить о нарушении закона. И, несмотря на все личные и давние отношения с семьей фельдмаршала, Николай I приказал взыскать колоссальный штраф в 17 ООО руб. серебром, говоря, что чем выше звание, тем более должно подавать пример уважения к законам. Эти эпизоды, конечно, получили широкий резонанс, и «высочайшим контрабандистам» пришлось поумерить свои аппетиты.

Период правления Александра II дает больше информации для анализа родственных взаимоотношений как в самой императорской семье, так и в ее родственном окружении. Александр II продолжил практически все семейные традиции своего отца. На протяжении всего его царствования по воскресным дням проходили обязательные фамильные обеды в Зимнем дворце, «на которые приглашалась вся наличная Императорская фамилия»[217].

Великая княгиня Елена Павловна. *Ф.К.Винтерхальтер. 1862 г.*

Следует заметить, что традиция еженедельных собраний всей семьи на «фамильные обеды», видимо, сложилась в последней трети XVIII в. По крайней мере, точно известно, что при Александре I фамильные обеды проходили два раза в неделю. Один – на половине императора, другой – на половине вдовствующей императрицы Марии Федоровны. На фамильные обеды, кроме членов высочайшей семьи, приглашались литераторы, художники, музыканты, члены Императорской академии, военные[218].

Такую же роль при Николае I и Александре II играл салон

великой княгини Елены Павловны. Эта, безусловно, умная женщина, собирая в своем салоне «творческую интеллигенцию», стала одним из негласных лидеров либерального лагеря накануне отмены крепостного права. Поскольку вопросы обсуждались принципиальные и очень болезненные, то это периодически выливалось и в личные выпады. Так, в 1860 г. великая княгиня Елена Павловна, разговаривая с графом Бобринским о перспективах и вариантах проектов отмены крепостного права, горячась, обмолвилась, что «Александр Николаевич – человек очень ограниченного ума. Бобринский тотчас встал, сказав, что не может слушать подобных речей, прямо побежал к государю и передал ему все слышанное»[219].

Великий князь Владимир Александрович с семьей. *Фото 1880-х гг.*

С большим сомнением воспринимала Елена Павловна и государственный потенциал будущего Александра III. Надо сказать, что она в том была не одинока. Так, в 1865 г., после смерти цесаревича Николая Александровича, она «громко говорила, что управление государством должно перейти к Владимиру Александровичу»[220]. Такие родственные «недоумения» – одна из неизбежных издержек «профессии» самодержца.

Многочисленные дети Александра II, подрастая, на подсознательном уровне впитывали иерархические принципы. Старший брат – не просто старший брат, а наследник и будущий император. Даже в своих играх они воспроизводили эту иерархию взаимоотношений.

Так, на императрицу Марию Александровну очень тяжелое впечатление произвел диалог ее сыновей, услышанный ею случайно. Дети играли, когда императрица услыхала, как ее старший сын, великий князь Николай, сказал своему брату Владимиру: «Когда ты будешь императором…» Мать немедленно вмешалась и поправила: «Ты ведь хорошо знаешь, что Владимир никогда не будет императором». – «Нет! Будет, – отвечал ребенок, – его имя означает «владетель мира»». – «Но ты же знаешь, что не имя, а очередь рождения дает право на престол». – «Да, – сказал мальчик, – но дедушка был третьим сыном, а он царствовал. Я умру – тогда царем будет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир». Об этом эпизоде Мария Александровна рассказала фрейлине А.Ф. Тютчевой, признавшись, что слова пятилетнего ребенка поразили ее «прямо в сердце»[221].

Надо заметить, что подобным разговорам молва порой придавала характер пророчеств и передавала из поколения в поколение. Великий князь Владимир Александрович так и остался вечным «заместителем». Сам он к своему положению младшего брата царя относился совершенно спокойно, и у братьев сохранялись прекрасные отношения. Но его жена, великая княгиня Мария Павловна, или Михень, как ее звали близкие, мечтала об ином положении. После того как в октябре 1888 г. семья Александра III буквально чудом уцелела в железнодорожной катастрофе, Владимир и Мария Павловна, находившиеся за границей, ограничились сочувственной телеграммой и не вернулись в Россию. Императрицу Марию Федоровну это очень раздражило. Следует отметить, что до

1889 г., т. е. до полного совершеннолетия будущего Николая II, с 1881 по 1889 г. официальным наследником престола являлся великий князь Владимир Александрович[222].

При императоре Николае II надежды Михень на изменение своего положения вновь воскресли. Дело в том, что родившийся цесаревич Алексей был инвалидом, следующими по старшинству претендентами на престол по мужской линии становились сыновья Марии Павловны. Поэтому в 1908 г. Михень, как женщина весьма практичная, срочно приняла православие. При этом она вышла замуж за великого князя Владимира Александровича в 1874 г., оставаясь лютеранкой на протяжении 34 лет. Ее принятие православия в 1908 г. было истолковано именно как подготовка для принятия ее сыновьями императорской короны на случай смерти цесаревича Алексея с учетом того, что младший брат Николая II собирался заключить морганатический брак. Эти сложные ситуации не прибавляли теплоты в отношениях между родственниками.

Когда в апреле 1865 г. в Ницце умер цесаревич Николай Александрович (Никса), его младший брат Александр принял на себя обязанности цесаревича. Многие встретили это без особого восторга. Но, как правило, недовольство держали при себе. Только младший брат Александра II великий князь Константин Николаевич, который, по общему признанию, имел тяжелый характер, не счел нужным скрывать своего отношения к племяннику. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что «всех язвительнее и ожесточеннее был царский брат – Константин Николаевич. Он не щадил самолюбия, не стесняясь, отзывался презрительно о цесаревиче. Впрочем, он и ранее того, с детства его относился вообще к племянникам пренебрежительно»[223].

Великий князь Константин Николаевич. *Фото 25 июня 1881 г.*

Недоброжелательность дяди к племяннику буквально прорвалась в трагический день 1 марта 1881 г., когда горе, казалось бы, объединило всю царскую семью. С.Д. Шереметев вспоминал: «Не забуду я, когда в Зимнем дворце в марте 1881 г., еще до похорон государя, Константин Николаевич заметил на погонах моих вензеля императора Александра III. Он стремительно подошел ко мне, посмотрел мне в упор, уставился злобным и ледяным взглядом и, указывая на вензеля мои, глухо произнес: «Надолго ли?» Конечно, адъютант нового императора при случае передал эту реплику Константина Николаевича Александру III: «Его оно не удивило, но не забыть мне этого злого, вызывающего взгляда; то было шипение змеи, чувствующей приближение своего конца»»[224].

Великий князь Константин Николаевич с дочерью Анной от гражданского брака с А В. Кузнецовой. *Фото копир 1870-х гг.*

Александр III отвечал дяде постоянной взаимной неприязнью. Видимо, еще до описанного выше эпизода в кабинете умирающего Александра II произошел неконтролируемый выплеск эмоций со стороны самого Александра III: «Говоря о смерти отца, великий князь Владимир рассказывает, что одним из первых явился к смертному одру и был здесь свидетелем жестокой сцены: стоявший на коленях Константин громко рыдал, а нынешний государь в припадке нервного раздражения кричал:

«Выгоните отсюда этого человека (указывая на Константина), он сделал несчастие моего отца, омрачил его царствование» и т. д. Владимир схватил за руки своего старшего брата и тщетно старался его успокоить». Конечно, такой эмоциональный всплеск вполне объясним трагической ситуацией и напряжением, подспудно копившимся в отношениях дяди и племянника, но следует отметить, что эта взаимная неприязнь обусловливалась не только межличностными отношениями, но и тем, что на склоне лет Константин Николаевич оставил семью, открыто зажив с балериной. Примерному семьянину Александру III претило это демонстративное попрание семейных уз нелюбимым

дядей. Тем более что дядя и не думал хоть как-то скрывать свои «привязанности». Так, в свете много говорили о том, что Константин Николаевич, гуляя в Крыму и встречая знакомых, старался знакомить их со своей пассией, танцовщицей Кузнецовой, и при этом приговаривал: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь – собственная». Но самым главным, что разъединяло дядю и племянника, было то, что они по-разному смотрели и на будущее России[225].

Царь по отношению к родственникам мог высказаться очень сильно. Граф С.Д. Шереметев писал: «Всего более не терпел великого князя Константина (Константина Николаевича. – *И. З.)*. «Подлец!» – говорил он при мне….По всему чувствовалось, что он был не раз глубоко оскорблен выходками своего дяди: «Он с нами обращался, как со свиньями!» – сказал он при мне»[226]. И действительно, после 1881 г. великий князь

Константин Николаевич был отправлен в отставку и потерял все то влияние на государственные дела, которое он имел при Александре II.

Великий князь Николай Константинович (*Никола)*

Следует отметить, что настороженное отношение к Константиновичам у Александра III сохранялось на протяжении

всей его жизни. Видимо, он исходил из русского «яблоко от яблони…». Так, он достаточно рано разошелся с другом своих детских игр – сыном Константина Николаевича – великим князем Николаем Константиновичем, или, как его звали в семье, Николой. Молодой человек в начале 1870-х гг. блестяще учился в Академии Генерального штаба, параллельно погружаясь в жизнь петербургского полусвета. В результате в 1874 г. заболел сифилисом и был вынужден уехать в Вену для лечения. Не был он чужд и гомосексуальных забав. Вероятно, слухи об этом доходили до цесаревича Александра Александровича. Граф С.Д. Шереметев очень сдержанно пишет об этом: «Из лагеря он (цесаревич Александр Александрович. – *И. З.*) послал меня в Павловск посмотреть на увеселения великого князя Николая Константиновича, в то время собиравшего мальчиков для какой-то борьбы, разделенных на два враждебных отряда, они нападали на дворец и защищали его. Это было что-то не вполне нормальное. Я был свидетелем многих странностей и рассказал о них»[227]. В 1876 г. разразился скандал, связанный с кражей Николой бриллиантов из свадебной иконы матери. Великого князя сослали, и эта ссылка продолжалась при императорах Александре III и Николае II.

После того как осенью 1866 г. состоялся брак цесаревича Александра Александровича с датской принцессой Дагмар,

постепенно начали выстраиваться отношения «старого» и «молодого» Дворов. Следует подчеркнуть, что кандидатура Дагмар была выбором Александра II и, отчасти, императрицы Марии Александровны. Императрица Мария Александровна так и не смогла простить Дагмар «измены» ее старшему, умершему сыну. Поэтому к невестке ее отношение было безупречным с точки зрения «большого света», но по-человечески оно оставалось прохладным. С.Д. Шереметев, который это наблюдал, отмечал, что императрица Мария Александровна относилась к ней «сдержанно, словно подчеркивая измену своему любимцу, она охлаждала первые ее любезности: «Не выходите из своей роли, Вы еще не императрица!». До меня доходили отзывы приближенных к императрице. А.Н. Мальцева[19] не скрывала своих иронических замечаний»[228].

У молодой семьи цесаревича сразу же установились очень теплые отношения с родными жены – датской королевской семьей. Достаточно часто семья наследника, а затем и императора Александра III посещала Данию.

Немыми свидетелями «датской» жизни остались два недорогих веера из гладких деревянных пластин, которые были в моде в 1860—1870-х гг. Первый веер сделан в форме раковины и

украшен с одной стороны гирляндой розочек, оплетающих слово «Fredensborg» и дату «1870». На лицевой стороне второго веера нарисован букет шиповника, а оборотная сторона заполнена многочисленными автографами, среди которых выделяется размещенная внизу надпись крупными буквами «1870. САША. Baby». Очевидно, эти надписи сделаны во Фреденсборге, резиденции Датского королевского дома, во время традиционного съезда родственников. Появление этой надписи связанно с рождением 19 августа 1870 г. на острове Корфу у Георга I (родного брата Дагмар) и Ольги Константиновны (дочери великого князя Константина Николаевича) их третьего ребенка – дочери Александры. Веер использован в качестве своеобразного памятного альбома, на его пластинах гости оставили свои автографы, что было обычным явлением в 1870-1880-х гг.[229]

Став императором, буквально сразу же Александр III показал своей многочисленной российской родне, кто в доме хозяин. Так, он категорически исключил возможность прощания с Александром II своему двоюродному брату Николаю Константиновичу, сосланному за скандальное поведение еще погибшим царем. Он отправил в отставку не только министров отца, но и родного дядю Константина Николаевича.

Александр III, переехав в Гатчину, несколько дистанцировался от большой императорской семьи. Члены семьи, признавая харизму власти императора, его остерегались и недолюбливали: «Они боялись его (боязнь иногда входит в семейные традиции), но, за немногими исключениями, не чувствовалось с их стороны привязанности. Государь – исполнитель долга неудобен семье, не признающей ничего, кроме прав»[230].

В результате Александр III позволил себе то, на что не решались его предшественники. В 1886 г. было высочайше подписано «Положение об Императорской фамилии», согласно которому титулование великого князя (или великой княгини) с соответствующим ему денежным вознаграждением по титулу «Императорское Высочество», принадлежащее ранее всем членам Императорской фамилии, отныне присваивалось только детям и внукам императора и их женам. Все остальные получали звания князей императорской крови и титул «Высочества», а также лишь единовременные субсидии. Конечно, это «Положение…» вызвало бурю негодования, но это негодование проявлялось родственниками только у себя дома. Бюджету Императорского двора это принесло существенное облегчение, поскольку расходы на содержание императорской семьи несколько сократились.

К своим многочисленным родственникам Александр III

относился по-разному. Как и всякий человек. Однако при нем Романовы, несмотря на всю клановость и обилие разных «группировок», продолжали оставаться большой семьей. Александр III неукоснительно требовал, чтобы вся семья обязательно собиралась на крестины, свадьбы, похороны и другие важные события. Он считал своим долгом раз в неделю устраивать традиционный большой обед для всех своих родственников. Однако император внес новшества в давнюю традицию семейных обедов. В разговорах за обедом совершенно исключалось обсуждение каких-либо общеполитических вопросов[231]. Этого правила придерживался и сын Александра III Николай II. Однако после 1904 г. традиция «больших» семейных обедов прервалась[232]. Абсолютный запрет на «политические разговоры» сохранялся и для «малых» семейных застолий.

Став императором, Александр III отдалился от своих братьев. Те, в свою очередь, воспитанные в глубоком почитании самодержавного статуса, безоговорочно признавали старшинство своего брата и публично постоянно демонстрировали это. Вместе с тем «дома» они могли снизить уровень общения и перейти на «ты». Однако случалось, что и при публичном обсуждении острых вопросов, когда задевались чьи-то родственные интересы, братья могли «сбиться» в обращении к самодержцу, что немедленно подмечали окружавшие их сановники. Например, во время работы комиссии, готовившей новый указ об Императорской фамилии (1885 г.), должный изменить статус многих из Романовых, великий князь Владимир Александрович «от времени до времени горячился и был весьма неровен в прении, то, обращаясь к государю, говорил: «Ваше Величество, Вы», то: «Саша, ты»»[233].

С некоторыми из родственников император Александр III позволял себе пошутить. Иногда это были весьма сомнительные шутки с точки зрения хорошего тона. Один из мемуаристов упоминает о подобной «шутке» императора со своей троюродной сестрой принцессой Евгенией Максимилиановной Ольденбургской: «Принцесса почти всегда была одета в костюм-тайер, иногда синего, но чаще светло-серого или бежевого цвета. Этому полумужскому наряду полагалось иметь сзади раскрывающиеся фалды. И вот мы все были свидетелями того, как Александр III, самодержец всероссийский, осторожно подкравшись сзади к принцессе, ни с того ни с сего раскрыл эти фалды и даже, манерно схватив кончиками пальцев, подержал их несколько секунд в таком положении. Спору нет, шутка эта была несколько дурного тона и какая-то чисто мальчишеская; вероятно, то была своего рода реминисценция тех невинных

шуток, которые те же персоны шутили между собой лет сорок тому назад, когда они были детьми»[234]. Принцессу, конечно, возмутило подобное мальчишество российского самодержца. Так иногда «семейно» шутили и другие родственники. Например, в 1890 г. 58-летний великий князь Михаил Николаевич мог позволить себе приподнять ногой кончик платья 26-летней красавицы великой княгини Елизаветы Федоровны, «чтобы видеть, какая у нее надета обувь». На этом великий князь не успокоился и, продолжая «резвиться», обратился к императрице Марии Федоровне, «развязав ленты, коими была привязана ее шляпа. Великий князь Николай Николаевич, увидев то и другое, серьезно стал выговаривать младшему брату неуместность подобных вольностей, угрожая, что подобное поведение рассердит государя»[235].

Великая княгиня Ольга Александровна (младшая сестра Николая II) упоминает, что у нее была «своя» шутливая фраза в обращении с герцогом Йоркским, сопровождавшая их на протяжении всей жизни. Как-то в юные годы в Дании, где собиралась многочисленная европейская родня, кузен, шутя, предложил Ольге «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Шутка запомнилась. Став взрослым, встречаясь и вспоминая молодость, постаревший кузен, мог, как в былые дни, шепотом предложить Ольге Александровне «пойти покувыркаться с ним на оттоманке». Их обоих крайне забавляло, что это «непристойное предложение» могли услышать посторонние люди[236].

Александр III глубоко уважал своего дядю великого князя Михаила Николаевича, достойно представлявшего уходящую николаевскую Россию. Но его жену и детей не любил. Категорически. Межличностные отношения вообще иррациональны, но многие из современников писали о «корректном» антисемитизме Александра III. С.Ю. Витте предполагал, что причиной нерасположенности к жене Михаила Николаевича великой княгине Ольге Федоровне было то, что, «во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ. Этот еврейский тип, а, пожалуй, и еврейский характер в значительной степени перешел и к некоторым из ее детей»[237].

Не любил он и своего будущего зятя великого князя Александра Михайловича, сына Михаила Николаевича и Ольги Федоровны. С.Ю. Витте упоминает, что у великого князя

Александра Михайловича «не только внешний тип еврейский,

но что он обладает, кроме того, вообще отрицательными сторонами еврейского характера….Он очень не любил этого великого князя»[238]. Царь согласился на брак своей дочери Ксении Александровны с Александром Михайловичем, только видя искреннюю влюбленность дочери и желая ей счастья.

Для великого князя Александра Михайловича отношение к нему Александра III не было тайной. Александр Михайлович упоминает о своем примечательном диалоге с царем. Как-то во время одной из поездок Александр III обратил внимание на резиновую ванну великого князя. Молодой князь, демонстрируя свою ванну, вскользь заметил, что наконец-то хоть что-то у него понравилось императору.

Были и лица из окружения императора, которых Александр III просто не переносил, не особенно скрывая это. Так, во время одной из бесед с С.Ю. Витте император поинтересовался, много ли в Биаррице (курорт во Франции на берегу Бискайского залива) отдыхает русских. Узнав, что там отдыхает князь Георгий Лейхтенбергский, он заметил: «Что же, принц моет свое поганое тело в волнах океана?»[239] Надо заметить, что в этой большой семье, где простые родственные чувства круто замешивались на амбициях, денежных и должностных интересах, отношения всегда складывались очень непростыми. Особенно в женской части семьи, где даже случайно оброненная фраза моментально дополнялась самыми жесткими комментариями, и те могли стать поводом для многолетних «войн». Один из высокопоставленных мемуаристов, вхожий во многие гостиные, упоминал, что «отношения великих княгинь таковы, что они держатся подальше друг от друга…»[240].

Тем не менее жизнь брала свое, и во второй половине XIX в. начинает обвально нарастать практика морганатических браков, заключаемых членами российской Императорской фамилии. При этом в «Основных законах» империи четко прописывалось, что дети от этих браков «не могут сообщить прав… принадлежащих Членам Императорской фамилии»[241].

«Поправка» появилась в законах после того, как в 1820 г. великий князь Константин Павлович получил разрешение на морганатический брак с княжной Лович. Этот морганатический брак, первый в семье Романовых, создал прецедент, периодически повторяющийся.

Великая княжна Мария Николаевна.
Ф.К. Винтерхальтер. 1857 г.

Поэтому Александр I, с одной стороны, позволил брату жениться на любой женщине, с другой – урегулировал прецедент изменением юридических норм. Манифестом от 20 марта 1820 г. император Александр I внес дополнения в указ Павла I «Об Императорской фамилии», связанный со вступлением членов императорской семьи в неравнородные браки: «Если какое Лицо из Императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим собственного достоинства, т. е. не принадлежащим ни к какому Царствующему или Владетельному Дому; в таком случае Лицо Императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам Императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола»[242].

Следующий прецедент отмечен в 1850-х гг., когда старшая дочь Николая I Мария Николаевна тайно обвенчалась с графом Строгановым. «Тайные браки» великих князей и княжон неоднократно повторялись. Так, фрейлина императрицы Марии Александровны Нина Пилар тайно обручилась с великим князем Николаем Николаевичем (Старшим). Младший брат просил императора дать разрешение на женитьбу, однако Александр II

категорически ему отказал[243].

В 1871 г. срочно отправили в кругосветное плавание на фрегате «Светлана» великого князя Алексея Александровича, от которого забеременела фрейлина его матери и дочь воспитателя Александра II фрейлина Александра Васильевна Жуковская. Скандал разразился громкий. Как упоминает современник, это было сделано, чтобы «отвлечь великого князя от романтических похождений, о которых в то время сделалось уже известно всему городу. Молодой великий князь, как говорят, настоятельно хотел поправить свое юношеское увлечение браком, и, чтобы не допустить этой развязки романа, придумано было дальнее путешествие». В результате у Алексея Александровича женщины менялись как перчатки, рождались внебрачные дети, но он так и не женился[244].

Александра Васильевна Жуковская и ее сын от великого князя Алексея Александровича А. А. Белёвский-Жуковский

Следующая громкая история началась в конце 1887 г., когда Александр III узнал о намерении великого князя Михаила Михайловича жениться на графине Игнатьевой. Тогда «государь, отказав наотрез в разрешении на подобный брак, назвал Михаила Михайловича дураком»[245]. Несколько позже, обращаясь к младшему брату проштрафившегося великого князя, Александру Михайловичу, который был еще ребенком, Александр III заявил: «Твой брат Михаил – кретин». Ребенок рассказал об этом родителям. Минни покраснела и сказала: ««Саша не говори глупостей» (фр.), но он, стуча по столу, продолжал: «Я не говорю глупостей, он – кретин» (фр.), и, обращаясь к мальчику: «Когда захочешь жениться, то приходи ко мне, я тебе дам хорошие советы»»[246]. Александра III настолько вывел из себя демарш молодого великого князя, что он, даже оставшись один, «ходил по комнате и произносил ужасные слова, которые я никогда от него не слышала. Он говорил: «Масаг… Масаг», т. е., вероятно, он

угрожал новобрачному сослать его туда, куда Макар телят не гонял»[247].

Эта история долго будоражила императорскую семью. В марте 1889 г. по вопросу о «Мише-дурачке» в Гатчине собрался семейный совет. Обсуждался даже не сам Миша, а нараставшая угроза волны морганатических браков среди молодого поколения великих князей. В семейном совете приняли участие Александр III, цесаревич Николай Александрович, четыре брата царя (Владимир, Алексей, Сергей и Павел), великий князь Михаил Николаевич и великий князь Константин Константинович. Также на совете присутствовал министр Императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков. Прения продолжались полтора часа. Мнения по поводу разрешения морганатических браков разделились. Александр III категорически заявил, что никогда таких браков в своем семействе допускать не будет. Его поддержали Сергей Александрович, Михаил Николаевич (отец «Миши-дурачка») и граф Воронцов-Дашков. За разрешение или, по крайней мере, урегулирование практики морганатических браков высказались великие князья Владимир и Алексей Александровичи. При этом холостой Алексей открыто жил с графиней Богарне, женой одного из герцогов Лейхтенбергских.

Потом Михаил Николаевич, обнимая императора, сказал: «Ты поступил, Саша, как тебе приказывал твой долг. Я вполне одобряю твое решение, как оно ни тяжело лично для меня»[248]. Так или иначе, в конце 1889 г. Александр III выслал великого князя Михаила Михайловича за границу, лишив его всех прав и привилегий. Это событие, естественно, вызвало оживленные пересуды. Многочисленные Михайловичи возмущались: «Семейство полагает, что такое изменение произошло под влиянием императрицы, которая опасается морганатических браков для своих сыновей. Что за чудовищное во всех отношениях ничтожество изображает из себя эта датчанка»[249].

Были и просто скандальные связи, на которые высший свет закрывал глаза, хотя о них все знали. Великий князь Николай Николаевич (Старший) открыто жил с балериной Е.Г. Числовой.

«Черногорки», великие княжны Стана и Милица

Великий князь Константин Николаевич на склоне лет также имел связь «на стороне». Младший брат Александра III великий князь Алексей Александрович в молодые годы, несмотря на категорический запрет отца, тайно обвенчался в Италии с фрейлиной А. В. Жуковской, а в зрелые годы жил с замужней герцогиней Зинаидой Дмитриевной Лейхтенбергской, женой герцога Евгения Лейхтенбергского, справедливо считавшейся одной из красивейших женщин Европы.

Но у Александра III случались и радости на «брачном фронте». Так, он остался очень доволен приездом в Россию православных черногорок Милицы и Станы, вышедших замуж за православных великих князей: «Государь очень доволен тем, что в его семейство входит не немецкая принцесса, а православная, хотя и черногорская или даже несколько чернокожая и отнюдь невзрачная»[250]. Однако эти сестры лучшим образом проявили себя в царствование Николая II. Именно они оказались в числе тех, кто ввел в царскую семью Распутина.

Когда Александр III умер, его младшие братья, дяди молодого императора Николая II, ощутили себя в новом качестве. Если раньше они признавали официальное и неофициальное старшинство брата-императора, то к племяннику они относились в лучшем случае снисходительно. Между собой они называли Николая II «дурачок Ники». Да и иначе быть не могло, поскольку сам молодой император был действительно инфантилен, и 26-летнего Николая II министр Императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков воспринимал только как 14-летнего мальчика.

При Николае II морганатические браки становятся скандальным, но довольно обычным явлением. Дядя царя, великий князь Павел Александрович, овдовев, решил жениться во второй раз на разведенной жене полковника Пистолькорс. Николай II, прекрасно понимая, что за этим может последовать, попытался «хлопнуть кулаком по столу». 20 октября 1902 г. он писал матери: «Еще весною я имел с ним крутой разговор, кончившийся тем, что я его предупредил о всех последствиях, которые его ожидают. Ко всеобщему огорчению, ничего не помогло… Как все это больно, и тяжело, и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь ручательство, что Кирилл не сделает того же завтра и Борис или Сергей М. поступят так же послезавтра? И целая колония Русской императорской фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными или незаконными женами? Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности?»[251]

Предвидения царя вскоре оправдались. В 1905 г. двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович женился на разведенной жене великого герцога Дармштадтского Эрнста – Виктории-Мелите. Особую скандальность ситуации придавало то, что герцог Дармштадтский Эрнст был родным братом императрицы Александры Федоровны. Великого князя уволили с флота и запретили проживать в России. Отец «разжалованного» великого князя великий князь Владимир Александрович при поддержке своей жены Михень устроил грандиозный скандал, грозя оставить все официальные посты. Но, надо отдать должное, Николай II не изменил своего решения.

Тем не менее под давлением обстоятельств в августе 1911 г. Николай II в примечании к Статье 188 «Основных законов» полный запрет на неравнородные браки сохранил только для великих князей и великих княжон[252]. Это решение создало юридический прецедент для заключения брака племянницы Николая II Ирины Александровны (дочь младшей сестры царя Ксении Александровны) с Феликсом Юсуповым.

Великая княгиня Ирина Александровна и Феликс Юсупов. *Фото 1914 г.*

Одним из последних громких морганатических браков в семье Романовых стала женитьба младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича на Наталии Сергеевне Вульферт в 1913 г. Наталия Сергеевна Вульферт, в девичестве Шереметевская, имела довольно скандальную репутацию. Дочь московского адвоката и польки, она в 1902 г. вышла замуж за московского актера Мамонтова. В 1905 г. развелась с ним и во второй раз вышла замуж за гвардейского ротмистра Вульферта, служившего в гвардейском полку «синих» кирасир. Полком командовал великий князь Михаил Александрович. Наталия Вульферт немедленно стала его любовницей. Она развелась с Вульфертом и вскоре родила великому князю ребенка. Весной 1913 г. они выехали из России.

Этому браку пытались воспрепятствовать. Чинов Дворцовой полиции и заграничную агентуру подняли на ноги. В мае 1913 г. любовники поселились в Берхтесгадене, на границе Верхней Баварии и Тироля. Но великому князю удалось обмануть многочисленную негласную охрану: Михаил Александрович публично упомянул о своем намерении выехать в Ниццу. Именно

туда и направили всех агентов. Но сам великий князь выехал в Вену, куда раньше отправился его доверенный. В Вене была православная церковь, устроенная сербским правительством для своих подданных. Настоятель этой церкви за тысячу крон наскоро тайно обвенчал высокую чету[253]. Николаю II пришлось запретить брату въезд в Россию.

Великий князь Михаил Александрович и Наталия Вульферт

При Николае II великие князья попытались изменить свое положение и играть новую роль в государстве. Более активную. Фактически это означало, что большая семья становилась

фикцией. Борьба честолюбий и «высочайшего» эгоизма окончательно расколола ее на несколько враждующих кланов. Однако раскол оправдывался самыми высокими устремлениями. Об этом пишет великий князь Александр Михайлович: «Мы просто хотели, чтобы нам позволили занимать должности в различных казенных учреждениях и преимущественно в провинции, где мы могли бы быть полезны тем, что служили бы связующим звеном между царем и русским народом». Однако Николай II, несмотря на свою неопытность, уже понимал, насколько для него усложнится процесс управления страной, когда ему придется навязывать свою волю и конфликтовать с родственниками, а не с покорными министрами. Кроме этого, Романовы фактически были недоступны для обычного правосудия, а их ««проколы» на работе» сильно били по авторитету всей императорской семьи. Поэтому молодой царь, сославшись на вековые традиции династии Романовых, немедленно пресек эти намерения: «В продолжение трехсот лет мои отцы и деды предназначали своих родных к военной карьере. Я не хочу порывать с этой традицией. Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления»[254].

Во взаимоотношениях с родственниками в царской семье вплоть до 1917 г. существовали и другие традиции. Например, уехать за границу великие князья могли только после официального разрешения императора. Разрешение они должны были «испрашивать» у государя. Как правило, это явилось пустой формальностью, и неофициально все сводилось к прощальному свиданию в дружественной обстановке за обеденным столом[255]. Однако эта традиция позволяла царю контролировать перемещения своей многочисленной родни и просто быть в курсе их намерений. Со временем и в силу своего официального положения Николай II приобрел некоторую «сноровку» в обращении с многочисленной родней.

В бытность Николая II цесаревичем у него сохранились дружеские отношения со своими многочисленными кузенами. Однако со временем император замкнулся в семье, поскольку дружить с кем-либо из своего окружения в привычном значении этого слова он не мог, что связано с возможными влияниями друзей на принятие решений. Эта история при Императорском дворе повторялась не единожды. Дружба с ровесниками в мальчишеские годы и постепенное ее охлаждение после восшествия на престол. В лучшем случае на роль друга могла претендовать жена императора, но и это случалось нечасто. Даже небольшие и неформальные встречи с кем-либо из императорского окружения «казались чем-то из ряда вон

выходящим при российском дворе с его устоявшимися и неизменными традициями»[256], поскольку «общение в неформальном кругу противоречило всем традициям русского двора»[257].

Со временем стратегию отношений Николая II с родственниками стала определять жена – императрица Александра Федоровна. Общеизвестно, что Александра Федоровна не пользовалась симпатией ни со стороны вдовствующей императрицы, ни со стороны многочисленной родни. Можно сколько угодно говорить о болезненной застенчивости императрицы, но остается фактом, что ни одна из императриц XIX столетия не вызывала столь единодушной неприязни родственников. В свою очередь, она платила им холодным высокомерием. Всех тех, кто входил в так называемый большой свет, она презрительно называла «бриджистами»[258].

Отдых в императорской семье

Каждая эпоха рождает свои формы отдыха и развлечений. Они органично вырастают из соответствующих возможностей и традиций своей эпохи. Если говорить об императорской семье, то под отдыхом мы будем рассматривать формы досуга, связанные с пребыванием семьи вне Петербурга. Именно с целью отдыха и развлечений. Хотя, безусловно, для императора, стоявшего во главе огромной государственной машины, само понятие отдыха, носило весьма относительный характер. Также, говоря об отдыхе, мы затронем и эволюцию средств передвижения.

У российских императоров были свои предпочтения в том, что они понимали под отдыхом. Поэтому положение и возможности российских монархов превращали отдых в самостоятельную сферу дворцовой жизни и обслуживавшей ее инфраструктуры.

Те или иные формы отдыха российских монархов, безусловно, оказывали влияние на российскую аристократию, делая их модными среди петербургского бомонда. В результате российская аристократия, вольно или невольно, начинала отдыхать именно в императорской манере.

Следует также иметь в виду, что на формы отдыха накладывали отпечаток традиционные сезонные переезды российских императоров из одной резиденции в другую. Как правило, зиму российские императоры проводили в Петербурге, в Зимнем или Аничковом дворцах. Только с 1881 по 1894 г. Александр III зимой жил в Гатчине, периодически переезжая в Аничков дворец. Весной семья могла несколько дней прожить на Елагином острове, а затем во второй половине мая переезжала в Царское Село. В июле с наступлением летней жары, переезжали

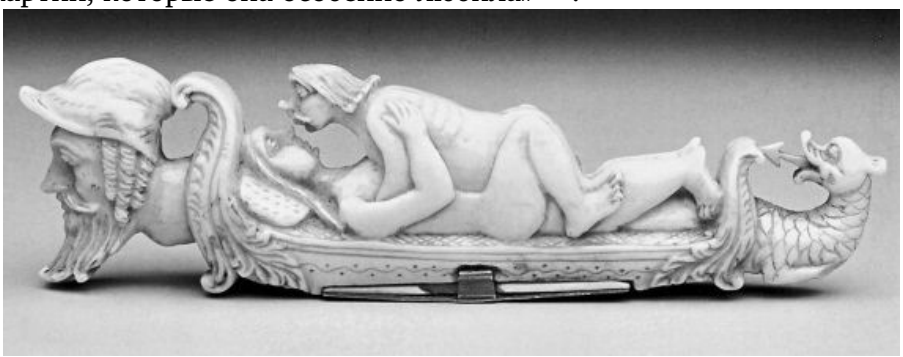
на «море» – побережье Финского залива в Петергофе. В конце июля – начале августа мужчины либо переселялись в Красное Село, где начинались традиционные маневры, либо регулярно ездили туда из Петергофа[259]. Осенью вновь наступал черед Царского Села, где жили до глубокой осени, возвращаясь в петербургские резиденции только в конце октября – начале ноября. Со времен Александра II осенью в бархатный сезон царская семья стала периодически выезжать в свою крымскую резиденцию – Ливадию.

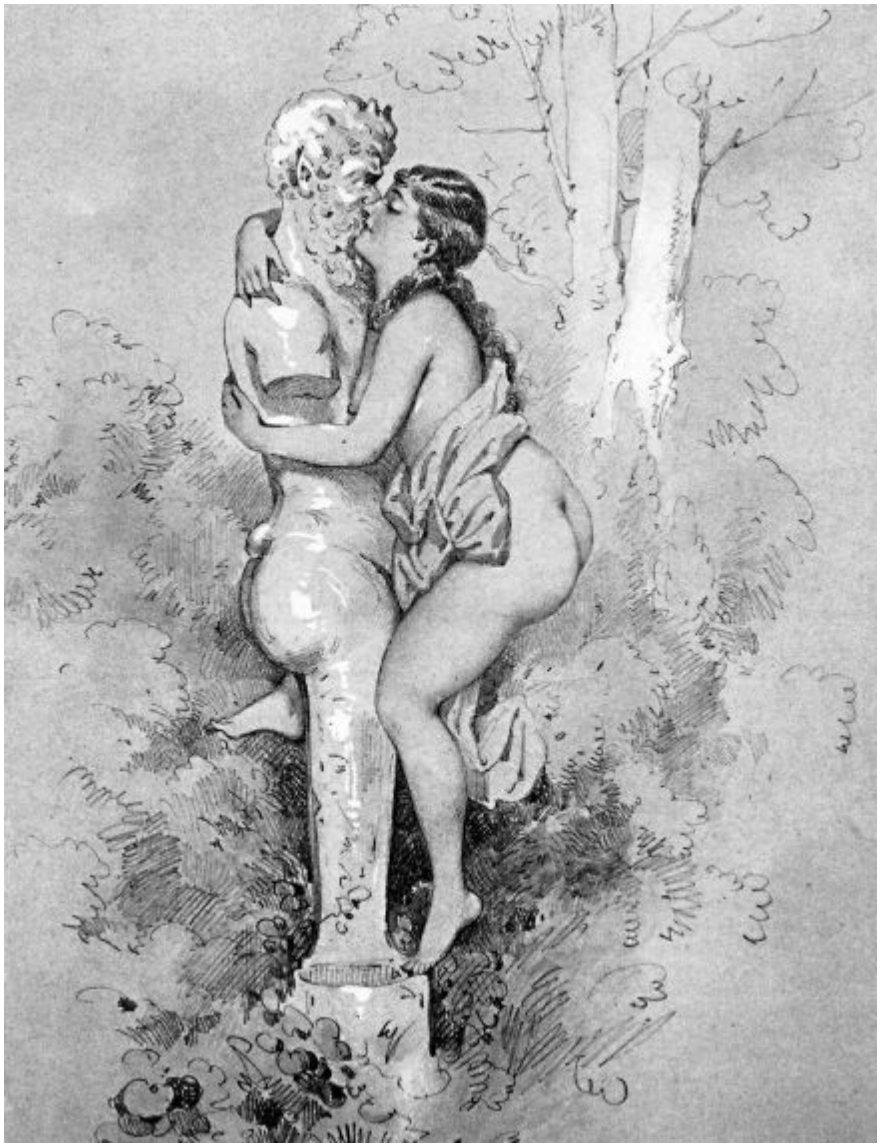
Хобби

Одной из форм отдыха российских монархов было то, что сейчас называется «хобби». Этим разнообразным занятиям, дающим возможность отвлечься от череды бесконечных дел, они посвящали определенную часть своего времени. Характер подобных увлечений очень разный. Почти обязательное хобби, связанное с расширением коллекций Императорского Эрмитажа и Кунсткамеры. Но наряду с такими весьма «затратными» увлечениями появлялись и пустячные (собирание коллекций марок и монет), они-то более рельефно выявляют личностные особенности российских императоров.

В 1822 г. император Александр I устраивает Ферму в Царском Селе. Для этого он выписал быков и коров тирольской, венгерской, швейцарской, английской, голландской, холмогорской и малороссийской пород (всего 62 головы) и 100 мериносов – овец с однородной тонкой шерстью белого цвета. Конечно, он сам не занимался уходом за племенным стадом, но с удовольствием посещал Ферму и гордился тем, что сукно его мундира выработали из шерсти «его» мериносов[260].

Жена Николая I императрица Александра Федоровна, страстно любя живопись и поклоняясь таланту Рафаэля Санти, могла позволить оформлять свои покои картинами из Эрмитажа. Периодически их заменяли новыми работами, которые императрица хотела видеть на своей «половине». Но так как даже императрица не считала себя вправе оставлять картины на своей половине «навсегда», то Николай I «заказал для нее копии тех картин, которые она особенно любила»[261].





Экспонаты эротической коллекции императоров: табакерка из слоновой кости (*Западная Европа, XVIII в.)* и акварель Н. Богданова «Обнаженная пастушка, обнимающая герму Приапа» *{Россия, 1880-е гг.)*

В свою очередь Николай I положил начало «мужской» коллекции приватного собрания предметов эротического искусства. Пикантное увлечение в той или иной степени продолжили Александр II, Александр III и Николай II. Результатом этого увлечения стало формирование обширной и уникальной «эротической коллекции», включавшей в себя как

гравюру и живопись, так и декоративную пластику.

«Первая охота»

Со времен Московского царства охота считалась самой достойной формой проведения времени для российских монархов. Регулярная охота на зверя и птицу была не только древнейшей составляющей повседневной жизни русских царей и императоров, но и традиционным отдыхом. Как и любая другая царская забава, охота имела своих страстных поклонников. С одной стороны, из российских монархов XIX – начала XX вв. к охоте спокойно относились Александр I и Николай I. С другой стороны, их преемники Александр II, Александр III и Николай II – страстные любители охоты.

У каждого из них имелись свои охотничьи предпочтения. Так, Александр II с молодых лет привык ходить на крупного зверя. Достаточно рано его начали приучать к охоте, которую он полюбил на всю жизнь. По свидетельству воспитателя цесаревича К.К. Мердера, он уже в десятилетнем возрасте владел техникой ружейной стрельбы. С 13 лет охотился на уток и зайцев, в 14 лет впервые принял участие в охоте на волков, а в 19 лет убил своего первого медведя[262]. Именно при Александре II медвежья охота вошла в моду при Императорском дворе.

В коллекции Гатчинского арсенала хранится коллекция охотничьих рогатин, с которыми Александр II мог лично ходить на медведей[263]. Этот вид охоты всегда считался весьма рискованным. Александр II не раз подвергал свою жизнь реальной опасности. Во время охотничьего сезона 1872 г. произошел достаточно серьезный эпизод. Охота проходила в Малой Вишере. Раненый медведь бросился на Александра II, и только меткость унтер-егермейстера И.В. Иванова и расторопность рогатчика спасли жизнь императору. Позднее Иванова наградили специально отчеканенной в единственном экземпляре золотой медалью на Владимирской ленте с надписью «Благодарю», а рогатчика – медалью «За спасение».

Император Александр II в лесу разговаривает с крестьянами. *К. Лебедев*

Александр III, так же как и его отец, был страстным охотником. Он рано включился в эту царскую забаву. Еще мальчишкой он охотился на птицу, а юношей – уже на более серьезную дичь. 20-летним юношей охотился на медведей. В 1860-х гг. Александр II охотно брал с собой подросших сыновей на охоту. В апреле 1865 г. на одной из «высочайших охот» великие князья Александр и Владимир Александровичи убили по первому медведю[264].

Особенно ценил Александр III охоту в Беловежской пуще. Именно там для императора в 1880—1890-х гг. построили новый дворец, единственный новый дворец за все 13 лет его царствования. Следует отметить, что Беловежская пуща как охотничий заказник использовалась с начала 1860-х гг. На его территории для организации поистине «царской охоты» десятилетиями проводилась селекционная работа.

При Александре III в Беловеж завезли зубров с Кавказа. Еще в 1870-х гг. поголовье зубров в Беловеже составляло 400–500 голов. Зимой зверей подкармливали.

Следует отметить, что и для самого царя, и для его окружения существовали довольно жесткие неписаные правила

охоты. Так, запрещалось стрелять по зубрихам, лосихам, диким козам, маткам оленей и ланей. Конечно, бывали и ошибки. Когда министр Императорского двора и близкий соратник Александра III граф И.И. Воронцов-Дашков по ошибке застрелил зубриху, то Александр III счел своим долгом сделать ему резкое замечание. Опасаясь гнева царя, несмотря на очевидный риск, охотники старались подпустить зубров как можно ближе, чтобы не допустить ошибки «с полом» животного[265].

В императорском имении на территории Царства Польского, Спале, разрешалось бить только тех оленей, у которых насчитывалось не менее 10 отростков на рогах. Можно представить, что испытывали охотники, обязанные в стрессовых ситуациях отличить зубриху от самца или успеть посчитать отростки на рогах у матерого оленя, мчащегося на них. Тем не менее результатом последовательной селекционной работы и довольно строгих правил охоты стало то, что к концу XIX в. поголовье зубров в Беловежской пуще составило уже 1400–1600 голов. И это несмотря на достаточно внушительные итоги каждой из царских охот. Например, в последнюю осень императора Александра III в 1894 г. Беловеже убили 36 зубров, 37 лосей, 25 оленей, 69 козлов[266]. При Николае II размах царских охот полностью сохранился. Так, осенью 1897 г. в Беловежской пуще царственные охотники и их гости (всего 15 человек) убили больше 100 зубров[267].

Существовали и свои внутренние традиции. Например, в Спале охотники, убившие первого и последнего оленя за охотничий период, должны были разом выпить рог шампанского, вмещавшего целую бутылку[268].

Николай II, так же как отец и дед, стал страстным охотником. Он охотился везде, где появлялась такая возможность. В своем дневнике он непременно фиксировал свои охотничьи успехи. В 23 года 8 декабря 1891 г. цесаревич Николай Александрович убил двумя пулями своего первого лося: «Радость была огромная, когда я его повалил!»[269]

Император Александр III на охоте в Беловеже. 25 августа 1894 г.

Акварель М. Зичи

Активно охотились и в пригородах Петербурга. О размахе «пригородных» охот дает представление дневник Николая II, в нем он тщательно фиксировал спутников по охоте, ее обстоятельства и итоги.

1895 г. 19 июля: «Охота на уток была очень удачна; всего убили 360 штук, выстрелов сделали 911». На этой охоте Николай II убил 72 утки. Для него это было весьма скромно. Количество дичи, убитой лично Николаем Александровичем, составляло десятки, сотни и тысячи штук. Например, английский посол Дж. Бьюкенен упоминал, что рекорд поставлен на одной из охот, когда царь лично настрелял за один день 1400 штук фазанов[270].

Если привести даже некоторые выписки из дневника Николая II, посвященные охоте за 1904 г., то вырисовывается следующая картина: 11 января. Охота в Гатчине в фазаннике, близ ремиза: «Охота была весьма удачная – всего убито 879 штук. Мною: 115 – 21 куропатка, 91 фазан, беляк и 2 кролика». 18 января: «Охота была в том же фазаннике и вышла очень удачною. Всего убито: 489. Мною: 96–81 фазан и 14 куропаток и беляк». 20 апреля: «В час ночи поехал на ток около Гатчины и убил 2 глухарей». 27 апреля: «Ночью поехал в другой глухариный ток за дер. Замостье.

Погода была теплая, но ветреная. Убил 2 глухарей». 14 октября: «В 7 $^{1}/_{2}$ выехал почти с теми же на охоту. У Егерской слободы вышли из поезда и отправились в Туганицы. Облава была очень удачная, летала масса пера. Погода была серая, тихая и приятная. Всего убито: 210 штук. Мною: И тетеревей, с[ерая] куропатка, вальдшнеп, рябчик, 3 русака и 10 беляков; всего 27». 18 ноября: «В 12 $^{1}/_{2}$ отправился по новой Моск. – Винд. Рыб. жел. дор. на наши охотничьи места. У переезда за первой станцией сел в сани и поехал прямо к кругу. Взяли один большой загон, весьма удачный по результату. Я убил двух хороших лосей на месте, Димка Голицын – большого быка». 24 ноября: «В 12 $^{1}/_{2}$ поехал на охоту в Царско-славянский лес. Погода была скверная, дуло и шел мокрый снег. Убил лося с хорошими рогами, но всего с 4-мя отростками». 30 ноября: «После обычных докладов отправился на охоту на лосей. Взяли два круга, но стрелять не пришлось, т. к. быки прорвались назад, вышли на линию только коровы».

Это достаточно типичная подборка записей в дневнике Николая II о его охотах. Во-первых, следует отметить, что выезды на охоту не были частым делом. В относительно спокойном 1904 г. (война с японцами началась в январе этого года) царь охотился в зимний сезон четыре раза и осенью восемь раз. Всего за год он сумел выбраться на охоту только 12 раз, хотя все зависело только от его желания, поскольку организацией охот занималось целое придворное подразделение. Во-вторых, обращает на себя внимание тщательная фиксация итогов охоты вообще и своих личных результатов в частности. В-третьих, царь с удовольствием фиксирует «чрезвычайные» происшествия на охоте. Конечно, все то, что выбивалось из «запланированного» круга событий, «застревало» у него в памяти. В-четвертых, Николай II тщательно перечисляет всех участников охотничьих забав, но это была выработанная годами привычка. В-пятых, обращает на себя внимание периодически превышающее все разумные пределы количество убитой дичи. Как правило, дичь в таком количестве убивалась в царских «зоопарках» под открытым небом, в так называемых зверинцах, когда дичь в огромных количествах просто гнали под выстрел императора. Следует отметить, что это было частью дворцовых традиций, зародившихся еще в XVIII в., когда императрица Анна Иоанновна буквально наваливала горы дичи своей меткой стрельбой.

Император Николай II на утиной охоте

В последующие годы аналогичные записи с теми или иными вариациями повторялись каждый сезон. Какие бы ни происходили тревожные политические события, Николай II старался ежегодно вырваться на столь любимую им охоту. Но в записях встречаются и вариации происходящего. Так, с 1905 г. к традиционным местам охоты добавляются финские шхеры, где отдыхала императорская семья с 1905 г. Охота в шхерах носила импровизированный характер (что царь особо отмечал в дневнике), но от этого она проходила не менее масштабной. Так, на охоте в финских шхерах 5 сентября 1905 г. в качестве загонщиков задействовано 125 матросов. Правда, результаты той охоты оказались мизерными: царь убил одну (!) тетерку, а один из офицеров – лисицу и зайца, но все получили огромное удовольствие.

Примечательно, что в очень тяжелые и тревожные дни осени (октябрь – ноябрь) 1905 г., когда в стране полыхала Первая русская революция и охрана фактически изолировала Николая II в его резиденциях, царь достаточно регулярно продолжал выезжать на охоту. Любопытно, что по перечислению спутников на царской охоте можно с уверенностью фиксировать появление новых фаворитов. Так, 6 января 1906 г. Николая II впервые сопровождал на охоту генерал Д.Ф. Трепов, назначенный в октябре 1905 г. дворцовым комендантом и оказывавший огромное

влияние на формирование внутренней политики этого периода.

По числу перечисленной дичи можно сделать выводы и о степени квалификации Николая II как ружейного охотника. Например, 16 января 1906 г. три охотника (Николай II, Д.Ф. Трепов и великий князь Петр Николаевич) застрелили в процессе «весьма удачной охоты» в Петергофском Знаменском фазаннике 626 штук дичи, из них 601 – фазан. Из этого количества дичи на долю Николая II пришлось 90 штук (86 фазанов, русак и 3 беляка). То есть доля его была скромной – 14,37 %. Иногда царь так и упоминал в дневнике: «Стрелял плохо». Хотя следует отметить, что количество добытой дичи для Николая II на охоте являлось не самым главным делом. В дневнике он подчеркивает, что «погода была удивительная, все наслаждались и радовались»; «как всегда чувствовал себя после охоты бодрым». С 1906 г. в организации охоты появилось весьма существенное изменение: на охоту начали выезжать на «моторах», т. е. на автомобилях. Что являлось не только данью моде, но и отвечало требованиям усиления личной охраны царя в условиях массового политического терроризма.

За организацию царской охоты отвечал довольно обширный персонал конкретной службы. Как структурное подразделение Императорского двора эта служба возникла еще в 1742 г. С 1882 г. по 14 апреля 1917 г. она действовала под названием Управление императорской охоты Министерства Императорского двора[271]. В ведение Управления императорской охоты входил довольно широкий круг задач: организация императорских охот; приобретение и содержание собак и лошадей; наблюдение за выездкой верховых лошадей, натаскивание собак; обучение персонала охотничьему делу; покупка и ремонт ружей; истребление хищных зверей в окрестностях загородных дворцов; надзор за частными лицами, производящими охоты.

Император Николай II на охоте в Беловеже. *Фото 1899 г.*

Во главе этого подразделения стояли обер-егермейстеры – известные личности, десятилетиями отвечавшие за организацию царских охот. Например, более 20 лет (с 15 сентября 1852 г. по 12 января 1871 г.) подразделением руководил П.К. Фрезен, чей облик запечатлен придворным художником М. Зичи на «охотничьей» колоде карт, подаренной художником Александру II. Около 30 лет (с 6 ноября 1889 г. по 28 марта 1917 г.) во главе подразделения стоял князь Д.Б. Голицын[272].

Непосредственно организацией охот ведала Охотничья часть.

Ее персонал с 1857 г. базировался в Гатчине в Егерской слободе, расположенной поблизости от дворца. До настоящего времени сохранилось несколько домов, построенных еще в XIX в., с наличниками, богато украшенными резьбой. Охотничья команда в полном составе, кроме дневальных и дежурных, включала: егерей – 19 человек, стремянных – 10 человек, доезжачих – 2 человека, выжлятников – 8 человек, тенетников – 15 человек, конюшенных – 13 человек, наварщиков – 1 человек, корытничих – 2 человека, кучеров – 2 человека, лесников – 2 человека, всего 74 человека[273]. Кроме профессионалов к царской охоте в качестве загонщиков могли привлекаться крестьяне из окрестных деревень.

Высочайшей охотой называлась всякая охота, в которой принимали участие особы императорской фамилии. По числу охотников это были очень разные охоты. Иногда собирались весьма многочисленные компании. Так, в высочайшей охоте 24 февраля 1906 г. «в Фазаннике и за Ремизом» приняло участие 12 человек. Из них три человека[274] – из «семьи», а остальные участники близкие к ним лица. Охота продолжалась с 10 часов утра до 5 часов вечера, с завтраком в Лисьих Буграх. Всего сделали более 2 тыс. выстрелов. Настреляли «по мелочам», но много. Больше всего убили фазанов (508 шт.).

Иногда охоты носили камерный, семейный характер, когда главным была не дичь, а возможность побыть на природе и отключиться от бесконечного круговорота дел. Так, 3 мая 1906 г. охотились великий князь Владимир Александрович и его жена Мария Павловна. Они приехали из Петербурга в Гатчину в 7,5 часа вечера и вернулись с охоты в 4 часа утра. За это время они сумели убить только по одному рябчику. Видимо, они приезжали на глухариную охоту, однако, как отмечено в документе, «глухари не пели»[275]. Николай II в те годы охотился редко. 13 сентября 1907 г. царь с женой приехали на охоту из Петергофа «на моторах». Однако они не охотились.

Охотничий дворец в Беловеже. *Фото 1890-х гг.*

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) хранится уникальный документ, названный «Журналом императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем»[276]. В этом «Журнале…» приводятся данные охотничьих успехов всей семьи с 1884 г., тогда будущему императору исполнилось 16 лет, по 1909 г., когда Николаю II исполнился уже 41 год.

Если говорить о серьезных трофеях, то за эти годы великие князья и княгини добыли 638 830 зверей и птиц. Следовательно, в среднем за год они отстреливали по 25 553 зверя и птицы. Отдельные года оказывались особенно успешными по результатам охоты. Только в 1889 г. царственные охотники настреляли колоссальное количество зверья, почти 50 тыс. голов (49 753). В другие годы в среднем количество трофеев определялось цифрой в 5–8 тыс. голов (включая птицу). В 1898 г. общее количество добытого перевалило за 13 тыс. (13 011 голов). К сожалению, индивидуальные охотничьи успехи в «Журнале…» не выделялись, и цифры даются общим итогом.

Если брать «серьезных» зверей, то за 15 лет охотники застрелили 245 медведей, т. е. «брали» примерно по 16 медведей в год. Следует подчеркуть, что в этой цифре большая часть медведей приходится именно на императоров, поскольку егеря гнали самую «вкусную» дичь именно под выстрелы монарха.

Конечно, год на год не приходился, в 1905 г. царь застрелил только одного медведя. В это время, когда в стране полыхала революция и эсеровские террористы охотились за высшими сановниками, царь отсиживался в своих пригородных резиденциях. Самыми результативными «медвежьими» годами были 1889 г. – 19 медведей и 1908 г. – 13 медведей.

Исключительной и истинно царской считалась охота на зубров. Примечательно, что на зубров российские монархи могли охотиться и в пригородах Петербурга, куда их доставляли из Беловежа. Содержались зубры в пригородных императорских охотхозяйствах, но это были единичные экземпляры. Естественно, охотились на зубров в пригородах Петербурга только члены императорской семьи. Например, 8 декабря 1906 г. во время высочайшей охоты на Царскославянской даче великий князь Михаил Александрович застрелил зубра в 43 пуда весом. Примечательно, что гости, бывшие на охоте (великая княгиня Ольга Александровна, подполковник Плешков, корнет Куликовский), обошлись без стрельбы. Охота прошла достаточно быстро. Выехали в 12 часов 15 минут, вернулись домой уже в 2 часа дня[277].

Однако самая роскошная охота на зубров происходила в Беловежской пуще. Подобные охоты с десятками убитых зубров могли позволить себе только российские императоры. Такие охоты иногда имели и политический оттенок, поскольку Беловежская пуща, находилась на западной границе России. И на царской охоте там не только охотились, но и в неформальной обстановке решали политические вопросы. Известно, что Вильгельм II очень хотел поохотиться на зубров в Беловеже, но Александр III так и не пригласил туда германского императора. Причиной тому были, как личная неприязнь Александра III к Вильгельму II, так и политика, приведшая Россию в стан противников Германии по военно-политическому союзу – к Антанте.

Император Николай II после охоты в Беловеже. *Фото 1912 г.*

Судя по документам, Николай II за 15 лет (с 1886 по 1909 г.) застрелил 104 зубра, в среднем по 7 зубров в год. Первых 7 зубров цесаревич Николай убил в Беловежской пуще в сентябре 1894 г. Это произошло во время последней болезни Александра III. Тем не менее и сам император, и его дети регулярно выезжали на охоту и успешно охотились на зверя. В 1897 г. Николай II прибыл в Беловеж уже как император, после официального вояжа по европейским странам. Естественно, именно на него и гнали зверя. В результате Николай II лично добыл 37 зубров. В 1898 г. успехи оказались гораздо скромнее, всего два зубра. Видимо, их застрелили в пригородах Петербурга. В 1900 г. вновь состоялась охота в Беловеже. В этот сезон Николай II поставил свой личный рекорд, застрелив 41 зубра. В последующие годы результаты выглядели гораздо скромнее, поскольку политическая ситуация в стране обострялась, и возможности выехать в Беловеж уже не представлялось. Последний раз большая охота на зубров у Николая II состоялась в 1903 г., когда ему удалось застрелить 12 зубров[278]. Под «последним разом» имеются в виду данные «Журнала императорской охоты…». После стабилизации ситуации в стране (после 1909 г.) Николай II еще несколько раз посетил Беловеж, однако архивных данных об охотничьих успехах царя за этот период у нас нет.

Примечательно, что после начала Первой мировой войны

всех германских подданных, находившихся на службе в Министерстве Императорского двора, интернировали. К ним относился и ловчий царя Владимир Романович Диц. Однако Николай II счел необходимым лично вмешаться в его судьбу. По свидетельству мемуариста, «после объявления войны Германией двух германских подданных, подлежащих поселению в концентрационном лагере (садовника в Ливадии и царского егеря)»[279] приказано оставить на своих местах.

«Вторая охота»

Регулярная охота на зверя и птицу – важная часть повседневной жизни русских царей и императоров. Но «вторая охота» – рыбалка – нечастое занятие-развлечение Романовых.

Тем не менее возможности для рыбалки в императорских резиденциях имелись. В Петергофе для пруда при павильоне Марли еще при Петре I доставили из Пруссии язей, головлей, судаков и сазанов. В Большом Марлинском пруду рыба по звону колокольчика подходила к кромке берега, откуда ей бросали корм[280]. В Гатчине в шестигранном Карпином пруду, вырытом в 1796 г. по личному распоряжению Павла I, разводились карпы, выпущенные в пруд в 1797 г. Рыбачить в нем разрешалось только членам императорской семьи[281].

Самым заядлым рыбаком из Романовых считается Александр III. Рыбачить он начал, будучи еще двухлетним ребенком. Летом 1847 г. в Петергофском парке дети Александра II ловили рыбу в пруду у павильона Марли. Как писал родителям мальчика один из воспитателей: «Теперь у нас появилась новая забава: кормить и удить рыбу в Марли. Эта забава так занимает их, что старший, как только увидит меня поутру, то уже и спрашивает: «Когда пойдем в Марли?» …Надобно видеть их удовольствие, их радость, когда удается вытянуть рыбку. Каждый выбрал себе особую удочку, и хотя сам и не держит ее постоянно, но рыбка считается того, чья удочка»[282].

В сентябре 1866 г. в Ливадии девятилетнему великому князю Сергею Александровичу подарили «снаряд для рыбной ловли», проще говоря, удочку. Мальчик с братьями тут же опробовал «снаряд» в Ориандском бассейне. Конечно, в бассейне поймать три почти «ручных» огромных форели было не очень сложно, и мальчишки были в восторге[283]. Когда Сергей Александрович вырос, то он периодически возвращался к своему детскому увлечению. Летом 1875 г. он рыбачил в Финском заливе («удил в море») вместе с герцогом Эдинбургским Альфредом[284], и они «поймали много рыб»[285].

Став взрослым, великий князь Александр Александрович не оставил эту забаву. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что однажды на маневрах под Петербургом цесаревич с компанией «в свободное время отправились ловить рыбу. В тех местах чудные ручьи. Явился какой-то местный помещик, большой рыболов, и указал нам на хорошие места»[286].

Великие князья практиковали даже зимнюю рыбалку. Правда, эта экстремальная и столь популярная ныне забава тогда была

довольно редкой. Да, и судя по воспоминаниям, великие князья по большей части только следили за процессом ловли рыбы. Великий князь Сергей Александрович описывает процесс следующим образом (16 ноября 1874 г.): «Сегодня и вчера занимались на льду ловлею налимов. Это очень просто! Константин Андреевич обухом ударял по льду, где находилась рыба; от этого сильного удара рыба глохнет, вырубают лед, и она всплывает»[287].

Любимой резиденцией Александра III была Гатчина с ее прекрасными парковыми прудами. Именно в них, зная об увлечении царя рыбалкой, специально разводилась рыба. Примечательно, что когда в конце марта 1881 г. Александр III переехал на жительство из Аничкова дворца в Петербурге в Гатчинский дворец, то он немедленно использовал это для начала рыбалки на гатчинских прудах. Судя по денежным счетам императрицы Марии Федоровны, она разделила это увлечение с мужем.

Весной 1881 г. императрица оплатила три «рыболовных» счета (13 апреля, 2 и 4 мая). Очень интересна номенклатура того, что покупалось в «Магазине К. Бартольд». Судя по датам, рыболовные снасти, купленные по двум последним счетам, предназначались в качестве подарка старшему сыну Николаю, ему 6 мая 1881 г. исполнилось 13 лет.

По первому счету куплено пять вещей: катушка для удилища (16 руб. 50 коп.); искусственная рыбка стеклянная (1 руб. 50 коп.); рыбка металлическая (4 руб.); моток двойной лесы (8 руб.) и удилище английское (22 руб.), всего на 52 руб.[288] Этого набора вполне хватало, чтобы поставить на удочку катушку, намотать леску, взять воблер и блесну и пойти на пруд ловит рыбу. Второй счет также представлял собой полный комплект для рыбалки[289], но, видимо, императрица решила добавить в подарок новое дорогое «удилище складное английское» за 25 руб. Всего по трем счетам императрица уплатила 107 руб.

Судя по письмам императора к жене, это занятие он рассматривал как ежедневный отдых после напряженного рабочего дня, который у царя, как правило, заканчивался далеко за полночь. Так, в письмах, датированных маем 1884 г., он постоянно упоминает о своих рыбалках. Например, 10 мая 1884 г. пишет, что пошел «на озеро ловить рыбу и поймал 37 штук». На следующий день он рыбачил с детьми и поймал «много карасей».

Любимой забавой императора была ночная рыбалка. Причем рыбалка активная – ловля рыбы острогой, что сегодня считается браконьерством. Ночью рыба дремлет на поверхности воды, и вся задача – ударить ее острогой: «Тлеющий на лодке огонек

освещает воду. Ночная тишина и шепот на лодке способствуют настроению. Государь наслаждался этой тишиной и, как художник, понимал и чувствовал ее красоту»[290]. 13 мая 1884 г. он писал жене: «Я занимался до 10 часов, а потом пошли с Барятинским на озеро ловить рыбу и поймали 49 штук, и я – двух больших язей, одного в 4 фунта. В 2 $^1/_2$ вернулись, закусили и легли спать». 16 мая 1884 г.: «Занимался до 10 часов и потом пошел в последний раз на озеро ловить рыбу, но неудачно; поймали всего 13 штук, но одну большую щуку. В 2 $^1/_2$ вернулся».

Любопытно, что увлечение мужа разделяла его жена императрица Мария Федоровна. Изредка она тоже рыбачила с удочкой. Даже после смерти мужа она продолжала периодически заниматься рыбалкой. До нас дошла фотография вдовствующей императрицы с удочкой в руках. Любопытно, что удочка явно самодельная, сделанная из простой, длинной ветки. Червей вдовствующая императрица насаживала сама. Рыбачила императрица, как правило, в Гатчине и Петергофе. В июле 1896 г.

Императрица Мария Федоровна на рыбалке

Николай II записал в дневнике в Петергофе: «Гуляли и присутствовали при ловле рыбы Мама».

О том, как проходили ночные рыбалки Александра III, пишет его камердинер. Александр III выезжал на рыбную ловлю на Гатчинское озеро обыкновенно после полуночи. В лодке, кроме императора, находились матросы-гребцы и егерь. Позади шла еще одна лодка, в которой были только матросы. Егерь светил факелом, а вооруженный острогой император Александр III бил по привлеченной ярким светом всплывавшей рыбе.

Весной 1884 г. по личному указанию Александра III для ночной рыбалки с плотов приспособили электрическое освещение. На эти рыбные ловли снаряжалась особая охрана, обычно в составе 20 человек. Команда эта всегда вверялась, как правило, унтер-офицеру – камердинеру, причем только он один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав команды, обязаны были следовать за императором, скрываясь в кустах и не показываясь. С рыбной ловли император возвращался очень поздно, иногда даже на рассвете.

Ловили рыбу на прудах и неводом («поймали мало, все щуки маленькие, всего 15 штук»), но одной из любимых забав царя продолжала оставаться на протяжении всей жизни именно ночная рыбалка. Так, 22 апреля 1892 г. он писал жене: «Был три раза ночью на озере, но рыбы еще мало, ночи холодноватые, и я вернулся домой уже в 1 $^{i}/_{i}$ и занимался».

Император Александр III любил отдыхать в Финляндии, которая с начала XIX в. входила в состав Российской империи. В немалой степени его привлекала туда именно отличная рыбалка. Впервые Александр III как император посетил Финляндию в сентябре 1882 г. Рыбалка в финских шхерах и на порогах рек доставила ему немало приятных минут. Он очень ценил такой отдых, поэтому для Александра III на о. Ляхделахти построили двухэтажный рыбачий домик. Финны до сих пор хранят память о визитах русского царя, и сейчас в этом доме находится музей. Были у русского царя и партнеры по рыбной ловле. Так, в конце 1880-х гг. он рыбачил на Аландских островах с рыбачкой Финой.

Увлечение царя рыбалкой оставило след и в «большой истории» России. По легенде, передаваемой многими современниками, на упоминание министра о том, что его ждет посол одной из европейских держав, русский царь бросил фразу: «Когда русский царь удит рыбу – Европа может подождать!»

«Третья охота»

«Третья охота», т. е. собирание грибов, – занятие нечастое среди членов императорской семьи. Ни в мемуарах, ни в дневниках о грибной забаве практически ничего не упоминается. Скорее всего, этим занимались дети. Грибы собирали в достаточно ухоженных дворцовых пригородных парках. Эта традиция передавалась из поколения в поколение в императорской семье. Самыми грибными считались петергофские парки. По очень простой причине – в грибной сезон императорская семья жила именно в Петергофе. Когда Александр II был еще цесаревичем и его семья жила в парке Александрия в Фермском дворце, его многочисленные сыновья, гуляя, собирали ягоды и грибы[291].

Собственно, говорить об этом увлечении позволяют очень редкие упоминания в дневниках и мемуарах. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, что в Петергофе «папа вставал очень рано и отправлялся в лес, к обеду он приносил большую корзину грибов. Иногда он брал с собой кого-нибудь из нас, детей»[292].

Николай II в дневниковых записях также периодически упоминал о своих походах за грибами. Так, 8 августа 1896 г. он записал: «Искали грибы и нашли 184 штуки в полтора часа». Лаконичная неэмоциональная запись дает основания предполагать, что грибы нашли в Петергофском парке Александрия. Как правило, сбором грибов занимались женская половина семьи и дети, но иногда в этой забаве принимал участие и сам император. Вероятно, запись появилась благодаря выдающимся результатам – «184 штуки за полтора часа». Наверное, 1896 г. был грибным, или царские садовники специально культивировали грибы. Примечательно, что царь не пишет, что это были за грибы, в то время как результаты ружейной охоты, которую он знал и любил, всегда тщательно детализировал. Либо он не очень разбирался в грибах, либо это были сыроежки, либо он просто не любил «третьей охоты». Тем не менее царь продолжал периодически участвовать в «тихих» охотах. В последний раз он собирал грибы с детьми 28 июля 1915 г.

Байдарка

Последний русский император Николай II любил и умел отдыхать. Само понятие отдыха стало важной и непременной частью его повседневной жизни. Он стал, пожалуй, единственным русским монархом, который начал пытаться разделять работу и отдых.

Время отдыха он посвящал семье, близким людям и своим увлечениям. Среди его увлечений в периоды отдыха немалое место занимали водные виды спорта, в частности – плавание на байдарке. Хотя, скорее всего, было не спортом, а возможностью остаться наедине с природой, стремление отрешиться от подчас неприятной повседневности.

Любовь к гребле на байдарке сформировалась у Николая Александровича в детские годы, когда главной загородной резиденцией царя Александра III стала Гатчина с ее большими прудами. Александра III не оказал в этом отношении на цесаревича никакого влияния, поскольку из-за своей тучности не чувствовал себя комфортно на воде. Любовь к спорту Николаю привил его воспитатель англичанин Карл Хис. Молодого цесаревича с полным основанием можно назвать десятиборцем. Одно из важных мест занимали шлюпка и байдарка.

Начало «байдарочной карьеры» Николая II точно датировано – май 1881 г. 6 мая 1881 г. будущему Николаю II исполнилось 13 лет, и родители купили ему первую собственную байдарку. Причем родители учли желания сына. Дело в том, что в счете значится пункт: «Доставка чертежей и моделей 6 мая (5 руб.)». То есть родители в день рождения дали Николаю возможность выбрать по каталогам и моделям понравившуюся байдарку, а уже затем выбранную модель 16 мая 1881 г. привезли в Гатчину. Байдарка для сына, изготовленная в «Шлюпочной мастерской Санкт-Петербургского речного яхт-клуба», обошлась царственным родителям в 245 руб.: байдарка – 200 руб., брезент – 15 руб., две подставки – 5 руб., доставка чертежей и моделей 6 мая – 5 руб., доставка байдарки в Гатчину с нарочным – 20 руб.[293]

Император Николай II с дочерьми на байдарках на каналах Александровского парка Царского Села

О любви к воде знали многие родственники будущего монарха (особенно в молодые годы), Николай II на дни рождения получал в качестве подарка лодку или байдарку. Так, 6 мая 1897 г. принц П.А. Ольденбургский подарил царю пробковую лодку («вся из цельной отборной пробковой коры, шлифовано, экстренная спешная работа») за 75 руб.[294]

Николай Александрович с нетерпением ждал начала байдарочного сезона, который для него обычно начинался в апреле и продолжался вплоть до ноября. Тех, кто хоть раз сидел в байдарке в это время года, знают, что только искренняя любовь к воде могла заставить открыть сезон в столь раннее время. Поскольку император с 14 лет постоянно вел дневник, то упоминание о байдарочных прогулках встречаются в нем очень часто.

Цесаревич Алексей в лодке-гатчинке

Регулярные плавания на шлюпке-гатчинке[295] и одноместной байдарке входят в повседневный быт царя примерно с 1904 г. В это время царская семья окончательно переезжает в Царское Село. Поначалу царь пытался разделить свое увлечение с женой, но ее слабое здоровье не позволило этого сделать, хотя в 1904 г. в записях за 12 и 20 мая есть упоминания: «Катал Алике в кресле и затем в шлюпке».

Летом, когда царская семья переезжала «на море» в Петергоф и жила в Коттедже на берегу Финского залива, царь предпочитал ходить на одноместной байдарке. Особенно он любил, когда на заливе были волны и удавалось проявить свою квалификацию байдарочника в борьбе с волнами. Когда подрос цесаревич Алексей, то и его Николай II начал приучать к воде. Сначала это была шлюпка-гатчинка. В 1913 г. 21 апреля он писал: «Погулял и покатался в гатчинке с Алексеем». Достаточно рано Алексей

начал самостоятельно ходить на гатчинке. Затем, когда сын почувствовал вкус к воде, то для него приобрели байдарку-двойку, и 15 июля 1914 г. Николай II записал в дневнике: «Катался в байдарке рядом с Алексеем в двойке; были волнушки».

Как правило, ежегодно в августе царская семья отправлялась на отдых в финские шхеры на своей яхте «Штандарт». Это довольно крупное комфортабельное судно, построенное по заказу Александра III в Дании. Но увлечения Николая Александровича не распространялись на управление этим судном, он оставался на нем только главным пассажиром. 8 мая 1906 г. он записал в дневнике: «Посетили наш милый «Штандарт»». Во время прогулок в шхеры царская семья отдыхала от постоянного, пристального внимания окружающих, совершала прогулки по островам, собирала грибы, играла в бадминтон. В круг развлечений включались и небольшие байдарочные походы царя и цесаревича.

Постепенно байдарочные «походы» стали общим увлечением. Так, на байдарке ходила и младшая сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна. Николай II отметил в дневнике 15 июня 1913 г.: «Покатался в компании четырех байдарок; около деревни на Падио встретил Ольгу, катавшуюся в двойке с Семеновым (один из офицеров «Штандарта». – *И.* З.)».

Из этой записи следует, что на «Штандарте» находилось по крайней мере пять байдарок, в числе которых была и двойка. Эту двухместную (двойку) байдарку построил из красного дерева английский мастер. Еще четыре одиночки изготовил лучший байдарочный мастер Императорского яхт-клуба.

Примечательно, что Николаю II удалось приобщить к байдарочным походам даже императрицу Александру Федоровну. Это вдвойне удивительно, поскольку она постоянно недомогала и, подчас, передвигалась в инвалидной коляске. Мемуаристы упоминают о ее четырехкилометровом походе на байдарке по финским шхерам.

Великая княжна Анастасия в байдарке на борту «Штандарта». Севастополь. *Фото 1914 г.*

Увлечения царя разделяли и его четыре дочери. Поскольку каждая из них имела свой фотоаппарат, то до нас дошло огромное количество фотоснимков, на которых они запечатлели друг друга в шлюпке-гатчинке и байдарках.

Весной и осенью царская семья переезжала в Крым, в Ливадию. Здесь совершались уже серьезные морские прогулки. 21 октября 1913 г. царь писал: «После чая пошел к морю и с Алексеем покатался в двойке»; 26 апреля 1914 г.: «Погулял и покатался с Алексеем в двойке, был мертвый штиль».

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война принесла новые заботы, но сезон в Царском Селе открылся, как обычно, в апреле. 23 апреля 1915 г. в дневнике царя появилась запись: «Катался на байдарке и гатчинке». В августе 1915 г. царь принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и большую часть времени проводил в Ставке в Могилеве, но когда он на короткое время возвращался к семье в Царское Село, то не упускал возможности вновь (запись за 25 сентября) покататься в байдарке с сыном и поесть «картошку и печеные яблоки с Алексеем у костра».

К весне 1916 г. положение на фронте стабилизировалось, и, как обычно, в дневнике 16 апреля появилась запись: «Начал сезон на байдарке». Увлечение царя греблей использовалось лейб-

медиком С.П. Федоровым для контроля за состоянием его здоровья. Например, 26 апреля 1916 г. по словам царя: «Мы гребли также полдороги обратно под палящим солнцем, но потом перешли на моторную лодку. Здесь, шутки ради, Федоров стал пробовать у нас пульс – после усиленной гребли против течения у Вали был 82, у меня – 92, у Воейкова – 114 и у Кирилла – 128… 10 минут спустя Федоров опять проверил наши пульсы: у Вали и у меня пульс был нормальный, но у двух других он продолжал сильно биться».

Отречение Николая II в марте 1917 г., тяжелая болезнь детей в марте и апреле выбили царскую семью из колеи обычной жизни, но, тем не менее, в дневнике царя 13 мая 1917 г. появляется запись: «Катался в байдарке и шлюпке». Это последнее упоминание царя о своем любимом увлечении, поскольку после этого – Тобольск, Екатеринбург, смерть…

Путешествия членов императорской семьи

При Императорском дворе средствам передвижения всегда уделялось внимание, так же они традиционно занимали важное место в повседневной жизни двора. Поскольку русские цари веками ездили верхом, в каретах и санях, то для их обслуживания при дворе существовала Придворная конюшенная контора.

Необходимо подчеркнуть, что российские монархи были довольно мобильны. В российскую историю вошла знаменитая поездка императрицы Екатерины II в Крым. Императрицу сопровождал огромный штат слуг и придворных. Кроме того, в этой «акции» ее сопровождал и дипломатический корпус, годами спокойно живший в Санкт-Петербурге. Безусловно, что столь масштабная поездка потребовала громадных усилий Придворной конюшенной части. Во время путешествия в Крым в 1787 г. кортеж императрицы Екатерины II состоял из 14 карет и 124 саней, на каждой станции для подмены его ожидали 560 лошадей. Карета Екатерины II, по свидетельствам очевидцев, представляла собой целый вагон, состояла из нескольких отсеков (кабинета, гостиной на восемь человек, игорного зала, маленькой библиотеки) и была снабжена всеми возможными в то время удобствами. В движение эта передвижная «усадьба» приводилась силами тридцати лошадей и обладала завидной плавностью хода. К концу XVIII в. экипажами пользовались представители всех слоев привилегированного общества, и, по мнению самой Екатерины II, «излишество в экипажах превзошло пределы умеренности». Поэтому в 1779 г. издается специальный указ, строго регламентировавший вид экипажа и форму выезда для различных классов населения.

Карета-купе Екатерины II. *1793–1795 гг.*

Очень редко бывали случаи, когда дворцовые экипажи использовались для спасения жизни членов императорской семьи. Так, 14 декабря 1825 г. после первой неудачной атаки Конной гвардии на каре мятежников, выстроившихся на Сенатской площади, Николай I отправил своего личного друга полковника В.Ф. Адлерберга к шталмейстеру В.В. Долгорукому с целью «приготовить загородные экипажи для матушки и жены», чтобы «в крайности выпроводить их под прикрытием кавалергардов в Царское Село»[296].

Примеров «транспортной» мобильности русских монархов множество. Так, Николай I, отличавшийся необычайной выносливостью, выдерживал длительные переезды на лошадях. Из Красносельских лагерей он верхом ездил в Александрию обедать за 12 верст и потом возвращался обратно в лагеря. Его преемники также отличались высокой мобильностью.

Для обслуживания нужд монархов и их многочисленного окружения средствами передвижения во второй четверти XVIII в. была образована Придворная конюшенная контора[297], к началу XX в. она называлась «Придворная конюшенная часть».

В ведение Придворной конюшенной части входила покупка лошадей, как в России, так и за границей, лечение лошадей в Казенном конском лазарете; дела о лошадях, подводимых или подаренных императору знатными иностранными особами; дела

о павших лошадях и постановка над ними памятников; обеспечение лошадей фуражом; продажа разного рода экипажей, карет, колясок, фаэтонов, ландо, пролеток, шарабанов и пр.; изготовление упряжи для экипажей; покупка в России и за границей экипажей и упряжи; управление государственными конными заводами; заведование Конюшенным госпиталем; Конским лазаретом и Конюшенной церковью. Другими словами, к концу XIX в. в Министерстве Императорского двора действовала мощная структура, руководители которой прочно сидели на своих местах и весьма ревниво относились к возможности появления при Императорском дворе «альтернативных» видов транспорта.

Каждый из российских императоров имел «своего» лейб-кучера, а у Николая II появился и «свой» шофер. Все они жили при императорской резиденции, поскольку их услуги требовались монархам практически ежедневно.

Проявились и нюансы, связанные с личностными особенностями российских самодержцев. Так, Николай I, следуя заветам отца, практически не пользовался закрытыми каретами. Любил он и скорую, лихую езду, проезжая колоссальное число верст с инспекторскими проверками по всей стране. В поездках его коляской или санями управлял его личный кучер. Однако после того как в 1836 г. (по дороге из Пензы в Тамбов, в 14 верстах от небольшого городка Чембар на спуске с горы против деревни Шалолетки) ямщик не сдержал лошадей и вывернул царя из коляски, Николай I стал пользоваться местными ямщиками при езде по незнакомой дороге.

Примечательно, что в духовном завещании, составленном в 1844 г., Николай Павлович счел необходимым помянуть и своего кучера Якова, хотя тот и служил по другому ведомству и к комнатной прислуге царя не относился: «Ст. 12. Желаю, чтоб всей Моей комнатной прислуге, верно и усердно Мне служившей, обращены были их содержания в пансионы. К сей же прислуге причитаю лейб-рейнкнехтов и кучера моего Якова»[298].

Император Николай I в санях. *Н.Е. Сверчков*

У Александра II на протяжении всего его царствования лейб-кучером служил Фрол Сергеев. Поскольку революционный терроризм заставил Александра II передвигаться по Петербургу в закрытом экипаже, то действовала традиционная система связи «царь – кучер». К правой руке кучера был привязан шнур, за который тянул царь, если требовалось остановить карету по его желанию. Когда 1 марта 1881 г. первая бомба, брошенная террористом, разрушила заднюю стенку кареты царя, «ходовая часть» не была повреждена. Поэтому сохранялась полная возможность немедленно увезти царя с места покушения, что и собирался сделать кучер. Однако Александр II сам приказал кучеру остановиться, а когда почувствовал, что тот не собирается выполнять его приказ «с силой потянул шнур, привязанный к руке кучера, и не отпускал его, пока карета не остановилась»[299].

Карета с полуразрушенной задней стенкой сохранилась до сегодняшнего дня. Она экспонируется в Камероновой галерее Царского Села. По устойчивой легенде эту карету подарил Александру II Наполеон III, с которым они вместе пережили покушение поляка Березовского в Париже в 1867 г. Эта карета, якобы, была обшита металлическими листами – «блиндирована». Но эта карета находилась в употреблении только с 1879 г., и изготовили ее русские мастера в мастерской И. Брейтингама, а, как известно, Наполеон III потерял власть в 1870 г. В

действительности блиндирование отсутствовало, а в целях защиты императора колеса всех зимних экипажей царя обтягивались «толстым слоем гуттаперчи». Это делалось в предположении, что «мягкая часть колеса отчасти парализует действие взрывчатых веществ».

Император Александр II в санях случайного «ваньки»

Полуразрушенная взрывом бомбы карета Александра II

В результате взрыва задняя стенка кареты, хотя и получила повреждение, но ни кузов спереди и с боков, прилегающий к козлам, ни самые козлы, ни крыша кузова, ни колеса, ни оси, ни рессоры – четыре продольные и одна поперечная, – ни дышло не пострадали вовсе. Подушки в карете остались целыми. По мнению компетентных лиц, несмотря на повреждения, карета оставалась на ходу и была в состоянии немедленно увезти императора с места взрыва.

Александр III также имел «своих» кучеров и «свою» систему связи с ними. Когда ему требовалось вызвать карету, он подходил к письменному столу в своем кабинете и «трогал звонок в конюшню, по которому подавали ему экипаж, смотря по тому, как он прижимал кнопку»[300].

Примечательно, что жесткие нормы этикета регламентировали и порядок поездок первых лиц империи. Так, российским императрицам не позволялось совершать поездки в одиночестве в открытых экипажах за пределами царских резиденций, кроме Петергофа. Этот прецедент узаконен и сохранялся вплоть до 1917 г.[301]

Однако следует отметить, что при всем традиционализме Императорского двора вопросам комфорта первых лиц всегда уделялось самое пристальное внимание. Кроме этого, весьма важный фактор – скорость. Другими словами, главными критериями средств передвижения при Императорском дворе были скорость, комфорт и представительность. Поэтому за техническими новинками в области передвижения следили очень внимательно.

Путешествия в императорской семье, как правило, связывались либо с деловыми поездками, либо с поездками на отдых. Маршруты путешествий обусловливались возможностями и особенностями средств транспорта.

Один из главных маршрутов – поездки российских монархов и членов их семей в Европу. Эти поездки с официальными и неофициальными визитами к многочисленной европейской родне совершались практически ежегодно. Особенно тесные связи существовали с германскими карликовыми дворами, поскольку почти все российские императрицы – немки по рождению.

Император Александр II с императрицей Марией Александровной

Свита русских императоров была огромной для карликовых европейских дворов, считавших каждую копейку. Как писал один из современников, описывая визит императрицы Марии Александровны на малую родину в 1864 г.: «Весь Дармштадт кишел русскими военными и гражданскими чинами в разнообразнейших мундирах, составлявшими многочисленную Императорскую свиту, фельдъегерями и придворными служителями, и по внешнему виду совершенно походил на Петербург»[302].

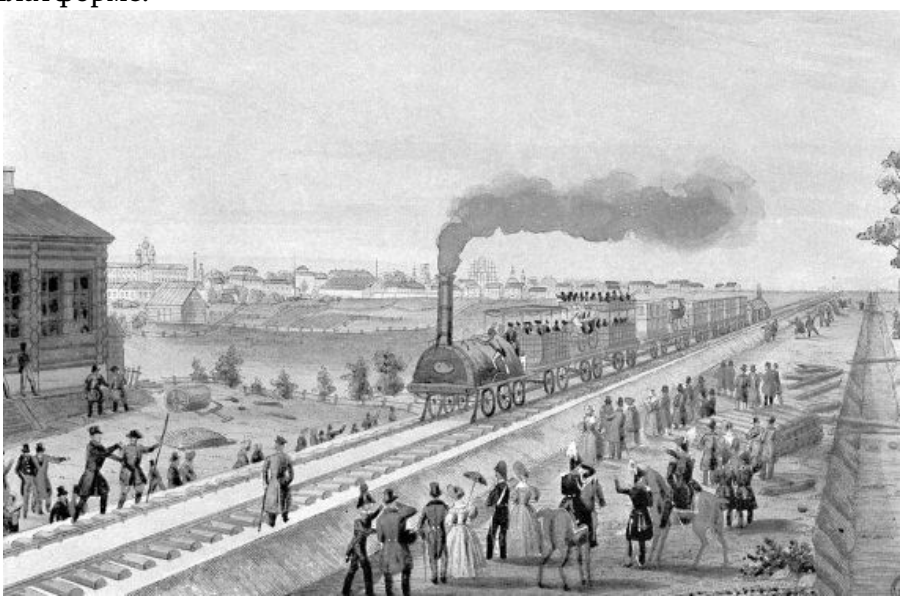
Примечательно, что все российские императрицы годами финансировали свою европейскую родню в той или иной форме. Так, Мария Александровна ежегодно высылала в Дармштадт по 20 ООО руб. «на известные императрице нужды». Содержала двор своих родителей и императрица Мария Федоровна[303].

Ездили и на курорты – «на воды». Эту традицию российская аристократия унаследовала со времен Петра I. Вплоть до 1860-х гг. поездки в Европу проходили в каретах на лошадях. Это было тяжело физически и долго по меркам постепенно ускорявшегося темпа жизни. Однако постепенно в России развивалась своя железнодорожная сеть, которую в 1860-х гг. соединили с

европейскими железнодорожными линиями.

Железная дорога

Во второй четверти XIX в. в развитии средств транспорта произошли принципиальные изменения. Сначала в октябре 1837 г. открыли Царскосельскую железную дорогу. В день открытия Николай I лично проехал в первом железнодорожном составе, состоявшем из паровоза с тендером и 8 вагонов. Весь путь от столицы до Царского Села занял 35 минут. Царь находился в своем экипаже, установленном на открытой грузовой платформе.



Поезд Царскосельской железной дороги. *1837 г.*

Можно сказать, что этот экипаж, установленный на железнодорожной платформе, стал символом Николаевской эпохи, поскольку большая часть царствования Николая I пришлась на время становления парового транспорта. Только в конце царствования Николая I, в 1851 г., завершилось строительство железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы. Для новой железной дороги закупались паровозы и вагоны. По распоряжению Николая I в Англии закупили первые 42 пассажирских и 120 товарных локомотивов. Позже дополнительно приобрели еще 72 пассажирских и 580 товарных английских вагонов. Столь масштабные закупки свидетельствуют, что развитие железнодорожного транспорта находилось в числе главных задач для руководства страны.

Поскольку строящейся железной дороге царь уделял много внимания, то он и стал первым ее пассажиром, проехав от Москвы до Бологого. Для этого путешествия подготовили специальный железнодорожный состав. Он состоял из паровоза заграничной постройки, вагона-салона, вагона-кухни, вагона-опочивальни, вагона-столовой, служебного вагона и свитских вагонов (давших престижную аббревиатуру СВ). Вагоны соединялись крытыми переходами. Часть этих вагонов уже была российского производства, их построили в 1850–1851 гг. на Петербургском Александровском заводе[304].

Длина «Собственного» императорского вагона составляла 25,25 м, и он покоился на двух четырехосных тележках, что ново и необычно даже для начала XX в. (ведь тогда в железнодорожную практику только начали входить пассажирские вагоны двадцатиметровой длины). Вагон был окрашен снаружи в голубой цвет, а расположенные с обеих его сторон окна сверху увенчивались золочеными двуглавыми орлами. Потолок царского вагона был обтянут белым атласом, стены обиты стеганым штофом малинового цвета. Этот же материал применялся для обтяжки мебели, для чего пригласили французских декораторов из Лиона. На столах стояли бронзовые часы, интерьер украшали также вазы севрского фарфора и бронзовые канделябры. Двери мозаичной работы открывались и закрывались совершенно бесшумно, а свежий воздух доставлялся по бронзовым вентиляционным трубам, украшенным наверху флюгерами в виде орлов. Трубы отопления замаскировали бронзовыми решетками, успешно служившими также эффектными деталями декора[305].

Императорский поезд. *Великокняжеское отделение*

Императорский поезд. *Опочивальня императора*

Императорский поезд. *Опочивальня императрицы*

Эти вагоны впервые применили для сановных пассажиров в 1851 г. при подготовке к юбилею – 25-летию со дня коронации Николая I. Придворные ведомства максимально использовали мощности новой дороги для переброски в Москву различных грузов. Так, на одну из платформ погрузили двух лошадей императора и 8 городских экипажей. На другие платформы – экипажи свиты. Императорский состав отбыл из Петербурга 19 августа 1851 г. в половине четвертого утра. Поскольку в царском составе ехала императрица Александра Федоровна, то предварительно по трассе проехали Главноуправляющий путями сообщения граф П.А. Клейнмихель, обер-гофмаршал А.П. Шувалов и лейб-медик М. Мандт, «чтобы удостовериться, каждый по своей части, будет ли покоен проезд для императрицы»[306]. Вагон императрицы представлял собой «три изящно убранные комнаты, с камином, с кухнею, погребом и ледником»[307]. Планировалось, что время пути составит 18 часов, однако императорский состав прибыл в Москву только через 23 часа.

Впоследствии в состав этого поезда добавили еще несколько

вагонов различного функционального назначения. В процессе эксплуатации некоторые вагоны модернизировались и перестраивались с целью улучшения их внутреннего убранства и технического устройства. Первый царский железнодорожный состав использовался для путешествий по России вплоть до 1888 г.

При Александре II в 1860-х гг. в России началось быстрое развитие сети железных дорог. Для императорской семьи это важно, поскольку для императрицы Марии Александровны в Крыму приобрели имение Ливадия, куда императорская семья ежегодно стала выезжать на отдых.

Следует напомнить, что первая поездка в Крым предприняла еще Екатерина II. А в 1837 г. в Крым впервые выехала семья Николая I. Именно тогда императрица Александра Федоровна получила от Николая I в подарок поместье Ореанда «с одним условием, что Папа совершенно не будет заботиться о нем и что она выстроит себе там такой дом, какой ей захочется»[308]. Впоследствии архитектор А.И. Штакеншнейдер построил там дворец, отошедший после смерти Александры Федоровны в собственность ее второго сына великого князя Константина Николаевича.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ
ИЗЪ КОПЕНГАГЕНА ВЪ ЛИВАДІЮ
въ Октябрѣ 1891 года.

ИМПЕРАТОРСКІЙ поѣздъ Николаевской желѣзной дороги.

Лит. А.	ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА.	
Лит. С. Наслѣдника Цесаревича.	Его Королевское Величество Король Датскій	Купэ № 2.
	Ея Королевское Величество Королева Датская	„ № 3.
	Ея Королевское Высочество Принцесса Валлійская	„ № 1.
	Камерфрау Ея Королевскаго Величества Королевы Датской	„ № 4.
	Камердинеры Ихъ Королевскихъ Величествъ Короля и Королевы Датскихъ	„ № 5.
Лит. К. Дамскій.	Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Александровна съ бонной	Купэ № 2.
	Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксенія Александровна	„ № 3.
	Ея Королевское Высочество Принцесса Викторія	„ № 4.
	Ея Королевское Высочество Принцесса Maud	„ № 1.
	Камерфрау Павлова и Варнъ	„ № 5.
	3 Камерфрау Принцессы Валлійской	„ № 6.
Лит. М. Министерскій.	Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ	Купэ № 5.
	Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ	„ № 6.
	Генералъ-Адъютантъ Черевинъ	„ № 3.
	Гофмаршалъ Князь Оболенскій	„ № 2.
	Лейбъ-Медикъ Гиршъ	„ № 4.
	Запасное	„ № —
Лит. О. Свитскій.	Комендантъ поѣзда Полковникъ Ширинкинъ	Купэ № 4.
	Инспекторъ Императорскихъ поѣздовъ, инж. Копыткинъ	„ № 8.
	Служебное	„ № 2.
	Камердинеры Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Михаила Александровича	„ № 7.
	Егерь Датскаго Короля и 1 лакей Принцессы Валлійской	„ № 6.
	Запасное	„ № 5.
	Администрація желѣзной дороги слѣдовавшія.	
Багажные.	Лакеи: Кузнецовъ, Галкинъ, Егерь Его Императорскаго Величества Государя Императора, прислуга: генерала Черевина, князя Оболенскаго и Доктора Гирша — всего 6 человѣкъ	

Распределение мест в императорском поезде во время высочайшего путешествия из Копенгагена в Ливадию 1891 г.

Путешествия в Крым для слабой здоровьем императрицы Марии Александровны были очень утомительными. Для нее старались спланировать как можно более «спокойный» маршрут, чтобы большая его часть проходила по железной дороге и по воде. Так, в 1863 г. Мария Александровна выехала в Крым из Царского Села 11 сентября. Маршрут проходил следующим образом: на лошадях от Царского Села до станции Саблино и далее по железной дороге до Москвы. Затем на лошадях до Николаева,

через Тулу, Орел и Полтаву. От Николаева по Днепру и Черному морю до Ялты. От нее по шоссе до Ливадии. Весь маршрут протяженностью 2328 верст занял семь дней[309].

Поскольку в 1870-х гг. у императрицы Марии Александровны диагностировали серьезное легочное заболевание, и зиму она, как правило, проводила на европейских курортах, то в 1872 г. во Франции разместили заказ, на строительство нового железнодорожного состава для заграничных поездок императрицы. Францию выбрали потому, что строительство состава там обходилось дешевле, чем в других странах[310]. Курировала выполнение заказа Инспекция императорских поездов.

Железнодорожный состав императрицы формировался постепенно. В 1872 г. во Франции закупили первые семь вагонов, они обошлись казне в 121 788 руб.[311] Возможность их приспособления к российской колее Главным обществом Российских железных дорог обошлась еще в 17 787 руб. Закупленный отдельно от этой партии товарный вагон был оборудован ледником и приспособлен под перевозку провизии (1839 руб.). Несколько позже на заводе «Мильтона Рау и К⁰» приобретены еще четыре новых вагона (51 620 руб.)[312]. В результате царский поезд укомплектовали 10 вагонами[313]. Этот железнодорожный состав стал предназначаться только для заграничных путешествий, поскольку его построили под более узкую железнодорожную колею европейского стандарта.

При разработке проекта поезда большое внимание уделялось степени комфортности состава и его отделке. С учетом заболевания императрицы одним из главных требований было обеспечение комфортной температуры и вентиляции состава[314]. Контролировал качество этих работ лейб-медик императрицы профессор С.П. Боткин. Так, при температуре от +8° до-20° градусов в составе должна поддерживаться постоянная температура от 13 до 15 °С г, как «у пола, так и у потолка». Также предусматривалась возможность изменения температуры в купе независимо от температуры в коридоре. Для этого в купе установили сигнальную кнопку. В вагоне императрицы и в большом салоне установили «увлажняющие аппараты» для поддержания определенного уровня влажности (зимой 48–58 %). В четырех вагонах состава смонтировали вентиляторы-кондиционеры для охлаждения летом поступающегов вагоны воздуха. При закрытых дверях и окнах температура в вагонах должна была быть ниже наружного воздуха на 5 °С.[315]

Предметы убранства для этих вагонов также заказывались во Франции. В контракте с французскими заводами «Мильтона Рау и

К⁰» оговаривалось, что «вагоны эти должны быть снабжены всею необходимой мебелью и другими принадлежностями… кроме полотняных и умывальных приборов, настольных подсвечников и канделябров, пепельниц и спичечниц»[316].

Интерьер действительно царский, так, в вагоне императрицы установили умывальник, выполненный из серебра[317]. Любопытно, что хотя в это время ватерклозеты (туалет) в вагонах уже предусматривались, по традиции в перечне заказанных предметов упоминается и о «белых с позолотою ночных фарфоровых сосудах»[318].

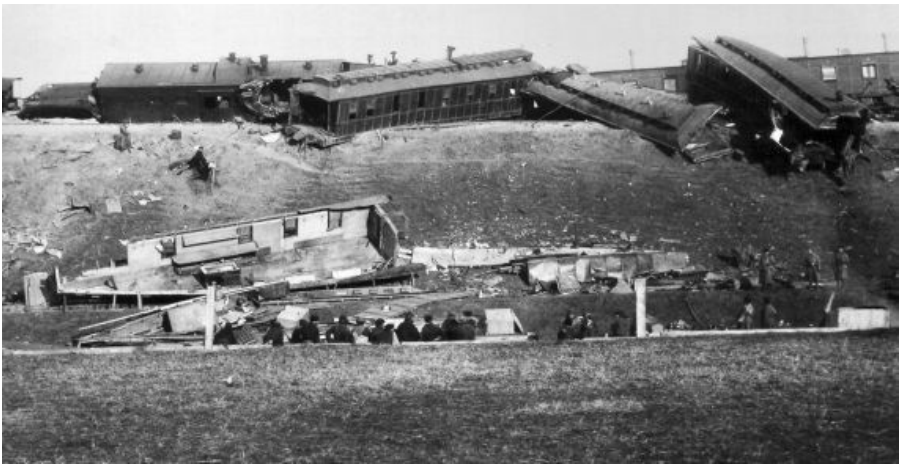
Впервые императрица путешествовала за границу в новом составе в декабре 1873 г. В ходе этой поездки выявились некоторые недостатки в оборудовании нескольких вагонов. Это были мелочи (многие баки для воды дали течь, трубы для воды, проходившие под днищем вагонов, промерзали, посуда гремела на ходу, провисли жалюзи, выяснилось, что сиденья на диване неудобны), но их немедленно ликвидировали[319]. После всех переделок и доработок стоимость монаршего поезда для заграничных путешествий составила 320 905 руб.

К 1880-м гг. сеть железных дорог России существенно расширилась. Для императора Александра III железные дороги стали неотъемлемой и привычной частью повседневной жизни. К концу 1880-х гг. императорская семья располагала вагонным парком, который начал формироваться еще при Николае I.

В одном из железнодорожных составов, состоявшем из 10 вагонов, 18 октября 1888 г. царская семья едва не погибла в результате железнодорожной катастрофы, произошедшей близ местечка Борки под Харьковом. Как установило следствие, причиной катастрофы стало значительное превышение скорости тяжелого царского состава и допущенные дефекты при строительстве железной дороги. Это трагическое событие стало важной вехой в семейном календаре последних Романовых. На момент катастрофы вся царская семья (6 чел.), за исключением маленькой Ольги, находилась в вагоне-столовой. То, что вся семья уцелела под обломками вагона, а лакей, наливавший сливки в чай Александру III, погиб, воспринималось ими как божественное провидение. Естественно, вокруг этого события возникло множество мифов, самый распространенный из них описан С.Ю. Витте. По его словам, «вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила»[320]. На самом деле в момент крушения поезда стены вагона сдвинулись и задержали падение крыши[321]. По материалам проведенного следствия установили, что во время

катастрофы погиб 21 и ранено 24 человека. Позже из числа раненых умерли еще двое.

Железнодорожная катастрофа 17 октября 1888 г. под Борками. *Акварель М. Зичи.*



Железнодорожная катастрофа 17 октября 1888 г. под Борками. *Фото 1888 г.*

В апреле 1888 г. принимается решение о создании Императорского российского исторического музея. В декабре 1888 г. высочайшим решением приказано поместить на хранение в музей серебряный стакан, находившийся в вагоне-столовой Императорского поезда 17 октября 1888 г. и поврежденный во время крушения близ станции Борки. То, что удалось выжить во время железнодорожной катастрофы, семейство воспринимало как чудо. Николай II ежегодно фиксировал этот день в дневнике как высокоторжественный день. 17 октября 1913 г. он записал: «Вот уже четверть века минуло с того дня, что Господь спас нашу семью от смерти при крушении поезда!»

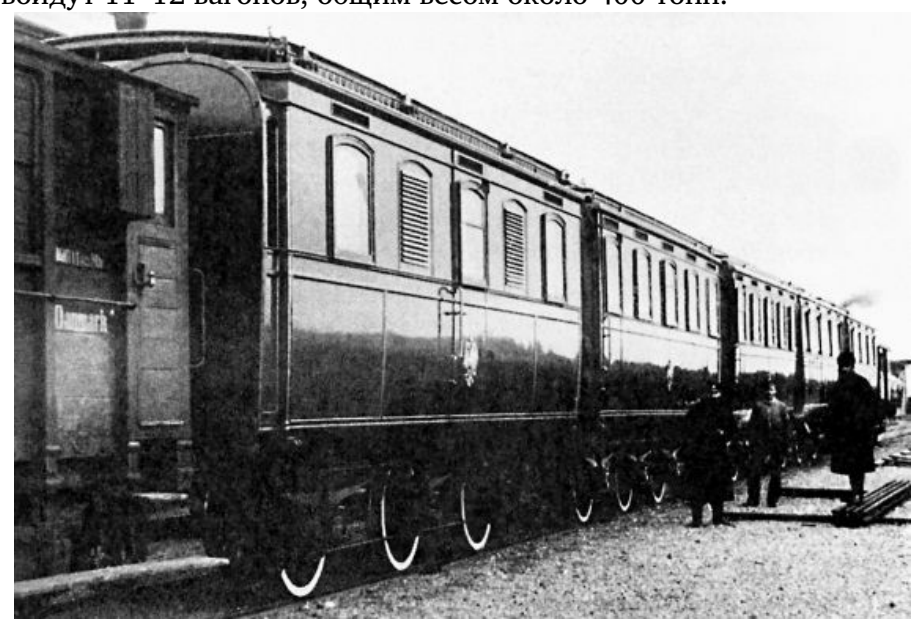
После крушения царского поезда в Борках экспертная комиссия выявила серьезные технические недочеты в конструкции поезда и значительные нарушения основных правил его эксплуатации. На основании выводов этой комиссии принято

решение о строительстве нового поезда для царской семьи.

Уже 28 октября 1888 г. высочайшим решением учреждается комиссия для решения вопросов, связанных с формированием концепции будущего царского поезда. Главным для комиссии стало определение типа новых императорских вагонов, их сравнительный анализ с имеющимися аналогами, эксплуатировавшимися главами европейских государств.

28 июня 1889 г. состоялся доклад Александру III министра путей сообщения А.Я. Гюббенета о проделанной подготовительной работе. В ходе доклада обсуждалась необходимость строительства нового поезда для заграничных путешествий императора и его семьи, так как находящийся в эксплуатации специальный поезд для заграничных путешествий обветшал и не отвечал требованиям безопасности движения. Таким образом, в октябре 1888 г. первоначально речь шла о строительстве двух составов: для внутренних и для заграничных поездок царской семьи.

Составы задумывались как дворцы на колесах. В них наряду с роскошью и удобствами для путешествующих должны обеспечиваться плавный ход и должный уровень безопасности. Для определения количества людей, сопровождающих императора в его заграничных поездках, охрана составила список пассажиров, обычно сопутствующих царю в его путешествиях. В результате было принято решение, что в состав царского поезда войдут 11–12 вагонов, общим весом около 400 тонн.



Царский поезд в Дании (г. Стриб). *Фото 1887 г.*

Для того чтобы определить стандарты для вагонов такого класса, за границу командировали одного из железнодорожных инженеров для осмотра соответствующих железнодорожных составов и посещения заводов, способных выполнить подобный заказ. Естественно, известие о крупном потенциальном заказе быстро распространилось среди заинтересованных лиц. Последовали многочисленные обращения в комиссию с предложениями от иностранных фирм, желающих изготовить вагоны такого класса. Они брались подготовить требуемый состав за один-два года. После тщательного рассмотрения всех претендентов отвергли. В ноябре 1889 г. принято принципиальное решение о размещении престижного заказа на Александровском механическом заводе Николаевской железной дороги.

Вагоны в составе предполагалось распределить следующим образом: в первом вагоне – электростанция с обслуживающим ее персоналом. Второй вагон – багажный. Третий вагон с купе первого и второго класса предназначался для обслуги. В четвертом вагоне в семи купе располагались первые лица царской свиты. Пятый вагон на 6 купе занимали министр Императорского двора, командующий главной императорской квартирой, начальник охраны, гофмаршал, лейб-медик, одно купе запасное.

Шестой вагон, также на 6 купе, – дамский. В нем располагались маленькая великая княжна Ольга Александровна и ее бонна. Отдельное купе запланировали для великой княжны Ксении Александровны. Два одноместных купе предназначались для фрейлин. В двухместном купе ехали камеристки императрицы. Шестое купе предназначалось для прислуги фрейлин. Уровень комфорта в этом вагоне предусматривал особую туалетную комнату в каждом из двух великокняжеских купе и еще один общий туалет для фрейлин и их служанок. Седьмой вагон назывался великокняжеским. Он был рассчитан на 5 купе. Первое из них предназначалось для наследника-цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II. Второе двухместное купе предназначалось для малолетнего великого князя Михаила Александровича и его гувернера. В третьем купе находился второй сын царя – великий князь Георгий Александрович. В вагоне имелись два туалета.

Два следующих вагона именовались императорскими. Восьмой вагон – спальный. В нем обурдовали две отдельные опочивальни для Александра III и для императрицы Марии Федоровны. Опочивальня императора была обита сафьяном. Каждая спальня имела три окна. В спальне императора имелись

стол, диван, небольшой туалетный столик, двойные светильники на стенах и умывальник. При каждой спальне оборудованы отдельные туалетные комнаты. Интерьеры помещений императора и императрицы различались по стилистике оформления. В этом же вагоне устроили гардеробную, находились два купе для камердинера императора и для камер-фрау императрицы. Для отопления вагона в нем разместили паровой котел.

В девятом вагоне располагались императорский салон и рабочий кабинет царя. В десятом вагоне находилась императорская столовая, он разделялся на три отделения: столовую, закусочную и буфет. Этими четырьмя из 10 вагонов поезда (опочивальней, салоном-столовой, детской и великокняжеским), отличающимися особенной роскошью отделки, пользовались только члены царской семьи.

Два замыкающих состав вагона – хозяйственные. В одиннадцатом вагоне располагалась кухня, также состоявшая из трех отделений: кухни, буфета и отделения для провизии. В двенадцатом вагоне второго класса располагались купе для 4 поваров и 4 официантов, а также 14 спальных мест для прислуги и 6 мест для казаков охраны. Всего вагон был рассчитан на 32 спальных места при одном общем туалете.

Первоначально, чтобы сэкономить место, предполагалось освещать состав только свечами и обойтись без электрического освещения. Затем рассматривался вариант газового освещения, но после некоторых колебаний в поезде устроили электрическое освещение. В каждом из купе оборудовали по 1–2 светильника в стиле модерн. Установленные лампы накаливания на 8, 16 и 25 свечей каждая при напряжении 50 вольт запитывались от динамо-машины и аккумуляторов. Всего в поезде насчитывалось 200 штук электрических ламп. Впервые электрическое освещение опробовали в царском поезде осенью 1902 г. во время традиционной поездки семьи Николая II в Крым. В дневное время кроме окон свет в вагоны попадал через потолочные окна-фонари. Для связи между всеми вагонами смонтировали телефонную сеть.

Отопление вагонов – паровое. Для охлаждения вагонов в летнее время предусмотривались специальные «ветродуи-холодильники», прообразы будущих кондиционеров. Воздух попадал через специальные воздухозаборники в изящно отделанные ящики с каналами, обложенными льдом с солью, и, охладившись, попадал в вагон. Все трубы водоснабжения изготавливались из меди. Ширина коридоров в императорских вагонах составляла в 72 см, в остальных – 70 см. Полы покрывали линолеум и ковры. Толщина перегородок между купе для

облегчения общего веса вагонов не превышала 3 см.

Для изготовления каркасов вагонов кроме металла потребовались разнообразные виды дерева, их закупали в Лондоне. В ходе строительства и отделки использовались тик, ясень, красное дерево и дуб. Кузова вагонов тщательным образом в несколько слоев окрашивались в синий цвет. Снаружи над верхней частью окон прикрепили бронзовые, золоченые художественной ковки государственные гербы. Крышу изготовили из красной меди, покрашенной в светло-серый цвет. «Гармошки» переходов между вагонами сшили из черной кожи. Поскольку требовалось уменьшить вес состава, то никакой брони на вагонах не устанавливалось.

Уже в ходе строительства поезда для заграничных поездок императора принято решение использовать его и для внутренних поездок царской семьи. Для этого разработали процедуру смены скатов заграничной колеи в 1435 мм на русскую колею в 1524 мм. Кроме этого конструкция состава предусматривала возможность его переправы на паромах через проливы Большой и Малый Бельт, поскольку Александр III часто гостил у родственников своей жены в Дании. Первоначально смена скатов занимала на каждом вагоне до 3 часов. То есть на то, чтобы «переобуть» весь состав, уходило до трех суток. В экстремальных случаях железнодорожные рабочие укладывались в 18 часов. Поскольку это было неудобно для высокопоставленных пассажиров, для ускорения процесса на пограничной станции Вержболово в 1903 г. установили специальный ваго-ноподъемник. Он обошелся казне в 206 тыс. руб.

Первая пробная поездка царского поезда (для заграничных путешествий) состоялась 20 января 1893 г. Свитский вагон прошел от Санкт-Петербурга до станции Тосно и обратно. Первыми опробовали поезд молодожены – великая княгиня Ксения Александровна и великий князь Александр Михайлович. Они отправились из Нового Петергофа в Севастополь в начале августа 1894 г. После этого пробного прогона 24 августа 1894 г. царский состав официально принят в эксплуатацию. Состав из 10 вагонов для путешествий внутри России ввели в строй к 1897 г.

Однако императору Александру III не пришлось воспользоваться новыми поездами. К этому времени он был смертельно болен. Одно время состав все же хотели использовать, поскольку врачами предполагалась поездка царя на климатический курорт на остров Корфу. Но темпы развития смертельной болезни диктовали совсем иной ход событий, и император, узнав о неутешительных прогнозах, отказался покидать территорию страны, переехав умирать в близкую ему

Ливадию. Поэтому настоящим хозяином нового поезда стал Николай II. Он достаточно много ездил и по стране, и за границу, и его мимолетные замечания приводили к дальнейшему совершенствованию материальной части царского состава. Так, в январе 1902 г. Николай II обронил, что у поезда французского президента ход более плавный. В результате сравнительных ходовых испытаний произвели смену тележек. Поскольку цель поездок царя была различной, то комплектация составов в царском поезде постоянно менялась, и отдельные вагоны имели разный пробег. Так, на 1 января 1907 г. пробег императорского вагона-опочивальни по территории России составил 28 003 версты, великокняжеского вагона – 44 876 верст. За границей вагон-опочивальня «набегал» 72 957 верст, а великокняжеский – 71 816 верст.

Николай II в окне собственного поезда. *Фото 1917 г.*

Особенно активно использовался царский состав поле того, как Николай II в августе 1915 г. принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего русской армией. В этом же

поезде в салон-вагоне он подписал свое отречение 2 марта 1917 г.

Николай II вплоть до 1905 г. пользовался поездами, построенными по приказу его отца – Александра III. Но поскольку Николай II достаточно часто ездил по стране, то постепенно на каждой железной дороге начал формироваться свой царский железнодорожный состав. К 1903 г. парк императорских поездов состоял уже из пяти составов. Первый – это Императорский поезд Николаевской железной дороги для путешествий вдовствующей императрицы Марии Федоровны с вагонами на четырехосных тележках. Состав включал 10 вагонов. Второй – «Собственный Его Императорского Величества» для дальних путешествий по России, сданный в эксплуатацию в 1897 г., на четырехосных тележках. Третий – Императорский поезд «для заграничной колеи», вошедший в строй в 1894 г., состоял из 11 вагонов на четырехосных тележках. Четвертый – «пригородный Императорский поезд» с трехосными вагонами для путешествий в окрестностях Санкт-Петербурга, включавший 13 вагонов. Пятый – Императорский поезд Курской железной дороги «для путешествий иностранной и местной знати» с трехосными вагонами числом 16[322].

На увеличение парка императорских поездов существенное влияние оказали внутриполитические события. Необходимо было усилить меры по обеспечению безопасности императора в условиях назревавшего революционного взрыва. Поэтому в начале 1900-х гг. началось строительство второго «экземпляра» российского Императорского поезда. Строительство этого состава завершилось к 1905 г.[323]

Именно железнодорожные составы-близнецы обеспечивали «прикрытие» царя, постоянно меняясь местами на трассе проезда. Подобная практика в охране царя сложилась еще в конце 1870-х гг. при Александре II. В поезд-дублер назначался специальный персонал из числа комнатной челяди с задачей постоянно мелькать в окнах вагонов, придавая им жилой вид.

До нас дошли описания мемуаристами Императорского поезда. Начальник канцелярии Министерства двора А.А. Мосолов вспоминал: «В первом вагоне находились конвой и прислуга. Как только поезд останавливался, часовые бегом занимали свои места у вагонов Их Величеств. Во втором вагоне находились кухня и помещения для метрдотеля и поваров. Третий вагон представлял собой столовую красного дерева; треть этого вагона отведена была под гостиную с тяжелыми драпировками и мебелью, обитою бархатным штофом; там же стояло пианино. Четвертый вагон пересекался во всю ширину коридором и был предназначен для Их Величеств. Первое купе представляло собой гостиную

Государыни серо-лиловых тонов. Если Императрицы не было в поезде, купе это закрывалось на ключ. В пятом вагоне находилась детская: драпировки были из светлого кретона, а мебель – белая. Фрейлины помещались в этом же вагоне. Шестой вагон отводился свите. Он был разделен на 9 купе, из которых одно – двойное посередине вагона, предназначалось для министра Двора. Наши купе были много просторнее, чем в международных спальных вагонах. Комфорт был обеспечен, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помещения визитной карточки. Одно купе всегда было свободным: в него помещали лиц, представлявшихся Их Величествам в пути и почему-то оставляемых в поезде. Седьмой вагон предназначался для багажа, а в восьмом находились инспектор Высочайших поездов, комендант поезда, прислуга свиты, доктор и аптека. Вагоны освещались электричеством, обогревались паровым отоплением, в каждом купе был телефон. У изголовья дивана находилась ручка стоп-крана. В тамбуре вагона круглосуточно дежурил кондуктор. Внутренняя отделка вагонов выполнялась ведущими специалистами фирм Г.Г. Бюхтгера, Н.Ф. Свирского и др.».

Вагоны императорских поездов старались держать на каждом из железнодорожных маршрутов царя. Поэтому Императорский состав мог быть быстро укомплектован необходимым числом вагонов. Эти маршруты, как правило, были постоянными, поскольку поездки царя по пригородным дворцам, в Беловеж, Ливадию и Спалу осуществлялись из года в год.

Особенно часто императорский состав использовался царем в годы Первой мировой войны. Для маневренности и секретности передвижений царский поезд комплектовался неполным составом. Флигель-адъютант полковник А.А. Мордвинов вспоминал, что Императорский поезд был невелик. Он состоял в центре из вагона Его Величества, где находились спальня и кабинет Государя; рядом – свитский, с одной стороны, а с другой – вагон-столовая. Далее шли кухня с буфетом, вагон с военно-походной канцелярией и последний вагон, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой следовал поезд. Когда царь приезжал на фронт в Ставку, то он оставался жить в своем поезде. Когда летом 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и большую часть времени стал проводить в Могилеве, где находилась его Ставка, то туда часто приезжала императрица с дочерьми. Фактически в 1915–1917 гг. императорский поезд стал одной из постоянных резиденций последнего русского императора.

Царский поезд, в котором Николай II подписал отречение от престола. *Экспозиция Петергофского музея 1930-х гг.*

После отречения Николая II в марте 1917 г. его поезда в течение полугода использовались министрами Временного правительства. После прихода к власти большевиков из императорских вагонов сформировали знаменитый поезд председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Он пользовался удобствами Императорского поезда, в том числе гаражом-вагоном, построенным в 1915 г. для состава Николая II.

С конца 1920-х гг. и до второй половины 1930-х гг. в Петергофе в парке Александрия, в рамках выставки, посвященной быту императорской семьи, представили 2 вагона с экспозицией, рассказывающей об отречении Николая II. В эту пару входил и вагон-салон, в котором 2 марта 1917 г. Николай II подписал свое отречение.

Судьба всех роскошных царских вагонов оказалась печальной. Большая их часть утрачена в огне Гражданской войны.

Уцелевшие вагоны погибли в 1941 г., и сегодня на территории РФ не сохранилось ни одного из подлинных императорских поездов. Однако у наших соседей, в Музее железнодорожного транспорта Суоми, экспонируются три вагона из одного императорского состава. Некоторые мемориальные вещи, находившиеся в царских вагонах, сохранились в фондах Петергофского музея-заповедника[324].

«Собственный Его Императорского Величества гараж» 1905–1918 гг

Автомобили появились в повседневной жизни царской семьи благодаря князю Владимиру Николаевичу Орлову[325], тот в 1903 г. впервые пригнал в Александровский дворец Царского Села свою машину. Для царя первое знакомство с подобными техническими новинками началось еще летом 1895 г., когда в Петергофе ему показали «паровой велосипед» – французский паровой мотоцикл фирмы «Millet», выпущенный в 1893 г.

Автомобиль системы «Серполле». *1888 г.*

Крым. Охотничий домик.
Справа от императора В.Н. Орлов – первый шофер Николая II

В начале XX в. автомобили быстро входили в повседневную жизнь состоятельных людей России. Так, Николай II записал в дневнике 12 мая 1904 г.: «В среду, к обеду приезжал в Царское Село Миша[326] из лагеря[327] на автомобиле». В этой фразе царь впервые использовал термин «автомобиль», до этого, как правило, он употреблял термин «мотор». В дневниках Николая II встречается еще один термин – «помоторили». Из окружения Николая II первыми в 1901–1902 гг. приобрели автомобили министр Императорского двора барон В.Б. Фредерике и великий князь Дмитрий Константинович. Это были французские автомобили системы «Серполле». Во время поездок царской семьи в Германию начались регулярные прогулки по пригородам Наугейма на автомобиле брата императрицы Гессенского герцога Эрнеста.

Российские монархи начали совершать регулярные поездки на автомобилях только с 1905 г. Николай II поначалу настороженно воспринял новую технику, но после пробной поездки усадил в автомобиль и императрицу Александру Федоровну. Новинка настолько понравилась царю, что он совершал поездки на автомобиле практически каждый день. Князь Орлов, опасаясь подвергать жизнь царя опасности, фактически превратился в его шофера. Он записал весной 1905 г.:

«Государь полюбил автомобиль и решил приобрести себе тоже несколько штук»[328]. Аристократический бомонд Петербурга немедленно отреагировал на эту новость слухами. Так, близкая ко Двору А.В. Богданович записала в дневнике 16 августа 1906 г.: «Фаворит же теперь кн. Орлов, который ежедневно катает царскую чету в своем автомобиле. Это единственное теперь их увлечение и развлечение»[329].

Это действительно большое увлечение даже стало объектом семейных шуток. В туалете (WC) Николая II в Александровском дворце Царского Села на стене висела карикатура на царя, на которой он изображен сидящим в автомобиле «Bianco T»[330].

Вопрос о приобретении автомобилей согласовывался с министром Императорского двора В.Б. Фредериксом. Отвечал за приобретение автомобилей для царского гаража флигель-адъютант, князь Владимир Николаевич Орлов, с 1906 по 1915 г. он являлся начальником Военно-походной канцелярии императора Николая II.

Первые автомобили, закупленные Орловым, появились в Александровском дворце Царского Села в конце 1905 г., то были французские и немецкие автомобили. Во Франции приобрели представительский лимузин (фаэтон) фирмы «Delaunnay-Belleville». Его использовали для коротких поездок по пригородам и Петербургу. Для дальних поездок купили несколько быстроходных автомобилей фирмы «Mercedes» модификации «16–40». Если автомобиль «Delaunnay-Belleville» поражал роскошью, то автомобили «Mercedes» уже тогда считались одними из самых быстроходных. В 1904 г. туристическая модификация «Mercedes» могла держать скорость в 85 миль в час. Именно эти машины положили начало автомобильному парку Императорского гаража.

После того как появились первые автомобили, парк которых постоянно увеличивался, возникла необходимость решить кадровые проблемы. Князь В.Н. Орлов выступил инициатором открытия Императорской школы шоферов. Он же подобрал личного шофера Николаю II. Им стал француз с безупречными рекомендациями – 25-летний Адольф Кегресс. Некоторое время В.Н. Орлов постоянно ездил с новым шофером, проверяя его.

«Delaunnay-Belleville». На радиаторе – свастика, символ императрицы Александры Федоровны. *Фото 1915 г.*

«В виде опыта» Императорские гаражи создали в Царском Селе и Петергофе в 1905 г. В 1906 г. он приобрел официальный статус. К концу 1906 г. в гаражах стояло уже шесть автомобилей, которые обошлись казне в 100 000 руб. С этого времени затраты на оборудование гаражей и закупку автомобилей постоянно росли. В 1906 г. царь потратил на гаражи 77 277 руб., в 1908 г. – 69 700 руб, в 1909 г. – 65 000 руб., в 1910 г. – 33 000 руб. Самые значительные затраты пришлись на 1911 г., когда истратили 96 681 руб. К 1911–1912 гг. сумма затрат стабилизировалась на уровне 58 600 руб. Таким образом, по самым скромным подсчетам, с 1905 по 1912 г. на приобретение автомобилей и оборудование императорских гаражей Министерство Императорского двора потратило около 550 ООО руб. На эти средства приобретались не только автомобили, но и строились новые помещения для Императорского гаража. Гаражи появились не только в Царском Селе и Петергофе, но и в других царских резиденциях – в Зимнем и Аничковом дворцах в Петербурге, в

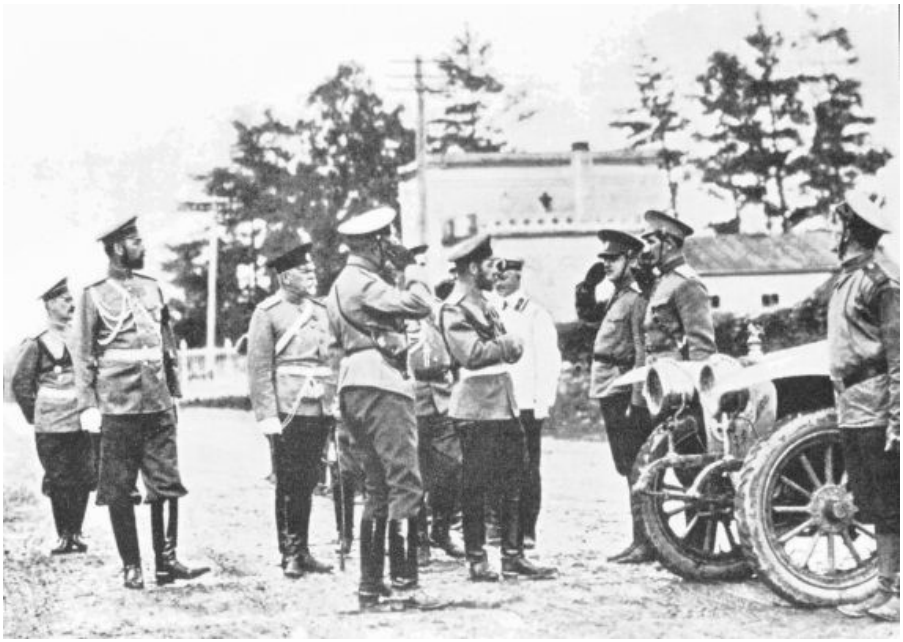
Гатчине, в Ливадии.

К 1910 г. в Императорских гаражах находился 21 автомобиль различных модификаций. Среди них – пять открытых автомобилей-ландо, предназначенных лично для Николая II и его семьи[331]. Стоит обратить внимание, что Николай II предпочитал именно открытые автомобили. Это решение диктовалось политическим выбором. Николай II считал, что царь должен быть виден народу. И хотя охрана многократно убеждала царя передвигаться по городу в закрытом автомобиле, Николай II, как правило, ездил в открытых лимузинах.

Николай II предпочитал роскошные французские автомобили фирмы «Delaunnay-Belleville». Французская фирма «Delaunnay-Belleville» в течение XIX столетия занималась изготовлением паровых котлов и локомотивов. В 1904 г. она изготовила свой первый автомобиль. На фотографиях, дошедших до наших дней, хорошо видна своеобразная цилиндрическая форма капота автомобиля. Это конструктивное решение напоминало о корнях компании.

К 1907 г. качество, мощность и надежность лимузинов «Delaunnay-Belleville» сделали их популярными в аристократической среде европейских монархических дворов. В 1909 г. по заказу российского Императорского двора фирма изготовила специальную версию автомобиля. Она была обозначена как «Delaunnay-Belleville – 70 S.M.T.». Сокращение «S.M.T.» («Sa Majesti le Tsar»), от французского – «Его Императорское Величество». Это был мощный и надежный автомобиль весом в 4 т с мощностью двигателя в 70 л. с. (объем двигателя – 11,5 л, 6 цилиндров), способный развивать скорость до 100 км в час.

Семья около гаража. Слева «Delaunnay-Belleville», справа «Mercedes» Ливадия. *Фото 1914 г.*



Смотр императором Николаем II военных автомобилей после пробега в 3000 км. Петергоф. Александрия. *Фото 1912 г.*

Управление автомобилем тогда было достаточно сложным делом. Вместо обычных трех педалей в царском автомобиле – девять педалей. Две педали для левого и правого тормозов, «горный тормоз, или упор», акселератор, педаль для усиленной подачи масла в мотор, пневматический свисток. Кроме того, имелись рычаги пускового устройства, пневмодомкрата, подкачки шин. Вся эта система работала на сжатом воздухе, поступавшем от специальных баллонов. Запускался автомобиль также сжатым воздухом. Машина могла бесшумно тронуться с места и проехать только на запасе сжатого воздуха несколько километров. По сравнению с образцами той же фирмы, закупленными в 1906 г., это была более совершенная модель. Так, на ней использовалась не цепная передача от двигателя к колесам, а карданная.

Естественно, заказы русского Императорского двора были крайне престижны для «Delaunnay-Belleville», поэтому автомобиль «S.M.T.» изготовлялся очень тщательно и с максимальной роскошью. Этот автомобиль вплоть до Первой мировой войны оставался одной из самых роскошных машин мира. Его репутация пережила две мировые войны. Последний «Delaunnay-Belleville» произвели в 1948 г., но «золотой век» компании пришелся именно на период с 1907 по 1914 г., когда она поставляла свои автомобили для русского Императорского двора.

В Царскосельском гараже кроме личных автомобилей императора стояло еще десять автомобилей, которые использовались в основном свитой Николая II. Среди них было 3 немецких автомобиля «Mercedes» (модификация «16–40»)[332], 3 французских автомобиля фирм «Delaunnay-Belleville»[333], «Panhard-Levassor»[334], «Serex»[335] и один английский автомобиль[336]. Кроме них в гараже находились и отечественные автомобили фирм «Lessner»[337] и «Руссо-Балт»[338]. Автомобили «Руссо-Балта» были самими роскошными отечественными автомобилями. На пробке радиатора этих машин завод имел право устанавливать фигурку двуглавого орла – символа Российской империи.

Поскольку со временем поездки начали предприниматься на большие расстояния, а императора по протоколу сопровождало множество лиц, то наряду с обычными автомобилями приобрели четыре грузовика-трейлера с кроватями[339]. За казенный счет приобретались автомобили для должностных лиц. Так, в распоряжении дворцового коменданта находилось два автомобиля «Mercedes»[340]. В 1910 г. ежегодное содержание Императорского гаража обходилось Министерству Императорского двора в 126 ООО руб.

Для обслуживания техники в гараже работал 21 водитель, из расчета по одному водителю на каждый автомобиль. К 1910 г. автомобили прочно вошли в повседневную жизнь императорской семьи. К ним быстро привыкли, хотя вначале при их использовании возникала масса недоразумений. В основном они связаны с автомобильными «катастрофами» того времени. Вид механических «чудовищ» приводил в неистовство лошадей и коров на дорогах, которые становились неуправляемыми. Подчас император лично компенсировал пострадавшим потерянный товар или распоряжался об отправке в больницу пострадавших[341].

Гараж продолжал развиваться. В 1911–1912 гг. для него приобретается еще 14 современных автомобилей различного класса. Среди них – четыре открытых автомобиля-ландо[342], пять фаэтонов[343] и два автобуса[344]. Дворцовый комендант получил также два новых мощных открытых автомобиля[345]. Примечательно, что кузова для всех царских автомобилей изготавливала с 1909 г. только одна французская фирма «Keller», хотя автомобили покупали на разных шасси («Rolls-Royce», «Renault», «Peugeot», «Mercedes»). Кроме этого, в гараже появился гоночный, четырехцилиндровый «Mercedes» на 40 л. е., приобретенный в 1910 г. Скорее всего, его купили для нужд личной охраны царя, сопровождавшей его во всех поездках.

Поскольку гараж императора стремительно разрастался, а дворцовая элита пересаживалась из карет в комфортабельные,

роскошные автомобили, то возникла острая необходимость в расширении гаража. В августе 1910 г. министр Императорского двора В.Б. Фредерике писал царю, что вследствие роста числа автомобилей Императорского гаража возникла необходимость в строительстве второго каменного здания для него в Царском Селе, новых зданий в Петергофе и Петербурге. Самым важным положением этого документа было то, что В.Б. Фредерике предлагал построить новое здание в Царском Селе «всего» на 35 машин (30 автомобилей, 2 грузовые машины и 3 автомобиля для дворцового штата).

Символ «Rolls-Royce»

Вероятно, именно в 1910–1911 гг. построено здание в Черном дворике Зимнего дворца, в районе расположения дворцовых кухонь. Этот гараж сохранился по сей день. В 1911 г. при строительстве нового дворца в Ливадии также построен гараж, для которого закупили два «вневременных» «Роллс-Ройс» – «Серебряный призрак», эти машины использовались вплоть до 1917 гг.

Первый автомобиль «Peugeot», отгруженный в Россию 4 марта 1896 г.

Документ, подготовленный В.Б. Фредериксом, имеет свою историю. К 1910 г., видимо, возникли серьезные трения между неофициальным «хозяином» гаража – князем В.Н. Орловым и министром Двора В.Б. Фредериксом. Эти недоразумения были связаны в основном с финансовой ситуацией вокруг гаража и с его неопределенным положением в структурах Министерства Императорского двора. Финансовые проблемы обуславливались с бесконтрольным расходованием значительных средств на приобретение все новых и новых автомобилей и дороговизной содержания самого гаража[346].

Поскольку на гаражное строительство предполагалось истратить значительные суммы из бюджета Министерства Императорского двора, то принимается решение разработать специальное «Положение» об Императорском гараже. Поскольку личный гараж его величества предназначается исключительно для обслуживания потребностей царской семьи, то его функции определялись после личного согласования с Николаем II.

В.Б. Фредерике, имевший серьезное влияние на царя, видимо,

решил воспользоваться ситуацией и законодательно ограничить «расползание» гаража вширь. Поэтому министр предлагал прекратить необоснованное приобретение новых автомобилей в больших количествах. Он считал, что 30 имеющихся автомобилей вполне достаточно, учитывая тот факт, что только раз в году, помимо постоянного обслуживания императора и его окружения, гараж использует все свои транспортные средства в ходе ежегодных маневров в Красном Селе, длящихся 5–6 дней. По мнению В.Б. Фредерикса, на 1910 г. гараж достаточно укомплектован современными автомобилями, и в текущем году он арендовал только 4 автомобиля, да и то только потому, что 4 автомобиля из числа императорских были посланы за границу. Министр обращал внимание Николая II на то, что затраты на гараж прописаны в бюджете Министерства Императорского двора, но при этом реальные расходы превышают установленные бюджетом средства. Поэтому увеличение числа автомобилей и строительство новых зданий, для которых потребуется дополнительный штат сотрудников, сделает содержание Императорского гаража накладным для бюджета Министерства Императорского двора.

Формально В.Б. Фредерике, конечно, прав, но он не учел особенностей человеческой психики. Хороших автомобилей для человека, который их любит, много не бывает. Особенно когда есть финансовые возможности. Поэтому гараж продолжал разрастаться. Николай II распорядился одобрить предполагавшиеся значительные расходы. Видимо, на это решение повлияло и увлечение царя автомобилями, и влияние князя В.Н. Орлова, и то, что автомобили стали важной частью повседневной жизни высшего света. Князь В.Н. Орлов всячески поддерживал увлечение царской семьи автомобилями. Так, в 1913 г. девятилетнему цесаревичу Алексею подарили крохотный двухместный автомобиль «Bebe Peugeot» с двигателем в 10 л. с.[347]

Единственное, что удалось сделать министру, так это подчинить в июне 1912 г. «Собственный Его Императорского Величества гараж» управляющему Придворной конюшенной частью фон АА Гринвальду[348]. Это был компромисс с В.Н. Орловым. С одной стороны, «лошадник» Гринвальд не вмешивался в дела гаража и В.Н. Орлов продолжал оставаться его неофициальным руководителем, с другой – формальное подчинение гаража Конюшенной части давало право на финансовый контроль за его деятельностью со стороны Министерства Императорского двора.

Повседневная жизнь Императорского гаража порождала множество проблем, которые приходилось оперативно решать. И

прежде всего, это кадровые проблемы, связанные с поиском квалифицированных водителей и грамотных техников по обслуживанию автомобилей. Поскольку в то время службы автомобильного сервиса еще не появились, то от водителей требовалось не только умение прекрасно водить автомобиль, быть в состоянии определить характер и место неисправности, но и устранить ее. Эти задачи решала Императорская школа шоферов.

Службы, занимавшиеся обеспечением личной безопасности императора, требовали от водителей при перевозке членов Императорской фамилии максимального внимания. Поскольку царь предпочитал открытые лимузины, то водители обязывались быть готовыми к решительным действиям для спасения пассажиров и при возможном покушении на Николая II. Сама возможность такого покушения после событий Первой русской революции 1905–1907 гг. была реальна. Однажды цесаревич Алексей и его учитель французского языка П. Жильяр попали в одну из первых пробок в Петербурге. Поскольку они ехали в открытом автомобиле, прохожие, узнав цесаревича, мгновенно окружили автомобиль, собралась толпа, из которой они с трудом выбрались.

Шоферов в России в то время было немного. Квалифицированный водитель из Царскосельского гаража мог легко устроиться к любому титулованному хозяину на большое жалованье, поэтому их старались удержать на службе в Министерстве Двора. Все они получали достаточно высокое жалованье, включавшее так называемые столовые и квартирные деньги, но постоянно растущий спрос на водителей заставлял оперативно поднимать им содержание. Так, в мае 1914 г. князь В.Н. Орлов в своей записке на имя Николая II указывал: «Жалованье рабочих гаража теперь следующее: водители Императорских автомобилей получают 90—100 рублей, другие рабочие – 50–80 рублей в месяц. Но Ваше Величество должен знать тот факт, что даже в частных домах платят гораздо больше, чем это жалованье»[349]. Он подчеркивал, что работа в гараже не легка. Многие служащие работали без отпуска и подчас ночью, для того чтобы закончить ремонт царского автомобиля. Он утверждал, что уровень жалованья рабочих от водителей до мойщиков (последние получали по 25 руб. в месяц) совсем не высок. А возможностей повысить им жалованье при жестких «бюджетных» рамках нет.

Цесаревич Алексей в автомобиле. *Ливадия. Фото 1913 г.*

При этом князь В.Н. Орлов упрекал Контроль Дворцового управления в бесконечных финансовых «придирках», что, по его мнению, отвлекало руководителя Механического отдела гаража А. Кегресса и его помощника от их непосредственных обязанностей. В.Н. Орлов, добиваясь режима финансового благоприятствования для гаража, выдвинул главный аргумент – он сообщил царю, что многочисленные выговоры и требования со стороны дворцовой администрации и Контроля заставили А. Кегресса несколько раз просить В.Н. Орлова об увольнении. Князь В.Н. Орлов заявлял, что он считает А. Кегресса «незаменимым рабочим, и я боюсь, что его увольнение будет большой потерей для гаража»[350]. Далее князь В.Н. Орлов просил царя, чтобы министр Императорского двора В.Б. Фредерике отдал распоряжение Дворцовому финансовому управлению не вмешиваться в проблемы определения уровня заработной платы рабочим. Это очень характерная записка, показывающая, что князь В.Н. Орлов продолжал оставаться фактическим «хозяином» Императорского гаража, решая все спорные вопросы непосредственно через императора. А требование не вмешиваться в финансовые дела гаража, входившего в структуры Министерства Императорского двора, беспрецедентно.

Однако жизнь постоянно подбрасывала новые проблемы. Так как автомобили приходилось возить вслед за императором и по железной дороге, то сначала для этого использовались обычные открытые платформы. В феврале 1914 г. принимается решение о строительстве специального вагона-гаража для перевозки

императорских автомобилей. Изначально предполагалось, что это будут два вагона, соединенные между собой металлическими мостками длиной примерно по 18 метров. Однако в процессе строительства размеры несколько изменились. В результате изготовили два четырехосных вагона, каждый из которых был длиной в 20 метров. Этот закрытый гараж вмещал пять автомобилей, подсобные помещения для ремонта, запчастей и горючего. Автомобильный вагон-гараж подцеплялся к хвосту царского состава. Автомобили выезжали из него по специальным металлическим съездам в торце вагона.

Император Николай II на прогулке в Крыму. *Фото 1914 г.*

Работу над этим заказом резко ускорили после того, как Россия в августе 1914 г. вступила в Первую мировую войну. С сентября 1914 г. Николай II стал регулярно выезжать на фронт. Вагон-гараж перегнали в Царское Село в марте 1915 г., а в августе 1915 г. подписан акт приемки железнодорожного гаража. Это было очень важно, поскольку именно в августе 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Он продолжал регулярно ездить по фронтам. В это время Императорским гаражом заведовал В. Шоффер[351]. Личным водителем императора по-прежнему оставался А. Кегресс действительно большой мастер. По свидетельству последнего дворцового коменданта В.Н. Воейкова, он даже на крымских дорогах около Ливадии ездил со скоростью «60–70 верст в час»[352].

Гараж императора продолжал увеличиваться и в годы войны. Но увеличивался он не за счет роскошных автомобилей, а за счет

машин, которые могли понадобиться в условиях войны. Так, зимой 1915/16 г. для царя разработали автомобиль-сани (2 экземпляра). Одну из двух изготовленных машин передали службе начальника личной охраны царя полковнику А. И. Спиридовичу. К началу 1916 г. в Императорском гараже находилось 56 автомобилей. Среди них – 9 личных автомобилей Николая II, 19 автомобилей для свиты, 3 фельдъегерских автомобиля, 15 хозяйственных и 10 автомобилей для придворных[353].

После Февральской революции 1917 г. и падения монархии весь автомобильный парк Императорского гаража реквизировали. 9 марта 1917 г. вся материальная часть «Собственного Его Императорского Величества гаража» была передана в распоряжение Временного правительства[354]. После Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков бывший Императорский гараж перешел к новым хозяевам. 26 января 1918 г. имущество бывшей Придворной конюшенной части и бывшего гаража Его Императорского Величества передается Автоконюшенной базе Рабоче-крестьянского правительства. На царских автомобилях возили В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Россия стала погружаться в пучину Гражданской войны, уничтожившей и все царские автомобили. До настоящего времени не сохранилось ни одной машины.

Развлечения в императорской семье

Досуг, связанный с различными развлечениями, не являлся только формой отдыха для российской аристократии. Скорее это была специфическая форма проведения времени, в рамках которого собственно развлечения сопрягались с решением множества утилитарных задач: от конфиденциальных бесед на сугубо деловые темы в неформальной обстановке придворного праздника до обычной ярмарки тщеславия, позволявшей блистать немыслимой роскошью, и решения матримониальных задач, связанных с планами на удачное замужество. Для женской половины, входившей в «большой свет», – главное «поле битвы», со своими громкими победами и сокрушительными поражениями, молва о которых передавалась из поколения в поколения и прилежно фиксировалась в дневниках и мемуарах. Поэтому развлечения при Императорском дворе в самых различных вариантах были не только важнейшей частью повседневной жизни российской аристократии, но и своеобразной формой их самореализации. Сам факт участия в светских развлечениях свидетельствовал о приближенности к Императорскому двору и причастности к высшему свету.

Как правило, развлечения носили циклический характер и определялись как временем года, религиозными праздниками, так и имевшимися прецедентами. Конечно, особенности времени и прогресс техники вносили в характер этих развлечений свои поправки.

Тем не менее для довольно разнообразных придворных развлечений была характерна придворная церемониальность, основанная на множестве нюансов, о которых знали только «свои». Например, во время театральных спектаклей придворный этикет запрещал аплодировать прежде императора.

Полагалось аплодировать только вслед за ним, но «по некоторой робости, аплодировали очень немногие и очень слегка»[355]. И таких нюансов, подчас ставивших в тупик непосвященного, имелось множество.

Спиритизм

Интерес к различным мистическим практикам европейского толка формируется при русском Императорском дворе еще при Екатерине II. В 1780 г. в Петербург под именем графа Феникса прибыл знаменитый граф Калиостро, ставший главной сенсацией зимнего сезона. В числе прочего знаменитый европейский авантюрист широко практиковал и спиритизм. Следует заметить, что сама императрица весьма скептически отнеслась к заезжей знаменитости, не без оснований связав его деятельность с укреплением масонских лож в России. По крайней мере за два года (1785–1786 гг.) она написала три комедии, одну из них, с красноречивым названием «Обманщик», посвятив Калиостро. Тем не менее именно Калиостро положил начало спиритической практике в России, сохранявшейся среди высшего света вплоть до 1917 г.

Собственно спиритизм (фр. spiritisme, от лат. spiritus – душа, дух) как мистическое течение, сторонники которого верят в посмертное существование душ умерших и возможность общения с ними, сформировался в середине XIX в. В серьезных энциклопедических словарях упоминается, что «в России первые спиритические сеансы были устроены в начале 70-х гг. знаменитым медиумом Юмом». Это не совсем точно.

Дело в том, что мода на спиритические сеансы начала распространяться в высшем свете императорских и великокняжеских дворов еще в 50-х гг. XIX в. Как правило, приглашались заезжие европейские «звезды». Скорее всего, в этом действе привлекал откровенный мистицизм, замешанный на любопытстве. Однако спиритические сеансы старались не афишировать. С одной стороны, подобная практика не соответствовала канонам православной церкви, с другой – спиритизм считался дурным тоном, поэтому в спиритических сеансах принимали участие только самые близкие к императорской семье люди.

Фрейлина Марии Александровны А.Ф. Тютчева и в воспоминаниях, и в дневнике неоднократно с недоумением и раздражением затрагивала тему спиритических сеансов при Императорском дворе. В 1853 г. она упоминает о трех таких сеансах: в мае окружение цесаревича «после чая» забавлялось тем, что магнетизировало столы и шляпы, а затем отправлялось спать[356]; в сентябре по «возвращении двора в Царское все здесь очень заняты вертящимися и пишущими столами. С ними производится множество опытов даже на вечерах у

императрицы….К одной из трех ножек стола привязан карандаш… весь вздор вертящихся столов занимает меня как игра…»[357]; в октябре «Вечер у императрицы. Опять вертящиеся столы»[358].

Как следует из дневниковых записей фрейлины А.Ф. Тютчевой, в 1858 г. при Дворе несколько раз принимали «Юма-столовращателя», тот появился в Петербурге в июле 1858 г. В Зимнем дворце немедленно организовали сеанс с участием 11 человек. Фрейлина А.Ф. Тютчева, сама принимавшая в этом участие, перечисляет их имена в дневнике: император Александр II, императрица Мария Александровна, императрица-мать Александра Федоровна, великий князь Константин Николаевич, наследный принц Вюртенбергский, граф П.А. Шувалов, граф В.Ф. Адлерберг, Алексей Толстой, Алексей Бобринский и фрейлины Александра Долгорукова с Анной Тютчевой[359].

Спиритические забавы вызвали неоднозначную реакцию со стороны перечисленных лиц. Так, на очередном сеансе у императора Александра II, состоявшемся в ноябре 1858 г., обе императрицы – Мария Александровна и Александра Федоровна – не присутствовали, хотя «столовращатель» сделал все, чтобы заинтересовать царственных особ. По свидетельству А.Ф. Тютчевой, «стол поднялся, завертелся и застучал, выбивая такт гимна «Боже, царя храни»». Сама же фрейлина, оценивая эти забавы, констатировала: «Во всем этом странная смесь глупости и чего-то сверхъестественного»[360].

Со временем Александр II к спиритизму не только остыл, но и стал с сомнением относиться к тем, кто этим занимался. Так, министра путей сообщения генерала Мельникова сняли со своего поста после того, как Александр II узнал о том, что тот занимается спиритизмом, столоверчением и вызыванием духов[361].

Способствовала популярности спиритизма среди российской аристократии и жена великого князя Константина Николаевича, великая княгиня Александра Иосифовна. Истеричка по природе, она не только охотно принимала в Мраморном дворце заезжих знаменитостей, но и искала своих, «отечественных» медиумов. Как водится, из этих «поисков» вышла очередная скандальная история, которую, конечно, всеми силами постарались замять.

Великая княгиня Александра Иосифовна. *Ф.А. Каульбах. 1857 г.*

Когда интерес высшего света к «Юму-столовращателю» иссяк, то он начал проводить сеансы среди российской интеллигенции. К его сеансам большинство отнеслось скептически. Но нашлись и горячие сторонники. Среди них оказались писатель А.Н. Аксаков и профессора А.М. Бутлеров и Н.П. Вагнер. В результате в 1871 г., по предложению Д.И. Менделеева, при Петербургском университете создали комиссию (32 человека) для изучения спиритических явлений. Она признала спиритизм суеверием. Тем не менее и среди интеллигенции, и среди аристократии, и среди членов императорской фамилии спиритические сеансы проводились довольно регулярно.

Когда в семье Александра II подросли младшие сыновья Сергей и Павел, то и они из любопытства поучаствовали в спиритических сеансах. Причем поведение свитских, принимавших спиритизм всерьез, вызвало у них недоумение. Это отношение они, видимо, унаследовали от своей матери-

императрицы и воспитательницы Анны Федоровны Тютчевой.

Мода на спиритизм в императорской семье сохранялась вплоть до начала XX в. Последний всплеск увлечения

пришелся на период с 1903 по 1904 г., когда Николай II и Александра Федоровна принимали участие в спиритических сеансах, устраиваемых черногорками Милицей и Станой, на которых они «вызывали» дух Александра III. Дух якобы давал своему сыну политические рекомендации. Эти увлечения довольно быстро прошли, но на всю жизнь императрица сохранила любимый символ – свастику, ее она воспринимала как символ возрождения. Вплоть до своей смерти императрица носила на руке простой перстенек с эмблемой свастики[362]. Одна из подруг императрицы объясняла это пристрастие к свастике следующим образом: «В ее глазах она представляла собой не амулет, а некий символ. По ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой божественного начала»[363].

Рыцарские карусели

Так называемые рыцарские карусели появились при российском Императорском дворе еще при Екатерине II. Это галантное развлечение, связанное с постановкой «танцев на лошадях», требовало тщательной подготовки и высокой квалификации участников. От всадников требовались безупречная техника выездки и умение естественно чувствовать себя в средневековых костюмах.

В XIX в. заметным событием в развлекательной практике российского Императорского двора стали карусели, проводимые в период царствования Николая I. Император-рыцарь, всячески поддерживавший культ прекрасной дамы – императрицы Александры Федоровны, счел возможным и необходимым организовать несколько таких каруселей. Соответствующий антураж фактически имелся: в Императорском арсенале хранилась роскошная коллекция подлинных рыцарских доспехов, а в пригородах сооружены модные в то время строения в готическом стиле.

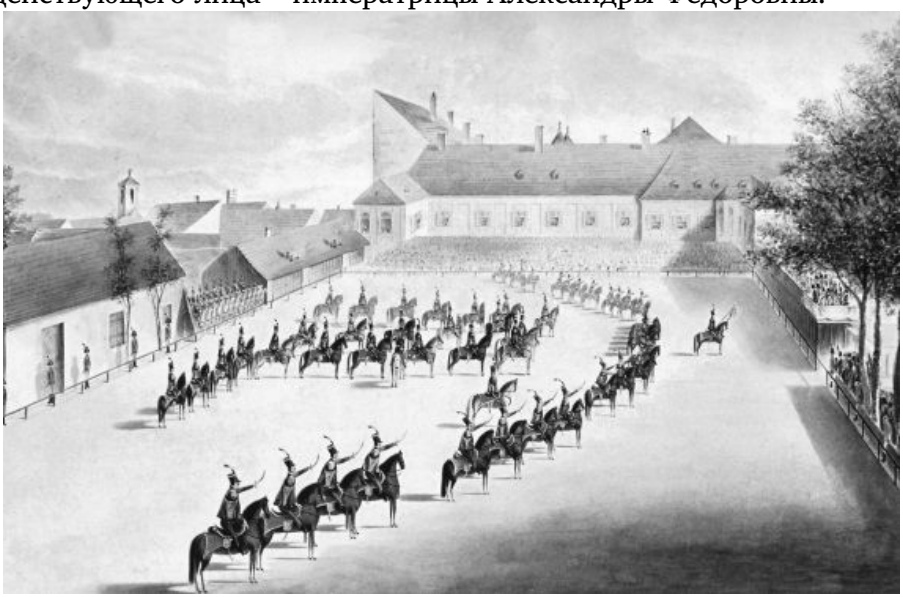
Непосредственным поводом для организации самой известной рыцарской карусели стало приближающееся 25-летие обручения императора Николая I и императрицы Александры Федоровны в 1842 г.

Выезд рыцарей на празднике «Белой Розы» 1829 г. *А. Менцель*

Техническая подготовка к рыцарской карусели началась за два месяца до ее проведения. Был определен круг участников. Конечно, главными действующими лицами стали юбиляры – Николай Павлович и Александра Федоровна. Во время поста 1842 г. провели репетиции в Михайловском манеже Петербурга, сшили платья и подогнали доспехи.

Михайловский манеж к этому времени был привычным местом для проведения каруселей. Так, В.А. Жуковский в одном из писем упоминает о карусели, состоявшейся в Михайловском манеже 2 апреля 1828 г.: «Была два раза карусель, т. е. 16 пар дам и мужчин верхами в Михайловском манеже. Видеть это было очень приятно. Дамы были одеты в обыкновенное суконное верховое платье; все почти в черном, с белыми кавалергардскими фуражками на головах. Царица была лучше всех, она удивительно ловка верхом»[364].

Рыцарская карусель 1842 г. прошла в два этапа. В конце апреля 1842 г. в Михайловском манеже «для своих» под контролем Николая I прошла генеральная репетиция карусели, хотя без исторических костюмов и в отсутствии главного действующего лица – императрицы Александры Федоровны.



Александра Павловна командует конной каруселью

Царскосельская карусель. *О. Берне. 1843 г.*

Наградные знаки Ордена «Белой розы». *Ювелир И.Г. Хоссауэр. По эскизу императрицы Александры Федоровны. 1829 г.*

Главное представление рыцарской карусели состоялось 23 мая 1842 г. в Царском Селе, на площадке перед Александровским дворцом. Здесь все действо строилось вокруг императрицы, в костюме средневековой дамы, восседавшей в седле. Кавалеры, окружавшие императрицу, блистали подлинными бесценными «максимилиановскими» доспехами[20] средневековых рыцарей, взятых «напрокат» из Императорского арсенала.

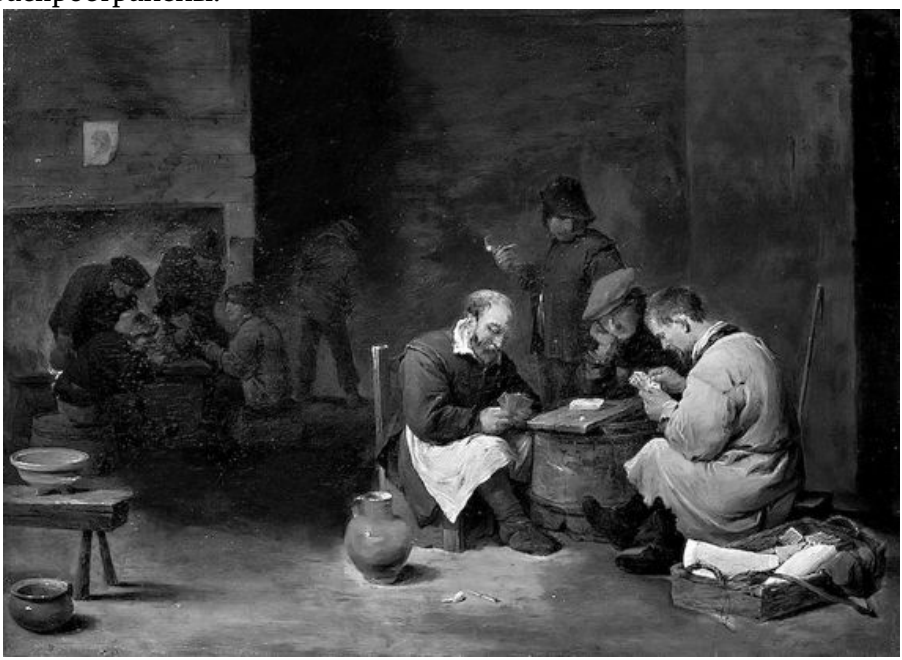
Всего в карусели участвовало 16 пар. Они сначала проехали торжественным маршем, а затем составили «кадрили», «шены» и прочие танцевальные фигуры. Все мероприятие продолжалось полтора часа: с семи часов до половины девятого вечера.

Зрителей присутствовало очень мало, только родственники участвующих в карусели лиц[365].

В последующие годы рыцарские карусели также проводились, но уже гораздо с меньшим размахом. Так, подшефные «синие» кирасиры императрицы Марии Федоровны по случаю полковых праздников периодически устраивали для нее рыцарские карусели в 1880—1890-х гг. Последняя карусель, устроенная для императрицы Марии Федоровны подшефными кавалергардами, состоялась 20 марта 1914 г. Мария Федоровна в этот день записала в дневнике: «В 9 часов вечера я и Мари отправились на caroussel, устроенную кавалергардами. Все также прошло прекрасно и невероятно весело»[366].

Карточные игры

Карточные игры, по преданию, изобрели во Франции для забавы слабоумного французского короля Карла VI (1380–1422), прозванного Безумным. Следовательно, карты «по месту рождения» являлись древнейшей придворной игрой. Однако фактически карты появились много раньше, по крайней мере, известно, что в 1132 г. в Китае они уже были широко распространены.



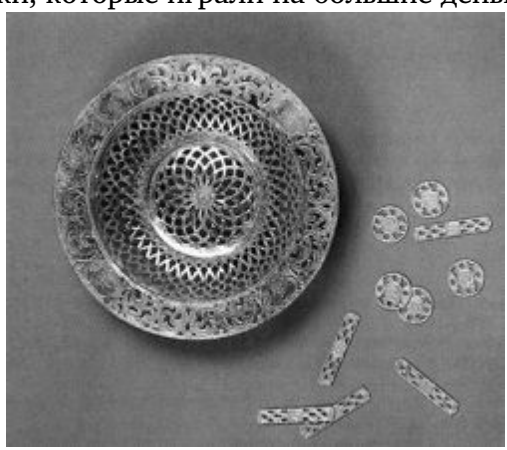
Картежники. *Тенирс, Давид Младший. Ок. 1645 г.*

В Европе игральные карты появились не ранее эпохи крестовых походов. Первое документальное известие об игральных картах относится к 1379 г. Многочисленные варианты карточных игр были не только средством досуга, но и способом наживы. Поэтому карточные игры периодически в разное время и в разных странах запрещались. Однако эти меры, как правило, оказывались безрезультатными, поскольку запреты не могли противостоять азарту и стремлению к наживе. Не избежали увлечения карточными играми и монархи. Особенно широкий размах азартные карточные игры приобрели во Франции в период правления Короля-Солнца Людовика XIV.

Карты охотничьей колоды. *М. Зичи*

В России игральные карты появились в XVII в., вероятно,

через Малороссию, где казаки в лагерях иногда коротали время за картами. В допетровской Руси игра в карты жестко каралась. В Уложении Алексея Михайловича 1649 г. предписывалось с игроками в карты поступать, «как писано о татех», то есть бить их кнутом и рубить им руки и пальцы. При Петре I руки и пальцы уже не рубили. Указом 1696 г. велено обыскивать всех заподозренных в желании играть в карты, «и у кого карты вынут, бить кнутом». В 1717 г. игра в карты каралась только денежным штрафом. При Анне Иоанновне в 1733 г. для профессиональных картежников предусматривалось наказание тюрьмой или батогами (последние – для «подлых людей»), В конце царствования Елизаветы Петровны (в 1761 г.) было введено различие между запрещенными азартными и дозволенными коммерческими играми: «Позволяется употреблять игры в знатных дворянских домах; только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для препровождения времени»[367]. Петр III заменил батоги и тюрьму денежным штрафом, причем денежным штрафом наказывались только те игроки, которые играли на большие деньги или в долг.



Фишки для игры в карты

Таким образом, «картежные» законодательные нормы постоянно смягчались – от узаконенного членовредительства до денежных штрафов, налагаемых только на профессиональных шулеров. Эта тенденция достаточно очевидна. Во-первых, карты превратились в общепринятую форму досуга для широкого круга людей. Во-вторых, грань, отделявшая азартные игры от досуговых, всегда оставалась достаточно зыбкой. В-третьих, при императорском дворе играли, и играли по-крупному. Особенно крупно играли при Дворе Екатерины II. Ее многочисленные фавориты проигрывали огромные суммы, и то была самая

настоящая коммерческая игра. Один из «отставных» фаворитов Екатерины II, С.Г. Зорич, развлекаясь в своем Шкловском имении, практиковал карточную игру по-крупному, и к нему охотно съезжались знатные игроки. Недаром А.С. Пушкин в «Пиковой даме» упоминает о Зориче как о знаменитом игроке. В Государственном Эрмитаже по сей день хранятся различные драгоценные фишки, использовавшиеся во время карточной игры.

Тем не менее и при Екатерине II издавались указы, связанные с картами. Например, сенатским указом признали азартными запрещенными играми банк, фаро, квинтич, а коммерческими – ломбер, кадрилию, пикет, контру, панфил. В конце XIX в. к азартным играм отнесли штос, баккару, викторию и макао со всеми видоизменениями.

Набор для игры в карты

В конце XVIII – начале XIX вв. карточная игра макао была широко распространена при российском Императорском дворе. Екатерина II во время дворцовых праздников и вечеринок предпочитала играть именно в вист и макао. Кавалеры ее партии несколько раз чередовались[368]. При этом она периодически меняла партнеров, беседуя с ними на те или иные темы. Как правило, при Дворе в карты играли «на интерес». В качестве «интереса» выступали специальные золотые фишки или неограненные алмазы, иногда бриллианты и золотые червонцы. Перед игроками ставились ящички с камнями, либо счет робберам велся на червонцы – тогда рядом с императрицей находился камер-паж с запасом империалов и червонцев для уплаты проигрыша императрицы[369]. Играть с царственной особой в азартные игры было не только почетно, но и выгодно, поскольку монархи не всегда стремились к выигрышу. Их солидные проигрыши – своеобразная форма «материальной помощи» тем или иным вельможам.

В карты играли все российские монархи, но «запойных» любителей азартных игр среди них не называлось. Так, Николай I, в бытность еще великим князем и великосветским человеком, конечно, в карты играл. И, конечно, на деньги, но игроком не был. В январе 1825 г., возвращаясь из Пруссии, великий князь Николай Павлович проиграл своим спутникам: графу Модену – 485 руб. ассигнациями; генералу Корсакову – 30 руб. и полковнику Турно – 17 руб. Всего 532 руб. ассигнациями[370].

Играл Николай I и будучи императором, хотя карточный азарт, видимо, был ему совершенно чужд. Судя по записям в его бухгалтерских книгах, он регулярно проигрывал. В ноябре 1835 г. он пять раз сидел за карточным столом (4 (105 руб.), 9 (45 руб.), 10 (85 руб.) 22 (65 руб.) и 24 (90 руб.) ноября), проиграв 395 руб. ассигнациями[371]. В декабре он проиграл еще 605 руб.[372]

Свои карточные проигрыши Николай I оплачивал из «Гардеробной суммы». По свидетельству того же М. Корфа, и «проигрыш его рассылался по принадлежности на другой день, при напечатанных по однообразной форме записках министра Императорского двора князя Волконского»[373]. Видимо, Николай I не получал особенного удовольствия ни от карточной игры, ни от своих карточных проигрышей, и в последующие годы он полностью исключил эту статью расходов из своих «Гардеробных сумм».

Жена Николая I императрица Александра Федоровна из всех карточных игр предпочитала макао. Об этой игре она упоминала в своем альбоме[374]. Во время «балов с мужиками» в Зимнем дворце она, показывая себя подданным, играла с министрами

именно в эту игру.

В Николаевскую эпоху карты использовали и для благотворительных лотерей. Эти лотереи, как правило, разыгрывались на приватных балах в Аничковом дворце, куда приглашали только «своих». Для проведения лотереи из Английского магазина доставлялись различные, заранее отобранные вещи. Они размещались на столах. Николай I садился за небольшой стол, на котором лежала колода карт, а под каждой вещью вместо номера лежала игральная карта. Гости «покупали» карты у царя, а затем он сам раздавал купленные вещи. Достаточно часто на этих лотереях разыгрывались действительно ценные вещи. Так, на подобной лотерее продавался портрет В.А. Жуковского, написанный К. Брюлловым[375].

При Александре II традицию приватных карточных игр продолжили. Один из мемуаристов, описывая весенний вечер 1863 г. в Большом Екатерининском дворце Царского Села, упоминает, что когда в Китайской комнате императрицы Марии Александровны для фрейлин читалось «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева, Александр II садился за карточный стол «с обычными своими партнерами»[376].

Карточная игра как часть досуга при российском Дворе иногда приводила к неожиданным последствиям, имеющим прямое отношение к искусству. Например, в коллекции Государственного Эрмитажа, в так называемом «Охотничьем альбоме» Александра II, хранится уникальная колода из 52 карт. Карты стандартного размера (90 на 55 мм) являются 52 акварелями, на которых придворный художник Михай Зичи запечатлел различные сценки на тему придворной охоты. Причем сюжеты он брал из реальных событий охотничьего сезона 1860 г.

Как правило, в карты начинали играть в поезде, чтобы скоротать время. И, конечно, играли на деньги. Иначе играть считалось неприличным. Об этом сохранились мемуарные свидетельства. Один из егерей вспоминал: «Была назначена охота на медведя, довольно далеко от Петербурга, по Николаевской железной дороге. На станции, где должен был выйти Государь, я дожидался прибытия его. Поезд плавно подъехал; обер-кондуктор подбежал к двери вагона, ухватился за ручку, но дверь не отворяется. Проходят две-три минуты ожидания. Оказалось, что Его Величество играл в карты и делали расчет. Дверь открылась, и я вижу стол с зеленым сукном и около стола – обер-егермейстера барона Ливена с мелком в руках, проверяющего счет. Государь, проходя мимо стола к выходной двери, обернулся к барону и сказал: «Что же ты еще считаешь?» – «Да что, государь, кажется, меня обсчитали». Государь улыбнулся и, сказав, «не

может быть», вышел на платформу»[377]. Судя по карточным акварелям, в карты играли и после охоты.

Играли вечерами в карты и при Дворе цесаревича Александра Александровича в Аничковом дворце: «Собирались тогда за круглым чайным столом, а потом рассаживались играть в карты. Цесаревич со своими обычными партнерами, остальные садились за стол цесаревны, до 12 обязательно играли в игру под названием loup»[378].

Во второй половине XIX в. в карты на неограненные алмазы уже не играли. Играли на деньги. Иногда случались забавные истории. Так, граф С.Д. Шереметев, не самый лучший игрок, когда приходило время расплачиваться за проигранную партию, «вынимал бумажки, которые словно нарочно оказывались до того засаленными, что цесаревич приходил в комическое негодование». Надо заметить, что это было мелким, но, тем не менее, нарушением сложившейся практики при карточных «императорских партиях». И когда Шереметев «вытащил полуразорванную в бумажной рамке» купюру, «явление небывалое за царской партиею и при дворе», цесаревич отобрал ее у графа и лично сжег на свечке[379]. Играла в карты и Мария Федоровна. Мемуаристы упоминают, что она «не прочь была даже азартных игр», при этом «Государь этому вовсе не сочувствовал»[380].

То, что Александр III не был картежником, отмечали многие современники. Хотя на балах карточная игра среди гостей, по разным причинам не танцевавших, – обычное дело. Многие мемуаристы с глубоким удовлетворением констатировали сам факт карточной игры с царем как свидетельство принадлежности к избранному обществу. Однако в их записях присутствует некий намек на то, что, будучи цесаревичем, Александр III уделял картам больше внимания. Так, о его игре в карты в феврале 1883 г. на балу у великого князя Владимира Александровича мемуарист писал: «Игра гораздо скромнее, чем 12 лет назад. Государь никакой, по счастью, страсти к игре не имеет, а играет исключительно для препровождения времени»[381]. Через несколько лет мемуарист в той же тональности пишет о равнодушии Александра III к картам: «Государь и великий князь, по счастию, играют без всякого увлечения, исключительно с целью быть чем-то занятыми, а не принужденными скитаться по гостиным и любезничать»[382].

В Петербурге, конечно, играли и по-крупному. Играли и великие князья, среди титулованных игроков часто появлялся младший брат Александра III, великий князь Владимир Александрович. Увлечение мужа в полной мере разделяла его жена Мария Павловна: «Еду вечером к Скалонам, где великая

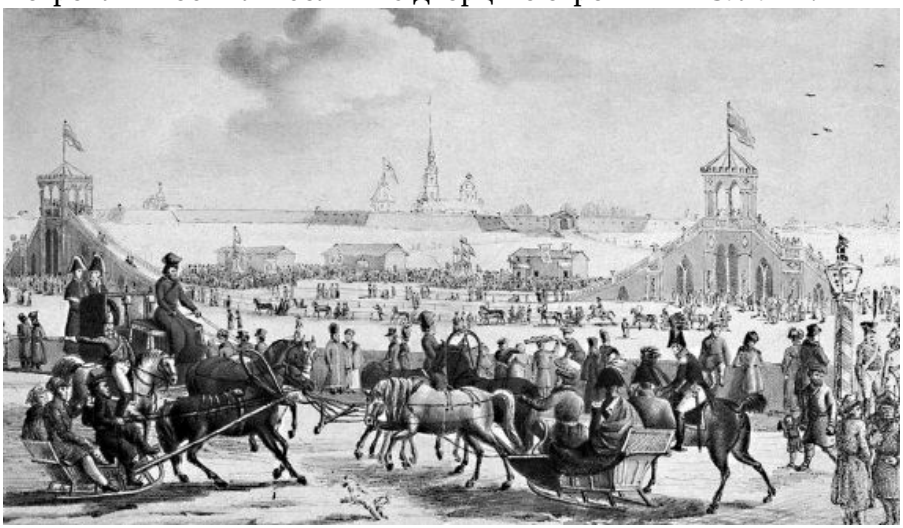
княгиня Мария Павловна держит банк в рулетку, а великий князь Владимир играет в винт»[383].

Николай II картам предпочитал домино и биллиард, но императрица Александра Федоровна в карты играла охотно. Мемуаристка упоминает, что «императрица была большой любительницей «альмы», но ей свойственна была маленькая, но простительная слабость: она не любила проигрывать!»[384].

Следует еще раз подчеркнуть, что «запойных» игроков в императорской семье не было. Игроки бывали, но до «зависимости», как сказали бы сегодня, не доходило. В карты «на интерес» играли ради легкого адреналина, хотя за границей российские великие князья немало денег оставляли в казино Монте-Карло. Там игра шла по-крупному, а казино, как известно, в проигрыше не бывают. Поэтому за великими князьями периодически числились весьма крупные карточные долги.

Деревянная гора

Трудно сказать, когда в императорских дворцах появилась такая забава, как большая деревянная гора, с которой могли кататься не только дети, но и взрослые. Скорее всего, подобная забава стала возможна, когда во второй половине XVIII в. выстроили и обжили большие дворцы с огромными залами.



Катальные горы на Большой Неве. *Н. Серракаприола. 1817 г.*

Эта забава выросла из традиционных зимних, ледяных гор. В XVIII в. катание на горках было не только частью зимнего досуга простолюдинов, но и рафинированной аристократии. Во времена Елизаветы Петровны в парке при Большом Царскосельском дворце соорудили «Катальну гору». В Ораниенбауме при Екатерине II также построили павильон «Катальная горка». Причем, судя по чертежам, это была не только зимняя, но и летняя забава самодержцев. Летом катались на специальных тележках. Это, безусловно, экстремальный вид отдыха, поскольку высота ораниенбаумского павильона «Катальной горки» составляла 33 м – высота современного двенадцатиэтажного дома. Правда, скат горки находился на высоте 20 м, но и этого для экстрима вполне достаточно. По преданию, Екатерина II так и не рискнула скатиться летом с этой рукотворной горы.

Ледяные зимние горы всегда пользовались популярностью в череде зимних развлечений российской аристократии. Императрица Мария Федоровна, будучи цесаревной, так отчаянно каталась с ледяных гор в Таврическом саду зимой 1881 г., что

сумела основательно расшибиться и после этого ходила «с порядочным синяком» на лице[385].

Деревянные горки в дворцовых залах появились, видимо, при Павле I, у которого была большая семья. Вероятно, деревянные горки для детей устраивались во всех императорских дворцах. По крайней мере, известно, что огромные деревянные горки для детей соорудили в Зимнем дворце, Александровском дворце Царского Села и Гатчинском дворце.

Одно из самых ранних упоминаний о подобных сооружениях относится к 1805–1807 гг. Одна из мемуаристок, описывая Арсенальный зал Гатчинского дворца, упоминает, что там была «гора для катания… Бывало, мы бежим туда с радостью после своих уроков – бежим, чтобы покататься на горе то на ногах, то на сукне, то в тележке»[386]. Об этой же «гатчинской горке» упоминала в 1818 г. будущая императрица Александра Федоровна. Тогда она, молодая девушка, «попробовала скатиться с деревянной горы стоя»[387]. Судя по акварелям Э.П. Гау, эта деревянная горка сохранялась в Арсенальном зале Гатчинского дворца вплоть до начала 1880-х гг. Дети же катались с подобной горки на специальных войлочных ковриках.

Арсенальный зал Гатчинского дворца. Справа в глубине – «катальная горка». *К.А. Ухтомский. 1847 г.*

Еще одну подобную горку возвели в одном из залов Александровского дворца в Царском Селе. Она занимала

примерно половину большого парадного зала. Изготовили ее из полированной древесины, и катались с горы на небольших ковриках. Гора дала название залу: он вполне официально именовался Залом горы. Сохранился рисунок А. Чернышева «Развлечения при Высочайшем дворе в Царском Селе в 1846 г.». На горке не только дети, но и молодые юноши и девушки. Взрослые также присутствуют в зале, снисходительно наблюдая за резвящейся молодежью и обсуждая свои «взрослые» дела. Конечно, в этом зале находились многочисленные и хрупкие произведения искусства, и для служителей дворца было очень сложно уберечь их от расшалившихся на горке детей.

На этой горке катались все дети Николая I, Александра II и Александра III. Императоры, даже став «большими», периодически скатывались с любимой с детства горы. Одна из мемуаристок упоминает, как ее, еще ребенка, пригласил в Александровский дворец Александр II и предложил покататься с деревянной горы. Поскольку девочка смущалась, то Александр II «сам, для примера, скатился с внуком на руках»[388]. Примечательно, что этот внук – будущий Николай II, следовательно, Александру II на тот момент было, по меньшей мере, 50 лет.

«Катальная горка» в Александровском дворце Царского Села

Дочери Николая II и цесаревич Алексей – последние из тех, кто по праву хозяев катался в Зале горы. Как и в прежние годы, на этой горке с не меньшим удовольствием катались не только дети, но и взрослые. Одна из мемуаристок упоминала, как в 1908 г.

она, будучи беременной, вместе в великими княжнами каталась «на американских горах, установленных в одном из помещений дворца. Мы целыми часами развлекались, получая от катания огромное удовольствие. Я совершенно забывала о том, что я замужняя женщина, которая через несколько месяцев собирается стать матерью»[389].

Для четырех поколений Романовых на протяжении почти 80 лет деревянная горка служила одним из любимых развлечений. Эта горка «прожила» длинную жизнь, поэтому сохранилось несколько ее фотографий. Как и многие мемориальные вещи, деревянная горка в Александровском дворце Царского Села погибла в годы Великой Отечественной войны.

О существовании деревянной горки в Зимнем дворце известно из воспоминаний английской няни Маргарет Эггер, опекавших детей Николая II. Она упоминает, что на первом этаже Зимнего дворца на детской половине в одном из залов, «обитом красной материей, в котором царских детей учили танцам», находилась огромная горка из полированного дерева, с которой дети катались на войлочных ковриках.

«Велосипедные истории» императорских резиденций

В 2004 г. Петергофском музее-заповеднике открыли выставку императорских велосипедов. В экспозиции музея представлено 12 раритетных велосипедов, в числе которых есть и «машины», принадлежавшие последним трем императорам: Александру II, Александру III и Николаю II. Экспозиция музея вызывает самый живой интерес, поскольку все мы в разные годы, на разной «технике» отдали дань этому увлечению. Да и «велосипедная история» императорских резиденций также небезынтересна…

В России в императорских дворцах первая модель велосипеда появилась в 1867 г., когда Александр II возвратился из Парижа, где в числе прочего знакомился с экспонатами Всемирной промышленной выставки. Видимо, там его заинтересовала модель велосипеда под названием «Костотряс», которая и была им приобретена. Эта «конструкция» появилась во Франции в начале 1850-х гг.

Велосипед имел деревянные, обтянутые металлом колеса с деревянными спицами, он был очень тяжел, но уже имел некоторые детали, которыми обладают и современные модели. Конечно, для 50-летнего царя эта была только забавная игрушка, и, в лучшем случае, он проехался на неуклюжей конструкции пару раз. Однако на этом велосипеде наверняка упражнялись старшие сыновья царя. Так или иначе, с этой модели велосипеда Романовы начали не только отслеживать усовершенствования в велосипедной технике, но и приобретать все более и более совершенные модели.

Надо заметить, что подрастающие великие князья в своих развлечениях всегда охотно использовали различные технические новинки, только-только появлявшиеся в магазинах. К числу таких новинок относились и велосипеды. Вероятно, первыми «настоящими» велосипедистами в императорской семье стали младшие сыновья Александра II великие князья Сергей и Павел Александровичи.

Говоря о велосипедах 1870-х гг., надо иметь ввиду, что они еще не имели пневматических шин, и для катания на них требовалась ровная трасса и определенный навык. Навык нарабатывался опытом, а трассой с ровным покрытием стали драгоценные паркеты Зимнего дворца. Первые опыты велосипедной езды по дворцовым залам Зимнего дворца зафиксированы в декабре 1876 г. Видимо, велосипеды только что

приобрели, а ждать наступления лета не хватало терпения. 9 декабря 1876 г., когда на улице стоял мороз в 25 «С, состоялся первый велосипедный заезд по залам Зимнего дворца. Катались младшие сыновья Александра II: 19-летний Сергей и 16-летний Павел. В этом «историческом заезде» использовались велосипеды разных конструкций, по крайней мере, Сергей уточняет в дневнике, что он катался «на четырехколесном», и молодые люди очень забавлялись: «Мы прокатывались повсюду, даже перед караулом…»[390] Можно только представить себе реакцию дворцовых смотрителей, когда сыновья Александра II «гоняли» по залам Зимнего дворца, переполненными драгоценными предметами, а колеса у велосипедов были из цельной резины и грохотали вовсю. Тем не менее перечить им никто не мог, и заезды затем повторялись неоднократно. Так, несколько позже великий князь Сергей Александрович записал в дневнике: «Гоняли на велосипедах по залам, право, забавляет меня это, уморительно»[391]. Те велосипеды уже довольно близки по конструкции к современным, поскольку к этому времени был уже запатентован цепной привод на заднее колесо (1867 г.) и появились шины из цельной резины (1869 г.). А что касается велосипеда «на четырех колесах», то это не оговорка, поскольку тогда появлялись самые причудливые конструкции.

В Петергофском музее есть несколько велосипедов модели «Паук», заявленных как велосипеды Александра III. Следует подчеркнуть, что это была спортивная модель, поскольку езда на таком велосипеде была по-настоящему опасной. Дело в том, что ведущее, переднее колесо было диаметром 1600 мм, а маленькое заднее колесико не гарантировало от падения даже на ровной трассе. Велосипеды по-прежнему оставались забавой, и купивший их в 1882 г. Александр III, которому тогда было 37 лет и который уже набрал приличный вес, вряд ли сам пользовался этими велосипедами.

«Костотряс». Велосипед императора Александра III. *Петергоф*

«Паук». Велосипед императора Александра III. *Петергоф*

Надо заметить, что к началу 1880-х гг., несмотря на множество конструкций, велосипеды получили широкое распространение. К этому времени в Европе уже начинала развиваться велосипедная индустрия, и к 1890-м гг. лучшие велосипеды изготавливались в Англии (до 40 ООО штук в год). В Европе одной из лучших велосипедных фирм считалась «Cowentry

Machinist's C0». К концу 1890-х гг. в Европе и Америке насчитывалось до 1000 велосипедных фабрик.

О популярности велосипедов в России свидетельствует факт издания специализированных журналов. Так, в Петербурге для любителей велосипедной езды издавались журналы: «Велосипед» (с 1892 по 1898 г.), в Москве – «Велосипедист и речной яхт-клуб» (с 1892 по 1896 г., позднее – «Велосипедист» и «Велосипедный спорт»).

Рост популярности велосипедной езды связан с изобретением шотландским ветеринаром Джоном Бойд Дэнлопом в 1887 г. пневматических шин, они сделали езду на велосипеде по-настоящему комфортной. Во второй половине 1880-х гг. появляется велосипед, названный безопасным. Эту конструкцию, с равновеликими колесами, в 1884 г. запатентовал Джеймс К. Старли. На таком «безопасном» велосипеде вполне могли кататься миниатюрная императрица Мария Федоровна и ее старший 14-летний сын, будущий Николай II. На велосипеде в Петергофском музее уже есть ручной тормоз, подрессоренное сиденье, велосипедный звонок, велосипедный фонарь и пневматические шины. Однако педали, как и на более ранних моделях, размещены на переднем колесе.

К началу 1890-х гг. окончательно сложилась стандартная сегодня конструкция велосипеда. До наших дней дошла фотография 1890-х гг., на которой императрица Мария Федоровна держит за руль велосипед с дамской рамой совершенно привычных нам очертаний.

В Петербурге лучшим магазином, имевшим статус Поставщика Императорского двора по продаже дорогих моделей велосипедов, считался магазин Торгового дома «Победа», он позиционировал себя как «Склад велосипедов английских и американских».

На фирменных счетах магазина указывался его владелец – Е. Танский и адрес офиса фирмы – Малая Морская ул., 12.

Безопасный велосипед. *Петергоф*

Именно в этом магазине Николай II, став императором, купил себе в июле 1895 г. новый «взрослый» велосипед. Тогда он приобрел для себя очень дорогой американский велосипед «Dayfon>> со специальным седлом за 243 руб. К нему были куплены за 9 руб. велосипедный фонарь и звонок (1 руб.). Кроме этого, видимо, для своего старого «велосипеда Зингера» приобретена «воздушная трубка» за 6 руб. Иными словами, только по одному «велосипедному счету» Николай II уплатил 259 руб.[392] Буквально через пару недель царь подписал еще один счет на 24 руб., в нем значились: чистка велосипеда, регулировка и доставка (10 руб.), чехол для велосипеда (8 руб.), подставка для велосипеда (5 руб.) и машинное масло (1 руб.)[393]. Через месяц, в августе 1896 г., царь продолжал тратиться на ремонт своих старых велосипедов (новая шестерня для перемены передачи за 10 руб., велосипедная цепь за 12 руб. и работа с проездом

мастера за 5 руб.)[394].

Вдовствующая императрица Мария Федоровна во время велосипедной прогулки. *Фото 1900-х и.*

Последний «велосипедный счет» в 1895 г. на 98 руб. Николай II подписал 31 декабря. Вероятно, после окончания сезона царь принял решение о «тюнинге» своей новой машины. Только этим можно объяснить решение о «полной эмалировке велосипеда» за 15 руб., о «полной никелировке велосипеда» за 30 руб. Кроме этого, велосипед полностью перебрали («обточение корпусов, проверка колес, чистка и сборка» за 8 руб.), приобрели запасные «пневматические шины» за 45 руб., купили еще один велосипедный чехол за 8 руб. и велосипедный насос за 2 руб. 50 коп.

Таким образом, только в первый год своего царствования Николай II потратил 381 руб. на велосипеды и запчасти к ним. Все эти покупки, как и послепродажный сервис, осуществлялись именно в магазине «Победа». Примечательны и условия хранения дорогих игрушек – за зиму велосипеды не только перебирались

специалистами, но и паковались в специальные чехлы. Кроме этого, типовые и очень дорогие модели велосипедов «доводились» по заказу царя специальным эмалированием и никелированием.

В последующие годы магазин «Победа» получал по одному оплаченному царскому счету. Как правило, главная позиция счета – это «исправление и чистка велосипеда» перед началом очередного сезона. Иногда упоминалось о «регулировке велосипеда». С 1900 г. встречаются счета «за хранение велосипеда». Видимо, после окончания сезона велосипеды царя стали просто забирать в магазин, где их не только ремонтировали, но и хранили до следующего сезона. Примечательно, что Николай II довольно долго пользовался американским велосипедом «Dayfon», купленным в 1895 г. Так, в июне 1900 г. царь уплатил 130 руб. «за новые части велосипеда и его чистку». Судя по царским счетам, Николай II так и ездил на этом велосипеде «со специальным седлом» вплоть до 1917 г., по крайней мере, последний «велосипедный счет» Торговому дому «Победа» царь оплатил в декабре 1915 г. («за ремонт велосипеда – 40 руб.»)[395].

В Петергофском музее велосипедов выставлен велосипед-тандем, заявленный как велосипед Николая II. Примечательно, что велосипед-тандем изготовлен как компромисс между мужским и женским велосипедами – он предназначен для совместного катания девушек и юношей, поэтому переднее место оборудовано «дамской» рамой, а заднее – «мужской». Вполне возможно, что царь катался на этом велосипеде. Судя по фотографиям, этот велосипед хранился в Гатчинском дворце, и на нем катался не только Николай II, но и его младший брат Михаил с сестрами Ксенией и Ольгой. Возможно, этот велосипед изготовили для совместного катания братьев со своими сестрами.

Самый последний велосипедный счет подписал уже гражданин Романов 10 мая 1917 г., когда на скромные 4 руб. 80 коп. купил клей резиновый и «вентиля для велосипедов»[396].

Велосипед-тандем. *Петергоф*

Катались на велосипедах и все дочери Николая II. Велосипеды для них покупались на их «собственные суммы» в том же Торговом доме «Победа». Это были обычные детские велосипеды для девочек. На сохранившейся фотографии видно, что велосипеды одной модели, но разных размеров, с учетом возраста девочек. На всех велосипедах цепь закрыта от попадания туда пышных юбок девочек.

Как известно, цесаревич Алексей болел гемофилией, при этом заболевании особенно опасны внутренние кровотечения, которые могли начаться от малейшей травмы. А где велосипеды, там неизбежны травмы и падения. Если для обычных детей «велосипедные» падения чреваты только синяками и болячками, то для цесаревича они становились смертельно опасными. Но он – мальчик, и родители хотели, чтобы он рос нормальным ребенком. Поэтому, когда цесаревич был маленьким, его катал на велосипеде дядька-матрос А.Е. Деревенько. Так, на одной из фотографий, сделанных в Германии осенью 1910 г., мальчик сидит в специальном сиденье, закрепленном над передним колесом велосипеда.

Цесаревич Алексей и А.Е. Деревенько. Германия. *Фото 1910 г.*

Первые велосипеды наследник получил в шесть лет, т. е. в 1910 г. Два детских велосипеда Алексею Николаевичу достались в подарок от рижского купца Александра Лейтнера, владельца фабрики велосипедов и автомобилей «Россия». Вместе с велосипедами Алексею с дальней перспективой подарили буклет фирмы с видами цехов и перечнем «взрослых» велосипедов[397]. В благодарность царская семья подарила предприимчивому купцу золотой портсигар с изображением Государственного герба.

Примечательно, что Лейтнер немедленно попытался использовать в коммерческих целях это событие, запросив разрешение в Канцелярии императрицы на право размещения портрета цесаревича на каталогах фирмы, на что предпринимателю жестко ответили, что «помещение портретов Особ Императорской Фамилии в каталогах, прейскурантах обычно не разрешается Министерством Императорского двора в виду рекламного характера помещения таковых портретов»[398].

Свой второй велосипед фирмы «Дукс Ю.А. Меллер» наследник получил в 1913 г. Эту фирму основал в Москве выходец из Прибалтики Ю.А. Меллер в 1895 г. В мастерской Меллера занимались сборкой велосипедов из комплектующих деталей, закупаемых за границей. (Надо заметить, что в 1913 г. велосипедные фирмы «Россия» и «Дукс» получили крупные заказы Военного министерства на поставку велосипедов в армию.)

Император Николай II и цесаревич Алексей в Александровском парке Царского Села. *Фото 1913 г.*

Это был трехколесный велосипед, на нем цесаревича фотографировали несколько раз весной 1913 г.[399], тогда цесаревичу исполнилось 9 лет.

Надо заметить, что для цесаревича это был не просто велосипед для развлечения. Дело в том, что осенью 1912 г. он едва не умер от травмы бедра. Последствием этой истории стала его хромота, поскольку он не мог полностью разогнуть травмированную ногу и ходил, сильно хромая. Поэтому цесаревича во время торжеств, связанных с 300-летием Дома Романовых, носили на руках казаки Собственного конвоя. В начале 1913 г. лечащие врачи пришли к выводу, что цесаревичу необходим велосипед специальной конструкции для того, чтобы разрабатывать травмированную левую ногу.

Цесаревич Алексей на велосипеде в парке. *Фото 1914 г.*

В феврале 1913 г. в Александровский дворец Царского Села вызвали представителя фирмы «Дукс Ю.А. Меллер» Михаила Щипанова для ремонта старого велосипеда наследника. Тогда же с мастером переговорили врачи, подробно обсудив особенности конструкции нового «спецвелосипеда». Как писал лечащий врач цесаревича В.Н. Деревенко: «Он много над этим потрудился, выдумав сперва 3-колесный велосипед Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Но этот велосипед

оказался слишком малым, и фирме «Дукс» был заказан новый велосипед, который фирма вскоре и имела честь принести с Высочайшего Ея Императорского Величества Соизволения Государю Наследнику Цесаревичу в дар. И в этом велосипеде пришлось выдумывать форму и величину педалей, руля и седла, сообразно предъявленных нами требованиям и нашим указаниям. Велосипед с выдуманной педалью явился своеобразным ортопедическим аппаратом, на котором Государь Наследник Цесаревич катался и с большой для себя пользой, и с большим удовольствием. В течение нескольких месяцев этот аппарат являлся незаменимым»[400]. Следует заметить, что мастер получил заказ 23 февраля, а уже 3 апреля 1913 г. новый велосипед, стоивший фирме 250 руб., был готов. Врачи обосновывали необходимость изготовления подобной конструкции следующим образом: «Велосипед желательно иметь теперь, т. к. для Его Высочества это не только забава, но и ортопедический прибор…»[401]

Надо сказать, что езда цесаревича на «ортопедическом аппарате» оказалась настолько полезной, что весной 1914 г. Михаил Щипанов уже переделывал его в обычный велосипед. Как писал В.Н. Деревенко в августе 1914 г.: «На днях мне вновь пришлось увидеть мастера, вызванного для того, чтобы превратить велосипедный аппарат вновь в велосипед, т. к. Государь наследник Милостию Божией здоров»[402].

Конечно, императорская семья тогда же, в апреле 1913 г., отблагодарила велосипедный магазин. Императрице Александре Федоровне чины ее Канцелярии предложили два варианта: либо выплатить фирме стоимость велосипеда, либо выразить фирме «благодарность от августейшего Наследника Цесаревича имени». Императрица выбрала последний вариант, в котором была заинтересована и фирма-изготовитель. В сентябре 1914 г. мастер Михаил Щипанов получил «за труды по устройству для Наследника Цесаревича в 1913 г. специального велосипеда» золотые часы с цепочкой и с изображением Государственного герба стоимостью в 200 руб.

Теннис

В энциклопедии «Брокгауза и Эфрона» справедливо утверждается, что термин «lawn tennis» английского происхождения, и смысл игры состоит в том, чтобы «на открытом воздухе, при участии 2,3 или 4 лиц… при помощи особых палочек с рукояткой и широкой, обтянутой ремешками рамкой», перекидывать «друг другу мячи, стараясь по возможности дольше не дать им упасть на землю».

В России большой теннис стал известен на рубеже 1860–1870-х гг. Тогда в Петербурге начали появляться различные спортивные клубы, создававшиеся в столице английской диаспорой. Постепенно игра приобрела популярность среди российской аристократической молодежи. Надо заметить, что англоманов всегда было много среди российской аристократии. В результате в конце XIX в. большой теннис становится популярным видом развлечений золотой молодежи.

В российской императорской семье в теннис начали играть в середине 1870-х гг. Видимо, одними из первых теннисистов в России стали сыновья Александра III. В дневнике великого князя Сергея Александровича (31 мая 1875 г.) упоминается, что он «с братьями» играл «для тренировки» в «теннис на траве»[403]. Сохранилось упоминание другого мемуариста о том, что в начале 1880-х гг. младший брат Александра III великий князь Владимир Александрович без ведома императора начал использовать Большой зал Александровского дворца в Царском Селе для игры в теннис. Когда Александр III узнал об этом, то младший брат немедленно получил нагоняй за «нецелевое» использование одного из парадных залов дворца[404].

Надо заметить, что, даже став «важным генералом», Владимир продолжал периодически играть в теннис. Более того, он стал высочайшим покровителем петербургского клуба лаун-тенниса. В теннис играла и его жена, весьма крупная великая княгиня Мария Павловна. Впрочем, возможно, занимаясь теннисом, она так «держала талию». Супруги не только вместе охотились, но и играли друг с другом в теннис: «Захожу к великой княгине Марии Павловне и застаю ее и великого князя, играющих в саду в мячик lawn-tennis»[405].

Из этих сведений следует, что одна из первых теннисных площадок, с большой долей вероятности, располагалась в Александровском парке Царского Села. Трудно сказать, была ли она вообще, или в теннис играли на одном из парковых газонов («на траве»). Поскольку Сергей Александрович упоминает

«братьев» в качестве своих партнеров, а на Владимира он указывает прямо, то наверняка Сергей Александрович имел в виду своих старших братьев Александра, Владимира и Алексея, поэтому мы можем предположить, что в молодые годы Александр III играл в большой теннис.

Наряду с теннисом играли в бадминтон. Играли и зимой в помещении. Николай II записал в дневнике, что 3 февраля 1890 г. он «играл с тетенькой в бадминтон»[406]. «Тетенькой» будущий император называл жену своего дяди великого князя

Сергея Александровича Елизавету Федоровну. 6 февраля играли еще раз, и Николай Александрович с удовлетворением отметил, что он выиграл шесть раз.

Даже крупный и полный Александр III подумывал о том, чтобы заняться модной игрой. Причиной этих раздумий было желание Александра III похудеть. Вообще царь нуждался в физических нагрузках. Как упоминает в мемуарах государственный секретарь А.А. Половцев, он в июне 1890 г. посоветовал императору «устроить для себя jeii de pomme (игра в мяч. – фр.)». Александр III ответил, что «очень желал бы это сделать»[407]. Однако сложившийся образ жизни и постоянная занятость так и не позволили Александру III заняться большим теннисом. Поэтому первым российским императором, включившим теннис в свой досуг, стал Николай II.

Судя по всему, с игрой в «lawn-tennis» Николай II познакомился в ходе своих визитов в Англию в середине 1890-х гг. Однако в Англии он только смотрел, как играют. В России на теннисный корт Николай II впервые вышел в подмосковном селе Ильинском, где он отдыхал после коронации в Москве в 1896 г. Это село – загородная резиденция великого князя и генерал-губернатора Москвы Сергея Александровича.

В дневнике Николая II зафиксирована точная дата, когда он впервые взял в руки теннисную ракетку. 2 июня 1896 г. он записал: «После чаю пошел играть с другими в lawn-tennis, в первый раз». С этого дня Николай II две недели ежедневно играл в теннис. В дневнике царя факт каждой игры пунктуально фиксировался: «После кофе играл с другими в lawn-tennis до завтрака, а также затем с 4-х до 7 $^{1}/_{2}$ ч.»; «Все утро до завтрака играли в lawn-tennis»; «С 9 час. начали играть в lawn-tennis, я удачнее вчерашнего… В 4 часа опять lawn-tennis и чай в саду»; «Вернувшись домой, выпили кофе и отправились играть в lawn-tennis – эта игра стала главным спортом нашей здешней жизни»; «Утро было чудное, этим мы воспользовались, чтобы долго играть в lawn-tennis в последний раз!».

На теннисном корте в селе Ильинском Николай II получил

первые навыки игры. А поскольку Николай II был физически прекрасно развит, то у него игра пошла. Кроме этого, для него, загруженного массой дел, представлялось очень важным за короткое время получать максимальную физическую нагрузку, а теннис для этого очень хорошо подходил. Впоследствии в императорских резиденциях построили пять теннисных кортов: в Петергофе, в Царском Селе (два корта), в Ливадии, в Спал е. Еще один, шестой, теннисный корт построили в финляндских шхерах, поблизости от места постоянной стоянки «Штандарта».

Игра так увлекла царя, что, уехав из Москвы 21 июня и переехав 25 июня в Фермерский дворец в Петергофском парке Александрия, Николай II с женой, едва «разложив все вещи, пошли осмотреть вновь устроенный lawn-tennis». А на следующий день, 26 июня Николай II уже обновил свой первый теннисный корт, поиграв в теннис со своими дядями – Михаилом и Петром Николаевичами, качество покрытия корта царя не устроило: «Играли потом в lawn-tennis; хорошо, но еще довольно мягко».

Обычно царь в дневниковых записях называл эту игру lawn-tennis, сеткой или по-русски теннисом. Партнерами Николая II, как правило, были офицеры подразделений охраны или офицеры императорской яхты «Штандарт». Иногда он играл с родственниками, молодыми великими князьями. Постепенно круг теннисных партнеров царя расширялся. Как обычно бывает в России, царское увлечение немедленно превратилось в увлечение ближайшего окружения. К офицерам «Штандарта» присоединились фрейлины. Неплохо в теннис играла фрейлина Анастасия Гендрикова. Даже весьма полная Анна Вырубова разделила царское увлечение. Когда подросли дочери, они также вышли на теннисный корт.

Императрица Александра Федоровна из-за больных ног играла в теннис единственный раз 29 июня 1896 г.: «После чаю читал и затем играл с Алике (single)[408] в lawn-tennis». Однако ее старшая сестра, прусская принцесса Ирэна, в теннис играла чаще. На фотографиях, сделанных в Спале, мы видим прусскую принцессу на теннисном корте.

Для хорошо физически развитого Николая II серьезными противниками были только молодые офицеры «Штандарта». С остальными, судя по фотографиям, игра в теннис больше напоминала игру в бадминтон.

Император Николай II с дочерью Татьяной на теннисном корте. *Спала*

В ноябре 1913 г. на корт в Ливадии против 45-летнего царя вышел молодой Феликс Юсупов (Сумароков-Эльстон), будущий убийца Григория Распутина и муж племянницы Николая II Ирины Александровны. Николай II охарактеризовал его в, как лучшего игрока в России и констатировал, что у него есть чему поучиться. Всего у Николая II состоялось четыре игры (И, 20, 21 и 22 ноября 1913 г.) с Ф. Юсуповым, и, видимо, царь остался доволен встречей с серьезным противником, которая помогла ему определить собственный уровень игры: «Сегодня в теннисе принял участие гр. Сумароков – молодой студент – лучший игрок в России. Есть чему поучиться у него». В его дневнике появились записи: «Поиграли с увлечением с Сумароковым», «Была удачная игра в теннис с Сумароковым». Судя по этим записям, дипломатичный Ф. Юсупов дал себя обыграть.

Примечательно, что весьма сдержанный Николай II периодически позволял себе «подурить», находясь на теннисном

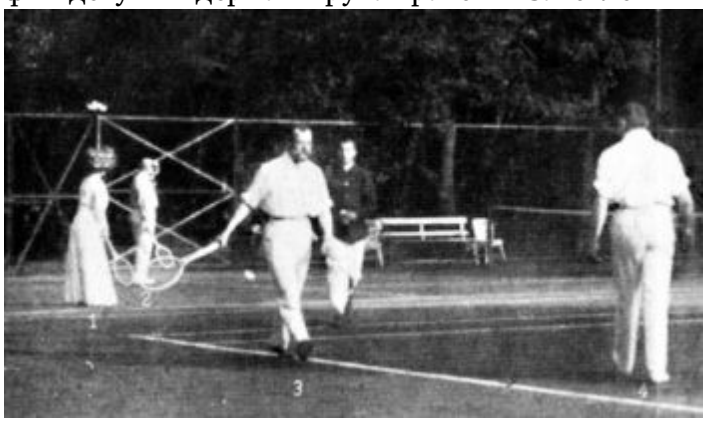
корте. На фотографиях, сделанных летом 1914 г. на корте в Петергофе, мы видим Николая II сидящим на плечах партнера по теннису – сотника Собственного Е.И.В. Конвоя Зборовского.

Император Николай II с командиром сотни Конвоя Зборовским. *Александрия*

На теннисный корт мужчины-игроки выходили, как правило, в спортивной форме. Николай II одет в белые брюки и рубашку, на ее нагрудном кармане вышит императорский двуглавый орел. На ногах – белые ботинки с черными носками, пояс – светлый, видимо, взятый от одного из военных мундиров. Позже на фотографиях, сделанных в Ливадии, видно, что пояс у царя уже трехцветный. Насколько можно судить по расположению цветов на черно-белой фотографии, эти цвета воспроизводили цвета государственного флага России: белый, синий, красный. Пояс застегивался сбоку на три узких ремешка. Видимо, партнеров царя по теннису обеспечивали теннисной формой централизованно, либо они сами по образцу заказывали себе именно такую форму. Примечательно, что Николай II был очень аккуратен в одежде, и на большинстве фотографий на его рубашке застегнуты все пуговицы, на голове (вне игры) одета офицерская фуражка. Возможно, и обувь для тенниса у игроков была специальной. По крайней мере, на фотографии, сделанной

летом 1914 г., великая княжна Мария Александровна держит в руках белые теннисные (?) туфли с плоской подошвой без каблуков.

Теннисные ракетки, или, как сказано в энциклопедии, «особые палочки с рукояткой и широкой, обтянутой ремешками рамкой», делали стандартных размеров. На фотографиях отчетливо просматривается, что дизайн их – разный. Судя по всему, ракетки берегли. По крайней мере, на одной из фотографий девушки держат в руках ракетки зачехленными.



Император Николай II на теннисном корте. *Германия*

Около теннисного корта были мальчики и девочки, они, как и сегодня, подавали мячи игравшим. На фотографии, сделанной на теннисном корте в Спале, мы видим двух мальчиков и двух девочек, одетых в национальные платья, перед плетеной корзиной для мячей. На неогороженном корте в Виролахти мячи подбирали матросы с яхты «Штандарт».

Император Николай II. *Германия. Фото 1910 г.*

Во время неофициальных визитов Николай II играл и за границей. Так, в конце августа 1910 г., когда семья уехала на несколько месяцев в Германию, Николай II охотно играл с братом жены. На одной из фотографий он изображен на теннисом корте в Дармштадте.

Первый по времени теннисный корт для Николая II построили летом 1896 г. в Петергофском парке Александрия, вскоре после возвращения царя из Москвы. Именно этот теннисный корт стал самым часто используемым из всех царских теннисных кортов.

Площадка для игры в лаун-теннис располагалась восточнее Собственного сада Фермерского дворца, на северном берегу ручья. План корта и описание правил игры в июне 1896 г. сразу же по возвращении из Москвы собственноручно сделал император Николай II. В июле-августе того же года были составлены проект (арх. А.А. Семенов) и смета на 4619 руб.[409]

Примечательно, что проектом императорской площадки для тенниса занимался московский архитектор А.А. Семенов, который в 1875–1883 гг. руководил строительством московского Исторического музея. Видимо, именно он проектировал теннисную площадку для великого князя Сергея Александровича в селе Ильинском. Поэтому как «специалиста по кортам» его и

направили в Петергоф.

Императорская семья и Зборовский (слева) на теннисном корте в парке Александрия, *Петергоф. Фото 1914 г.*

Как показали археологические исследования последних лет, во избежание сырости «между площадкою тенниса и сеткой устраивался фундамент». Поверхность корта засыпалась слоем желтого песка (10–15 см), затем шел слой кирпичного щебня (43 см), а на глубине 65 см заложена глиняная подушка. Вокруг корта была проложена дорожка шириной в 2,7 м из крупного битого кирпича. Площадку окружали вертикальные стойки из бревен, державшие ограждавшую теннисный корт сетку[410].

В дневниковых записях царя часто встречаются упоминания об игре в теннис на этом корте. В июне 1905 г. Николай II записывает, что «в первый раз после долгого времени поиграли с офицерами в lawn-tennis». Летние дневниковые записи во время его пребывания в Нижнем дворце Петергофа буквально испещрены упоминаниями об этих играх. В летнем сезоне 1905 г. Николай II выходил на теннисный корт 25 раз. Записи в дневнике крайне лаконичны и лишь констатируют факт игры: «Играли в теннис». Иногда указывалось время игры и «качество» игры: «Играли в теннис с 4 до 5 $^{4}/_{2}$ – лучше, чем вчера». Очень редко упоминались партнеры по играм. Так, 24 июня 1905 г. царь «играл с Мишей и офицерами в теннис». Миша – это младший брат царя великий князь Михаил Александрович. Часто

партнерами царя становились дежурные флигель-адъютанты: «Долго играл в теннис с Андреем (деж.) и офицерами». Андрей – великий князь Андрей Владимирович (1879–1956). Николай II последний раз вышел на теннисный корт 1 сентября 1905 г..

Летом 1913 г. Николай II играл на корте «с дочерьми и Настенькой Гендриковой». Периодически Гендрикову заменяла А.А. Вырубова: «Поиграл с детьми и Аней в теннис». В числе его постоянных партнеров по теннису был лейтенант Н. Родионов, тот специально приезжал «с яхты… и поиграл с нами до 5 час.». Также с царем играли лейтенанты «Штандарта» Семенов, Потоцкий и Хвощинский.

Лето 1914 г. было тревожным, поскольку политическая ситуация в Европе резко обострилась. Дело шло к большой войне. Однако теннис оставался теннисом. Судя по фотографиям, настроение у царя сохранялось очень неплохое. Партнеры царя – те же, что и в 1913 г. Среди новых игроков появился сотник Собственного Конвоя Зборовский. Последний раз на Петергофском корте Николай II играл в теннис 16 июля, а 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну.

Второй и третий теннисный корты соорудили в императорских резиденциях Ливадии и Спале, видимо, одновременно во второй половине 1890-х гг. Причем, как свидетельствуют фотографии, в Ливадии построили две площадки для игры. Корты были стандартные, с песчаным покрытием, окруженные высокой сеткой. Впервые Николай II вышел на теннисный корт в Ливадии летом 1909 г. А.А. Вырубова вспоминает, что Николай II «ежедневно играл в теннис, я всегда была его партнером», при этом «он относился очень серьезно к игре, не допуская даже разговоров… он отлично играл и терпеть не мог проигрывать»[411]. Рядом с кортами стояли скамейки, на которых часто фотографировались игроки и зрители. Старшие Ольга и Татьяна были уже взрослыми девушками, и непринужденная обстановка игры позволяла им слегка флиртовать с офицерами «Штандарта».

На фотографиях, сделанных весной 1913 г. в Ливадии, с девушками на корте почти постоянно находился мичман Н. Родионов. Мичман, как правило, играл в паре с царем. В Ливадии поблизости от теннисных кортов был сооружен Чайный домик. После игры все игроки и зрители отправлялись пить чай.

Император Николай II в теннисной форме. *Ливадия. 1914 г.*

В августе 1913 г. первая игра на корте в Ливадии состоялась 24 августа. К этому времени сложился определенный ритуал – после игры обязательный чай. Иногда сдержанный Николай II с удовольствием констатировал в дневнике: «Днем прекрасно поиграл в теннис – лично я сыграл семь сэтов». В этот сезон царская семья прожила в Ливадии необычайно долго, и в теннис играли буквально до заморозков: «Днем поиграли в теннис, руки зябли»; «Играли в теннис, руки зябли». В этом сезоне во время одной из игр Николай II был довольно серьезно травмирован: «Во время игры мне мячом попало в правую икру настолько сильно, что я захромал. Вечером мне наложили бинт». Пару дней он был вынужден пролежать в кровати, а затем ходил, опираясь на палку. Эта игра, состоявшаяся 26 ноября 1913 г., и завершила сезон. В начале декабря 1913 г. семья вернулась в Петербург.

Через несколько месяцев, 30 марта 1914 г., царская семья вернулась в Ливадию. С 9 апреля возобновились игры в теннис и продолжались почти два месяца, до конца мая 1914 г. Последний раз на теннисный корт в Ливадии Николай II вышел 25 мая

1914 г.: «Поиграли хорошо в теннис». Это было последнее посещение царской семьи Ливадии.

Четвертый теннисный корт соорудили в 1907 г. в финляндских шхерах близ местечка Виролахти. Корт располагался на мысу, близ воды. Покрытие корта сделали из досок, постеленных на грунт. Настелили две параллельные площадки. Ограждение из сетки отсутствовало, и матросам приходилось бегать за мячами. За игрой наблюдали, сидя на траве или на длинной скамейке, поставленной рядом с кортом. У императора было свое кресло-шезлонг. Рядом с кортом соорудили временный сарай со «стенами» и «крышей», обтянутыми парусиной. В этом сарае, видимо, переодевались и хранили спортивный инвентарь.

На теннисном корте в Ливадии. *Фото 1914 г.*

Николай II и его семья очень любили эти места. В дневнике царя множество упоминаний об игре в теннис. В 1913 г. царская семья провела в шхерах целый месяц (с 11 июня по 11 июля): «Скоро после завтрака съехали на берег и начали с увлечением играть в теннис»; «В 2 $^1/_4$ съехали на берег, и я много играл в теннис». Если в Ливадии после тенниса пили чай, то в шхерах – купались: «С увлечением поиграли в теннис и выкупались»; «Днем поиграл в теннис и чудно выкупался»; «Поиграли в теннис и затем выкупались с наслаждением».

Последний раз Николай II с семьей побывал в шхерах и играл на теннисном корте близ Виролахти 2 июля 1914 г.: «Съехал с детьми на берег и поиграл в теннис. Потом выкупался с офицерами на старом месте».

Император Николай II на теннисном корте в Финляндии

Император Николай II на теннисном корте в Финляндии

Пятый теннисный корт был сооружен на территории Федоровского городка, построенного в Царском Селе, близ императорской резиденции Александровского дворца. Сам корт

находился за кирпичными стенами Федоровского городка, что весьма устраивало охрану. В отличие от других теннисных кортов, известна только одна фотография, на которой запечатлена игра на этом корте. Необычен ракурс фотографии, поскольку ее сделали с одной их башен Федоровского городка. На фотографии отчетливо видны разметка на корте, сетка, окружавшая корт, и скамейки за сеткой для зрителей. Видимо, здесь играли только дочери Николая II. По крайней мере, в дневниках весьма пунктуального царя нет ни одного упоминания о его играх на этом корте. Вероятнее всего, этот корт сделали летом 1915 г.

В 1914 г. в зданиях Федоровского городка устроили госпиталь, и, видимо, выздоравливавшие офицеры играли с молодыми великими княжнами летом 1915 г. По крайней мере, сохранилась акварель, на которой Мария и Анастасия Николаевны изображены на фоне башен Федоровского городка в окружении офицеров, у двоих из них в руках теннисные ракетки. Наряду с кортом на территории Федоровского собора в парке рядом с Александровским дворцом располагался еще один, шестой теннисный корт. Этот теннисный корт был временным, поскольку имел покрытие из досок, разбираемое на зиму. Об этом временном корте несколько раз упоминал в дневнике Николай II: «Поиграл с дочерьми в теннис, который вновь устроен из досок» (3 июня 1915 г.); «В 3 $^1/_2$ ч. вернулся в Царское Село. Поиграл в теннис и покатался на прудах».

Теннисный корт. *Федоровский городок, Царское Село*

Великие княжны Мария и Анастасия Николаевны на фоне башен Федоровского городка Царского Села. *Акварель*

В 1917 г., уже после отречения, Николай II мимоходом вновь упомянул об этом теннисном корте: «Пошли посмотреть работу по складыванию досчатого «groud» для нашего тенниса на прежнем месте» (12 мая 1917 г.); «Днем была успешная работа около дорожки, пройдя теннис; срубили пять сухих елей и распилили их всех на дрова» (31 мая); «Днем спилили четыре сухих дерева за теннисом» (20 июня 1917 г.).

Поскольку все перемещения Романовых после ареста дозволялись только в пределах ограды Александровского парка, то можно локализовать место временного корта территорией упомянутого парка. Однако эта теннисная площадка в 1917 г. так и осталась невостребованной.

Анекдоты

Частью досуга Императорского двора были и анекдоты. Сам этот жанр устных юмористических историй восходит к «Декамерону» Боккаччо. В XVIII в. под анекдотами понимались и различные нравоучительные истории бытового характера, связанные с жизнью известных лиц. В их основе, как правило, лежали подлинные истории. Так, широко известны анекдоты, связанные с жизнью Петра I. Во второй четверти XIX в. анекдоты принимают современный характер коротких рассказов, отчасти вымышленных или с утрированием подлинных событий. Как правило, анекдоты были по-мужски (по-женски) «неприличными». Рассказывали их лишь в однополом обществе.

Приводимых в дневниках и мемуарах собственно текстов анекдотов очень мало. В силу специфики жанра. Чаще просто фиксируется сам факт рассказанного анекдота. Так, Николай II в дневнике 26 августа 1896 г. записал: «Ели, пили кофе, курили и болтали в столовой поезда Вильгельма; как всегда, когда дамы уходят, все начали рассказывать неприличные анекдоты – больше всего он сам и посол наш Остен-Сакен». Обращает на себя фраза «как всегда» и то, что кайзер Вильгельм II был любителем скабрезных анекдотов.

Примечательно, что «пристойные» анекдоты не возбранялись и во время светской беседы за царским столом. По упоминаниям мемуаристов, их рассказывали и совершенно «не приспособленные» для анекдотов люди. Так, аскетический облик «великого инквизитора» обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева совершенно не вяжется с анекдотами. Тем не менее, по воспоминаниям, на одном из высочайших завтраков в Гатчине «Победоносцев порывался рассказывать анекдоты»[412].

Наверняка потихоньку рассказывали при Императорском дворе анекдоты и о самодержцах. Они, конечно, были политизированны. За границей революционная эмиграция периодически издавала брошюры этих анекдотов. «Качество» подобных анекдотов весьма сомнительно, однако политическая подоплека очевидна. Вот несколько анекдотов о Николае II:

«Однажды, когда Его Величество сидел в театре, он обратил внимание на человека с большой, густой шевелюрой и поинтересовался узнать, кто он.

– «Мне кажется, что это известный поэт», – сказал Его Величеству сидевший позади министр Двора. «Поэт? – заинтересовался Его Величество. – Может быть, это сам Пушкин?»»[413].

«Зайдя в детскую, Его Величество увидел, что дети ссорятся и дерутся из-за большого листа «Русских ведомостей».

– Олечка, Танечка, – сурово приказал он. – Бросьте сейчас же эту дрянную газету.

– Зачем же ты ее получаешь, папа? – спросили в один голос обе девочки»[414].

Фотография

Детали повседневной жизни императорской семьи зафиксированы различными источниками. Но одним из самых достоверных остаются фотографии, поскольку они в буквальном смысле фиксировали «мгновенья жизни» императорской семьи. Фотографии «императорской серии» можно разделить на две группы, каждая из которых имела свою историю. К первой относятся официальные фотографии, сделанные профессиональными фотографами, а ко второй – любительские, сделанные либо лично членами императорской семьи, либо лицами, входившими в их ближайшее окружение.

«Kodak». Собственный фотоаппарат императорской семьи

История фотографии начинается в 1839 г., когда изобрели сам процесс фотографии и разработали технические средства для закрепления изображения. Поражает оперативность, с которой эта

техническая новинка оказалась в сфере внимания хозяйственных подразделений Министерства Императорского двора. В результате уже осенью 1839 г. Николай I внимательно ознакомился с дагерротипным аппаратом, приобретенным хозяйственными службами Министерства Императорского двора. Возможно, сам факт приобретения аппарата именно Министерством Двора дает основания предположить, что его собирались использовать для фотографирования членов императорской семьи. Однако после осмотра императором дагерротипного аппарата его передали в Академию художеств. К сожалению, несмотря на существовавшие технические возможности, эпоха Николая I не оставила ни одной фотографии самодержца.

На рубеже 1850—1860-х гг. появляются первые официальные фотографии, запечатлевшие внешний облик членов Императорской фамилии. Примечательно, что на этапе формирования «фотографического рынка» среди фотографов императорской семьи оказываются люди, чьи имена впоследствии исчезают из списков официальных фотографов. Так, 29 марта 1862 г. великий князь Александр Александрович, будущий Александр III, дважды ездил фотографироваться «к Робильяру» со своим старшим братом цесаревичем Николаем Александровичем[415]. Примечательно, что Робильяр (Robillard) впервые приехал в Петербург из Франции в 1852 г. в качестве портретиста, работавшего преимущественно пастелью.

Со временем вокруг императорской семьи сложился круг профессиональных фотографов, они монополизировали за своими ателье права на фотографирование престижных клиентов. К их числу можно отнести фотографов К.И. Бергамаско, А.И. Деньера, И. Дьяговенко, А.А. Пазетти и К.А. Фишера.

Однако самым известным мастером считался Сергей Львович Левицкий. Свою карьеру он начал еще при Николае I в 1849 г., открыв на Невском проспекте «Дагерротипное ателье С. Левицкого». Профессия была настолько востребована, что в конце 1850-х гг. С.Л. Левицкий перебрался Париж, где также держал собственное фотоателье.

Знакомство С.Л. Левицкого с членами императорской семьи состоялось в 1865 г., в очень тяжелой ситуации для императорской четы. В апреле в Ницце умер старший сын Александра II цесаревич Николай Александрович. Тогда же наметился окончательный разрыв между Александром II и его женой Марией Александровной. Так сложилось, что летом 1865 г. С.Л. Левицкий в Ницце снимал российских аристократов, в том числе и лиц, входивших в окружение императрицы. Видимо,

именно они составили фотографу протекцию, поэтому до нас дошло несколько фотографий, запечатлевших Александра II и Марию Александровну в трауре по старшему сыну. Вероятно, С.Л. Левицкий произвел на императрицу хорошее впечатление, и она попросила его вернуться в Санкт-Петербург.

К этому времени в Министерстве Императорского двора сложилась нормативная практика присуждения весьма престижного звания придворного поставщика. Это звание юридически оформили в 1856 г. Но еще ранее при Дворе существовала группа поставщиков, имевших право использовать государственный герб в рекламных целях. В 1854 г. С.Л. Левицкий попытался получить двуглавого орла на свою продукцию, однако ему отказали на том основании, что фотография – это искусство, а не производство. Надо заметить, что с подобным отзывом сталкивался не только Левицкий. Поэтому нормативные документы, связанные с присвоением звания придворного поставщика, скорректировали, и с 1859 г. фотографы получили возможность получать звание поставщика и придворного фотографа. Как и другие потенциальные поставщики, они должны были 8—10 лет печатать фотокарточки царской семьи. Если отсчитывать время начала работы на императорскую семью с 1865 г., то получение С.Л. Левицким звания «Придворного фотографа Их Императорских Величеств» в 1877 г. выглядит вполне логичным.

Именно С.Л. Левицкому принадлежат хрестоматийные фотографии семьи Александра II и Александра III. Именно его приглашали для фотографирования скончавшихся российских монархов и коронации. В дневниковых записях Романовых в 1860—1870-х гг. по большей части упоминается имя Левицкого. В мае 1875 г. императрица Мария Александровна с детьми посетила ателье Левицкого, и, по словам великого князя Сергея Александровича, фотографии «…хорошо удались, мы также сняли группу втроем и я вдвоем с Мама»[416]. В мае 1877 г.: «Поехали… к Левицкому, снимались в различных видах и очень долго, трогательные группы с Павлом[21]»[417].

Именно Левицкий фиксировал памятные моменты из жизни Императорского дома. Например, 26 февраля 1876 г., когда цесаревичу Александру Александровичу исполнился 31 год, в Аничковом дворце состоялись торжественная обедня и завтрак. Потом вся семья отправилась к Левицкому, где «сняли группу пантомимическую… Отлично все удалось и отдельные карточки также»[418]. Через несколько дней Сергей Александрович посетил ателье фотографа Бергамаско, где «снимался в гусарской венгерке и чачкирах»[419].

Надо отметить, что счета за фотографии были весьма значительными. Если посмотреть счета, оплаченные императрицей Марией Федоровной только в июне и июле 1881 г., то картина будет следующей: в июне 1881 г. фотограф Соловьев снимал для Марии Федоровны интерьеры в столь дорогом для нее Аничковом дворце. За 15 фотографий ему было уплачено 280 руб.[420] В июле 1881 г. императрица получила счет от своего официального фотографа Левицкого на 486 руб.

В 1890 г. Левицкий начал строительство около Казанского собора на Невском проспекте «Фотографического дома». Примечательно, что в проекте предусматривался специальный подъезд для членов императорской семьи. Фотографический дом открыли в 1894 г. К этому времени Левицкий начал передавать дело своему сыну – Льву. Молодой Левицкий к этому времени специализировался на выездной съемке, а с 1898 г. полностью унаследовал дело отца[421].

Следует отметить, что тиражирование и продажа фотопортретов членов императорской семьи являлось достаточно прибыльным делом. Это право давалось Канцелярией Министерства Императорского двора. Поначалу бизнесом «на лицах» занимались несколько фирм, связанных с Императорским двором. Но в начале 1900-х гг. фирме «Боассонна и Эгглер» удалось добиться монопольного права на тиражирование некоторых царских фотографий. Видимо, речь шла о нескольких версиях официальных фотопортретов членов императорской семьи. Можно только предполагать, каким образом швейцарский фотограф Фредерик Боассонна и его компаньон, германский подданный Фриц Эггер, приобретшие в 1902 г. популярную в Петербурге фотографию А.А. Пазетти на Невском проспекте, добились этого права.

Отдельной темой было тиражирование портретов Николая II. Монопольное право на тиражирование фотопортретов царя получила Царскосельская фирма «К.Е. фон Ган и К⁰». Особенно прочными позиции этой фирмы стали после перенесения постоянной императорской резиденции в 1905 г. из Зимнего дворца в Александровский дворец Царского Села.

История фирмы начинается в 1 июня 1891 г., когда выходец из Варшавы Карл Андреевич Ягельский совместно с женой старшего инженер-механика К.Е. Якобсон, урожденной Ган, открывают фотоателье под маркой «К.Е. фон Ган и К⁰». В 1897 г. совладелицей А.К. Ягельского стала вдова титулярного советника В.И. Засельская, а «привилегия художественной собственности» на снимки императорской семьи перешла к А.К. Ягельскому. В 1911 г. высочайшим указом ему было присвоено звание

«Фотограф Его Величества». Следует отметить его новаторский подход к технологическим процессам фотосъемки. Например, А.К. Ягельский применил метод кинематографической съемки с целью последующего распечатывания отдельных кадров в качестве фотографий. Об объемах его работы «на семью» говорит то, что только за 1910 г. он напечатал от 1500 до 2000 фотокарточек.

Яхта «Штандарт». Офицер с ящиком фотоаппарата

Будучи близок к царю «географически», К.Я. Ягельский превращается в фотографа, получившего доступ со своей фото-и кинокамерой в ближний круг императорской семьи. Он много снимал царя в деловой обстановке, во время отдыха на «Штандарте» и финляндских шхерах. Его фотографии включались заказчиками в свои личные альбомы. Лучшие фото, с одобрения императрицы Александры Федоровны, отбирались и разрешались к продаже. По материалам поездок Николая II по фронтам в

1914–1915 гг. К.Я. Ягельскому удалось составить и издать альбом «Его Императорское Величество в действующей армии». Свое место рядом с «семьей» К.Я. Ягельский сохранил вплоть до 1917 г. Более того, последние снимки он сделал в Тобольске во второй половине 1917 г.[422]

Во время визитов в европейские страны к официальным съемкам подключались европейские фотографы. Именно они запечатлели важнейшие события, связанные с отечественной историей. Так, в апреле 1894 г. в Кобурге, когда цесаревич Николай Александрович сватал дармштадтскую принцессу Алису Гессенскую, официальную съемку помолвки вел фотограф Эдуард Уленхут.

Пожалуй, самым информативным и объективным источником по истории повседневной жизни императорской семьи является любительская фотография. Первыми фотографами-любителями в императорском окружении можно назвать графа И.Г. Ностиц[423] и генерала А.А. Несветевича, они в 1870– 1880-х гг. фотографировали членов семьи Александра II и Александра III. Однако полнее всего любительская фотография заявила о себе в семье последнего российского императора Николая II. К этому времени в продаже появились надежные фотоаппараты «Кодак» с неплохими возможностями для любительской съемки.

Первые опыты любительской фотографии Николая II и Александры Федоровны относятся к 1896 г., когда после коронации царская семья отдыхала в подмосковном Ильинском. Царственные любители отсняли более 500 сюжетов[424].

Следует отметить, что фотографией занималась именно Александра Федоровна. Это подтверждается ее бухгалтерскими счетами. Например, в 1896 г. она оплатила два счета. Первый – английской фирме за фотографические принадлежности (на 9 фунтов стерлингов, или 85 руб. 65 коп). Второй – на 25 руб. фотографу И.И. Карпову за исполненные фотографические работы, 2 коробки пленок и чехол для объектива[425].

Со временем появилась «база» для обработки и печати многочисленных фотопластинок и пленок, «нащелканных» членами императорской семьи. Для этого в одном из парковых павильонов близ Александровского дворца в Царском Селе оборудовали фотомастерскую. Там в год проявлялось до 2 тыс. фотопластинок, с которых печатали фотографии.

Однако счета фирме «Ган и К⁰» оставались весьма внушительными. Например, в августе 1914 г. императрица Александра Федоровна оплатила фирме Гана пять счетов на 4800 руб.[426] Сумма счета вполне сравнима с ювелирными счетами.

У российских императриц Марии Федоровны, Александры Федоровны и Николая II был весьма квалифицированный наставник – профессиональный фотограф Карл Андреевич Ягельский. Со временем увлечение фотографией охватило и детей царской семьи. Все дочери имели свои фотоаппараты. Поскольку фотографировали все, то некоторые снимки получались на весьма хорошем художественном уровне. Охотно занималась фотографией даже пожилая вдовствующая императрица Мария Федоровна. В своем дневнике (28 июня) за 1914 г. она упоминает о своей прогулке в Гайд-парке, «где делала фотоснимки»[427].

Свой фотоаппарат имел и цесаревича Алексей. По крайней мере, в 1916 г. он на свои деньги четырежды (май, июль, сентябрь и ноябрь) приобретал «фотографические принадлежности… фирмы «Кодак»». При этом, видимо, приобретал эти принадлежности за 50 %, «скидываясь» на них с мамой[428].

Представление о количестве фотоаппаратов в царской семье дают описи Гатчинского дворца. Например, в Уборной и в Шкафной комнатах великого князя Михаила Александровича хранились: аппарат фотографический типа клап-камеры, с объективом. В Передней и в Проходной комнатах Михаила Александровича: фотоаппарат «Folding Pocet Kodak» и еще три фотоаппарата[429].

Рядом с царской семьей были и другие любители с фотоаппаратами. Так, полковник А. И. Спиридович, возглавлявший Отряд подвижной физической охраны, стал фактически еще одним домашним фотохудожником, поскольку он по долгу службы был обязан постоянно находиться поблизости от императора. Значительный вклад в фотолетопись последней императорской семьи внесла и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны – Анна Александровна Вырубова.

Императрица Мария Федоровна. *Фото А.И. Пазетти. 1899 г.*

Императрица Мария Федоровна с фотоаппаратом «Kodak» на полевых занятиях Кавалергардского полка. *Фото 1912 г.*

Когда в 1920 г. она по льду Финского залива бежала из советской России, то вынесла с собой несколько альбомов с фотографиями императорской семьи. Сейчас все они хранятся в библиотеке Йельского университета.

Кинематограф

Первый опыт привлечения «великого немого» для документальных съемок придворных церемоний зафиксирован в мае 1896 г. В этом году в Москве происходила коронация Николая II. Для фиксации исторической церемонии пригласили французских операторов. Эта короткая пленка стала первым документальным фильмом в Российской империи.

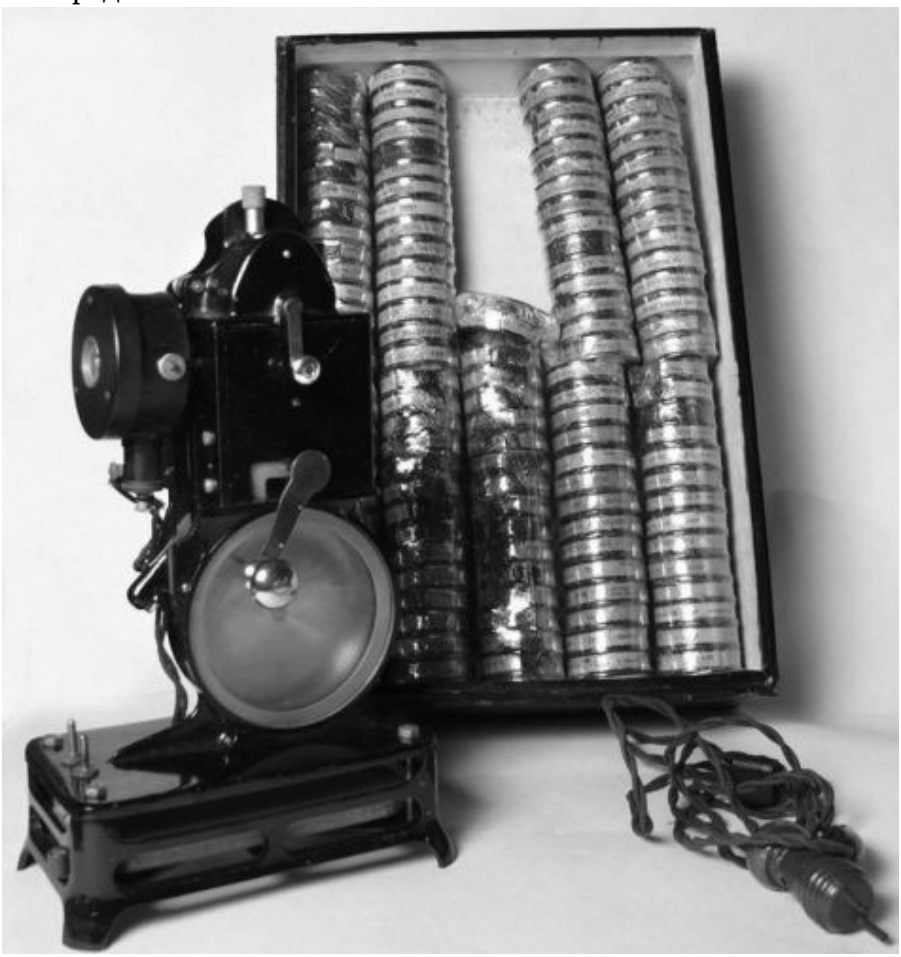
Начало было положено, появился и соответствующий интерес к модной технической новинке. Поэтому через месяц после коронации в Петергофе состоялось два киносеанса (7 и 13 июля 1896 г.). Оба киносеанса проводились в Большом Петергофском дворце. Примечательно, что термин «кинематограф» еще не вошел в повседневный оборот, поэтому Николай II использует привычную для него терминологию: «Показывали удивительно интересные движущиеся фотографии на экране». Но уже во второй дневниковой записи царь прибегает и к новому тогда термину «кинематограф» («синематограф»): «Обедали у Мама ив 10 ч. поехали в Большой дворец, где показывались движущиеся фотографии (кинематограф)». Из текста непонятно, каков был сюжет этих «движущихся картинок», но поскольку все происходило вскоре после коронации, то можно с большой долей уверенности предположить, что французские кинематографисты в Большом Петергофском дворце впервые представили свою продукцию заказчикам и, вероятно, показали другие документальные ленты. Таким образом, с 1896 г. придворная кинохроника стала неотъемлемой частью жизни Императорского двора.

В 1896 г. Николай II еще несколько раз столкнулся с кинематографом. В сентябре 1896 г. во время визита в Англию состоялась официальная съемка царственных гостей: «После кофе вышли вместе в сад, где нас снимали и простым способом, и вертящимся (синематограф)». Знакомство с кинематографом русского царя продолжилось в Германии. В октябре 1896 г. Николай II записал в дневнике: «Обедали в 8 час. и поехали в концертное здание, где видели действие кинематографа».

В Петербурге модная техническая новика появляется в марте 1897 г., также в доме вдовствующей императрицы Марии Федоровны Аничковом дворце. В камер-фурьерском журнале зафиксировано, что «в Танцевальном зале французским гражданином Матье был продемонстрирован «кинематоргаф» – подвижные фотографии и «эхонограф»»[430].

Со временем кинематограф стал частью повседневной жизни

императорской семьи. Так, во время летнего пребывания в Царском Селе фотограф царской семьи Карл Андреевич Ягельский 1 августа 1900 г. организовал первое кинопредставление[431].



Кинопроектор Пате-Бэби. *Франция. Конец XIX в.*

По мере того как подрастали царские дети и Александровский дворец Царского Села превратился в жилую императорскую резиденцию, на втором этаже детской половины дворца оборудовали помещение для просмотра кинофильмов. Поначалу в Александровском дворце специального помещения «для кино» не было. Потом для просмотра кинофильмов оборудовали комнату, где проводили уроки музыки (в комнате стояли два пианино). Для просмотра кинофильмов на лицевой стене повесили экран из прорезиненной ткани, покрытый алюминиевой, серебристой краской. Кроме экрана большой

проблемой оказалось стационарное размещение кинопроекционного аппарата. Для него в подвале дворца установили специальный трансформатор, выделив отдельное помещение.

Со временем кинозалы оборудовали во всех императорских резиденциях. В ноябре 1904 г. царь, будучи у матери в Гатчине, записал в дневнике: «Вечером смотрели разные сцены кинематографа Гана».

В Ливадии в 1910–1911 гг. под руководством молодого архитектора царского имения Г.П. Гущина соорудили ряд технических и служебных построек, в число которых вошел и театр. Его здание перестроили из бывшей флотской казармы, прежде также служившей местом «собраний и народных развлечений». В театре был просторный зрительный зал со сценой. На сцене установили экран, и «милый театр», как назвал его Николай II, стал еще и кинотеатром. За тематику демонстрируемых фильмов и техническое обеспечение киносеансов по-прежнему отвечал К.А. Ягельский.

Кинематографические сеансы для августейших особ устраивались и на императорской яхте «Штандарт». Для организации демонстрации фильмов иногда приглашались владельцы ялтинских кинотеатров – А.К. Салтыков и П.К. Чепатти. Среди немногочисленных кинематографических заведений Ялты театры «Одеон» Салтыкова и «Иллюзион» Чепатти были наиболее популярны.

Фильмы, предназначавшиеся для императорской семьи, в основном развлекательные. Сам Николай II определял репертуарную политику Ягельского терминами: «Интересный, веселый, забавный». Например, в дневнике он писал: «Поехали к 8 ч. на яхту к обеду… Затем наверху в столовой был забавный кинематограф»; «После чая в 5 $^{1}/_{2}$ поехали в театр, где видели отличный кинематограф – «Одеон»».

Участие владельцев ялтинских театров в показе кинематографических лент для императорской семьи отмечалось наградами. В декабре 1911 г. директор «Одеона» А.К. Салтыков получил золотую булавку с крупным бриллиантом, а жена его – золотые дамские часы, украшенные Государственным гербом с короной.

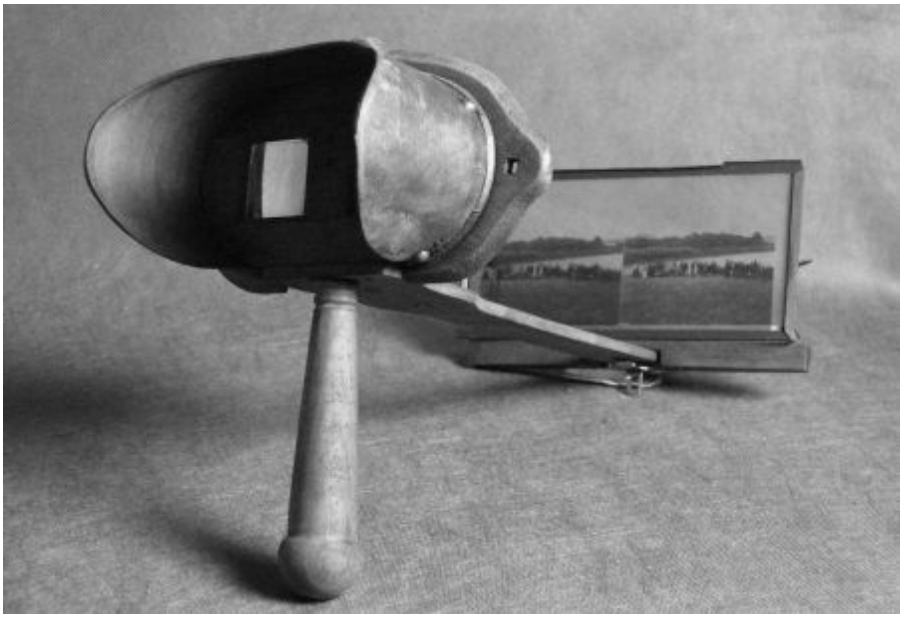
«В среду, 11 апреля, вечером, – сообщала «Русская Ривьера», – в Ливадии состоялся сеанс кинематографа, на котором присутствовали: Николай II с дочерьми, великий герцог и герцогиня Гессенские, великий князь Дмитрий Павлович, лица свиты, находившиеся в Ливадии, и другие лица. Картины удостоился демонстрировать владелец ялтинского «Иллюзиона»

г. Чепатти. Сеанс кинематографа продолжался с 9 $^{4}/_{4}$ до $11^{3}/_{4}$ вечера, причем было показано 11 картин». Через месяц, в мае 1912 г., П.К. Чепатти наградили Большой золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие», а его жене пожаловали золотые часы с короной, усыпанной бриллиантами. Надо заметить, что такие подарки – обычная практика в Министерстве Императорского двора. Все люди, так или иначе, привлекаемые к обслуживанию императорской семьи и при этом не состоявшие в придворном обслуживающем штате, как правило, получали подарки, которые они высоко ценили.

В Ливадийском театре кроме кинематографических сеансов устраивались показы «картин в натуральных красках». В течение сеанса на экране возникали красочные пейзажи России. Менялись слайды, и перед взором зрителей представали достопримечательности, памятники древнего зодчества, знаменитые архитектурные ансамбли. Автор этих «картин» – Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1948), родоначальник русской цветной фотографии, замечательный фотомастер, ученый-химик.

Николай II благосклонно относился к начинаниям Прокудина-Горского, с удовольствием смотрел его слайды, приглашая для этого Сергея Михайловича в Царское Село и Ливадию. По указу царя Министерство путей сообщения выделило фотографу вагон для его передвижной лаборатории и обеспечило бесплатный проезд по всем железнодорожным магистралям России. Во время последних поездок по стране в 1909–1911 гг. Прокудин-Горский сделал несколько тысяч цветных фотографий. 30 ноября 1911 г. император «присутствовал при демонстрации С. Прокудиным-Горским картин в цветной проекции Туркестана и Средней России» в Ливадии.

Работы Прокудина-Горского и в последующие приезды царской семьи демонстрировались в Ливадии. 13 декабря 1913 г. Николай II записал в дневнике: «В 9 часов поехали в Ливадийский театр, где сначала были показаны снимки цветными стеклами, а затем интересный кинематограф».



Стереоскоп. *Россия. Начало XX в.*

В новом Ливадийском дворце в рабочем кабинете царя хранились в красных кожаных футлярах два небольших диапозитива в натуральных цветах на стекле, выполненные С.М. Прокудиным-Горским. Один диапозитив был с изображением государя и государыни, другой – царской семьи. После революции эти фотографические снимки на стекле отправили в Москву вместе со многими ценными вещами из Ливадийского дворца[432].

По мере взросления царских детей репертуарная политика постепенно менялась. Как правило, демонстрировались документальные ленты, причем значительную часть киноматериала составляли снятые Ягельским документальные зарисовки из жизни императорской семьи. Сам Николай II и Александра Федоровна с удовольствием смотрели семейную кинохронику. Конечно, весь киноматериал оставался в семье. Только малая его часть, связанная с различными официальными мероприятиями, тиражировалась и поступала в широкий прокат. Например, сохранился официальный ролик, посвященный закладке Федоровского собора в Царском Селе.

Судя по всему, при «семье» работали два кинодокументалиста. Наряду с К.А. Ягельским семейные и официальные кинофильмы из жизни императорской семьи снимал придворный фотограф Ган. Так, 20 января 1907 г. Николай II зафиксировал в дневнике, что после завтрака он

«долго гулял и катался с детьми с горы. От 5 час. до 6 1/4 Ган показывал им кинематографические снимки – комические и из пребывания на «Штандарте»».

С 1911 г. репертуар фильмов начал определять начальник Канцелярии министра Императорского двора генерал А.А. Мосолов. Он писал впоследствии, что императрица сама определила программу киносеансов: «Сначала актюалитэ (хроника. – *И. З.),* фильмы, снятые за неделю придворным фотографом Ягельским, затем научный либо красивый видовой, в конце же – веселую ленту для детей»[433].

Николай II и его близкие любили кино. Просмотр фильмов стал одним из любимых семейных занятий. Примечательно, что император Николай II положил начало традиции личной цензуры фильмов, имевших политический подтекст. Так, 13 ноября 1911 г. в Ливадийском театре на суд императора и его окружения представили первую в истории отечественного кино полнометражную историческую киноленту режиссера В. Гончарова «Оборона Севастополя». Фильм продюсировала крупнейшая российская кинофирма «Ханжонков и К°». За картину «Оборона Севастополя» Александр Ханжонков удостоился личной награды Николая II – бриллиантового перстня.

Ханжонков, прекрасно понимая, что для его фирмы означает высочайшее покровительство, попытался немедленно развить успех. Уже 20 ноября 1911 г. он пишет прошение на имя Александры Федоровны, сообщая, что его фирмой «снята картина, инсценированная по басне Крылова «Стрекоза и Муравей», все сцены каковой картины исполнены стрекозами, жуками и муравьями. Картина эта, по отзывам английской и французской прессы, является шедевром кинематографического искусства, и подобных картин по сие время на кинематографическом рынке не появлялось. Ввиду этого осмеливаюсь обратиться к Вашему Императорскому Величеству… разрешить мне поднести означенную картину нашему Обожаемому Наследнику Цесаревичу… быть может, демонстрирование этой картины доставит удовольствие Его Императорскому Высочеству в период восстановления Его драгоценного здоровья после перенесенной болезни»[434].

Таксифот («Волшебный фонарь»), *Франция. Конец XIX– начало XX вв.*

Это прошение вызвало ряд официальных запросов – от экспертных оценок художественного качества картин до запросов о политической благонадежности «подъесаула войска Донского в отставке Александра Ханжонкова». Следует заметить, что картины были действительно новаторскими для того времени (по сути – первая мультипликация), поскольку «замечательны тем, что снимки сделаны с живых стрекоз и муравьев, и из множества снимков выбраны подходящие к воспроизведению басни»[435].

В результате 23 декабря 1912 г. Ханжонков переслал в Александровский дворец «ларец с тремя картинами нашей фабрики»: «Стрекоза и муравей», «Приют-корабль Наследника Цесаревича» и «Рождество обитателей леса». В знак благодарности продюсер получает «часы золотые с изображением Государственного герба с цепочкою за 125 руб.».

Пропагандистский потенциал кинематографа в самодержавной России впервые широко использовался в год 300-летия династии. К торжествам специально сняли пропагандистский художественный фильм «Избрание на царство Михаила Федоровича». Фильм «сдавали» накануне торжеств 16 февраля 1913 г. лично самодержцу. И заслужили его одобрение. В дневнике царя в этот день появилась запись: «После обеда смотрели кинематогр. «Избрание на царство Михаила Феодоровича». Хорошо и достаточно верно в историч. отношении. Потом видели веселые снимки».

В период Первой мировой войны царя много снимали. Однако в условиях системного кризиса самодержавия документальный монархический кинематограф уже не мог спасти репутацию правящей династии. Когда в залах кинотеатров крутили фронтовую хронику с участием царя «Награждение Георгиевскими крестами», в зале в голос смеялись и выкрикивали: «Батюшка с Георгием, а матушка с Григорием».

Сохранилось описание одного из киносеансов, проводимых в ближайшем окружении Николая II в Александровском дворце. Его оставил посол Франции Морис Палеолог. 12 марта 1916 г. он записал в дневнике: «Я приехал в Царское Село в пять часов. Аппарат установили в большом круглом зале, перед экраном поставлены три кресла, вокруг них – дюжина стульев. Почти тотчас же вошли император и императрица с великими княжнами и наследником-цесаревичем в сопровождении министра Двора Фредерикса с супругой, обер-гофмейстера графа Бенкендорфа с супругой, полковника Нарышкина, г-жи Буксгевден, воспитателя наследника Жильяра и несколько чинов дворцового управления. Во всех дверях столпились и выглядывают горничные и дворцовые служители. Император одет в походную форму, на императрице и великих княжнах – простые шерстяные платья, прочие дамы – в визитных туалетах.

Передо мной Императорский двор во всей простоте его обыденной жизни. Император усаживает меня между собой и императрицей. Свет гасят, и сеанс начинается.

Во время двадцатиминутного антракта нам подают чай; император выходит в соседнюю комнату покурить, я остаюсь с императрицей…»[436].

После отречения Николая II и ареста семьи Романовых киносеансы в Александровском дворце Царского Села продолжались вплоть до конца августа 1917 г. Обязанности киномеханика взял на себя бывший цесаревич Алексей. В июле 1917 г. бывший император дважды упоминает, что Алексей «показывал свой кинематограф очень удачно».

Об этом же эпизоде упоминает в своих воспоминаниях обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф. 2 июля 1917 г. цесаревич пригласил всех постоянных жителей Александровского дворца на киносеанс. Бенкендорф[22] упоминает, что незадолго до революции фирма «Pathe» подарила цесаревичу маленький киноаппарат с большим количеством фильмов. Дворцовый электрик собрал аппарат и подготовил его к просмотру. Это развлечение повторилось дважды, доставив огромное удовольствие как цесаревичу, так и всем присутствующим. При этом в числе показанных «фильмов» были и вышеупомянутые «мультики» Ханжонкова.

После того как семью Романовых выслали в Сибирь, среди множества вещей, взятых с собой, они забрали и вещи, имеющие отношение к кинематографу. Например, в Тобольск из Александровского дворца отправили кинопроектор, экран и 21 коробку с кинолентами. Видимо, Алексей планировал и дальше проводить свои удачные киносеансы.

Можно добавить, что Александровский дворец Царского Села в конце 1920-х гг. впервые стал кинематографической площадкой, на которой снимался игровой художественный фильм. Знаменитый режиссер С. Эйзенштейн в подлинных интерьерах снимал фильм о событиях 1917 г., посвящая свое творение 10-летию Октябрьской революции. Из этого фильма наиболее известна сцена разорения матросами царской спальни.

Музыкальные увлечения членов императорской семьи

Обязательным и совершенно естественным элементом воспитания детей русского дворянства было основательное музыкальное образование. Музыка для них – своеобразная среда обитания. Конечно, для девочек эта дисциплина считалась обязательной, и учили их музыке основательно. Для мальчиков музыкальное образование оставалось скорее желательным.

Маленьких великих князей и княгинь обучали музыке педагоги, приглашаемые в царскую семью. Следует подчеркнуть, что все представители Дома Романовых имели домашнее музыкальное образование, в том числе и императоры. Притом музыкальное образование было весьма востребовано в их повседневной жизни. Степень музыкально-исполнительской квалификации, конечно, разная, но все русские императоры владели теми или иными музыкальными инструментами. Самое главное – все они были ценителями и знатоками музыки, с удовольствием посещая оперу, различные музыкальные спектакли и концерты.

Император Александр I играл на скрипке и кларнете. Обучил его виртуоз Фердинанд Диц (1742–1798), ученик композитора Глюка, который начинал карьеру в Венской опере, где приобрел репутацию виртуозного скрипача. В 1771 г. Диц приехал в Россию и начал карьеру в качестве камер-музыканта придворного оркестра. Как придворный музыкант играл в Малом Эрмитаже, благодаря чему его талант оценила Екатерина II. Именно она избрала его на роль учителя музыки Александра I. Уроки принесли свои плоды, и, по свидетельству современников, Александр I хорошо играл на скрипке[437].

Николай I также не чуждался музыки. Император Николай Павлович стал первым российским монархом, игравшим на различных духовых инструментах: флейте, валторне, корнете и корнет-а-пистоне. Сам Николай I называл свои инструменты без различия нюансов, попросту «трубой»[438]. Современники отмечали его хорошую музыкальную память и слух. Кое-где он даже сочинял, отдавая предпочтение военным маршам. Свои музыкальные навыки Николай Павлович реализовывал так, как это принято в дворянской среде по всей России, – на домашних концертах. Концерты проходили и в Зимнем, и в Аничковом дворцах, и на них, как правило, приглашались только «свои».

Поскольку у царя не было физической возможности

систематически заниматься на музыкальном инструменте, то он поручил А.Ф. Львову (автору гимна «Боже, царя храни») «всегда за несколько минут пред концертным вечером приходить к нему в кабинет, чтобы проиграть с ним его партию»[439]. Специально для царя А.Ф. Львов составил партию на cornet-a-piston[440].

Труба

Некоторую объективную информацию о музыкальных пристрастиях Николая Павловича дают его приходно-расходные книги по так называемой «Гардеробной сумме». Так, в 1824 г., находясь в Пруссии, великий князь Николай Павлович счел необходимым «за свой счет» приобрести у «инструментальных мастеров» Грислинга и Шлотта «духовые инструменты для Саперного и Пионерного батальонов», шефом которых он был. Эти духовые инструменты обошлись великому князю в 2914 прусских талеров[441].

В 1830-х гг., судя по счетам, император Николай I довольно часто музицировал. Личные бухгалтерские книги императора пестрят счетами «за чистку инструментальных труб» перед концертами. Чистили «инструментальные трубы» разные люди: безымянный «унтер-офицер Саперного батальона», «отставной унтер-офицер Максимов», «унтер-офицер Саперного батальона музыкант Федоров» и др. Большая часть этих людей – музыканты Саперного батальона, им Николай Павлович командовал в молодые годы. Как правило, разовая чистка «музыкальных» или «инструментальных» труб обходилась Николаю I в 10 руб. ассигнациями[442]. Иногда трубы чинили. Как правило, чинил унтер-офицер Саперного батальона музыкант Федоров за те же 10 руб. ассигнациями. Иногда трубы чистили чаще, иногда реже. Видимо, это связанно с частотой их использования. Так, в ноябре

1835 г. музыкант Аникеев получил «за чищение двух раз труб» сразу 20 руб.

Периодически для императора приобретались новые музыкальные инструменты, как в России, так и за границей. В России в июне 1835 г. инструментальному мастеру Андерту «за взятые для Его Величества две трубы» уплатили 265 руб. ассигнациями. В декабре 1835 г. у этого же мастера купили валторну «для Его Величества» за 250 руб.[443] Приобретались инструменты и за границей. В мае 1835 г. на Санкт-Петербургскую таможню законопослушный государь направил сумму таможенных сборов в 10 руб. 34 коп. «за полученные из-за границы две музыкальные трубы»[444].

Имел император и другие музыкальные инструменты. Судя по «Гардеробным счетам», в феврале 1836 г. барабанщику Дворцовых гренадер уплатили 25 руб. «за перетягивание барабана Его Величества»[445].

В 1840—1850-х гг. «музыкальные счета» практически исчезают из «Гардеробных сумм». Бесконечный поток дел, возраст и болезни давали себя знать. Видимо, в эти годы император играл только на семейных праздниках по «своим» дням в июне (день рождения) и в декабре (тезоименитство). Так, в ноябре 1849 г. (накануне тезоименитства. – *И. З.*) «за чистку музыкальных труб Его Величества» было уплачено 3 руб. серебром[446]. В декабре 1853 и 1854 гг. «зачистку трех музыкальных труб мастеровому роты Федору Купцову» было уплачено 3 руб. серебром[447]. Это последние «музыкальные счета» императора Николая I. Сухие бухгалтерские счета свидетельствуют, что любовь к музыке император Николай Павлович пронес в буквальном смысле через всю жизнь. Можно сказать, именно Николай I «легализовал» духовые инструменты в императорской семье.

Кроме этого, в период правления Николая I формируется такая форма музыкального досуга, как концерты на открытом воздухе в императорских резиденциях. Именно в 1840-х гг. Павловский вокзал превращается в музыкальную Мекку для истинных ценителей музыки. Согласно некоторым сведениям, великий князь Михаил Павлович согласился на продолжение Царскосельской железной дороги до Павловска только при условии регулярных музыкальных вечеров, которые предполагалось организовывать в здании Павловского вокзала.

Валторна альтовая 3-вентильная в строе. *Конец 1880-х и.*

Валторна басовая 3-вентильная в строе. *Конец 1880-х и.*

К Императорскому двору регулярно приглашались первоклассные европейские музыканты, они принимали участие и в музыкальных вечерах в Павловске. Так, 5 апреля 1843 г. на торжестве по случаю 25-летия обручения Николая I и Александры Федоровны играл Ференц Лист[448].

Примечательно, что концерт Ф. Листа при Императорском дворе закончился скандалом. Один из мемуаристов передает рассказ самого Листа об этом инциденте: «Во время моей игры государь подозвал своего адъютанта и стал о чем-то с ним разговаривать. Я перестал играть; наступила тишина.

Валторна теноровая 3-вентильная. *Конец 1880-х и.*

Валторна натуральная. *Середина XIX в.*

Император подошел ко мне и спросил отчего я бросил играть. Я ответил: «Когда ваше величество разговаривает, все должны молчать». Николай I с минуту на меня с недоумением посмотрел; потом вдруг нахмурил брови и сказал: «Господин Лист, экипаж вас ждет». Я молча поклонился и вышел. Через полчаса в гостиницу

ко мне явился полицмейстер и сказал, что через шесть часов я должен покинуть Петербург»[449]. Знаменитый Иоганн Штраус более десятка сезонов отыграл на Павловском вокзале для рафинированной публики.

О музыкальных увлечениях Александра II мы знаем очень мало. Известно только, что он играл на фортепиано. Императрица Мария Александровна, как и всякая аристократка ее эпохи, также владела этим инструментом.

В салоне императрицы Марии Александровны регулярно проводились музыкальные вечера. Конечно, императрица «по должности» покровительствовала музыкантам, ее именем назван Мариинский театр. Однако современники свидетельствуют, что

«императрица музыки не любила и ее не понимала»[450].

Сыновья и племянники императорской четы музыку любили с детства и реализовали свои музыкальные интересы в полной мере. Так, великий князь Константин Константинович, будучи молодым человеком, каждую пятницу играл на виолончели в русском оркестре под управлением Направника. С великим князем разучивались новые произведения, но, конечно, без публики[451]. Вероятно, у «Константиновичей» виолончель – семейный инструмент, поскольку отец знаменитого «К. Р.», великий князь Константин Николаевич, также играл на этом инструменте. Более того, «Константиновичи» часто устраивали у себя в Мраморном дворце домашние концерты. Так, в марте 1889 г. в Мраморном дворце у великой княгини Александры Иосифовны состоялся концерт, на котором ее сын Константин Константинович играл концерт Моцарта на фортепиано. Причем отец, великий князь Константин Николаевич, играл на виолончели в оркестре. Затем домашними хорами исполнялся «Requiem» Моцарта, соло пели принцесса Елена Мекленбургская и княгиня Новосильцова[452].

Можно почти точно сказать, когда будущий Александр III начал играть на любимых духовых инструментах: летом 1847 г., когда Александру шел третий год, он упросил одного из воспитателей купить ему настоящую трубу, «чтоб играла». Воспитатель «приискал в игрушечной лавке детскую трубу из цинка, которая при легком надувании производит звуки через так называемую гармонику; а чтоб младшему брату было незавидно, то и для него немного поменьше»[453]. В результате дети «с утра до вечера не выпускали их из рук и изо рта». Примитивные музыкальные «экзерсисы» мальчиков в немалой степени раздражали бабушку-меломанку – императрицу Александру Федоровну. Она вызвала воспитателя и «особенно благодарила за эти подарки». Когда этим же летом Александр II прислал детям игрушки, купленные в Гамбурге, то бывшие в их числе трубы немедленно изъяли[454].

Великий князь Константин Николаевич

Достаточно много известно о музыкальных пристрастиях Александра III. Внешне совершенно неутонченный и мужиковатый император, вместе с тем, являлся тонким ценителем и большим знатоком музыки. Александр III, как и Николай I, довольно регулярно играл на музыкальных инструментах, получая от этого искреннее удовольствие. Примечательно, что могучий царь играл на различных духовых инструментах, как и его дед, Николай I, которого Александр III глубоко почитал. В описи вещей в личных комнатах императора в Гатчинском дворце упоминаются музыкальные инструменты, хранившиеся «под рукой». Так, в Рабочей комнате Александра III хранилась валторна, в Уборной – труба-баритон, в Комнате за Уборной – труба[455].

Следует отметить, что свой путь к духовым инструментам Александр III нашел не сразу. Сначала его начали учить играть на фортепиано, как принято во всех «порядочных» аристократических семействах. Утонченной императрице Марии Александровне, при всем ее искреннем уважении к свекру,

претили «военные» трубы.

Уроки фортепиано начались для великих князей Александра и Владимира Александровичей довольно поздно, с осени 1857 г., когда Александру исполнилось 12,5 года. Первым учителем музыки для братьев стал полковник М.А. Половцев, ему платили по 7 руб. за урок[456]. Преподавателя нашли, как это принято во все времена, по рекомендации. В.М. Половцев учил игре на фортепиано принцессу Екатерину Петровну Ольденбургскую, она была на два года младше Александра, но учиться музыке начала значительно раньше его[457]. В.М. Половцев, ученик знаменитого Гензельта, стал учителем музыки и для всех сыновей Александра II.

Занятия шли очень плохо, и причина тому – простое нежелание великого князя играть на фортепиано. У братьев ненависть к фортепияно была наследственной, как и тяга к духовым инструментам. Дело в том, что еще осенью 1858 г. наследник-цесаревич Николай Александрович решительно отказался учиться играть на фортепиано, и тогда же его молодой воспитатель О.Б. Рихтер начал учить его играть на корнет-а-пистоне. Позже с цесаревичем стал заниматься признанный виртуоз Вурм[458]. Трудно сказать, что повлияло на решение Никсы: наследственное увлечение внешней стороной военного дела или авторитет царственного деда.

Младшие братья цесаревича, Александр и Владимир, видимо, не раз слышали музыкальные экзерсисы старшего брата и постепенно заинтересовались и самим инструментом. В сентябре 1861 г. воспитатель Александра Александровича отметил в дневнике, что его воспитанник, «по-видимому, более интересуется игрою на корнет-a-pistons, нежели прежде»[459]. Притом шестнадцатилетний Александр Александрович продолжал «мучить» фортепиано. 4 сентября 1861 г. воспитатель записал: «После завтрака Александр Александрович отправился играть на фортепиано»[460].

Второму царскому сыну было уже почти 17 лет. Несмотря на несколько лет регулярных занятий, его музыкальные «успехи» не продвинулись дальше примитивных гамм, поэтому родители в конце октября 1861 г. приняли «стратегическое» решение прекратить обучение Александра Александровича игре на фортепиано. Как это ни удивительно, молодой человек воспринял это достаточно болезненно, по крайней мере, он жаловался своему воспитателю, что его не будут больше учить играть на фортепиано. На эти жалобы воспитатель резонно заметил: «В этом он сам виноват, что тот. кто в течение нескольких лет сидит на экзерсисах и еще не умеет разбирать нот, тот не может

подавать надежды на успехи. Что нужно требовать строго, либо совсем оставить музыку»[461]. В результате на фортепиано безрезультатно потратили целых четыре года.

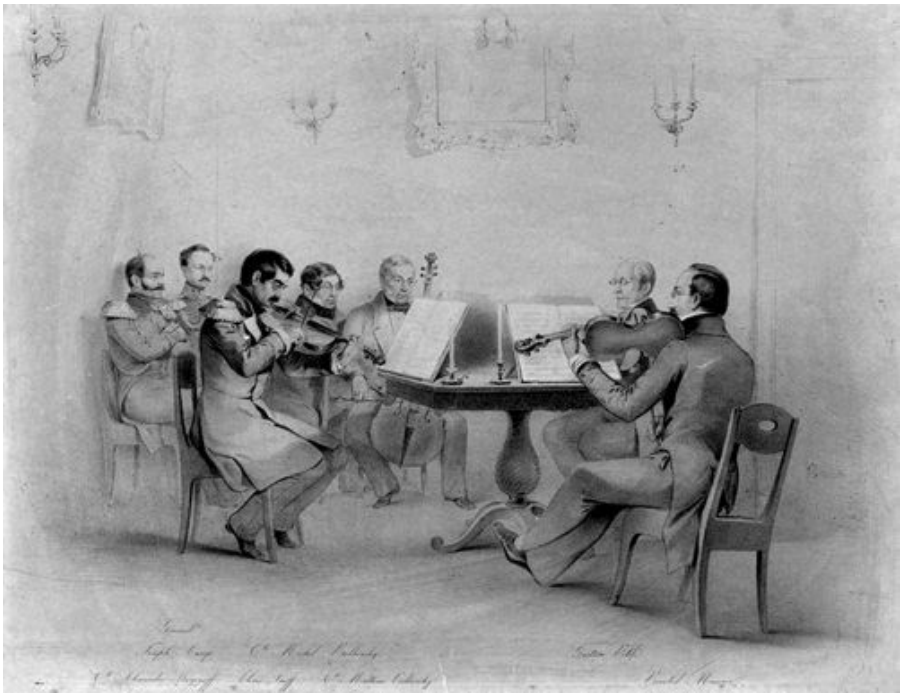
Однако уроки не прошли бесследно. Они пробудили интерес к музыке. По примеру старшего брата, Александр Александрович стал брать уроки у О.Б. Рихтера. И уже в январе 1862 г. воспитатель констатировал, что «Александр Александрович пошел к Дмитрию Борисовичу (Рихтеру. – *И. З.),* чтобы не пропустить урока музыки на трубе, он как-то стал дорожить этим»[462].

В 1860-х гг. пятый сын Александра II Сергей повторил путь старшего брата, отказавшись играть на фортепиано. Точнее, учитель музыки Кюндингер[463] сам посоветовал ему прекратить занятия по игре на фортепиано. При этом великий князь Сергей Александрович любил и понимал музыку.

На протяжении всего 1862 г. воспитатель великого князя Александра Александровича неоднократно отмечал, что у Рихтера братья «провели время очень весело, не говоря уже о музыке, которая доставляет им истинное наслаждение»[464]. Александр Александрович настолько почувствовал вкус и к новому инструменту, и к игре на нем, что принял «несколько раз участие в оркестре»[465]. Более того 17-летний великий князь стал играть самостоятельно и «трубил до 10 часов»[466]. Во всех этих записях сквозит сначала удивление, а затем и просто изумление как музыкальными талантами, так и желанием играть со стороны того, на ком уже давно поставили крест его учителя музыки.

В летний сезон 1863 г. великих князей Александра и Владимира стали вывозить на аристократический «музыкальный пленэр» в Павловск. Эти прогулки в Павловск «на музыку» были почти обязательны для петербургской аристократии: «Вереница экипажей останавливалась у болотистой речки. Отсюда внимали звукам оркестра. Знакомых бывало – пропасть»[467].

Как известно, музыка объединяет, и в первой половине 1860-х гг. вокруг сыновей Александра II складывается кружок любителей музыки, он просуществовал около 10 лет. По свидетельству мемуариста, Александр Александрович играл квартеты еще со своим старшим братом-наследником Николаем Александровичем, генералом Половцевым, Вурмом, Тюрнером. После смерти старшего брата в апреле 1865 г. великий князь Александр Александрович стал цесаревичем, и к 1869 г. вокруг него сложился «скромный медный септет» из девяти человек[468].



Музыкальный вечер у А.Ф. Львова (квартет Вильегорских). *XIX в.*

В 1872 г. пожеланию цесаревича Александра Александровича было основано «Общество любителей духовой музыки», в то время оно называлось «Хор наследника цесаревича Александра Александровича». Цесаревич лично на протяжении 9 лет участвовал в его регулярных репетициях и концертах. К этому времени состав «Общества» расширился за счет офицеров лейб-гвардейского Егерского полка. Музицировали еженедельно, по четвергам. Оркестр был исключительно медный с прибавлением одного «контр-баса» (ротмистр Дмитрий Антонович Скалон) и турецкой музыки. Дирижировал помощник заведующего хором гвардии Беккель, позже его заменил Шрадер. Репертуар для любителей довольно сложный – Бетховен, Глинка, Шуман, Вагнер, Мейебер. Для усиления состава один раз пригласили «легионера» со стороны – профессионального американского музыканта-виртуоза, игравшего на корнете. Они отыграли вместе два месяца, за что американец получил на память весьма ценный перстень[469].

Надо заметить, что очень многие офицеры были заинтересованы войти в состав «Хора» наследника, поскольку это давало возможность личных, неформальных контактов с ним. Все хорошо понимали, что наследник рано или поздно станет императором и будет набирать свою «команду» из лично ему

известных людей. Не чурались «музыкальных контактов» и великие князья. Так, дядя цесаревича великий князь Николай Николаевич (Старший) несколько раз исполнял в оркестре цесаревича «партию маленького барабана», причем он «выбивал дробь отчетливо и красиво» на барабане, привезенном из Болгарии в 1877 г.

Периодически «Хор» концертировал, например, играли в Зимнем дворце для императрицы Марии Александровны. Один раз устроили большой концерт «для своих». Предполагалось, что это будут родные и близкие участников хора. Но в зале собралось до 250 человек. До последнего момента участники концерта не знали, приедет ли цесаревич. Александр Александрович приехал и вместе со всеми участниками выступал на сцене. Это – уже прецедент.

Столь многолетнее членство в «Хоре» в конце 1870-х гг. даже слегка формализовалось. По инициативе цесаревича придворный фотограф Левицкий сфотографировал всех членов кружка. Затем придворные ювелиры изготовили жетон для ношения с инициалами цесаревича и царской над ним короной. Внутри жетона помещалась миниатюрная фотография цесаревича[470].

Личное участие цесаревича в занятиях «Хора» продолжалось вплоть до марта 1881 г., когда после воцарения у Александра III уже не осталось ни времени, ни возможности для регулярных занятий музыкой[471].

Будущий Александр III не был чужд и пения. Мемуарист упоминает, как «великий князь, сидя рядом с бароном Владимиром Александровичем Фредериксом, очень твердым певцом, пел вместе с ним партию 2-го тенора»[472].

Александр III очень любил музыку П.И. Чайковского. Когда композитор лишился материальной поддержки своих покровителей, то именно Александр III поддержал его материально. Великому композитору назначили государственную пенсию в 3000 руб. в год, что равнялось годовому жалованью университетского ординарного профессора. Можно упомянуть и то, что П.И. Чайковский, в свою очередь, посвятил жене Александра III, любимой в России императрице Марии Федоровне, 12 романсов, некоторые из которых были на слова великого князя Константина Константиновича – «К. Р.».

О музыкальных пристрастиях Александра III подробно писал в мемуарах граф С.Д. Шереметев. Он вспоминал, что в один из вечеров в Гатчине они слушали Чайковского: «Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное. Государь пожелал повторения и слушал с видимым наслаждением, да и нельзя было иначе. Все разошлись несколько позднее

обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда все это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слушали его лебединую песнь.

Вообще он очень любил музыку, но без всяких предвзятых, партийных мыслей, без всякой претензии на музыкальность. Конечно, он восторгался Глинкой и знал многие его романсы. Особенно любил он «В крови горит огонь желанья». Рубинштейна он не переваривал как человека, его коробило его самомнение, его самодовольство и самоуверенность….К Балакиреву относился сочувственно и снисходительно – к его невменяемости. Римского-Корсакова ценил не только как композитора, а как знатока оркестровой части. Он многому восхищался у Вагнера и любил, когда его исполняли, но не терпел музыкальных завываний его поклонников… Церковную музыку очень любил, ценил Бортнянского, но предпочитал Львова за его задушевность. Любимая его Херувимская была Львова. Он назначил ее петь в день своей коронации…»[473].

Граф С.Д. Шереметев упоминает также, что Александр III был не прочь послушать и цыган, «когда они были хороши». Поскольку в естественной «среде обитания» цыган, т. е. в ресторанах, российские императоры их слушать не могли, то одну цыганку пригласили спеть в императорском Гатчинском дворце. Конечно, петь в парадных дворцовых залах для цыганки – совершенно неорганично, поэтому она волновалась, пела одна и, конечно, хуже обыкновенного. Однако Александр III остался ею доволен и щедро наградил певицу[474].

Александру III нравилась и легкая музыка, особенно вальсы Штрауса. Он следил за музыкальными новинками, но отзывы его всегда осторожны. Он никогда не судил по первому впечатлению. Примечательно, что в обычае семьи входило посещение «прогонов», или генеральных репетиций. Так, с «Пиковой дамой» Александр III впервые познакомился еще перед первым ее представлением. Эта опера ему понравилась.

Николая II, как и всех царских детей, учили играть на музыкальных инструментах. Он мог сносно играть на фортепиано, но делал это чрезвычайно редко. По воспоминаниям Маргарет Эггерт, Николай II лично не музицировал и не пел, хотя очень любил музыку и был в достаточной степени музыкально развит.

Младший брат царя великий князь Михаил Александрович в своем кабинете Гатчинского дворца хранил фисгармонию, клавишный духовой музыкальный инструмент с металлическими язычками, со многими регистрами и двумя ножными педалями,

которыми приводились в движение меха воздушного резервуара инструмента. Фактически это домашний орган. Сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна играла на скрипке. Ее учителем был первый скрипач в императорском оркестре Владислав Курнакович.

По своим музыкальным пристрастиям Николай II во многом унаследовал вкусы родителей. Он очень любил оперу[475] и церковную музыку. В отношении церковного пения Николай II отличался большим консерватизмом и предпочитал простое пение. Так же как и его отец, Николай II из композиторов любил более всего Бортнянского, Турчанинова, Львова, «к которым с детства привыкло его ухо. Произведения новых композиторов можно было исполнять при нем с большой опаской, рискуя получить замечание, а то и резкое выражение неудовольствия»[476].

Императрица Александра Федоровна, как и все девочки ее круга, в молодые годы получила добротное музыкальное образование. Ее учитель музыки, директор Дармштадтской оперы, высоко оценивал музыкальные дарования юной принцессы. Главным инструментом императрицы было фортепиано. Ее музыкальный вкус выражался в любви к Вагнеру[477].

Став императрицей, Александра Федоровна не оставила своих занятий музыкой. Более того, после 1905 г. императрица пригласила в Александровский дворец профессиональных педагогов. Она играла дуэты с пианистом профессором Кюндингером, тот приходил к ней каждую неделю на несколько часов. Брала уроки пения у профессора Н.А. Ирецкой из Консерватории. Видимо, эти занятия были связанны с желанием императрицы петь дуэты со своими подросшими дочерьми. Любопытно, что Николай II весьма скептически относился к музыкальным талантам своей жены и слушать ее пение не любил. Тем не менее периодически Николай II приходил на половину жены послушать, как она и Вырубова в четыре руки играли любимые им Пятую и Шестую симфонии Чайковского. Те, кто слышал игру императрицы, утверждали, что «Ее Величество была великолепной пианисткой и играла с удивительным подъемом»[478].

Александра Федоровна, по словам А.А. Вырубовой, обладала «чудесным контральто». Естественно, бывали и домашние концерты. С императрицей пели дуэтом баронесса Мария Штакельберг (в девичестве Каульбарс), сестры Танеевы, графиня Эмма Фредерике, а также «госпожа X и госпожа Z – две известные оперные певицы»[479]. Однако вскоре эти домашние концерты прекратились. Официальным предлогом стали проблемы с сердцем, они возникли у Александры Федоровны примерно в

1908 г.

Подрастающих дочерей в большой семье Николая II музыке учили фрейлины и мать. Уровень их музыкальной одаренности, естественно, разный. Так, по мнению очевидцев, старшая дочь, великая княжна Ольга Николаевна, была не только самой умной из всех сестер, но и самой музыкальной, «она могла на память сыграть любое услышанное ею музыкальное произведение», кроме этого, «она очень недурно пела меццо-сопрано»[480].

Примечательно, что, наряду с «академическими» музыкальными занятиями, в семье Николая II соседствовали вполне «народные» музыкальные пристрастия. Как это ни покажется странным, утонченная и рафинированная императрица Александра Федоровна любила простую трехструнную русскую балалайку. Как правило, балалаечников она слушала во время отдыха на императорской яхте «Штандарт», поскольку во дворце балалайку слушать было неловко. Фрейлина императрицы баронесса С.К. Буксгевден упоминает, что в Ливадии «после обеда иногда слушали игру балалаечного оркестра яхты или пение казаков эскорта»[481].

На яхте «Штандарт». Цесаревич Алексей с домброй. *Фото 1907 г.*

Рожок сигнальный с монограммой

Сохранилась редкая фотография цесаревича Алексея Николаевича, сделанная на борту императорской яхты «Штандарт» летом 1907 г., на ней трехлетний цесаревич в окружении юнг играет на балалайке. Надо признать, что это единственный известный случай, когда наследник российского престола не только научился, но и полюбил играть на истинно народном инструменте. Как музыкальный инструмент балалайка была совершенно не типична для аристократических гостиных, и тем не менее… В этой «музыкальной истории» удивительным образом совпали музыкальные предпочтения матери и сына, что бывает не столь уж и часто…

С игрой казаков-балалаечников Собственного конвоя императрица познакомилась еще в первый год жизни в России. А

после рождения второй дочери среди игрушек детей появились игрушечные балалайки из магазина Т.Н. Дойникова, что размещался на Казанской улице. В конце 1897 г. в этом магазине купили еще две игрушечные балалайки. Однако играть на балалайке в царской семье стали после того, как цесаревичу Алексею пошел третий год. Именно тогда сделали упомянутую фотографию.

Видимо, в выборе музыкального инструмента для цесаревича сошлось несколько причин. Это было и стремление «сделать» из цесаревича истинно русского монарха, и интерес императрицы к истинно русскому народному инструменту. Судя по воспоминаниям, «Алексей обладал превосходным музыкальным слухом и великолепно играл на балалайке».

Конечно же, у цесаревича имелись учителя, среди них называют генерал-майора Свиты Его Величества А.А. Ресина. Однако у генерала было не так много времени, поскольку он командовал Сводным полком, который охранял императорскую резиденцию в Царском Селе. Поэтому Ресин рекомендовал императрице в качестве учителя игры на балалайке для цесаревича надворного советника Александра Николаевича Зарубина. Сын генерал-лейтенанта, выпускник Императорского лицея, причисленный к Первому департаменту Сената, он как любитель играл в народном оркестре В.В. Андреева. С 15 марта по 4 мая 1916 г. он дал цесаревичу 12 уроков игры на балалайке[482].

Рожок сигнальный с изображением императорского герба. *И.Ф. Андерст. 1-я половина 1850-х гг.*

Дудка боцманская генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. *1854 г.*

Именно для этих уроков в апреле 1916 г. на «собственные средства» цесаревича в музыкальном магазине Лемберга куплена профессиональная балалайка за 25 руб. Вероятно, мальчик так увлекся игрой на этом инструменте, что хотел разделить увлечение со своими друзьями, кадетами Агаевым и Макаровым, им он на свои средства в августе 1916 г. купил две балалайки в футлярах, потратив на это 76 руб. Когда цесаревич переехал в Ставку к отцу в Могилев, то с собой он взял и балалайку.

Императрица Александра Федоровна не только всячески

поощряла музыкальное увлечение сына, но и включила в январе 1917 г. уроки игры на балалайке, два часа в неделю, в расписание занятий цесаревича. Эти занятия так и не начались, поскольку в конце февраля 1917 г. в Петрограде начались волнения, закончившиеся отречением Николая II 2 марта 1917 г. С этого времени «Его Императорское Высочество Наследник-Цесаревич» превратился просто в Алексея Николаевича Романова. Несмотря на все эти драматические события, Алексей не оставил увлечения балалайкой, и в списке вещей, взятых в августе 1917 г. царской семьей в Тобольск, значились и две балалайки.

Театр в жизни императорской семьи

Со времен московского царя Алексея Михайловича в придворный быт входит практика театрализованных действ. Общепризнанным является то, что придворный театр времен царя Алексея Михайловича стал одной из важных ступеней становления русского профессионального театра. В XVIII в. театр занял свое прочное место в дворянской культуре.

Члены императорской семьи регулярно посещали главные театральные сцены столицы. С посещением связывалось множество нюансов. Во-первых, к XIX в. отслеживание новинок театрального сезона стало прочной традицией в аристократической среде.

Александр II в Гатчинском театре. *Акварель М. Зичи*

Во-вторых, многие великие князья оказывали неформальное покровительство молодым актрисам и балеринам, что также стало неофициальной традицией. В-третьих, два петербургских театра получили имена императриц – Александры Федоровны и Марии Александровны, превратившись в императорские Александринский и Мариинский театры. Было создано специальное подразделение – Дирекция императорских театров в

структуре Министерства Императорского двора.

Когда семья императора выезжала в пригородные резиденции, то театральный сезон продолжался и там, только на различных летних площадках императорских резиденций. Так, во время пребывания в Царском Селе при Дворе постоянно два раза в неделю играли спектакли, состоявшие из одной русской и одной французской пьесы[483]. Граф С.Д. Шереметев упоминает, что в сезон 1863 г. «в Китайском театре давались спектакли, в Эрмитаже был прелестный бал….За ужином блюда подавались на машине, как в прошлом столетии»[484].

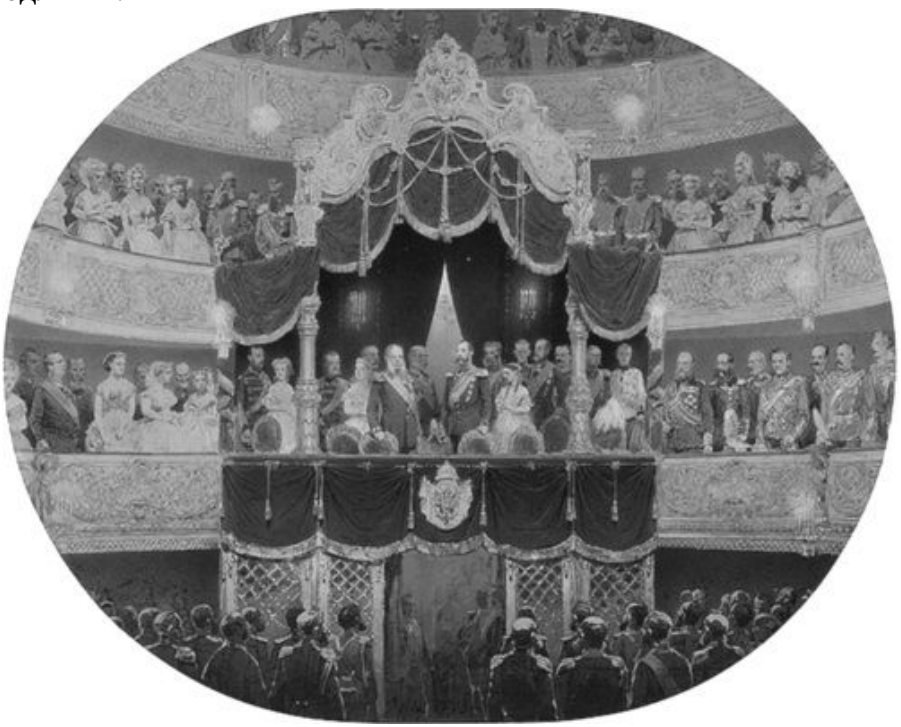
В Царском Селе кроме Китайского театра активно использовалась сцена в Большой зале Царскосельского дворца. Там дважды в неделю на сцене, устроенной еще при Николае I, давали спектакли артисты императорской русской и французской трупп. После спектакля все следовали на ужин[485].

Российские императоры хорошо знали и ценили своих артистов. Ценили в том смысле, что во время юбилейных бенефисов считали своим долгом прислать юбиляру дорогой подарок и по возможности почтить юбилейный спектакль своим присутствием. Кроме этого, артисты императорских театров получали достаточно высокое жалованье и могли при достаточной выслуге лет рассчитывать на достойную пенсию.

В дворянском кругу выступления профессиональных трупп на «домашних площадках» – дело обычное. Так было и в императорской семье. Иногда и монархи выходили на сцену во время профессиональных постановок. Конечно, это рассматривалось как вполне безобидная прихоть монарха. Даже грозный Николай I позволял себе такие экспромты. Один из ведущих актеров Николаевской эпохи П.А. Каратыгин, описывая в своих «Записках» представление водевиля «Ложи первого яруса» в Гатчинском дворце, писал: «Спектакль, говорят, прошел на славу, хотя был бесконечный, но к довершению эффекта государь, который во время второго акта сел нарочно сбоку, незаметно ушел за кулисы, накинул на себя серую шинель и явился на сцену квартальным надзирателем»[486].

Один из многолетних соратников Николая I барон Модест Корф упоминает в мемуарах, что в Гатчинском дворце приглашенные актеры играли две пьесы: «Ложа первого яруса» Каратыгина и французскую комедию. В последней император играл роль немца, которого сбил с ног русский купец. Корф подчеркивает, что пьесу с участием Николая I смотрели «в самом тесном кругу» зрителей – семья и пятеро ближайших сановников. Русскую пьесу играли для более широкого круга зрителей, но царь в ней не участвовал[487].

Надо заметить, что петербургская аристократия с пренебрежением относилась к русскому драматическому театру, предпочитая Михайловский «французский» театр. Эту моду задавала царская семья. Александринский театр был весьма посещаем, однако совершенно другой, разночинной публикой: «Фи, Александринский театр – для простых», «Туда никогда не ходят»[488].



Парадный спектакль в честь германского императора Вильгельма I в Михайловском театре. *Акварель М. Зичи. 1873 г.*

Как уже упоминалось, ни императрица Мария Александровна, ни император Александр II не были страстными любителями музыки. Поэтому посещение итальянской оперы являлось, по большей части, данью традиции и соблюдением привычных форм досуга членов Императорской фамилии. В 1865 г. Александр II писал жене: «Ты, не правда ли, удивишься, что я поехал в «Отелло»? Но главная тому причина та, что я хотел видеть детей и пить с ними чай, и, в конце концов, я действительно насладился музыкой»[489].

Детей Александра II с ранних лет приобщали к итальянской опере, которую они со временем оценили и полюбили. После посещения очередного оперного спектакля мальчики с удовольствием пели наизусть затверженные оперные мотивы[490].

Например, вечером 27 декабря 1861 г. великие князя Александр (16 лет) и Владимир (14 лет) в сопровождении своего главного воспитателя графа Б.А. Перовского отправились в театр смотреть «Севильского цирюльника»[491].

Юношей регулярно вывозили в театры. В дневнике их воспитателя встречается множество упоминаний о таких поездках: «В семь часов великие князья пошли к императрице и скоро вернулись оттуда, чтобы ехать в театр. В ложе была императрица, великий князь Константин Николаевич и фрейлина Тютчева» (29 декабря 1861 г.)[492].

Регулярное посещение театра – важная часть создания публичного образа монарха. Вместе с тем в театр монархи ходили прежде всего для того, чтобы получать удовольствие и отдыхать. Существовали некоторые светские условности, жестко соблюдаемые. Так, в императорских театрах были царские ложи. Аналогичные ложи существовали и в других театрах, которые часто посещались членами императорской семьи. Вместе с тем для мужской половины императорской семьи было совсем необязательно находиться именно в царской ложе. Так, М.Ф. Кшесинская упоминает, что на спектакле в январе 1892 г. «государь и наследник сидели в первом ряду, а императрица и великие княгини – в царской ложе»[493].

Торжественная и помпезная царская ложа занималась хозяевами в обязательном порядке во время официальных мероприятий. Но в повседневной жизни царственные зрители занимали те места, с которых им было удобнее наблюдать за разворачивающимся на сцене зрелищем. Фрейлина А.Ф. Тютчева, впервые сопровождавшая в театр цесаревну Марию Александровну в январе 1853 г., искренне удивилась тому, что ее «ввели в маленькую литерную ложу у самой сцены, в одном ряду с ложами бенуара»[494]. Видимо, для цесаревны Марии Александровны в первую очередь было важно сидеть в ложе «у самой сцены». Поэтому статусная и помпезная ложа часто пустовала, хотя в театре и присутствовали особы императорской фамилии.

Примечательно, что молодых великих князей, которых в обязательном порядке сопровождали их воспитатели, как правило, не сажали в царскую ложу. Для них резервировалась вполне достойная ложа, но несколько в стороне от их царственных родителей и свиты. Подобная практика восходила к традициям XVIII в., когда родители и дети держались достаточно далеко друг от друга, да и родителей только с трудом можно назвать родителями в современном понимании этого слова. Один из воспитателей упоминает: «Мы сидели в верхней ложе, в

нижней ложе был государь и другие члены царской фамилии»[495].

Также следует отметить, что к балетным спектаклям великих князей Александра и Владимира начали приобщать, начиная с 1862 г., когда Александру исполнилось 17 лет. Однако воспитатели великих князей считали, что балетные спектакли мальчикам смотреть еще рано («великим князьям еще рано ездить по балетам»), поскольку именно в эти годы балерины начали прочно занимать места дам полусвета не только в гвардейско-аристократической среде, но и привлекать пристальное внимание старшего поколения великих князей.

Александр III на всю жизнь сохранил любовь к театру и сумел передать ее своим детям. Примечательно, что с возрастом театральные пристрастия Александра III претерпели изменения. В отличие от своих родителей, Александр III особенно любил «русскую сцену и следил за нею»[496]. Следует подчеркнуть, что именно в период правления Александра III появляются негосударственные театры и формируются традиции русской реалистической театральной школы.

В последней четверти XIX в. российская балетная школа окончательно формируется. Этому в немалой степени способствовало то, что именно балет становиться «главным из искусств», как для членов Императорской фамилии, так и для петербургского высшего света. Преимущественно его мужской части. К этому времени балерины прочно входят в личную жизнь членов Императорской фамилии и это, отчасти, становиться традицией.

На период правления Александра III пришлись главные балетные премьеры П.И. Чайковского. Примечательно, что члены семьи Александра III посещали даже репетиции и генеральные прогоны новых балетных постановок на музыку П.И. Чайковского[497].

Способствовало подъему статуса балетной сцены и внимание Александра III к Императорскому балетному училищу. При этом императорская семья практически перестала посещать Смольный институт, что так любил делать Александр II. Именно во время выпускного концерта в 1890 г. за стол Александра III была приглашена одна из самых талантливых выпускниц балетного училища 17-летняя Матильда Феликсовна Кшесинская, чья судьба окажется тесно связанной с императорской семьей. Именно тогда юную балерину представили цесаревичу Николаю Александровичу.

Как правило, в императорских резиденциях по торжественным дням устраивалась то, что сейчас называют концертом. Конечно, составители концерта учитывали личные

вкусы монархов и повод, по которому и устраивался концерт. Например, 14 ноября 1896 г. в Аничковом дворце состоялся один из таких концертов, посвященных дню рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Согласно сведениям, почерпнутым из камер-фурьерского журнала, репертуар был составлен из произведений для струнного оркестра: «Арагонская охота» (Глинка), народная песня из «Скандинавской сюиты» (Гамерик), вальс цветов из балета «Щелкунчик» (Чайковский), пролог из оперы «Паяцы» (Леонковалло), марш «Привет Копенгагену» (Фарбах)[498].

Примечательно, что, несмотря на театральность императорской семьи, обер-прокурору Священного синода К.П. Победоносцеву, имевшему большое влияние на Александра III, удалось добиться полной отмены спектаклей в императорских театрах на период Великого поста[499].

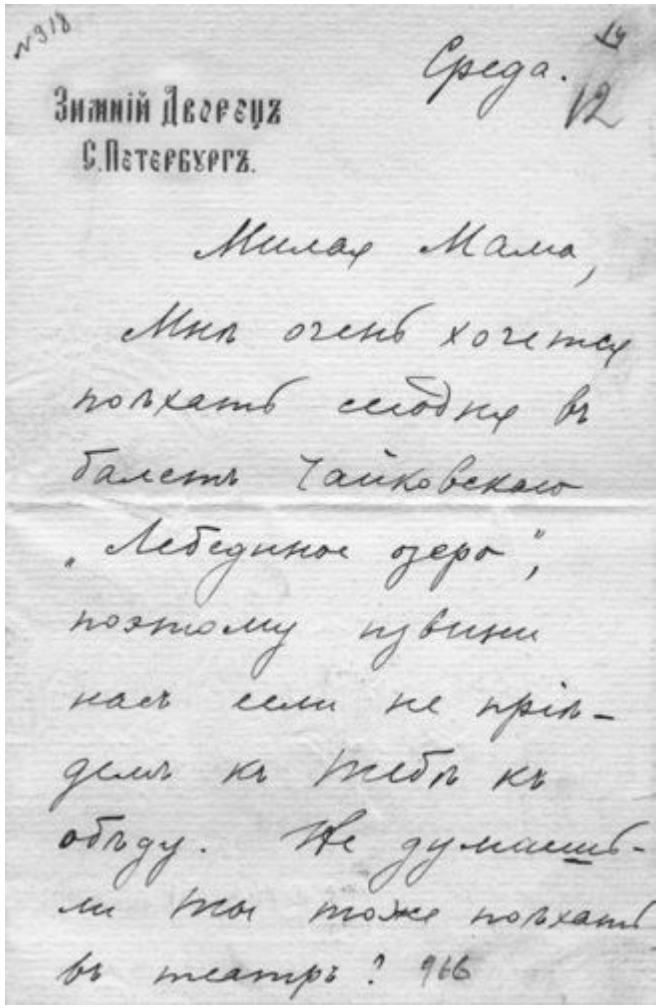
Поскольку в императорской семье сформировались прочные театральные традиции, то цесаревич Николай Александрович, а затем и император Николай II, стал заядлым театралом, чего нельзя сказать об императрице Александре Федоровне.

Сохранились записки Николая II к императрице-матери, написанные в 1896 г., в которых речь идет о театре: «Милая Мама! Извини, пожалуйста, за наше дерзкое бегство в театр. Но в $^{1}/_{2}$ восьмого дают Ревизора. Сандро[23] и Сергей очень звали туда. Я два раза старался попасть в него, но ни разу не удавалось»; «Милая Мама, мне очень хочется поехать сегодня в балет Чайковского «Лебединое озеро», поэтому извини нас, если не придем к тебе к обеду. Не думаешь ли ты тоже поехать в театр?».

Дневник Николая II позволяет в деталях определить место театра в повседневной жизни императора на протяжении длительного времени, понять его театральные предпочтения и то, что оставляло его равнодушным. В дневниковых записях за 1896 г., в первый год правления молодого императора, когда он еще не в полной мере ощутил груз, свалившийся на него после ранней смерти отца, «театральные» записи довольно часты. В январе 1896 г. он ходил в театр буквально через день, посетив 16 театральных постановок.

Милая Маша,

Будешь пожалуйста
какое дерзкое бюстье
в театре. Но вех ½
восьмого дают Ревизора
Сандро и Серый очень увле-
кают. Я два раза старался
попасть в него, но ни
разу не удавалось.


№ 918

Среда. 12

Зимний Дворецъ
С.Петербургъ.

Милая Мама,

Мне очень хочется
поехать сегодня в
балетъ Чайковского
„Лебединое озеро",
поэтому нувини
нас если не прiѣ-
демъ къ тебѣ къ
обѣду. Не думаешь-
ли ты тоже поѣхать
въ театръ? Ник

Записки Николая II к императрице Марии Федоровне

Анализ этого списка показывает, что 2 6-летний молодожен предпочитал оперу (6 посещений)[500], которую с удовольствием слушал в императорских театрах. Об опере Массне «Вертер» он отозвался: «Очень красиво, но трудно ознакомиться с первого разу». Об опере Направника «Дубровский» Николай II отозвался как о красивой вещи с отличной оркестровкой и чудными хорами. Слушая «Отелло» Верди, он отметил, что итальянские певцы Батистини и Таманьо пели великолепно. Оценивая оперу Вагнера «Тангейзер», ее он слушал в первый раз, император записал только одно слово: «Прелестно!». Через несколько дней Николай II впервые слушал «Аиду» Верди, но, видимо, впечатление оказалось не таким сильным, поскольку он ограничился только записью: «Очень хорошо».

Театральная программка спектакля в Петергофском Летнем театре в честь бракосочетания великого князя Александра Михайловича с великой княгиней Ксенией Александровной. *1894 г.*

Зато оперу П.И. Чайковского «Евгений Онегин» он слушал не единожды. Ее царь оценил очень высоко: «Пел старый настоящий состав – великолепно! Ничего не знаю лучше этой музыки». Примечательно, что молодая жена не всегда его сопровождала, но любимого «Евгения Онегина» они слушали вместе.

Вторую позицию по предпочтениям занимали легкие водевили во Французском театре (5 посещений)[501], о них царь только упоминал, что «отличная веселая пьеса» или «давали уморительную пьесу». Причем некоторые вещи ему нравились настолько, что он иногда смотрел один и тот же спектакль

дважды.

Третью позицию в шкале предпочтений занимал балет (4 посещения)[502]. Судя по отзывам, балетные постановки нравились ему далеко не все. Так, балет П.И. Чайковского «Лебединое озеро» он назвал «красивым, но скучным». Вместе с тем «Спящую красавицу» оценил очень высоко: «Как всегда, в нем наслаждался музыкой». Высоко отозвался о балете «Конек-Горбунок», его он смотрел впервые: «Постановка отличная, музыка старая и простая». Однако с бенефиса признанного мастера балета Петипа император ушел до окончания спектакля.

В феврале 1896 г. император посетил различные театры 12 раз. В этом месяце он отдал предпочтение Французскому театру, посетив его 5 раз[503]. В этом театре практиковалась последовательная постановка двух коротких веселых спектаклей. Причем спектакль «Conseil judiciaire» Николай II смотрел ранее в январе, но счел возможным посетить его еще раз и «хорошо посмеяться». Любопытно, что уже тогда у молодоженов выявились различные вкусовые пристрастия. Так, 28 февраля 1896 г. Николай II отвез жену в Немецкий театр, а сам предпочел с великими князьями Георгием и Владимиром Александровичами отправиться во Французский театр. Там они от души повеселились: «хохотали ужасно!» В этом месяце царь прослушал 4 оперы[504]. Еще раз послушал любимую «Спящую красавицу» и очень высоко оценил «Паяцев». Видимо, по просьбе жены Николай II дважды посетил Немецкий театр[505], но, судя по всему, ему больше нравился искрометный юмор французских пьес, которым он отдавал явное предпочтение. В феврале царь единственный раз без особых эмоций посетил Императорский Александринский театр[506].

Примечательно, что балет император смотрел только до Великого поста. Видимо, смотреть на балерин во время поста считалось грехом. 4 февраля 1896 г. он записал в дневнике: «Давали сборный спектакль, где все лучшие балерины, в последний раз перед постом, отличались со свойственным им умением».

В марте 1896 г. монарх отдал предпочтение репертуару Французского театра. В течение месяца Николай II посмотрел в нем 9 спектаклей[507]. «Очень смешной» спектакль «Ten Toupinel» он посетил дважды. Повторим, что вкусовые театральные предпочтения у супругов, проживших вместе лишь четыре месяца, обозначились уже вполне отчетливо. Так, 8 марта Николай II записал в дневнике, что после того как они поужинали вдвоем с женой, он поехал один в театр, так как пьесу играли очень легкую. В театре 26-летний царь много смеялся. Вероятно, 22-

летнюю Александру Федоровну, ее мало кто видел с улыбкой на лице, совершенно не устраивали веселые, скорее всего двусмысленные, французские пьесы. Из серьезных вещей царь послушал во второй раз «Аиду» и присутствовал в Мариинском театре на концерте для военных инвалидов.

Последним театральным петербургским месяцем 1896 г. стал апрель. Дела стали наваливаться более плотно. Кроме того, в завершающую стадию вступила подготовка к очень важному событию в жизни российского императора – коронация, ее планировали провести в мае 1896 г. Поэтому за месяц Николай II сумел вырваться в театр только 4 раза. Он в очередной раз прослушал «Дубровского», съездил в Михайловский театр, где посмотрел «отличную пьесу» «Через край». Затем посмотрел обязательную «Спящую красавицу» и завершил месяц посещением Французского театра.

После выматывающей коронации Николай II и Александра Федоровна полтора месяца прожили в селе Ильинском, подмосковном имении великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. Естественно, московская знать делала все, чтобы досуг императорской четы оказался насыщенным и разнообразным. Так, 1 июня императорская чета отправилась в Архангельское к князю Юсупову в его домашний театр. Для них приготовили постановку легендарной оперы «Лалла-Рук» с итальянкой-певицей Арнольдсон. После оперы смотрели фейерверк и ужинали. 6 июня вновь у Юсуповых слушали два акта «Севильского цирюльника» и 4-й акт из «Риголетто».

В июле-августе 1896 г. в Красном Селе проходили традиционные учения Гвардейского корпуса, и центр театральной жизни переместился туда. В офицерской среде Красносельских лагерей большим успехом пользовались легкие французские водевили.

Вторая половина 1896 г. оказалась занята первыми официальными визитами в европейские страны. Это отнимало много времени и так выматывало физически, что венценосным супругам было не до развлечений.

В последующие годы театральная жизнь императорской четы стала значительно скромнее. Императрица Александра Федоровна практически перестала посещать театры. Это связано как с рождением пятерых детей, так и с особенностями характера императрицы. Николай II по-прежнему старался выбраться в театры, однако дела и политическая ситуация в стране диктовали такой график, что театр постепенно ушел из жизни царя.

Если взять последний «спокойный» (на Дальнем Востоке уже

началась война с японцами) год, то в январе 1904 г. царь выбрался в театр восемь раз. Дважды послушал очень понравившуюся ему оперу «Gotter dammerung» («Наслаждались все вместе»). Из Александринского театра, после просмотра пьесы «Обыкновенная женщина», вернулся разочарованным, оценив ее «бессмысленной». Зато постановка во Французском театре, как обычно, понравилась. С удовольствием в очередной раз посмотрел «Спящую красавицу» («отлично, давно не видал»), В рамках традиционных январских празднеств «посмотрел весьма удачный» спектакль в Эрмитаже – сокращенный вариант «Мефистофеля», в котором пели Шаляпин и Собинов. Потом был опять Французский театр. Закончился январь просмотром «Русалки». В этот день царь узнал о нападении японцев на Порт-Артур. Началась Русско-японская война, и публичное посещение театров прекратилось. Развлечения начали носить камерный, семейный характер.

Потом произошла революция. За период с 1905 по 1907 г. Николай посетил Петербург только 4 раза, проводя все время в пригородных резиденциях. После стабилизации положения в стране Николай II возобновил посещения театров. Этот факт немедленно заметили в высшем свете и расценили как окончательное подавление революционного террора. Одна из мемуаристок отметила, что Николай II, посетивший 12 декабря 1910 г. театр по случаю 50-летнего юбилея одного из артистов (Гердта), «6 лет не был в театре». Она также добавила, что «царь собирается часто бывать в театре» и что «пока еще возможно ездить, но с конца января и начала февраля эти посещения будут опасны. По всему видно, что снова смутное время надвигается»[508].

В это время постоянными спутницами Николая II становятся его старшие дочери. Так, две старшие дочери сопровождали царя во время его визита в Киев, и 1 сентября 1911 г. они присутствовали на торжественном исполнении «Сказки о царе Салтане» в Киевском оперном театре. Правда, представление закончилось гибелью премьер-министра П.А. Столыпина, застреленного террористом буквально на глазах царя.

Накануне и во время подготовки торжеств, связанных с 300-летием династии, Николай II возобновляет визиты в Петербург. По сути, это был его последний театральный сезон, продолжавшийся два месяца. В январе 1913 г. вместе со всеми дочерьми царь посмотрел «Конька-Горбунка» в новой постановке. Всем очень понравилось. Со старшими дочерьми в Мариинском театре слушал «красивую оперу» Пуччини «M-me Butterfly». С дочерьми наслаждался А. Павловой в «Дон Кихоте», она

«танцевала на славу». Со старшими дочерьми удачно посетил Александринский театр, посмотрев «интересную пьесу» «Ассамблея». Не чуждался царь и театральных новинок. Так, он достаточно высоко оценил оперу Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже и деве Февронии». Театральную новинку царь слушал со старшими дочерьми, оценив произведение как «интересную вещь, музыка трудная, но красивая. Мне она понравилась». Для такого искушенного театрала, как Николай II, оценка весьма высокая, поскольку он был скуп на подобные эмоциональные оценки.

Складывается такое впечатление, что Николай II в январе и феврале 1913 г. наслаждался давно знакомыми постановками, их он смотрел и слушал много раз. Наслаждался тем, что может разделить радость от увиденного со своими старшими дочерьми. Тем, что может вновь посещать театры, а не сидеть узником в пригородных резиденциях, окруженных многочисленной охраной. Следует отметить, что возобновление «театральной жизни» диктовалось не столько личными желаниями царя, сколько политической необходимостью. Накануне 300-летия династии Николай Романов должен был продемонстрировать политическую стабильность страны, в том числе и тем, что он может в любое время посетить любую точку своей Империи. В том числе и театр. Царь активно демонстрировал себя подданным.

В феврале 1913 г. с дочерьми смотрел балет «Дочь фараона», в нем А. Павлова «дивно танцевала». Затем был «чудный» «Лоэнгрин», где он наслаждался «дивной музыкой». В Царском Селе в помещении Китайского театра смотрел спектакль «нестатусной» труппы «Кривое Зеркало», при этом все «много хохотали».

Накануне юбилейных торжеств начались спектакли, входившие в праздничную «тематическую» программу. Так, 22 февраля 1913 г. с женой и старшей дочерью Николай II поехал в Мариинский театр на парадный спектакль «Жизнь за Царя». На постановке такого уровня, конечно, «было очень красиво», но, тем не менее, «Алике уехала после первого действия». Надо заметить, что императрица откровенно пренебрегала выполнением своих представительских «должностных обязанностей», уехав в такой день со спектакля. После этих празднеств Николай II только один раз в августе 1913 г. выбрался в театр, послушать оперу. В одиночестве.

Любительские спектакли

Наряду с посещением профессиональных театров у членов императорской семьи находилось время и для любительских постановок на домашней сцене «для своих». Вообще домашние спектакли были общей дворянской[509] традицией, устойчиво сохранявшейся вплоть до 1917 г. Естественно, самое активное участие в этих спектаклях принимала молодежь. Распределялись роли, учились тексты, готовились костюмы, и после двух-трех прогонов спектакль выставлялся на суд публики. Отметим, что у молодых «актеров» уже имелся некоторый сценический опыт, поскольку дети в императорской семье участвовали в любительских спектаклях с малых лет. Например, зимой 1864 г. семилетний великий князь Сергей и четырехлетний Павел Александровичи играли первый в жизни спектакль для императрицы Марии Александровны. Домашний театр устроили в пустых комнатах нижнего этажа виллы Пельон в Ницце. Граф А.А. Бобринский для детей написал пьесу на французском языке «La mansarde du Crim»[510].

Конечно, публика была весьма лояльна, поскольку на сцене «блистали» хорошо известные им люди: родственники и друзья. Пьесы, как правило, отбирались комические, и публика охотно смеялась. Но кроме комедий ставились театральная классика и сложные драматические произведения.

Среди Романовых выявилось достаточно много талантливых актеров-любителей. Так, Государственный секретарь А.А. Половцев неоднократно отмечал театральный талант младшего сына Александра II великого князя Павла Александровича. В оценке весьма критически настроенного сановника талант Павла Александровича признается некой «константой». Например, описывая спектакль, данный в Мраморном дворце у великой княгини Александры Иосифовны 17 февраля 1886 г., он упоминает, что «великий князь Павел Александрович играет роль первого любовника в изумительном совершенстве.

Дмитрий Константинович недурен в комической роли. Константин Константинович слабее. Дамы плохи»[511]. Через несколько лет, будучи вновь на спектакле в Мраморном дворце (14 февраля 1889 г.), он отметил: «По обыкновению великий князь Павел Александрович играет превосходно, остальные весьма плохи»[512]. Под остальными Половцев имел в виду и признанного «актера» великого князя Константина Константиновича.

Великий князь Константин Константинович в костюме Гамлета

Об этих любительских спектаклях есть упоминания в дневниках и мемуарах. Во второй половине XIX в некоторые эпизоды из театральных постановок зарисовали придворные художники и запечатлели фотографы.

Наброски эскизов костюмов персонажей трагедии о Гамлете в переводе вел. князя Константина Константиновича. *Гатчина. М. Зичи. 1899 г.*

Император Александр II в Арсенальном зале. *Гатчина. М. Зичи. 1859 г.*

Великие княжны Анастасия и Татьяна. *Ливадия*

В 1859 г. в Гатчинском дворце серию акварельных зарисовок сделал начинающий придворный художник М. Зичи. Судя по его акварелям, любительские спектакли занимали важное место в досуге императорской семьи. 24 октября 1859 г. на сцене Арсенального Гатчинского дворца блистали молодые фрейлины княжна А.Н. Трубецкая и княжна А.С. Долгорукова. Придворный художник в деталях зарисовал всех участников спектакля и публику, стоявшую у сцены. 28 октября 1859 г. на той же сцене разыграли комедию «Булочная», в которой приняли участие три сына Николая I: великие князья Константин, Николай и Михаил.

Молодые великие княжны и фрейлины во всем блеске молодости охотно выходили на любительские театральные подмостки. Однако в связи с замужеством число претенденток на возрастные женские роли в любительских спектаклях катастрофически убывало. Это по-человечески вполне понятно, но были и известные дамы, начинавшие без особых комплексов играть возрастные роли. К их числу можно отнести одну из дочерей фельдмаршала Паскевича-Эриванского: «Домашний спектакль у кн. Паскевич. Княгиня после десятилетнего перерыва снова на сцене и теперь в старушечьей роли»[513].

Когда подросли сыновья у Александра II, то их тоже вовлекли в постановки любительских, домашних спектаклей. И все происходило «по-взрослому». Так, при постановке спектакля в апреле 1875 г., подготовленного сыновьями для императрицы

Марии Александровны, состоялась генеральная репетиция, «актеры», естественно, переживали («Ужасно страшно! К счастью, все хорошо удалось! Арлекинада – отлично. Толпа народа, ужасно»). Известный скульптор барон П.К. Клодт, по совместительству учитель рисования великого князя Сергея Александровича, подготовил афиши для спектакля («Две афишки, сделанные бароном Клодтом, прелестны»)[514].

Сценки из спектакля «Булочная». *Гатчина. М. Зичи. 1859 г.*

Сценки из спектакля «Меценат». *Гатчина. М. Зичи. 1859 г.*

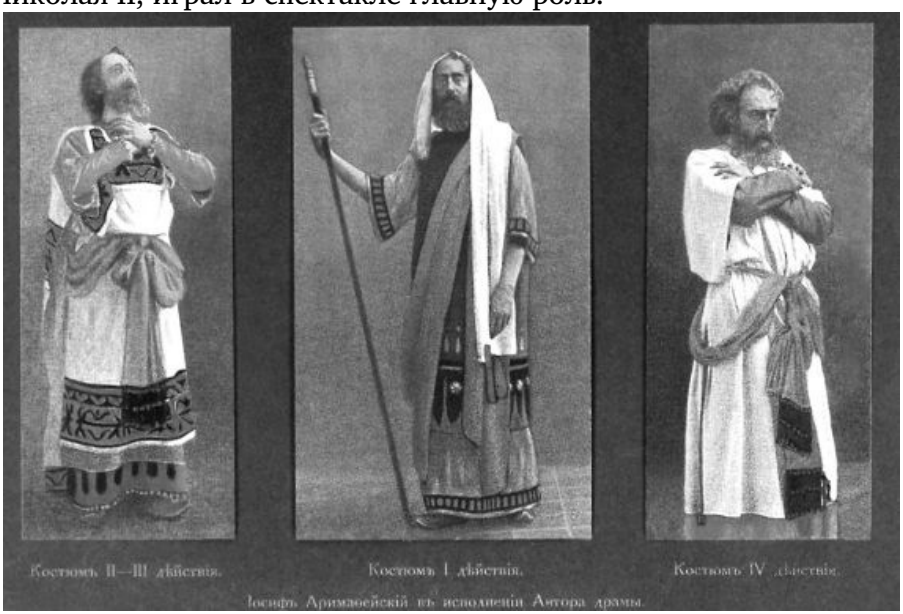
Примечательно, что в домашних спектаклях наряду с любителями участвовали и профессиональные актеры, своей игрой они прочно «сшивали» рыхлый любительский спектакль. В январе 1876 г. великий князь Сергей Александрович после обычных эмоций («Эмоции ужасные, страдание. Все великолепно удалось!!! Счастье! Папа и Мама очень довольны. Все нам комплименты говорили, более или менее искренние») упоминает, что после спектакля состоялся «ужин с актерами»[515].

В октябре 1878 г. в Ливадийском дворце поставили сцены из комедии «Ревизор». Судя по сохранившейся фотографии, главные роли достались молодым великим князьям, младшим сыновьям Александра II. Хлестакова играл великий князь Сергей Александрович. Его младший брат Павел Александрович также играл одну из главных ролей. Остальные роли играли флигель-адъютанты и ближайшее окружение императорской семьи[516].

Николай II, будучи еще цесаревичем, принял участие в таком любительском спектакле в феврале 1890 г. Цесаревичу тогда шел 23-й год. Жена великого князя Сергея Александровича, Елизавета Федоровна (цесаревич называл ее тогда тетей Эллой), выступила в качестве режиссера при постановке пьесы по «Евгению

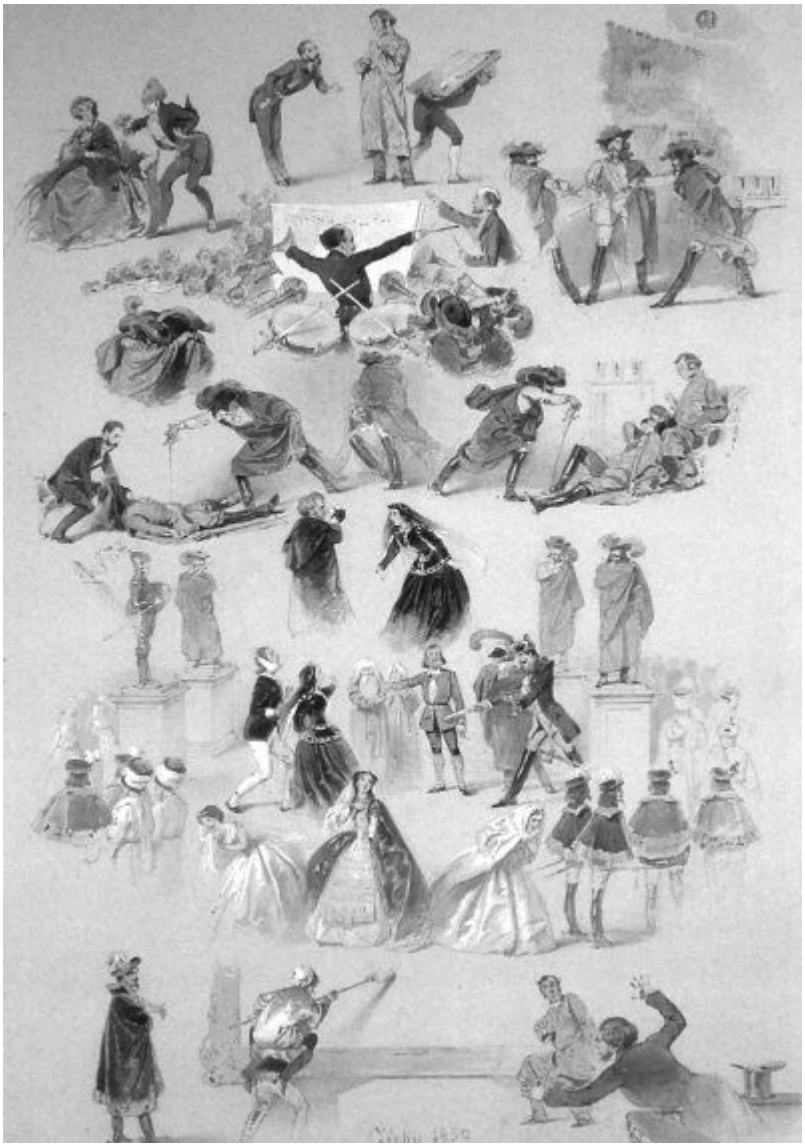
Онегину». Цесаревичу, конечно, досталась одна из главных ролей. В своем дневнике будущий император отметил основные этапы подготовки пьесы: 13 февраля – «Начал разучивать свою маленькую роль из Евгения Онегина, для крошечного спектакля т. Эллы»[517]; 23 февраля состоялась первая репетиция на сцене; 24 февраля – прогон, поскольку «репетиция шла два часа»; 25 февраля репетиция состоялась в костюмах; и, наконец, 27 февраля 1890 г. состоялся сам спектакль: «Спектакль с нашими двумя сценами с тетенькой прошел удачно». Видимо, спектакль так хорошо приняли, что его повторили на следующий день. 3 марта 1890 г. цесаревич записал в дневнике: «Возня с Евгением Онегиным окончилась сегодня тем, что я поехал к Бергамаско и снялся в обоих костюмах с Татьяной во многих положениях». Эти снимки 22-летнего Николая II сохранились.

Своеобразным пиком любительских спектаклей, фактически вышедших на профессиональный уровень, стала постановка «Гамлета» на сцене Эрмитажного театра в 1899 г. Великий князь Константин Константинович Романов не только перевел[518] «Гамлета» на русский язык, но и, с разрешения своего племянника Николая II, играл в спектакле главную роль.



Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа в драме «Царь Иудейский»

Этому любительскому спектаклю придавалось государственное звучание, поэтому на постановку «Гамлета» были потрачены значительные суммы из личных средств Николая II.

Офелию играла дочь графини М.Э. Клейнмихель. Роли второго плана исполняли офицеры гвардейских полков. Даже пажи датской королевы были настоящими пажами, сыновьями лучших русских фамилий. Императрица Александра Федоровна регулярно посещала репетиции: «Всегда холодная и равнодушная, она, казалось, была только тем занята, чтоб в шекспировском тексте не было ничего, могущего показаться ей оскорбительным»[519]. Современники отмечали роскошь любительской постановки. Спектакль на дворцовой «площадке» повторили три раза. Первый раз для – Императорского двора и дипкорпуса, второй раз – для родственников исполнителей и третий раз – для артистов императорских театров (русского, французского и итальянского).

Сценки из домашних спектаклей. *Гатчина. М. Зичи. 1859 г.*

В 1904 г. Николай II с большим удовольствием посмотрел еще два любительских спектакля. 20 января 1904 г. Николай II и Александра Федоровна семейно посетили молодоженов – младшую сестру царя Ольгу и принца Петра Ольденбургского и там посмотрели любительский спектакль, в котором играли Ольга, Петр и младший брат царя Михаил: «Играли совсем хорошо и весьма дружно». В ноябре 1904 г. дети Николая II устроили для родителей сюрприз, разыграв «в лицах и надлежащих нарядах» пьесу «Стрекоза и муравей».

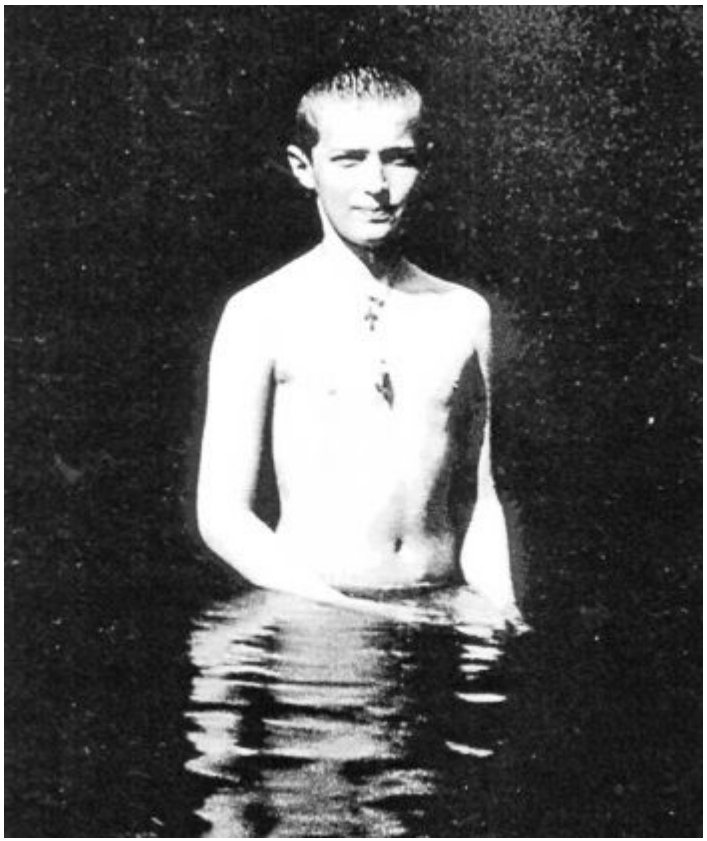
Летние купания

Летом цари, как и все их подданные, купались. С большим удовольствием. Купались, как правило, в Петергофе, где проводились самые жаркие летние месяцы. Известно, что еще в XVIII в. в Петергофе, при Екатерине II, на Менажерийном пруду устроили императорскую купальню. В закрытом со всех сторон павильоне устроили специальные ниши для раздевания. Небольшой пруд украшали 16 фонтанирующих дельфинчиков и фонтан «Солнце». Купальню построили достаточно большой – 29 м по наружному краю бортов и 27,5 м по внутреннему. Примечательно, что фонтан «Солнце» использовался не только для декора купальни, но и для совершенно утилитарных нужд. В 1772–1774 гг. он одновременно служил и водометом императорской кухни. Эта купальня просуществовала более 150 лет, разобрали ее только в 1925 г.[520]

Тем не менее, купание оставалось достаточно редкой формой отдыха в императорской семье вплоть до начала XX в. Купались, конечно, по очереди. Пуританский XIX в. не приветствовал совместных купаний. Купались «в исподнем» или нагишом. Хотя в мемуарной литературе есть упоминания, что жена Александра III императрица Мария Федоровна в молодые годы могла купаться в гатчинских прудах в неглиже, но это, видимо, было исключением из правил, чем обычной практикой. Судя по фотографиям, только в конце XIX в. в царской семье стали использовать специальные купальные костюмы.

На Черное море царская семья начала регулярно выезжать с 1862 г. Местом пребывания царской семьи на крымском побережье стала резиденция Ливадия, расположенная поблизости от Ялты. Уже к 1866 г. на берегу моря выстроили здание купальни для императрицы Марии Александровны. Императрица из-за больных легких могла позволить себе морские ванны только в специальном закрытом помещении[521].

Император Николай II со старшими дочерьми. *Петергоф*



Цесаревич Алексей в пруду Александровского парка. *Июнь 1914 г.*

В 1866 г. младшие сыновья Александра II – девятилетний Сергей и шестилетний Павел с огромным удовольствием купались в море, конечно, под бдительным присмотром. Для детей непосредственно в море усроили купальню, практически без изменений она просуществовала до 1917 г. Последними в этой «морской» купальне плескались дети Николая II. Воспитатель девятилетнего великого князя Сергея Александровича описывал в дневнике «морскую» купальню следующим образом: «Купальня устроена весьма удобно: она состоит из довольно большого пространства, обколоченного редкими сваями, обтянутыми полотном; в купальне двигается по рельсам весьма красивая будка, в которой одеваются; когда волнение сильно, то для великих князей приготовляют ванны на открытом воздухе близ моря, а в случае сильного ветра – в здании ванны Ее Величества»[522].

Морские купания маленьких мальчиков справедливо рассматривались как оздоравливающие процедуры – «ванны», им велся строгий учет. В бархатный сезон 1866 г. великий князь Сергей Александрович «взял» всего 46 ванн, а его младший брат Павел Александрович – 40 ванн[523].

Примечательно, что за купающимися царскими детьми, даже за взрослыми, внимательно следили. Так, летом 1875 г., когда 18-летний великий князь Сергей Александрович купался в Финском заливе, то рядом с ним в воде в обязательном порядке находился его «военный дядька» матрос Андреев[524].

Николай II, Александра Федоровна и Ольга Александровна. *Ливадия. Фото 1913 г.*

Император Николай II с Ольгой Александровной. *Ливадия. Фото 1913 г.*

Анастасия на берегу Черного моря

Мария Федоровна с Ксенией на берегу моря. *Фото 1883–1885 гг.*

А.Е. Деревенько, Алексей, Мария и Анастасия на берегу Черного моря

Когда в 1909 г., после четырехлетней изоляции в пригородных резиденциях Петербурга, Николай II с семьей отправился на Черное море в любимую Ливадию, то для девочек в Английском магазине приобрели все необходимые купальные принадлежности. С июля 1909 г. по 14 января 1910 г. там только

для Марии Николаевны купили: две пары купальных туфель по 2 руб., купальную шапочку за 1 руб. 25 коп. и купальный костюм за 17 руб. Как свидетельствуют фотографии, купальные костюмы у девочек были одинаковой, стандартной расцветки в горизонтальную полоску, цветов «тельняшки». Если не считать характерных для того времени закрытых купальных костюмов, тот же самый набор вещей мы покупаем сегодня, отправляя своих детей в бассейн или на море.

В Ливадии Николай II постоянно купался в море. Судя по фотографиям, царская купальня оборудовалась довольно просто: на галечном берегу разбивалась палатка для переодевания, от палатки к морю разворачивался веревочный мат, чтобы камешки не кололи ноги, в море уходил канат, за который можно держаться при волне.

Царские дочери в Ливадии пользовались своей купальней, оставшейся еще со времен императрицы Марии Александровны. К деревянным мосткам, уходившим в море, пристроили со всех сторон экраны из парусины. В огороженное пространство, обтянутое канатами, спускалась лестница с широкими деревянными ступеньками. То есть с точки зрения безопасности и морали все условности соблюдались. За купающимися девочками присматривал матрос А.Е. Деревенько. Сохранилось несколько фотографий купающихся царских дочерей рядом с А.А. Вырубовой. Александра Федоровна в Черном море категорически не купалась. Судя по тому, что Николай II упоминает в дневнике «бассейн перед домом», то именно там она с младшими дочерьми принимала морские ванны.

У императорской семьи было еще одно «море» для отдыха – Финский залив. Николай II в дневниковых записях называет залив без всяких кавычек морем. Так, 6 июня 1905 г., он записал в дневнике: «Днем баловались с детьми в море, они барахтались и возились в воде. Затем в первый раз купался в море при 14 $^1/_4$ – низкая температ., но зато освежительная». Николай II купался при первой возможности, если выпадало «окно» в рабочем графике. Детям позволяли «купаться в море перед домом». Александра Федоровна могла себе позволить только «ходить с детьми в воде».

Каждый факт купания Николай II прилежно фиксировал в дневнике. 28 июня 1906 г.: «Купался в море в первый раз – и в воде было 20˚»; 30 июня 1906 г.: «Купались вместе в море; в воде было 18˚, а в тени 21˚»; 1 июля 1906 г.: «Купались вместе в море». Что касается упоминания о «совместных» купаниях, то имеются в виду дочери, но не жена. Александра Федоровна купалась в Финском заливе считаные разы (в начале своей супружеской

жизни).

Купались и в Балтийском море. В 1860—1870-х гг. царских детей вывозили на морские купания в Гапсалу (сейчас Хаапсала в Эстонии). При Николае II купались в финляндских шхерах.

Сутки перехода на «Штандарте» от Петергофа, и царская семья оказывалась среди живописных островов в финляндских шхерах. Песчаные пляжи на островах были совершенно необорудованными, но это нисколько не мешало царю с адъютантами купаться. Даже в неглиже. В холодной воде купался и Алексей с сестрами. Александра Федоровна позволяла себе только прогулки на лодках по островам.

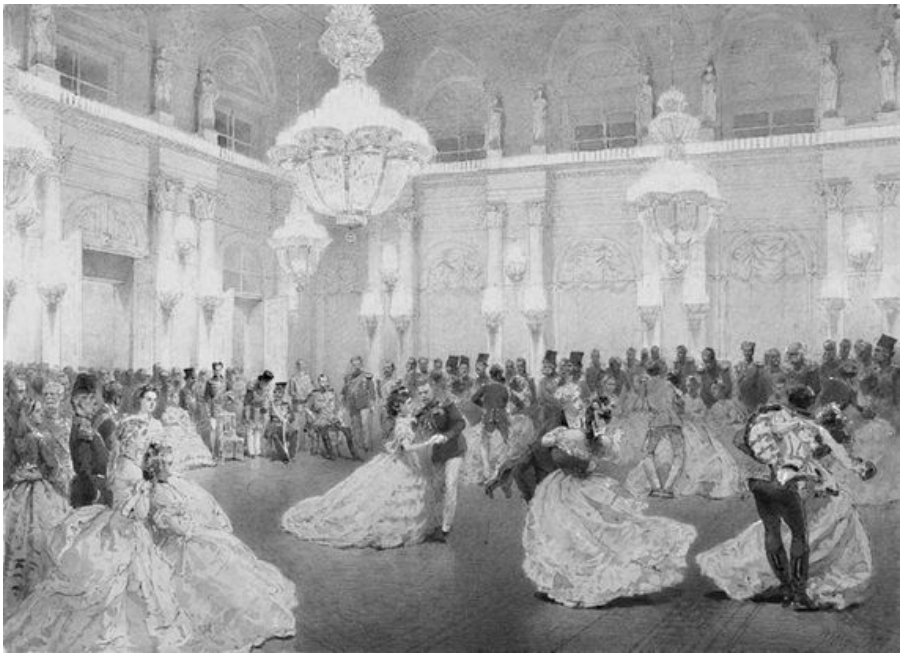
Балы в императорских дворцах

В жизни Императорского двора балы оказывались ближе всего к официальным торжественным церемониям, поскольку они занимали промежуточное положение между торжественными высочайшими выходами и неформальными развлечениями высшего света с участием членов императорской фамилии.

Схема бала (как и поведение участников) строго регламентировалась, начиная от официальных и неофициальных правил поведения. Это распространялось и на «форму одежды» для мужчин и женщин – участников бала. Существовал устоявшийся график проведения балов, по крайней мере «больших», традиционно проходивших в Зимнем дворце. Традиционные балы проходили в зимний сезон, начинаясь с Рождества и продолжаясь до начала Великого поста.

Существовали устоявшиеся «форматы» зимних императорских балов. Во-первых, это Большой бал в Николаевском зале Зимнего дворца, или, как его называли, «Большой бал Николаевской залы». На этом балу собиралась вся родовая, военная и бюрократическая аристократия Петербурга. То был официальный бал, для приглашения на него главным основанием служила «Табель о рангах».

Во-вторых, Средний бал в Концертном зале Зимнего дворца. На этот бал отбор публики происходил более жестко и, как правило, то была так называемая «трехклассная аристократия», то есть лица, занимавшие в «Табели о рангах» первые три классные должности. Однако на этот бал могли приглашаться и лица, не входившие в должностную иерархию, но лично близкие, по тем или иным причинам, к членам императорской фамилии.



Бал в Концертном зале Зимнего дворца во время официального визита шаха в мае 1873 г. *М. Зичи. 1874 г.*

В-третьих, Малые балы в Эрмитаже. Традиция балов этого «формата» сложилась в первой половине 1860-х гг., когда старший сын Александра II, цесаревич Николай Александрович, начал выходить в свет. Собственно, и зала, где проходили Малые балы, располагалась на половине наследника, в так называемом Шепелевском дворце. Как правило, по числу приглашенных это был весьма немноголюдный бал. Поэтому сам факт приглашения на него являлся прямым свидетельством принадлежности к сливкам петербургской аристократии. Этому балу придавало особое звучание и обязательное присутствие на нем дипломатического корпуса. В целом «схема» Малого бала оставалась традиционной. Главное занятие и событие для приглашенных, конечно, танцы. Для тех, кто не танцевал, в Эрмитажной галерее размещали целую вереницу зеленых карточных столов. Танцы прерывались обязательным ужином. С.Д. Шереметев, описывая Эрмитажный бал, состоявшийся 12 февраля 1887 г., вспоминал: «Когда наступило время, оркестр заиграл марш, и шествие двинулось к ужину. Впереди обер-гофмаршал князь С.Н. Трубецкой выступает испанским шагом. За ним царская чета просто и приветливо раскланивается по сторонам»[525]. После ужина некоторое время продолжались танцы, а затем гости «нестройною толпою повалили все с лестницы, и

начался разъезд»[526].

Серия январско-февральских балов, когда все представители императорской семьи активно развлекались, вызывала даже некоторое раздражение. Одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) писала о своей «хозяйке»: «Набесновавшись вдоволь в мясоед и на масляной, императрица ездила на экзамены Екатерининского института… и слушала со вниманием»[527].

Традиция «бешеных» зимних балов сохранялась вплоть до конца XIX в. Когда в начале 1900-х гг., при Николае II, эту традицию постепенно «свернули», многие старики с ностальгией вспоминали бальные беснования своей молодости. Январские записи (1877 г.) в дневнике 20-летнего великого князя Сергея Александровича достоверно фиксируют эти настроения: «Вечером очень веселый… у Саши (будущего Александра III, тогда цесаревича. – *И. З.),* как всегда, очень весело и плясали у-у-ух как!»; «Котильон был бешеный! С ума сходили….Кружились, бесились без конца. Под конец бегали и в изнеможении падали на стулья, чтобы через несколько времени снова скакать по зале. Я раз двадцать пропотел; платки были мокрые тряпки. Кончили после 4-х часов утра…»[528].

Наряду с «зимними» балами проводились и «летние». После того как в мае Императорский двор переезжал в Царское Село, там в парадных залах Большого Екатерининского дворца организовывалось несколько балов. Эти балы производили оглушающее впечатление на «новичков» и благодаря гению Растрелли, и благодаря составу участвующих в этих балах. Молодой граф С.Д. Шереметев, принадлежавший к «золотой молодежи» 1860-х гг., спустя много лет вспоминал: «В первый раз видел я Большой Царскосельский дворец во всем блеске бала. Танцевали в Большой зале, а в проходной галерее накрыт был ужин на бесчисленное число гостей. Сияли деревянные колонны с позолотой, перевитые гирляндами во вкусе прошлого века, горели огнями. Тогда еще никто не помышлял об электрическом освещении, и горели бесчисленные свечи, как бывало во времена Екатерины. Чудное было зрелище, которое нельзя забыть…»[529].

Бал в Зимнем дворце. *С. Шамот. 1884 г.*

Перечисленные «форматы» балов носили обязательно-ритуальный характер. Периодичность их проведения не зависела от желания или нежелания государя. Это была традиция, важность и значение которой признавалось всеми: «Это предание, которое не следует забывать, и балы по-прежнему продолжались: Концертные, Эрмитажные, Аничковские»[530].

Наряду с перечисленными официальными балами происходили и более камерные, со временем они также стали приобретать почти статусный, официальный характер. Самыми камерными балами зимних сезонов считались домашние балы императорской семьи. Традицию камерных домашних балов «для своих» заложила еще в XVIII в. Екатериной II. В XIX в. эту традицию подхватил Николай I, он начал проводить так называемые Аничковские балы. Новую традицию продолжил Александр III. В период его правления Аничковские балы стали почти обязательной частью великосветского зимнего сезона большого петербургского света. Число домашних балов строго не устанавливалось и зависело от множества причин. В «хорошие» годы их проходило несколько. Главной их особенностью было то, что на такие балы приглашались люди лично приятные императорской семье или входящие в «ближний круг» семьи. Соответственно, эти балы «отличались немноголюдством и

носили несколько домашний, семейный характер. Не танцующих было немного»[531].

Для детей аристократии проводились детские балы. Родители, как правило, на этих детских балах не присутствовали. За детьми следили воспитатели. Однако были и особые, статусные детские балы. Так, 16 апреля 1851 г. состоялся первый детский бал в Дворянском собрании для старших сыновей цесаревича Александра Николаевича – великих князей Николая и Александра Александровичей. Причем первому было 8, а второму только 6 лет. На этом балу присутствовала вся императорская семья[532].

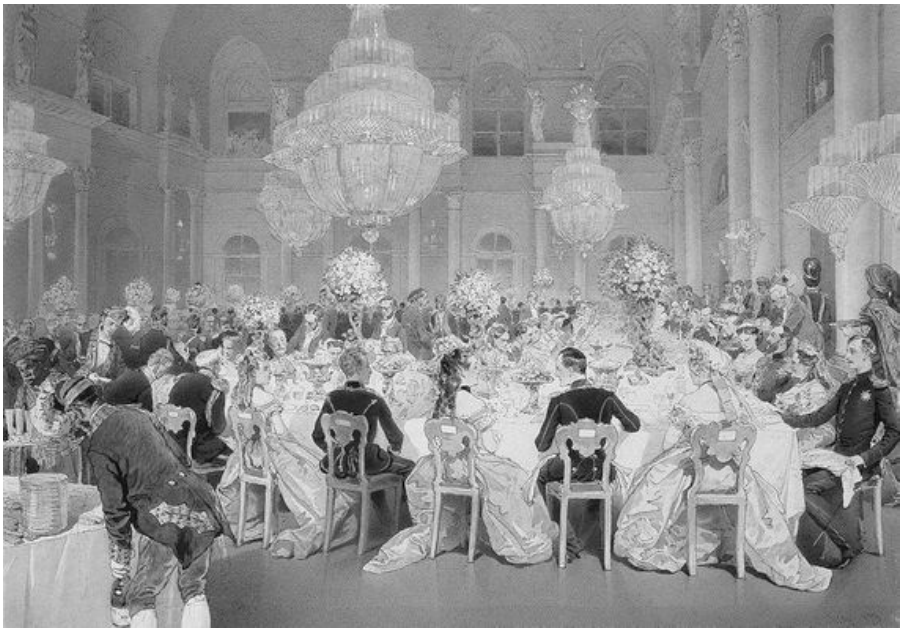
Члены Императорской фамилии посещали многочисленные балы и танцевальные вечера в домах и дворцах петербургской аристократии, в Дворянском собрании, в женских институтах. Говоря о многочисленных балах, следует иметь в виду, что существовала неофициальная регламентация балов, которые было принято или не принято посещать членам разраставшейся императорской фамилии. Это была весьма тонкая градация, и периодически, в силу характера и темперамента, совершались «ошибки», так, в марте 1891 г. Александр III счел необходимым сделать выговор великим княгиням «женам Владимира и Павла, что были на балах у Пистолькорс и Гартунг, сказал им, что скоро они поедут к бранд-майору»[533].

Традиционные январско-февральские большие и малые императорские балы на масленицу завершались последним балом перед началом Великого поста. Окончание последнего бала перед началом Великого поста являлось своеобразным ритуалом, что неоднократно зафиксировано современниками. При Николае I в воскресенье перед постом на масленице, ровно в 12 ночи, трубач трубил отбой, и по желанию Николая I танцы прекращались, даже если труба звучала среди фигуры котильона[534].

Традиция существовала вплоть до конца XIX в. 26 февраля 1867 г. в воскресенье состоялся последний бал на масленицу. Он начался обедом в Золотой гостиной Зимнего дворца в 19.30 вечера, к танцам перешли сразу же после обеда и окончились они в 23.55, так что бал окончился за 5 минут до наступления поста[535]. В феврале 1874 г. великий князь Сергей Александрович в последнюю ночь перед постом «танцевал до 12 часов у т. Мери[536].

Бал у княгини М.Ф. Барятинской. *Г.Г. Гагарин. 1830-е гг.*

Бал в Петербургском Дворянском собрании 23 февраля 1913 г. *Д.Н. Кардовский. 1915 г.*



Парадный обед в Концертном зале Зимнего дворца по случаю визита Вильгельма I. *М. Зичи. 1873 г.*

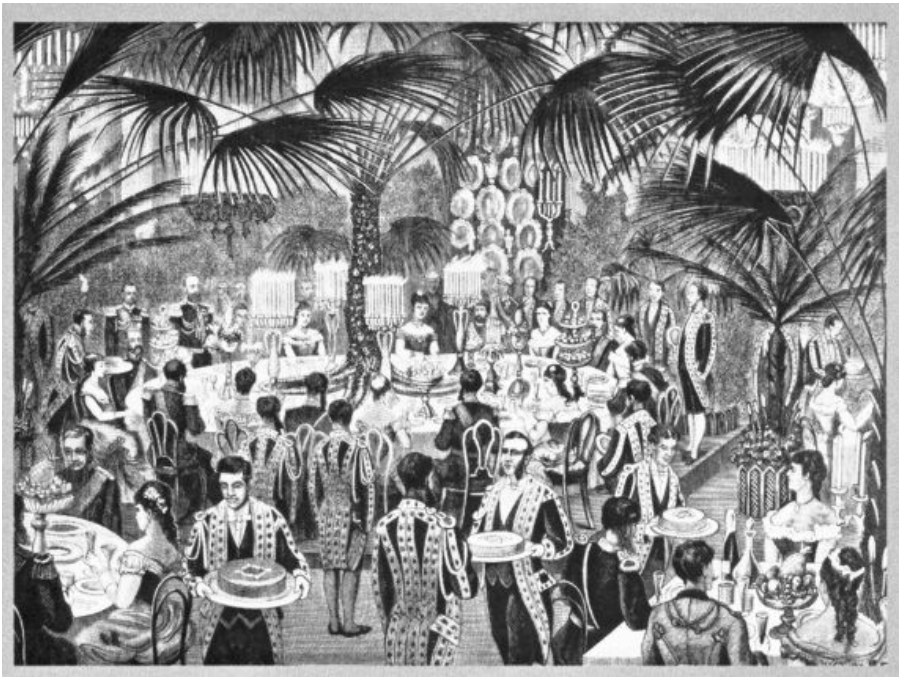
Вальс. *Неизвестный художник. 1801 г.*

Бал был чудесен! Все в цветах!..»[537], «Отдохнули после вчерашнего бала, но у меня в голове слышны звуки вальса!»[538].

На масленицу в 1888 г. на танцевальном вечере для молодежи в Александровском дворце Царского Села меню бала включало блины с икрой. По сложившейся традиции в 24 часа, с первым ударом часов, «музыка внезапно смолкла, танцы прекратились, а все члены императорской семьи и их гости сели за «постный ужин». Из меню было исключено только мясо»[539].

Придворные балы имели совершенно конкретную денежную составляющую. Денежная калькуляция бала включала довольно обширный перечень, начиная со стоимости тысяч свечей до оборудования буфетов и устройства ужина для участников бала. Однако, по авторитетному свидетельству великого князя Александра Михайловича, стоимость придворных балов, при всей их пышности и роскоши, была сравнительно незначительной. Это объяснялось тем, что «для их устройства не требовалось делать специальных покупок и не надо было нанимать в помощь особой прислуги. Вино доставлялось Главным управлением уделов, цветы – многочисленными оранжереями Дворцового ведомства, оркестр музыки содержался постоянно Министерством Двора. То, что более всего поражало приезжавших иностранцев, которые получали приглашение на придворные балы, это скорее окружавшая их пышность, нежели значительность произведенных расходов»[540]. При этом приглашенные на бал дамы блистали (в буквальном смысле) красотой и нарядами на собственные средства и были, по сути, главным украшением императорских балов.

Круг приглашенных на большие императорские балы формально определялся чинами. Помимо придворных чинов, кавалеров и дам право присутствия на балах имели генералы и офицеры (VII класса и ниже – по особым спискам), гражданские чины I–III классов (иногда IV), Георгиевские кавалеры, губернаторы, предводители дворянства и председатели земских управ (находившиеся в Петербурге), а также супруги и дочери тех из этих лиц, кто имел чин IV класса и выше, супруги полковников и бывшие фрейлины (с мужьями). Если следовать только этим формальным признакам, то право присутствовать на императорских балах имели тысячи людей, как мужчин, так и женщин.



Бал. Ужин под пальмами. *С. Шамот. 1884 г.*

Непременным условием приглашения на придворные балы для мужчин было обладание формальным правом быть представленным императору, а для дам – предварительное фактическое представление императрицам. Право представления «их величествам» в первую очередь давалось придворным чинам, кавалерам и дамам, а затем военным и гражданским чинам первых четырех классов, полковникам гвардии, занимавшим должности IV класса, и некоторым другим категориям лиц (после 1908 г. также членам Государственной думы и Государственного совета). Из числа дам этим правом пользовались супруги и дочери всех придворных чинов и кавалеров (после 1908 г. и их вдовы); бывшие фрейлины; супруги, вдовы и дочери «особ первых четырех классов»; супруги флигель-адъютантов (после 1908 г. также их вдовы и дочери) и некоторых полковников и капитанов первого ранга. Для военных и гражданских чинов высших классов было принято представляться императору по случаю назначения на должность, награждения, отъезда и по другим поводам.

Поскольку на такие балы съезжались тысячи приглашенных, работы у чиновников Гофмаршальской части набиралось много. Иногда бюрократический механизм давал сбой, что могло привести и к карьерным крушениям. Впрочем, все зависело от людей. Такая история произошла в царствование Александра III.

Командир 1-й гвардейской дивизии генерал Николай Павлович Эттер получил приглашение на первый Концертный бал в Зимнем дворце, но в приглашении не была упомянута его жена. Он поехал к корпусному командиру принцу Ольденбургскому и объявил, что «готов жертвовать жизнью своему государю, но обидеть жены своей не позволит. Принц Ольденбургский поехал к императрице и выхлопотал приглашение, но при этом от гофмаршала кн. Оболенского было объяснено, что приглашения военным делаются через Гвардейский штаб и что за правильность их не отвечает. На следующие два бала Эттера опять пригласили без жены, он не поехал под предлогом болезни, а затем подал просьбу об увольнении со службы»[541].

С другой стороны, военный министр Александра II Д.А. Милютин при первом же удобном случае покидал эти светские мероприятия: «Вечером – большой бал в Зимнем дворце. Густая толпа, душно и скучно. Уехал я, не дождавшись ужина»[542].

Официально лишь названные категории лиц, именовавшиеся как «имеющие право приезда ко Двору» или «имеющие право быть представленными ко Двору», могли приглашаться на «балы и другие собрания» при Дворе. Даже представление императорской чете частным образом (в обход официального порядка) не давало права на такие приглашения. Вместе с тем, кроме этих формальных признаков, существовали так называемые «правила Большого Света», они неформально определяли, кто является завсегдатаем придворных развлечений, подчас не имея на то формальных прав, а кто, несмотря на наличие всех формальных прав, никогда не будет развлекаться на императорском балу.

Об этом феномене в разное время писали многие мемуаристы. Например, барон М.А. Корф писал в январе 1839 г. следующее: «Элементы, из которых составляются все эти балы большого света, довольно трудно объять какими-нибудь общими чертами. Разумеется, что на них бывает весь аристократический круг; но кто именно составляет этот круг в таком государстве, где одна знатность происхождения не дает сама по себе никаких общественных прав, – объяснить нелегко. В этом кругу есть всего понемножку, но нет ничего, так сказать, доконченного, округленного. Тут есть и высшие административные персонажи, но не все; некоторые отдаляются от светского шума по летам, другие по привычкам и наклонностям. Точно так же в этом кругу есть и богатые, и бедные, и знатны, и ничтожные. Даже такие, о которых удивляешься, как они туда попали, не имея ни связей, ни родства, ни состояния, ни положения в свете! Между тем весь этот круг как заколдованный: при 500 ООО населения столицы, при огромном Дворе, при централизации здесь всех высших

властей государственных он состоит не более как из каких-нибудь 200 или 250 человек, считая оба пола, и в этом составе переезжает с одного бала на другой, с самыми маленькими и едва заметными изменениями, так что в этом кругу, то есть в особенно так называемом большом свете, невозможно и подумать дать в один вечер два бала вдруг.

Молодые люди-танцоры попадают легче, но тоже не без труда. Так, например, флигель-адъютанты и кавалергардские офицеры почти все везде; конногвардейских много; прочих полков можно назвать наперечет, а некоторых мундиров, например гусарского, уланского и большей части пехотных гвардейских, решительно нигде не видать. Появление в этом эксклюзивном кругу нового лица, старого или молодого, мужчины или женщины, так редко и необыкновенно, что составляет настоящее происшествие. Заключу одним: человеку, не посвященному в таинства петербургских салонов, невозможно ни по каким соображениям угадать априори, кто принадлежит к большому кругу и кто нет»[543].

Несмотря на привычные «таинства петербургских салонов», появление «не статусных лиц» на больших императорских балах могло объединить это довольно пестрое сообщество. Так случилось, когда в январе 1884 г. на большом двухтысяном балу в Зимнем дворце появилась дочь парижского Ротшильда – Ефруссия. Несмотря на то что многие хорошо знали о деловых контактах Александра III с Ротшильдами, публика впала в негодование, поскольку для рафинированной аристократии Ротшильд оставался «не более как одесский купец»[544].

Для того чтобы «нестатусное лицо» могло просто посмотреть на дворцовый церемониал, подчас требовалось личное разрешение императора. Например, 1 января 1888 г. Александр III лично распорядился допустить на хоры одной из зал, чтобы «посмотреть на шествие», лорда Черчилля с женой[545].

Организационная подготовка балов

При подготовке торжественных балов требовалось решать множество организационных проблем, что (весьма косвенно) принималось во внимание самими участниками бала.

Для придворных балов печатались пригласительные билеты, их развозили по адресам придворные слуги. Там указывалось, в какой форме быть на балу. 18 декабря 1834 г. А.С. Пушкин записал в дневнике: «Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8 $^1/_2$ в Аничковом, мне – в мундирном

фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно»[546].

Примечательно, что и тогда существовала проблема «транспортных пробок» при съезде гостей на бал. Для того чтобы избежать толкотни, гостей дворцовых балов «разводили» по разным, «своим», подъездам Зимнего дворца. К каждому из дворцовых подъездов подъезжали гости, занимавшие определенное положение, причем в своих каретах (как тогда говорили, «на своих выездах»). Длина кареты, запряженной парой лошадей, почти вдвое превосходила длину современных автомобилей. Пробки у подъездов заставляли регламентировать количество карет, которые могли выстраиваться у подъезда. Поэтому к дворцовым подъездам приходилось занимать очередь. А.С. Пушкин в письме к жене в апреле 1834 г. упоминал, что на предполагавшемся балу в Зимнем дворце будет 1800 гостей: «Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по три вдруг, следственно время втрое сократится»[547].

Суета происходила и при разъезде с балов. С учетом того, что на балы приглашались сотни гостей, вероятно, были и «очереди в гардеробах». Ни один из мемуаристов не упоминает, как, собственно, раздевались и одевались гости, приехавшие в императорский дворец. Из документов известно, что в качестве дополнительных гардеробщиков на больших балах «подрабатывали» рядовые лейб-гвардии Преображенского полка. Конечно, трудно представить, что княгиня Юсупова стояла с номерком за шубой в очереди за графиней Куракиной. Скорее всего, слуги уже ждали своих хозяев с их шубами в обширных вестибюлях Зимнего дворца. Но о том, что накладки бывали, есть мемуарные свидетельства. Довольно регулярно путали шубы и шинели, а то и вовсе хозяева оставались без верхней одежды. Так, на балу у князя Юсупова у цесаревича Александра Николаевича украли шубу, а на балу присутствовал император со всей семьей. Не желая задерживать близких, цесаревич надел первую попавшуюся шинель. Когда Николай Павлович увидел сына на морозе в шинели, он рассердился на цесаревича за пренебрежение здоровьем. На другой день шубу цесаревича, конечно, нашли…[548]

При подготовке балов организаторы старались удивить гостей какими-либо новинками. Например, при Александре III электрическое «ослепительное» освещение «эдиссоновскими лампочками» сначала опробовали во время традиционных балов в Зимнем дворце. Наряду с яркостью света гости, как одну из положительных черт новинки, отметили, что лампочки «не греют», что очень важно во время многотысячных балов: гости,

разгоряченные выпитым и танцами, меньше потели.

Приглашенные во дворец «по-доброму» отмечали для себя малейшие просчеты Гофмаршальской части, отвечавшей за «материальную» сторону проводившихся балов. Так, во время Эрмитажного бала 12 февраля 1887 г. один из гостей отметил, что «Зимний сад очень красив, как всегда. Но я заметил нововведение: среди растений распевали канарейки. Жаль только, что клетки взяты прямо с рынка, совсем уж просты»[549].

Организационная композиция проводимого действа была достаточно сложной и только по традиции могла называться балом. Официальный бал включал в себя несколько составных частей: придворный спектакль, как правило, сборный, обед и, собственно, сам бал, безусловно – самое главное действо.

Для того чтобы в ходе самого бала управлять этим сложным механизмом, необходимы были распорядители балов. Примечательно, что это неофициальная «должность». И каждая эпоха выдвигала своих тонких знатоков бальных правил. В 1860-х гг. лучшим распорядителем балов считался Ипат Бартенев: «Он составил себе прочную репутацию лучшего распорядителя, и при дворе не бывало бала без участия Ипата Бартенева»[550].

Сцена из жизни семьи Николая I. *А. Чернышов. 1840–1850 гг.*

Во второй половине 1880-х гг. императорскими балами «дирижировал» конногвардеец барон Ф.Е. Мейендорф. Граф С.Д. Шереметев, невольно сравнивая барона с «распорядителями балов» своей молодости, критично замечает, что Мейендорф,

конечно, «добрый малый, но с ухарскими ухватками, не вполне подходящими, кричит он и командует, как в казарме»[551].

Время окончания бала не регламентировалось. Гости веселились до тех пор, пока в зале находились император или императрица. Бал продолжался, как правило, до двух-трех часов ночи. Домашние Аничковские балы у страстной танцовщицы императрицы Марии Федоровны могли затягиваться и до 4 часов утра. Современники вспоминали, что когда «котильон продолжался слишком долго, а императрица не хотела кончать, государь придумывал особое средство. Музыкантам приказано было удаляться поодиночке, оркестр все слабел, пока, наконец, не раздавалась последняя струна, и та, наконец, умолкала. Все оглядывались в недоумении, бал прекращался сам собой»[552].

Описываемый эпизод произошел на февральском балу 1883 г. Поскольку «ход» с удалением музыкантов из оркестра был хорошо известен в Европе, то мемуарист это немедленно зафиксировал: «В 3 $^4/_2$ час, когда, несмотря на настояние государя, императрица продолжает танцевать, то государь посылает одного из танцоров с приказанием музыкантам кончать; музыканты уходят один за другим так, что под конец играют лишь одна скрипка и барабан. Повторение шутки Гайдна…»[553].

Поскольку балы заканчивались глубоко за полночь, а официальное совершеннолетие великих князей наступало в 20 лет, то именно родители решали, идти их молодой поросли на балы или нет. Так, государственный секретарь А.А. Половцев в январе 1883 г. буквально «выпрашивал» у великого князя Николая Николаевича (Старшего) разрешение для 19-летнего сына Петра Николаевича посетить бал в его доме. И действительно, «начали танцевать в 11 – окончили в 5»[554]. Такая же история случилась в январе 1887 г. и с цесаревичем Николаем, которому шел 20-й год. Одна из великих княгинь «просила позволить цесаревичу приехать (на бал. – *И. З.),* но императрица отвечала, что не позволяет ему выезжать без нее…»[555].

Общее количество балов в сезон могло меняться. Это зависело от множества причин: состояния здоровья и вообще дел и отношений внутри императорской четы, траура по европейским родственникам, внутриполитической и внешнеполитической ситуации. Но минимальное количество обязательных, традиционных балов сохранялось почти всегда.

В Николаевскую эпоху сезон больших дворцовых балов начинался, как правило, в Николин день (6 декабря). Устраивали балы и в другие «высокоторжественные» дни. По отзывам современников, все они имели одинаковый, строго классический, но именно поэтому и чрезвычайно грандиозный характер.

Само действо разворачивалось в парадных залах Зимнего дворца, которые со временем приобрели определенную «специализацию». Так, танцевали в Белой (Золотой галерее), играли в карты в Георгиевском зале, ужинали в Николаевской зале[556].

Своего апогея балы в Петербурге достигали на масленицу. В эти дни «гуляли все». И аристократы, и народ. График масленичных балов 1848 г. оставил барон М.А. Корф. Судя по его записям, 15 февраля, в воскресенье, состоялся огромный бал для первых четырех классов. В понедельник – бал у управляющего Двором великого князя Константина Николаевича – графа Кушелева. В этот же день состоялся маскарад в Большом театре, который почтил своим присутствием Николай I. Во вторник – бал для царской фамилии в Михайловском дворце; в среду – бал у графа Закревского для императора и цесаревича и бал-маскарад в Дворянском собрании, где они также присутствовали; в четверг – домашний спектакль и бал для царской фамилии у графа Клейнмихеля; в пятницу – маленький бал для избранных в Собственных комнатах Николая I, перед его кабинетом; в субботу – бал у князя Юсупова и маскарад в Большом театре[557]. При этом всю неделю наряду с балами катались с ледяных гор в Таврическом саду, посещали утренние и вечерние спектакли во всех театрах, забавы в балаганах и ели непременные блины…

Французский художник О. Берне, лично наблюдавший бурную жизнь петербургского света в начале 1843 г., оценивал «трудозатраты» аристократов следующим образом: «Наконец масленица кончилась, наступает пост, и мы возвращаемся на путь Господень. Оно и пора – еще несколько таких дней, и половина петербургского общества отправилась бы на тот свет»[558].

Если отвлечься от эмоций и перейти на сухой язык цифр, то, по данным хозяйственных подразделений Министерства Императорского двора, в 1867 г. высочайших балов состоялось:

Число, месяц	Меню	Число персон	Место проведения
28 января	Фриштык (завтрак. — *И. З.*)	100 чел.	Зимний дворец
29 января	Вечерний стол	450 чел.	Зимний дворец
2 февраля	Вечерний стол	500 чел.	Зимний дворец
16 февраля	Вечерний стол	490 чел.	Зимний дворец
23 февраля	Вечерний стол	260 чел.	Зимний дворец
25 марта	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
6 мая	Фриштык	104 чел	Царское Село
6 мая	Обеденный стол	104 перс.	Царское Село
28 мая	Фриштык	160 чел.	Царское Село
21 июня	Фриштык	225 чел.	Красное Село
26 июня	Обеденный стол	1439 чел.	Павловск
6,7,8,9,10,11, 13,14,17 июля	Обеденный стол	2170 чел.	Красное Село
6 ноября	Обеденный стол	150 чел.	Царское Село
8 ноября	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
21 ноября	Обеденный стол	160 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Фриштык	30 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Обеденный стол	320 чел.	Зимний дворец
7 декабря	Обеденный стол	348 чел.	Зимний дворец
12 декабря	Обеденный стол	348 чел.	Зимний дворец

Таким образом, всего в 1867 г. столы накрывались на высочайших больших балах 24 раза на 7226 персон[559]. Для того чтобы наглядно показать традиционализм и цикличность, с ориентацией на опыт «прежних лет», присущие повседневной жизни российского Императорского двора, приведем данные и на 1868 г.

Число, месяц	Меню	Число персон	Место проведения
6 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
9 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
28 января	Вечерний стол	2240 чел.	Зимний дворец
6 февраля	Вечерний стол	602 чел.	Зимний дворец
8 февраля	Вечерний стол	602 чел.	Зимний дворец
24 марта	Обеденный стол	170 чел.	Зимний дворец
13 апреля	Обеденный стол	745 чел.	Зимний дворец
17 апреля	Обеденный стол	745 чел.	Зимний дворец
9 мая	Фриштык	110 чел.	Гатчина
20 мая	Обеденный стол	1274 чел.	Царское Село
20, 21, 26, 27 июня	Обеденный стол	1414 чел.	Красное Село
1 июля	Фриштык	180 чел.	Петергоф
3, 7, 8, 9, 12 июля	Обеденный стол	1308 чел.	Красное Село
4 октября	Обеденный стол	1121 чел.	Зимний дворец
8 октября	Обеденный стол	1121 чел.	Зимний дворец
22 октября	Фриштык	110 чел.	Зимний дворец
6 ноября	Обеденный стол	150 чел.	Царское Село
8 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
21 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
26 ноября	Обеденный стол	1328 чел.	Зимний дворец
12 декабря	Обеденный стол	420 чел.	Константиновский дворец

Всего в 1868 г. «мероприятия» с участием высочайших персон проводились несколько чаще, чем в 1867 г., – 29 раз, и число участников в них было значительно больше – 11 532 персоны[560]. Если сопоставить эти данные по сезонам, то очевидно, что с декабря по февраль «фриштыки», «обеденные» и «вечерние» столы накрывались в Зимнем дворце для участников традиционных балов. В Красном Селе за «обеденными столами» располагались офицеры гвардейских полков, принимавшие участие в традиционных учениях. Ежегодно 26 ноября «фриштык» и «обеденный стол» накрывались для Георгиевских кавалеров. Остальные дни были связаны с «высокоторжественными днями» высочайших тезоименитств, крестин, помолвок, свадеб и прочих

важных событий в жизни многочисленного потомства Павла I.

Николай II подробно зафиксировал в дневнике все перипетии своих первых официальных балов в январе 1896 г. Так, 11 января 1896 г. он записал: «В 9 $^1/_2$ ч. вышли в Николаевский зал, и начался наш первый Большой бал. Страдал за дорогую Алике, кот. должна была принять массу дам. Обошел столы и затем сам ужинал. В 1.10 все кончилось!» Этот восклицательный знак скупого на эмоции императора вместил все: и напряжение первого «рабочего» бала, и волнение за жену, и просто человеческую усталость после тяжелого дня.

После первого бала началась профессиональная рутина. 18 января состоялся первый Концертный бал, он продолжался почти три часа. За это время царь даже успел сходить в свои комнаты покурить. Бал проходил по традиционной схеме: танцы – ужин – танцы. 25 января прошел второй Концертный бал. Николай II опять во время ужина «работал», обходя столы. Этот бал продолжался с 21.45 до 2.30, то есть около четырех часов. И 31 января – заключительный третий Концертный бал.

После его окончания царь с облегчением отметил в дневнике: «этим и закончились наши балы!». Концертными их называли по названию Концертного зала Зимнего дворца, в котором они проходили.

В последующие годы обязательные балы по раз и навсегда установленному порядку продолжались. 19 января 1904 г. около 22 часов начался Большой бал в Зимнем дворце. Николай II отметил, что «народу было как никогда много». Он, как обычно, «обходил столы по всем залам». Как обычно, волновался за жену: «К счастью, дорогая Алике отлично выдержала бал».

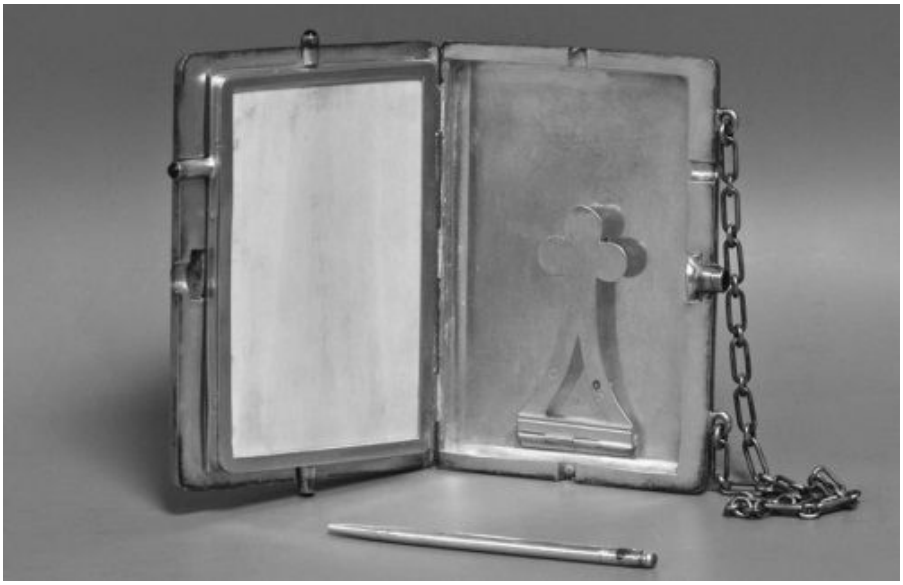
Для женской половины императорской семьи цвет и фасон платья определялся исключительно господствующими модными тенденциями. При этом соблюдалась определенная мера вкуса, поскольку петербургский аристократический бомонд следовал моде с определенным консервативным оттенком. Сие негласное правило старожилы высшего света хорошо знали. В остро модных платьях на балах появлялись только не знавшие подобных тонкостей выскочки, и их немедленно наказывала стоязыкая молва женской половины бальной залы.

К женскому бальному платью подбирались необходимые аксессуары: от веера до обязательной «Корне де баль» – книжечка для бала, в которой дамы записывали карандашом порядок танцев и имена кавалеров. Страницы книжечки делали из тонких пластин слоновой кости. В начале XIX в. пожилые дамы, блиставшие на балах еще в екатерининское время, активно пользовались такими аксессуарами, как табакерки и мушечницы.

В Эрмитаже хранится богатая коллекция табакерок, принадлежавшая нескольким поколениям российских монархов: табакерка в виде гренадерской шапки лейб-компании с вензелем императрицы Елизаветы Петровны, изготовленная в 1741–1742 гг.; табакерка в виде мопса, лежащего на подушке. У мопса на золотом ошейнике выгравировано «Toujours Fidelle». Надпись, возможно, связана с неофициальным дамским орденом «Мопсов» или «Верность». Эта табакерка была впервые упомянута в описи за 1789 г.

Возвращаясь к дворцовым балам, следует сказать несколько слов об одежде российских императоров. В их бальную одежду обязательно входил военный мундир, но в остальном имелись нюансы.

Табакерка в виде мопса. *Западная Европа. 1770– 1780-е гг.*



Карне

Карне с портретом великой княгини Марии Федоровны. *Ок. 1780 г. Россия*

Карандаш в футляре. *Начало XX в.*

Существовало несколько вариантов, определявших, какой мундир оденет в день бала император. Это мог быть мундир полка, полковой праздник которого приходился на день проведения бала. Это мог быть мундир полка, который нес караул в день бала в Зимнем дворце; мундир подшефного императору полка. Если на балу присутствовал гость из европейского королевского дома, император в знак уважения к нему мог одеть мундир подшефного полка страны гостя. У российских императоров хранились целые коллекции военных мундиров, включавшие сотни комплектов. Например, граф С.Д. Шереметев упоминает, что во время Эрмитажного бала 12 февраля 1887 г. Александр III был в уланском мундире, потому что в этот день был уланский праздник[561].

На парадных балах устанавливалась определенная форма одежды для всех приглашенных. На официальные балы все,

военные и статские, являлись в парадных мундирах и башмаках. Иногда вносились новшества. Так, на первом Большом балу сезона 6 декабря 1841 г. появились два новшества, немедленно отмеченные всеми гостями. Во-первых, в карты играли в Портретной галерее, так как в Георгиевской зале обрушился потолок и там продолжался ремонт. Во-вторых, не танцующим военным впервые позволено было явиться в сапогах[562]. Примечательно, что форма одежды жестко регламентировалась высочайшими указами, вносимыми в Полное собрание законов Российской империи. Например, в 1852 г. генерал-адъютантам, флигель-адъютантам и генералам Свиты Его Императорского Величества предписано «на балах при Высочайшем дворе и на всех частных балах, когда на бале приказано быть в праздничной форме, иметь при присвоенных званиях их полукафтанах бальные шаровары белого сукна, без цветной по боковым швам выпушки»[563].

Немаловажную роль играла и прическа для участников балов. Если женщины просто следовали, с теми или иными вариациями, моде своего времени, то у мужчин – все гораздо строже. Со времен Петра I особенности волосяного покрова на лицах российской аристократии приобрели политический характер. Конечно, бород насильно никто не стриг, поскольку их появление на лицах российской аристократии вплоть до Александра III представить совершенно немыслимо. Допускались усы, подусники, бакенбарды, но не бороды. Для мужчин было совершенно нормальным и естественным завиваться перед балом. Так, 10 апреля 1862 г. 17-летний будущий император Александр III перед балом первый раз завился «по приказанию государя, и, кажется, ему это очень нравится»[564].

Офицеры столичных лейб-гвардейских полков играли на придворных балах очень важную роль, поскольку являлись теми обязательными кавалерами, перед которыми ставилась конкретная задача развлекать танцами и разговором «застоявшихся» и «невостребованных» дам. Этих офицеров по «разнарядке» подбирали командиры гвардейских полков, строго указывая им, что их главная «боевая» задача – развлекать дам, а не собственные удовольствия и предпочтения.

Надо заметить, что дамы всегда болезненно воспринимали факт своего «простоя» во время балов. А уж тем более великие княгини, которым по определению необходимо было «блистать». И если кто-либо из них «простаивал», то это могло вылиться даже в публичные слезы, что, конечно, с удовлетворением отмечалось «соперницами». Так, в феврале 1885 г. «на елагинском вчерашнем танцеванье великая княгиня Мария Павловна расплакалась с

досады за то, что Рейтерн, намеченный ею в кавалеры, по недоразумению стал танцевать с кем-то другим»[565]. Заметим, что Мария Павловна к этому времени была замужней дамой «со стажем»…

Вместе тем малейшее нарушение бальной офицерской формы строжайшим образом пресекалось лично императорами, крайне чувствительными к нарушениям формы одежды. Даже в мелочах. Во времена Александра I и Николая I требования придворного этикета соблюдались очень жестко. Так, Г.А. Римского-Корсакова[566] исключили из гвардии за то, что тот позволил себе за ужином расстегнуть мундир[567]. На представлении об увольнении «по домашним обстоятельствам с мундиром» помета: «Высочайше поведено мундира Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит. 20 февр. 1821». Следует иметь в виду, что по моде второй четверти XIX в. мужчины затягивались в талии, так же как и женщины, поэтому за столом им иногда хотелось расстегнуться.

На придворных балах офицерам категорически запрещалось танцевать без перчаток. Так, на одном из январских балов 1890 г. Александр III «остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина начали танцевать без перчаток». Видимо, после ужина разгоряченные спиртным офицеры решили позволить себе эту маленькую, по их представлениям, вольность. Однако Александр III не считал нарушение установленной формы одежды мелочью, поэтому он немедленно сделал замечание командирам соответствующих полков. Более того, один из офицеров во время исполнения польки начал танцевать венский вальс. Все это «возмутило государя». И на следующий день четырех офицеров «посадили в комендантскую»[568].

Аресты офицеров за нарушение установленной формы одежды начались во времена Павла I и продолжались при всех последующих императорах, вплоть до Александра III. Эти аресты, в какой-то степени, также стали одной из традиций больших зимних балов. Заслуженные генералы с удовольствием вспоминали проказы своей молодости и то, как их сажали за не вовремя снятую перчатку или расстегнутый крючок на воротнике. Это не было вымыслом. Так, в августе 1839 г. великий князь Михаил Павлович отправил Лермонтова под арест прямо с бала в Царском Селе за неформенное шитье на воротнике и обшлагах вицмундира[569].

Вместе с тем многие современники отмечали, что упрощение военной формы при Александре III, придание даже гвардейской форме «мужицкого характера» привели к некоторой утрате привычного блеска императорских балов. Граф С.Д. Шереметев,

участвовавший в Эрмитажном бале 12 февраля 1887 г., отмечал, что «мундиры на военных некрасивы, сапожища и шаровары не идут к балу»[570].

При проведении балов учитывались особенности православных религиозных праздников. Так, во времена Николая I на масленицу в ходе обеда обязательно подавались блины с икрой. Вообще же многотысячные балы, сопровождавшиеся обязательным ужином, требовали напряженных усилий всех подразделений императорской кухни.

Маргарет Эггер, няня-англичанка, наблюдала серию таких балов в январе-феврале 1901 г. По ее свидетельству, для одного из больших балов подготовили: триста пятьдесят блюд, на каждом из которых лежало по три цыпленка с салатом и гарниром; триста пятьдесят больших омаров в соусе под майонезом;

триста пятьдесят больших блюд с холодным мясным ассорти; огромное количество различных пирогов и бисквитов; две тысячи связок спаржи для жареного мяса; огромное количество фруктов и различных вин. По свидетельству англичанки, во время ужинов подавались и супы различных видов. На этих балах было все: прекрасные интерьеры, замечательная музыка, ярмарка тщеславия, интриги, романы, азарт карточных баталий и прекрасный стол.

Даже во время многотысячных балов «с мужиками» предусматривалось угощение. В залах по углам стояли горки с выставленными золотыми кубками, блюдами и другой драгоценной посудой. Это также просчитанный психологический ход. Организаторы понимали, что прекрасный декор дворцовых залов удивлял, но народное представление о богатстве было связано с золотом. Поэтому «царское богатство» в изобилии представляли на подобных действах, рассчитывая на народное восприятие. Рядом с горками, наполненными уникальной посудой, лакеи разливали чай и сами размешивали в нем сахар ложечками, что бы кто-нибудь не позарился на царское добро…

Отношение к танцам

Конечно, участие в балах было одной из обязанностей императорской четы, связанной с традиционными формами презентации монархической власти в России, специфической формой общения монархов со своими подданными. Однако монархи были людьми и по-человечески очень по-разному относились к этому.

По свидетельству современников, Александр I не только прекрасно танцевал, но и любил танцевать. По свидетельству близких, императрица Александра Федоровна (жена Николая I) любила танцевать, впрочем, как и большинство женщин. Сам Николай I «танцевал, в виде исключения, только кадрили»[571]. Его дочь Ольга Николаевна в мемуарах несколько раз повторила, что ее отец «принимал балы как неприятную необходимость, не любил их»[572], «Папа терпеть не мог балов и уходил с них уже в 12 часов спать»[573]. Однако это были впечатления ребенка или молодой девушки, записанные спустя много лет.

Императрица Александра Федоровна в бальном платье

Соратники Николая I оценивали отношение императора к балам несколько по-иному. Так, барон М.А. Корф отмечал, что Николай I, будучи человеком «очень веселого и живого нрава», предпочитал парадным балам «небольшие танцевальные вечера, преимущественно в Аничковом дворце», на которых вел себя

«шаловливо», и на протяжении многих лет охотно принимал участие в танцах[574]. Думается, правы оба. Николай Павлович с годами стал избегать участия в парадных балах под прицелом сотен глаз, но дома, в привычной обстановке, «среди своих», танцевал охотно.

Галантный женолюб Александр II охотно танцевал на камерных балах. Но во время больших традиционных балов в Зимнем дворце он, как и положено, работал, общаясь с приглашенными. Князю П.А. Кропоткину, камер-пажу императора, приходилось сопровождать Александра II на придворных балах. Он упоминает, что его служба на балах «была не из легких», поскольку Александр II «не танцевал и не сидел, а все время ходил между гостей». Камер-паж по должностным обязанностям должен был находиться поблизости от царя, но так, чтобы «не торчать слишком близко и вместе с тем быть под рукой, чтобы явиться немедленно на зов. Это сочетание присутствия с отсутствием давалось нелегко. Не требовал его и император: он предпочел бы, чтобы его оставили одного, но таков уже был обычай, которому царю приходилось подчиняться»[575].

Примечательно, что детей учили танцам с раннего детства и постепенно вводили в круг взрослых развлечений. Первые взрослые балы вызывали массу эмоций не только у девушек, но и у великих князей. По свидетельству К.К. Мердера, будущий Александр II тщательно оттачивал танцевальные навыки: «С некоторого времени князь берет уроки танцевания в бальном костюме, чтобы не казаться слишком натянутым, когда придется явиться на бал в чулках и башмаках. Его Высочество все еще вальсирует слабо»[576].

Родители буквально принуждали сыновей участвовать в балах, прекрасно понимая, что эти навыки усваиваются только на практике. По словам В.А. Жуковского: «Ныне на бале императрица послала великого князя вальсировать. Он вальсирует дурно оттого, что чувствует свою неловкость, до сих пор не имел над собою довольно сил, чтобы победить эту неловкость и выучиться вальсировать, как должно. Будучи принужден вальсировать и чувствуя, как смешно быть неловким, он в первый раз вальсировал порядочно, потому что взял над собою верх и себя к тому принудил. Самолюбие помогло»[577].

Императрица Мария Александровна в силу своего характера к балам относилась как к обязанности. На балах она выполняла свой долг, но не более того.

Бальные атрибуты: перчатки дамские, сумочка, щипцы костяные для растяжки перчаток *(конец XIX – начало XX в.)*

Современники, видевшие ее на этих балах, писали: «Видел я ее не раз на больших придворных балах: стройная, худая, вся усыпанная бриллиантами, с прическою в мелких завитках, она показывалась как бы нехотя, была любезна, говорила умные речи, всматривалась пристально и проницательным взглядом; всегда сдержанная, она, скорее, недоговаривала, чем говорила лишнее. Она как бы исполняла скучную обязанность, и когда говорила, можно было подумать, что она хочет сказать: «Видите, я с вами говорю, потому что это принято, что это – долг, но до вас мне нет никакого дела; у меня есть внутренняя жизнь, доступная избранным, все остальное – служба, долг, скука»… Сдается мне, что Государю Александру Николаевичу было душно с нею»[578].

Тяжеловесный Александр III, как и его дед Николай I, относился к балам как к обязанности. Многолетний соратник императора граф С.Д. Шереметев вспоминает, что «придворные балы были наказанием для государя»[579], что Александр III «никогда не отличался своими светскими наклонностями, не любил танцевать, на балах всегда скучал и не скрывал вообще своих взглядов»[580].

Следует заметить, что подобное отношение к балам формировалось у Александра III еще во времена его юношества. Этому возрасту вообще свойственны многочисленные комплексы по поводу своего внешнего вида. Александр Александрович довольно рано набрал вес и совершенно не соответствовал образу

мужской красоты того времени: стройного изящного юноши с тонкой талией. Даже осенью 1866 г., когда в Зимнем дворце проводилась серия балов, на которых датскую принцессу Дагмар, будущую цесаревну, «вводили» в светское общество Петербурга, цесаревич отказывался танцевать со своей невестой на балах. С.Д. Шереметев упоминает: «Я был на одном бале и видел, как цесаревич стоял во время кадрили около своей невесты, но это продолжалось недолго. Он решительно заявил, что танцевать не намерен, и слово это сдержал, к немалому смущению придворных и семьи. Вообще в роли жениха цесаревич, по-видимому, был невозможен»[581].

Поскольку Мария Федоровна любила балы, то нежелание Александра III не только танцевать, но и оставаться на этих балах, периодически приводило к глухим семейным конфликтам. «Глухим» на публике, но, возможно, более «громким» наедине. Например, современники отметили, что на одном из февральских балов 1884 г., который затянулся до 4 часов утра, императрица продолжала «неустанно танцевать, не проронял ни слова. Государь уехал, встав из-за ужина»[582]. Причем Мария Федоровна очень по-женски не учитывала, что ежедневную работу с документами для царя никто не отменял. Однако супруги жили вместе долго и учитывали интересы друг друга, поэтому через несколько лет картина была уже иная: «Государь оставался на бале у графини Стенбок лишь несколько минут, императрица, напротив, танцевала до упаду и осталась ужинать…»[583].

Вместе с тем Александр III использовал балы для неформального общения с лично приятными и интересными для него людьми. Во время «домашних» Аничковских балов он показывался в начале бала, радушно принимал гостей и уходил в свой кабинет. Затем некоторых из гостей Александр III приглашал в свой кабинет. Не обязательно для дела, а просто покурить или поиграть в карты. Причем не только мужчин, но и женщин. Естественно, за этими избранниками «следили со вниманием, предаваясь праздным выводам»[584].

Жена Александра III императрица Мария Федоровна страстно любила танцевать. Еще со времен, когда она стала цесаревной, в 1870-х гг. стали проводиться так называемые Аничковские балы. После 1881 г. участие в этих балах становится одним из признаков вхождения в ближний императорский круг. Аничковских балов давали по несколько раз в сезон. На этих балах гостей было немного, и они носили домашний, семейный характер. Как правило, все танцевали.

По свидетельству сестры Николая II Ольги Александровны, ее брат-император «любил танцевать и был превосходным

танцором», однако жена, у которой были больные ноги, «терпеть не могла такого рода увеселений». Поэтому император танцевал на балах только «обязательные» танцы[585].

Молодежь, конечно, любила балы и охотно в них участвовала, поскольку то были главные события сезона и к ним долго и тщательно готовились. Например, в 1840 г. дочь Николая I Ольга Николаевна не сочла возможным пропустить изысканный бал у своей тети Елены Павловны в Михайловском дворце, хотя незадолго перед тем довольно тяжело болела (47 дней в постели) «нервной горячкой», во время которой ей побрили голову. Для того чтобы скрыть отсутствие волос, великая княжна надела на голову сетку из бархатных лент.

По традиции бал открывался полонезом. Первую пару составлял император, который вел старшую чином даму дипломатического корпуса[586]. Так, главный январский бал 1887 г. Александр III и Мария Федоровна начали «очень аккуратно в 9 $^1/_2$ час. Полонез очень короток, не так, как в прошлое царствование», – отметил в дневнике участник этого бала. Примечательно, что в обязанности императрицы входили танцы с послами. На том же балу Мария Федоровна «идет польским с Швейницем, а затем танцует два кадриля с Шакир-пашою и датским посланником»[587].

Николай II, так же как и его предшественники, на балах не развлекался, а преимущественно работал. В его обязанности входило торжественное открытие бала традиционным полонезом. За исключением этого полонеза Николай II больше не танцевал, «хотя до своего восшествия на престол считался хорошим танцором. Императрица принимала участие лишь в тех танцах и с теми партнерами, которые предписывались ей этикетом»[588]. Будучи Гессенской принцессой, Александра Федоровна, как и все молодые девушки, любила танцы. Но после того как она стала российской императрицей, обычные танцы стали для нее недоступны[589]. Начало официальных балов полонезом и неучастие в дальнейших танцах императора и императрицы являлось традицией, восходившей к XVIII в. О таком порядке торжеств упоминало множество мемуаристов. Например, великий князь Михаил Александрович писал: «Самодержец открывал бал всегда полонезом, после чего начинались общие танцы. Император и императрица наблюдали за нами, но не принимали в них участия. Цари покидали залы сейчас же после ужина, чтобы дать молодежи возможность веселиться с большой свободой»[590].

На балах полуофициального характера порядок танцев мог меняться. Главными танцами были вальс и мазурка. Например, в январе 1896 г. на балу у великого князя Владимира

Александровича и великой княгини Марии Павловны бал начался с фигуры мазурки, исполненной восьмью парами.

Коронационные, исторические и цветные балы

Процедура коронационных торжеств отрабатывалась до мельчайших деталей. Важное место в коронационных торжествах занимали балы. Эти публичные, торжественные действа официально открывали начало новой эры в жизни большого света. Неписаные правила уравнивали хозяев бала и гостей. Английский писатель Ф. Ансело, описывая коронационный бал 1826 г., отмечал в записках: «Знаки почтения, каких требует обычно присутствие императора и великих князей, были запрещены. Женщинам полагалось явиться в национальном костюме, и лишь немногие ослушались этого предписания»[591].

На коронационном балу 1826 г. танцевали исключительно полонезы. Наряду с классическим полонезом танцевали и его «модификации», например так называемый польский. Фактически танец представлял собой прогулку по залам. Мужчины предлагали руку дамам, и постепенно пары обходили большую залу и прилегающие к ней комнаты. Во время неспешного танца-прогулки была возможность завязать беседу, разрешалось менять партнерш, причем в просьбе по «обмену» отказывать было нельзя[592].

Император обычно на балу работал. Он постоянно циркулировал по залу, разговаривая с дамами и сановниками. Еще одной бальной коронационной традицией были балы у английского и французского послов. Поскольку речь шла о престиже великих держав, то послы в негласном соперничестве затрачивали гигантские средства на подготовку этих балов. Российские гости, прекрасно зная об этом почти официальном соперничестве и вспоминая легенды и «счета» предыдущих коронаций, выносили свою оценку.

Иногда «посольские» балы ассоциировались с трагедиями. Так, Николаю II подданные так и не простили того, что в мае 1896 г. во время коронационных торжеств в Москве, после трагедии на Ходынском поле, на котором в давке погибли сотни людей, молодой император отправился на бал к французскому послу Монтобелло.

Некоторые из императорских балов по тем или иным причинам входили в историю. О них долго вспоминали современники, описывая произошедшее в мемуарах и дневниках, о них мы помним и сегодня. Степень «историчности» балов,

конечно, разная. От заметного, но в целом проходного первого бала нового царствования до действительно знаменитых балов.

При Александре III было положено начало традиции так называемых исторических балов. 25 января 1883 г. у младшего брата царя великого князя Владимира Александровича устроили первый из таких балов. В придворные костюмы XVII в. оделись хозяева бала – великий князь Владимир Александрович и его жена великая княгиня Мария Павловна. Следует отметить, что исторические костюмы – не импровизация портных «на тему». Созданию костюмов предшествовала серьезная работа в архивах Императорской академии художеств.

Для отделки костюмов из лучших тканей использовались золотые и серебряные нити, драгоценные камни и жемчуг, меха соболя и горностая. На балу присутствовали император Александр III с супругой. Императрица Мария Федоровна оделась в костюм русской царицы XVII в., состоящий из «парчовой ферязи, украшенной бриллиантами, изумрудами, рубинами, жемчугом и другими драгоценностями; парчовой шубки с золотыми цветами, отороченной соболиным мехом и с разрезными рукавами.

Императрица Мария Федоровна в костюме русской царицы XVII в. *Фото К. Бергамаско. 1883 г.*

На голове Ее Величества была надета серебряная шапка-венец, отороченная соболем и украшенная большими брильянтами, изумрудами и крупным жемчугом, который в несколько ниток ниспадал с шапки на оплечье»[593]. Во время ужина на этом балу исполнялись исключительно русские песни. Надо заметить, что подобный бал явился еще одним проявлением подчеркнутого национализма Александра III и его ближайших соратников.

В журнале «Всемирная иллюстрация» бал описывался следующим образом: «На бал было приглашено… до 250 знатных особ обоего пола… На парадной лестнице, на площадке и в дверях малой столовой стояла прислуга, одетая в живописные

костюмы разных эпох, имеющие связь с русской историей: то был скифы, варяги, бермяты, стрельцы новгородские и московские… Вскоре гостиная и танцевальная зала наполнилась русскими боярами, боярынями и боярскими детьми обоего пола, воеводами, витязями, думными и посольскими дьяками, кравчими, окольничими, ловчими, рындами, конными и пешими жильцами (времен Иоанна IV)…»[594]. Примечательно, что если императрица Мария Федоровна позволила себе появиться в платье московской царицы XVII в., то император Александр III выступал этом балу в генеральском мундире.

Отметили необычный бал и мемуаристы. Так, А.А. Половцев записал в дневнике: «Бал у великого князя Владимира Александровича… в костюмах по преимуществу русских XVI столетия. Праздник удается в высшей степени, обилие и разнообразие ярких цветов оживляет залу в противоположность скучному фраку. На императрице верный исторический костюм, нарисованный кн. Григорием Гагариным. Богатство материи и камней чрезвычайное. Жена моя – в русском костюме XI столетия, дочь – в татарском уборе, а я в костюме, изображенном на известной гравюре, изображающий портрет стольника Потемкина, ездившего послом в Англию. Особенно выдаются костюмы Васильчакова, директора Эрмитажа и двух его дочерей… Все великие князья разодеты в богатейшие костюмы и уборы, вообще мужчины одеты с большею, чем дамы, историческою верностью. Государь уезжает вскоре после ужина, но императрица продолжает танцы до 4 $^{1}/_{2}$ утра»[595].

В конце 1880-х гг. петербургскому бомонду запомнились так называемые цветные балы. Говоря о цветных балах, следует иметь в виду, что это достаточно давняя традиция. Так, в обычае были белые балы для молодых девушек, впервые выходящих в свет, а также розовые балы для молодоженов. Но в конце 1880-х гг. прошли два бала других «цветов». Они запомнились современникам.

24 января 1888 г. в Зимнем дворце состоялся зеленый, или изумрудный, бал. Назван он так, потому что на нем доминировал зеленый цвет – цвет надежды. Зеленые изумруды женских украшений оттеняли бальные платья различных зеленых оттенков.

26 января 1889 г. в Аничковом дворце состоялся знаменитый черный бал. Всех приглашенных на бал попросили прийти в траурной одежде. Столь странная просьба была вызвана тем, что австрийский Двор организовал большие празднества во время траура при российском Дворе. При подготовке очередного бала в Аничковом дворце пришло известие о смерти австрийского

эрцгерцога. Бал не отменили, но гостей попросили прийти в черных платьях. Дамам об изменении «сценария» бала было сообщено только 22 января: «Приезжает гофмаршал Оболенский и объявляет, что в четверг будут танцевать в Аничковом дворце в черных платьях…». Можно только представить, какой переполох поднялся в дамских будуарах после этого известия, как лихорадочно решалась «стратегическая задача» по кардинальному изменению образа. Впрочем, у светских дам, конечно, имелись траурные платья, но здесь ставилась иная задача – бальные платья должны были быть черного цвета. Кроме этого, следовало подобрать соответствующие аксессуары, хотя сияющие бриллианты смотрелись на фоне черных платьев особенно эффектно. Надо заметить, что в коллекции коронных бриллиантов у русских императриц хранилось богатое собрание «специальных» ювелирных изделий с черными камнями, которые одевали в дни дворцовых трауров или похорон.

Новость вызвала неудовольство у многих, причем даже у влиятельных особ, например обер-прокурор Священного синода К.П. Победоносцев назвал, «танцевание в черных платьях… кощунством»[596]. Однако императрица, почувствовав «вкус» необычной идеи, могла себе позволить пренебречь подобным мнением.

Конечно, портнихи, не разгибаясь, работали четыре дня, дамы из-за «форс-мажора» потратили много денег, но «стратегическая задача» успешно решилась, и на балу 26 января дамы блистали…

Черный бал. Платье императрицы Марии Федоровны. *Франция. 1880-е гг.*

Камердинер императрицы Марии Федоровны описывал дамские наряды следующим образом: «Серые вырезанные платья, черные веера, черные по локоть перчатки, черные башмачки»[597]. Во время бала исполнялась только венская музыка, в пику австрийскому Двору. Надо признать, что это была действительно изысканная месть, поскольку «никогда женщины не выглядели так привлекательно, как на этом балу, – в черных вечерних платьях, усыпанных бриллиантами!»[598].

Костюмированный бал во дворце великого князя Владимира Александровича 25 января 1883 г. *К.О. Брош.*

Один из участников черного бала, великий князь Константин Константинович Романов (поэт «К. Р.»), записал в дневнике: «Бал в Аничков ом 26 января 1886 г. был очень своеобразным, с дамами во всем черном. На них бриллианты сверкали еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно»[599]. Можно с уверенностью утверждать, что инициатором цветных балов была императрица Мария Федоровна.

Конечно, зимние придворные балы – большая ярмарка тщеславия, к ней готовились загодя, продумывая не только фасон платья, но и «тактику» своего поведения. Иногда опытность в такого рода мероприятиях позволяла подняться и до уровня «стратегии». Итоги каждого бала подлежали строгому разбору на женской половине семьи, когда тщательно подсчитывались как «потери», так и «победы». Надо признать, что «боевые действия» на этих балах носили подчас бескомпромиссный характер. Огромное значение имело «снаряжение бойцов», особенности которого с удовольствием обсуждали даже мужчины, особенно те, кто был уже в возрасте и для которых главные «бои» уже отгремели под звуки польского и мазурки.

Императрица Александра Федоровна в костюме московской царицы XVII в. *Фото 1903 г.*

Так, государственный секретарь А.А. Половцев упоминает, как он в ноябре 1890 г. разбирал «виденные на аничковом собрании туалеты: у императрицы было белое атласное платье, спереди оно раздваивалось и открывало серебряное глазетовое, серебром шитое треугольное поле, точно так же по бокам были разрезы, в коих виднелись из атласа же сделанные, смятые, в несколько рядов расположенные пучки, на рукавах пониже плеч были весьма художественно исполнены перевязки.

Костюм боярина XVII в. графа А. А. Бобринского. *1903 г.*

Все платье было оторочено мелкими шелковыми шариками, напоминавшими жемчуг. На шее у императрицы было превосходное в один ряд ожерелье из крупного жемчуга… На великой княгине Марии Павловне было тоже белое атласное платье, тоже с переднею частью, вышитою серебром. На великой княгине Елизавете Федоровне розовое, обшитое собольим мехом, имевшее форму, которую в конце прошлого века столетия называли «польский фасон»»[600]. В этом эпизоде поражает «квалификация» Половцева в употреблении весьма специфической терминологии тогдашней моды.

Иногда балы запоминались современникам по различным «историям», происходивших на них. Об этих «историях» вспоминали спустя десятилетия, они становились своеобразным

«придворным фольклором», передаваемым из поколения в поколение.

В одном из писем к старшему сыну Александр III рассказал о забавной истории, произошедшей на январском балу 1891 г.: «Большой бал в Николаевской зале прошел благополучно, было более народу, чем когда-либо; приехало на бал более 2200 человек, и к ужину пришлось ставить запасные столы. Наш оркестр играл дивно в полном составе 106 человек и произвел эффект….Падений, Слава Богу, не было, но во время вальса вылетела на середину зала большая юбка!»[601]. Можно только представить, что пережила молодая девушка, у которой из-под платья вылетела эта «большая юбка».

Участники исторического бала 1903 г.

Исторические балы старались каким-либо образом зафиксировать в фотографиях, веерах и даже в «маленьких портфельчиках». Так, сезон зимних балов в 1874 г. прошел очень оживленно. Наряду с традицией сыграло свою роль и замужество единственной дочери Александра II. На одном из балов в Аничковом дворце дамы и кавалеры во время мазурки обменялись взаимными, заранее подготовленными подарками. Дамы давали кавалерам маленькие портфельчики с надписью: «Дворец 18 января 1874 года», а кавалеры дамам – веера с той же надписью[602].

Костюмированный бал, прошедший в Петербурге в 1882 г., оставил после себя веер императрицы Марии Федоровны, на нем директор Императорского Эрмитажа И.А. Всеволожский нарисовал карикатурные изображения участников этого бала.

Среди них можно узнать великих князей Алексея Александровича и Сергея Александровича, герцога Эдинбургского, А.А. Половцева, К.П. Победоносцева. «По политическим мотивам» не изображены только хозяева бала, а также царь и царица[603].

11 января 1896 г. состоялся первый большой придворный бал молодоженов Николая II и Александры Федоровны. С учетом того, что это был первый бал нового царствования, разослали достаточно много приглашений (3500), фактически на бал явились 2500 человек. Несмотря на весь опыт дворцового персонала, на входе во дворец и у гардеробов случились обычная «толпа и давка». Поскольку многие уезжали с бала, не дожидаясь «вечернего стола», его накрыли, желая сэкономить, из расчета на 2400 человек и почти угадали, поскольку свободными остались только 60 приборов. Николай II и Александра Федоровна, как и положено государям, по большей части работали и не танцевали. Николай II обходил присутствующих, стараясь каждому сказать что-либо приятное. Молодой императрице «представляли множество дам». Мемуарист, конечно, упомянул и о туалетах главных действующих лиц, Николай II был в «алом конногвардейском мундире», а императрица Александра Федоровна – «в бледно-зеленом» платье «с рубинами»[604].

Трудно было заранее предугадать, какой из балов останется в памяти потомков. Например, серия парадных балов различного уровня, связанных с празднованием 300-летия династии Романовых, оказалась совершенно проходной, не оставив после себя каких-то особенных впечатлений. Сам Николай II в дневнике отметил, что в эпицентр празднеств, 23 февраля 1913 г., поехал с женой и сестрой Ольгой на бал в Дворянское собрание. Бал был начат исполнением «польского», а затем танцы продолжились. Все впечатление царя: «Был большой порядок и красивый бал».

Император Николай II впитал «русскость» своего отца с детства. И сам, в свою очередь, продолжил традицию исторических балов. В какой-то мере это стало демонстрацией идеологической преемственности. Грандиозный костюмированный бал, проведенный в Зимнем дворце в 1903 г., стал последним большим балом империи, запомнившимся современникам. Великий князь Александр Михайлович писал в «Воспоминаниях»: «22 января 1903 г. «весь» Петербург танцевал в Зимнем дворце. Я точно помню эту дату, так как это был последний большой придворный бал в истории империи»[605].

Учитывая масштабы действа, для подготовки костюмов привлекались десятки портных. Так же как и во время исторического бала 1883 г., проводились архивные изыскания с целью создания эффекта максимальной достоверности костюмов

времен царя Алексея Михайловича. Надо отметить, что «малый царский наряд» Николая II был действительно отчасти подлинным.

Пуговицы с костюма Николая II

Эскиз костюма для царя разработали директор Эрмитажа И.А. Всеволожский и художник санкт-петербургских императорских театров Е.П. Пономарев. Ткани заказали поставщику Высочайшего двора фирме Сапожниковых – два вида бархата и золотую парчу. Из Оружейной палаты Московского Кремля было выписано 38 подлинных предметов царских костюмов XVII в. Из них для костюма Николая II было отобрано 16[606]. В их числе были жемчужные запястья, принадлежавшие сыну Ивана Грозного царю Федору Иоанновичу. В качестве дополнения к костюму использовали подлинный жезл царя Алексея Михайловича[607]. Пуговицы и нашивки на костюме были русской работы XVII в.

Костюм Николая II для бала 1903 г.

Сшил костюм для царя театральный костюмер Императорских театров И.И. Каффи, ему помогали две портнихи, чьи имена не сохранились. Царскую шапку изготовили в шляпной мастерской братьев Брюно, поставщиков Высочайшего двора с 1872 г.

Великий князь Александр Михайлович описывал костюмы участников бала следующим образом: «Ксения была в наряде боярыни, богато вышитом, сиявшем драгоценностями, который ей

очень шел. Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом кафтана с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи XVII века….Алике выглядела поразительно, но государь для своего роскошного наряда был недостаточно велик ростом. На балу шло соревнование за первенство между великой княгиней Елизаветой Федоровной (Эллой) и княгиней Зинаидой Юсуповой….Бал прошел с большим успехом и был повторен во всех деталях через неделю в доме богатейшего графа А.Д. Шереметева»[608].

Знаменитому балу предшествовала только одна генеральная репетиция, она состоялась 10 февраля 1903 г. Все танцующие репетировали предполагавшееся действо в Павильонном зале Зимнего дворца. Все дамы были в сарафанах и кокошниках, мужчины – в костюмах стрельцов, сокольничих и пр. Осматривали подготовленные костюмы лично императрица Александра Федоровна и ее старшая сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. Предполагалось, что в этих костюмах пройдут три бала.

На следующий день, 11 февраля, состоялся первый бал. Вечером гости начали собираться в Романовской галерее Зимнего дворца. Затем участники, шествуя попарно, «отдавали» русский поклон хозяевам бала в Большой (Николаевской) зале. Потом состоялся концерт в Эрмитажном театре. После спектакля в Павильонном зале участники бала танцевали «русскую». Ужин проходил в Испанском, Итальянском и Фламандском залах Эрмитажа, где сервировали вечерний стол. Затем участники бала проследовали опять в Павильонный зал, и вечер завершили танцами.

13 февраля 1903 г. состоялся второй бал. Участие в нем приняли 65 танцующих офицеров в костюмах XVII в. Члены царской семьи собирались в Малахитовом зале, остальные – в прилегающих помещениях. В 23 часа все участники перешли в Концертный зал, где за позолоченной решеткой на подиуме находился придворный оркестр в костюмах трубачей царя Алексея Михайловича, а в Большом Николаевском зале были расставлены 34 круглых стола для ужина. Буфеты располагались в Концертном зале и Малой столовой, столики с вином и чаем – в Малахитовой столовой.

Группа офицеров лейб-гвардии Конного полка в нарядах сокольничих времен царя Алексея Михайловича

После ужина хозяева возвратились в Концертный зал и танцевали до часу ночи. Общие вальсы, кадрили и мазурки начались после исполнения трех специально подготовленных танцев: русского, хоровода и плясовой. Кавалерами были кавалергарды, конногвардейцы и уланы. 14 февраля в доме у графа А.Д. Шереметева состоялся заключительный третий бал.

Традиционные зимние бальные сезоны прервали Русско-японская война (1904–1905 гг.), революция 1905 г. и болезнь цесаревича Алексея в 1912 г. Но когда дочери Николая II подросли, их надо было выводить в большой свет. Для великой княжны Ольги Николаевны, которой осенью 1911 г. исполнилось 16 лет, в Ливадии организовали первый в ее жизни взрослый бал. На бал пригласили не только родственников, но и офицеров военного гарнизона, расквартированного в Ялте. А.А. Танеева вспоминала, что «великая княжна Ольга Николаевна, первый раз в длинном платье из мягкой розовой материи, с белокурыми волосами, красиво причесанная, веселая и свежая, как цветочек, была центром всеобщего внимания. Она была назначена шефом третьего гусарского Елисаветградского полка, что ее особенно порадовало. После бала был ужин за маленькими круглыми столами»[609].

Вскоре к старшей сестре присоединилась великая княжна Татьяна Николаевна, для нее поводом для участия во взрослых

балах стали торжества 1913 г.

Заботливая бабушка, вдовствующая императрица Мария Федоровна, успела устроить для старших внучек большой бал до начала Первой мировой войны. Зимой 1914 г. в Аничковом дворце был дан бал в честь старших дочерей Николая II – Ольги и Татьяны. Он стал главным событием сезона. Для вдовствующей императрицы этот бал не был «проходным». В своем дневнике (14/27 февраля 1914 г.) она отметила, что «впервые за последние 20 лет устроила бал!»[610]. Как и было принято «в старые добрые времена», бал в Аничковом дворце закончился под утро – в 4.30 утра. Императрица Александра Федоровна присутствовала на этом балу, но предпочла уехать вскоре после его открытия – в полночь[611]. Эти мелочи просто поразительны. Мать, выводящая старших дочерей во взрослую светскую жизнь, соблюдя минимальные приличия, покидает бал, на котором танцуют ее дочери.

В начале 1914 г. традиционные зимние балы прошли и в Зимнем дворце. Мария Федоровна зафиксировала этот факт в дневнике (3/16 марта 1914 г.): «Когда еще не пробило 6 вечера, отправилась в Эрмитаж на «Парсифаль»….В 8 $^{4}/_{2}$ вечера в бальном зале был накрыт пышный обед, где присутствовали все….Все продолжалась ужасно долго – до 1 $^{1}/_{2}$ ночи»[612]. Это тоже примечательная мелочь. На «своем» балу можно было танцевать до утра, а бал у невестки – это уже утомительно и «ужасно долго».

Для младших великих княжон – Марии и Анастасии – первый бал остался лишь мечтой. Первая мировая война так и не позволила вывести их в свет. Вместе с тем это не совсем верно. По случаю приезда осенью 1916 г. в Петроград румынского принца Кароля в Александровском дворце Царского Села устроили домашний бал. Именно на нем состоялся первый, дебютный выход в свет третьей дочери царя 17-летней Марии Николаевны. Конечно, не обошлось без накладок. Входя в зал в туфлях на высоком каблуке, Маша упала, на что немедленно последовала реплика отца: «Разумеется, это толстушка Мария»[613]. Можно только предполагать, что испытывала тогда молодая девушка.

Придворные маскарады

Традиция публичных маскарадов при Императорском дворе заложена во времена правления Петра I. Эта традиция донесла до XIX в. сравнительную демократичность придворных маскарадов. Маскарады были одним из немногих придворных действ, когда в парадных залах Зимнего дворца могли развлекаться не только дворяне, но представители купечества и даже других слоев городского населения. Со времен Петра I дошла и строгая регламентация маскарадных увеселений.

До середины XVIII в. четкой периодичности в проведении придворных маскарадов не было. Их обычно приурочивали к каким-либо значимым событиям в жизни императорской семьи. В немалой степени популярность придворных маскарадов обусловилась любовью к ним женщин-императриц, начиная с Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Во время 34-летнего правления Екатерины II некая тенденция к регулярности проведения маскарадов обозначается уже вполне отчетливо.

Первый маскарад в Зимнем дворце состоялся 22 октября 1763 г. Поскольку в Зимний дворец должны были прийти тысячи людей, отработали процедуру их допуска во дворец. Сначала требовалось направить письменный запрос в Придворную контору, по рассмотрении которого выдавался пропускной билет. Билет был бесплатным, но имел разное оформление для дворян и купцов. Как правило, дворяне и купечество были главными гостями царских маскарадов, но периодически разрешалось их посещение и городскими мещанам. Существовали и жесткие ограничения, например слугам, носящим господскую ливрею, посещение маскарада запрещалось.

В XVIII в. в Зимнем дворце маскарады проводились достаточно часто. До восьми маскарадов в год. Осенью три-четыре, столько же после Нового года – от Рождества и до Великого поста. Под маскарадные действа отводились все парадные залы на втором этаже Зимнего дворца. С учетом сословной структуры

Российской империи даже демократичные маскарады проводились по сословиям. Во время праздника для каждой категории гостей выделялись «свои» залы. Каких-либо ограничений перехода в «чужой» не существовало, но купцам и дворянам было комфортнее веселиться «среди своих».

Маскарадный костюм императрицы Александры Федоровны. *1903 г.*

Естественно, возможность посещения царского маскарада привлекала тысячи людей. Данные о количестве участников маскарадов колеблются от 2,5 до 8 тыс. человек. Столь большая разница в цифрах вполне объяснима. Обычно Придворная контора выдавала от 7 до 10 тыс. билетов, однако на маскарады приходило не более 4–5 тыс.[614] Но были маскарады-рекордсмены, так, в 1778 г. в Зимнем дворце собралось 8 тыс. человек[615]. Если приводить точные данные, то на маскарад, проведенный в Зимнем дворце 12 февраля 1776 г., пришло 2350 «дворянских масок» и 470 «купеческих». Всего 2820 чел. На маскарад 29 октября 1776 г. было роздано 6958 билетов: 5926 дворянам и 1032 купцам. Но пришло только 2482 дворянина и 289 купцов. Всего 2771 человек. На маскарад 16 февраля 1778 г. роздано

билетов 8977. Присутствовало 3882 дворянина и 854 купца. Всего 4736 человек[616]. Приводя эти данные, следует учитывать, что в 1784 г. население Петербурга насчитывало 192 тыс. человек, при этом дворяне с купцами составляли 2–3 % от общей численности населения столицы[617].

Традиции маскарадов продолжились в период правления Александра I и Николая I. Биографы царя отмечали, что Николай I «по должности» рано начал принимать участие в придворных маскарадах.

Костюмированный бал в Зимнем дворце при императоре Николае I. *Г.П. Виллевальде. 1830-е и.*

Сначала ему это не очень нравилось, однако, повзрослев, он втянулся в них[618]. Мемуаристы, писавшие о времени царствования Александра I, отмечали, что «балы при дворе были в то время довольно часты. Они назывались bals pares (костюмированные балы – фр.), или куртаги, и состояли из одних польских»[619]. На маскарадах приветствовать особ Императорской фамилии запрещалось. Гости должны были проходить мимо, не обнажая головы и не кланяясь.

К началу XIX в. в Петербурге сложилась определенная классификация придворных маскарадов. Маскарады в Петербурге проводились самые разные, публичные, на них могли за умеренную плату попасть самые разные люди. Это были коммерческие мероприятия, которые должны приносить некоторый доход. Самыми знаменитыми публичными маскарадами стали маскарады, проводившиеся в доме

Энгельгардта и описанные в «Маскараде» М.Ю. Лермонтова. Их неоднократно посещал Николай I.

На так называемые корпоративные маскарады собирались представители того или иного землячества или купеческой гильдии. Это был способ общения и развлечения «для своих».

Император Николай I на маскараде. *А. Ладюрнер*

Примерно те же цели преследовались и на аристократических маскарадах, на них приглашались представители высшего света. Как правило, эти маскарады носили камерный характер развлечения «для своих». Так, императрица Александра Федоровна описывает один из подобных маскарадов, проведенных в начале 1818 г. во дворце молодоженов Николая Павловича и Александры Федоровны «для нашего всегдашнего павловского общества». Все были «замаскированы» с головы до

ног: «Матап – волшебницею, императрица Елизавета Алексеевна – летучей мышью, я – индийским принцем, с чалмой из шали, в длинном ниспадающем платье и широких шароварах из восточной ткани»[620].

Конечно, со временем появились образцы для подражания. Как правило, они приходили из Европы. С начала 1820-х гг. таким «образцовым» аристократическим маскарадом начал считаться знаменитый берлинский маскарад «Лалла Рурк», организованный в 1822 г. принцем Антоном Радзивиллом. Этот маскарад надолго стал эталоном светского блеска и хорошего вкуса[621]. Успех «Лаллы Рурк» повторился 13 июля 1829 г., когда в Потсдаме ко дню рождения императрицы Александры Федоровны ее отец, прусский король Фридрих Вильгельм III, организовал маскарад под названием «Волшебство Белой Розы». Праздник был задуман как средневековый рыцарский турнир с «живыми картинками» и посвящен российской императрице. Название маскарада связано как с девичьим прозвищем императрицы, так и с тем, что белая роза, символ праздника, – любимый цветок Александры Федоровны.

По образцам «Лаллы Рурк» и «Белой Розы» при российском Императорском дворе начали организовывать тематические маскарады.

Великие княжны Ольга и Александра в маскарадных костюмах. *П.Ф. Соколов. Начало 1830-х гг.*

Один из них состоялся зимой, на масленицу 1834 г. Тему маскарада обозначили сказкой «Аладдин и волшебная лампа». В Концертном зале Зимнего дворца поставили трон «в восточном вкусе» и галерею для тех, кто не танцевал. Зал декорировали тканями ярких цветов, кусты и цветы освещались цветными лампами. Мемуаристка, дочь Николая I Ольга Николаевна, пишет, что «волшебство этого убранства буквально захватывало дух». На маскараде старшие дочери царя Ольга и Мария «появились в застегнутых кафтанах, шароварах, в острых туфлях и с тюрбанами на головах». На этом маскараде им впервые

разрешили «идти с Мама в полонезе». Однако общий фурор произвел сын министра Двора Г.П. Волконский, который изображал горбатого, с громадным носом карлика с лампой[622].

В январе 1835 г. маскарад в Аничковом дворце «тематически» воспроизводил эпоху Павла I. А.С. Пушкин, присутствовавший на этом маскараде, записал в дневнике (8 января): «6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах Павла 1-го; граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский – Брызгаловым (кастеляном Михайловского замка)….Государь – полковником Измайловского полка, etc. В городе шум. Находят все это неприличным»[623].

Тезоименитство императора Николая I также отмечалось балом-маскарадом. Только его проводили в Зимнем дворце. На таком маскараде 26 декабря 1835 г. присутствовал А.С. Пушкин с женой. Последний раз супруги Пушкины были вместе в Зимнем дворце на церемонии водосвятия 6 января 1837 г.[624]

В 1837 г. в рамках «Китайского маскарада» состоялся детский «Бобовый праздник». Все приглашенные были в «китайских костюмах». Николай I оделся мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке, с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем[625].

Примечательно, что по «Гардеробным суммам» можно представить, сколько стоил Николаю I этот «китайский» карнавальный костюм. В марте 1837 г. по счетам из «Гардеробной суммы» уплачено: костюмеру театра Балте за китайское маскарадное платье – 865 руб.; парикмахеру Вивану за китайский парик для маскарада – 70 руб.; мастеру Тимофееву за китайскую шапку для маскарада 40 руб. Следовательно, весь костюм обошелся императору в 975 руб.[626]

Великий князь Алексей Александрович в маскарадном костюме

Великий князь Владимир в маскарадном костюме

Приглашение к участию в костюмированных балах в Аничковом дворце считалось знаком особой царской милости. На эти маскарады приглашались избранные. Например, когда после смерти А.С. Пушкин его жена Наталья Николаевна возобновила светскую жизнь, ее пригласили участвовать в маскараде в Аничковом дворце. Она оделась «в древнебиблейском стиле»: длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывавший широкие палевые шальвары, на голове – покрывало из легкой белой шерсти[627].

Отношение к придворным маскарадам не обсуждалось. Как правило, их любили все за демократичность и некую интригу, которой не было на помпезных официальных балах. Однако дочь царя Ольга Николаевна, активно участвуя во всех маскарадах и детских балах, заметила спустя много лет, что ей не нравились костюмированные балы. Она считала их утомительными и скучными, поскольку «специально разученные для них танцы часто подавляют прирожденный талант и грацию»[628]. Тем не

менее, она активно участвовала в каждом из придворных маскарадов. В 1843 г. на одном из зимних костюмированных балов Ольга Николаевна с несколькими барышнями появились в средневековых костюмах из голубого шелка, отделанного горностаем, с лентами на голове, усеянными драгоценными камнями, наподобие короны Св. Людовика[629].

Иногда проводились маскарады официально-парадные. Как правило, они связывались с событиями общегосударственного масштаба. Это могли быть коронационные торжества: 1 сентября 1826 г. во время московских торжеств, связанных

с коронацией Николая I, состоялся «маскерад» в Большом театре на Петровке. На маскараде мужчины нарядились в «венецианы» – полумаскарадные костюмы в виде плаща-накидки. Возникали поводы и дипломатического характера. Например, 4 мая 1830 г. состоялся костюмированный бал по случаю заключения мира с Турцией. На этом маскараде фрейлина Екатерина Тизенгаузен изображала Циклопа. По просьбе Екатерины А.С. Пушкин написал для нее стихотворение, которое она с успехом прочла перед императорской четой:

> Язык и ум теряя разом,
> Гляжу на Вас единым глазом.
> Единый глаз в главе моей.
> Когда б судьбы мои хотели,
> Когда б имел я сто очей,
> То все бы сто на Вас глядели[630].

Маскарады по случаю заключения браков детей Николая I также носили официальный характер. Так, в 1841 г. в Зимнем дворце устроили пышный маскарад с участием всего Императорского дома по случаю бракосочетания наследника Александра Николаевича[631]. По случаю бракосочетания Ольги Николаевны 4 февраля 1843 г. в Зимнем дворце также устроили парадный маскарад.

Примерно до середины 1840-х гг. в Зимнем дворце 1 января или на масленицу ежегодно проводились народные маскарады, или, как их называли, «балы с мужиками». Иногда «балы с мужиками» проходили и летом в Петергофе, во время традиционных гуляний, связанных с днем рождения императрицы Александры Федоровны (с 1826 по 1829 г. летние балы не проводились). Эта традиция сложилась еще в Екатерининскую эпоху и продолжалась на протяжении почти столетия. Определенную регулярность «балы с мужиками» приобрели во время правления Николая I. Так, 1 января 1828 г. в Зимнем

дворце на «балу с мужиками» половину гостей составляли мещане[632]. В 1831 г. в Зимнем дворце состоялся очередной маскарад для купечества и дворян, на который пригласили 2200 человек.

Примечательно, что европейские страны в это время вступали в период буржуазных революций, и для иностранцев было странным видеть столь массовые демонстрации единения народа и Императорской фамилии.

Графиня А.П. Шереметева в карусельном костюме. *Неизвестный художник. После 1766 г.*

Ф.П. Макеровский в маскарадном костюме. *Д.Г. Левицкий. 1789 г.*

Весьма критично относившийся к реалиям николаевской России французский путешественник барон де Кюстин, с некоторым раздражением, но, по сути, верно подметил «идеологическую» подоплеку этих балов. Он писал в «Записках»: «Когда император открывает свободный с виду доступ во дворец привилегированным крестьянам и буржуа, которых он дважды в году удостаивает чести явиться к нему на поклон, он не говорит земледельцу, купцу: «Ты такой же человек, как я», но он говорит барину: «Ты раб, как они»»[633].

Действительно, это была ежегодная демонстрация единства самодержавной власти и народа. Народ впускали в «царские чертоги», где они могли видеть императора и его семью. Эти действа вписывались в рамки сценария «патернализма», реализуемого в период правления Николая Павловича.

Описаний подобных маскарадов достаточно много. Любопытно восприятие порядка при проведении столь масштабных праздников. Так, Николай I 4 января 1832 г. в письме к И.Ф. Паскевичу сообщал, что «на маскараде 1 числа было во

дворце 22 364 человека; и в отменном благочинии»[634]. С другой стороны, одна из фрейлин императрицы Александры Федоровны «черноокая», Смирнова-Россет, писала, что «полиция счетом впускала народ, но более сорока тысяч не впускали. Давка была страшная»[635].

Интересен взгляд на подобный маскарад руководителей хозяйственных подразделений Зимнего дворца. В 1844 г. в рапорте «майора от ворот» полковника Баранова указывается, что для подготовки маскарада была проделана серьезная работа. Из Таврического дворца доставили скамейки и расставили их в нишах под окнами в залах. По сложившейся традиции устроили буфеты для бесплатного угощения публики. Каких-либо ограничений при впуске во дворец не было. Конечно, охрана следила за тем, чтобы во дворец городские мещане приходили в «чистой одежде», на глаз контролировалась и численность гостей.

Важная часть подобных мероприятий – непосредственные контакты народа и монархов. Николай I, его жена и все дети считали своим прямым долгом находиться среди «мужиков» на протяжении всего бала, отчетливо понимая, что это часть их профессии, хотя им приходилось тяжело физически. Как правило, императрица Александра Федоровна, одетая в так называемый русский сарафан, усаживалась в Георгиевском зале за ломберный стол, играя с министрами в бостон или вист. Для того чтобы лицезреть императрицу, в громадный парадный зал «простых людей» пускали не более чем по десять человек за раз. Можно представить робость, трепет и преклонение подданных, тихо проходивших мимо императрицы. Для Александры Федоровны это была просто работа.

Конечно, у дворцовой администрации были опасения за сохранность залов. Но в 1844 г. все обошлось на редкость хорошо. Полковник Баранов после маскарада немедленно доложил министру Императорского двора П.М. Волконскому о «потерях». Они казались на удивление незначительны, с учетом того, что за несколько часов через залы дворца прошло несколько тысяч человек. В числе «потерь» упоминалась потертая краска на стенах и дверных рамах. Видимо, через них пропихивалась толпа. «Полы паркетные, в особенности где стояли буфеты, значительно повреждены». По-видимому, горожане штурмовали буфеты с царским угощением. Психологически это понятно. Царское угощение, да еще бесплатное. Что говорить о простолюдинах, если даже высокопоставленные сановники старались унести домой с дворцового приема лишний апельсин или «конфекту» своим детям в качестве царского подарка. Также были разбиты стекла в двух форточках. Вероятно, из-за духоты от бесчисленных

свечей, расставленных в дворцовых залах. В Гренадерском пикете нижнее арматурное украшение было повреждено. Вероятно, кто-то, по русской традиции, хотел унести «сувенир» из царского дворца. В Портретной галерее героев 1812 г., с правой стороны от портрета Александра I, «от сильного дыхательного пара человеческого лак на шести портретах покрылся непроницаемой белизной». Наверное, нашлись любознательные посетители, буквально «носом» рассматривавшие портреты. В Белом зале почти на всех позолоченных колоннах на поверхности остались следы сырости от дыхания[636]. Министр Императорского двора распорядился немедленно исправить повреждения.

Летние «народные» маскарады проходили в петергофской Александрии по случаю дней рождения императрицы Александры Федоровны. В этот день дворцовая охрана широко открывала ворота парков для всех желающих. Со временем проведение этих маскарадов превратилось в прочную традицию. В письмах к различным корреспондентам Николай I обычно только фиксировал факт состоявшегося очередного маскарада. Так, на следующий день после маскарада, 2 июля 1837 г., царь писал своему старшему сыну из Александрии: «Маскарад был очень ладен и заключил с обычным ужином весь праздник. Зато сегодня прекрасная погода, и народу очень много»[637].

Во второй половине 1840-х гг. проведение народных маскарадов прекратилось, но многолетняя традиция их проведения стала маленьким кирпичиком программной формулы «Православие – самодержавие – народность».

Популярность маскарадов во многом связана с их демократизмом. Под маской могли скрываться самые разные по происхождению и социальному положению люди. Особенно любили «интриговать» девушки, на маскарадах искавшие своего «случая».

В немалой степени популярности маскарадов способствовало отношение к ним самого императора. По свидетельству близкого к императору мемуариста: «Император Николай чрезвычайно любил публичные маскарады и редко их пропускал – давались ли они в театре или Дворянском собрании»[638]. Причины здесь были самые разные. Император считал необходимым «быть в курсе» всего происходившего в столице, в том числе и развлечений. Кроме того, красавец император любил общество молодых женщин. А на маскарадах любая дама в маске или полумаске «имела право взять государя под руку и ходить с ним по залам». Дамы, естественно, считали своим долгом «интриговать» императора. Для этого «на тамошние маскарады раздавалось до 80 даровых билетов актрисам, модисткам и другим подобных

разрядов француженкам. Именно с целью интриговать и занимать государя»[639]. Справедливо считалось, что только у француженок достаточная «квалификация» для маскарадных интриг. До нас дошел забавный анекдот, связанный с маскарадными интригами. «Зимой 1851 г. к Николаю I на публичном маскараде подошла девушка в маске и заявила императору: «Я тебя знаю…» Император немедленно ответил: «И я тебя…» «Не может быть». «Точно знаю…» «Кто же я такая?» «Дура», – сказал царь и отвернулся. – По-русски либо горничная, либо прачка»[640].

На одном из таких театральных маскарадов, подражавших балам в парижской «Опера», Николай I познакомился с молоденькой Варенькой Нелидовой, бедной сиротой, младшей из 5 сестер. Она сумела удержать возле себя императора и только под конец вечера сказала, кто она. Дальше для бедной институтки началось воплощение сказки о Золушке. Ее пригласили ко Двору, и она понравилась императрице Александре Федоровне. Вскоре Нелидова получила фрейлинский шифр. Эта история породила множество сплетен. Большой свет единодушно зачислил В. Нелидову в категорию дам «для особых услуг». Но, так или иначе, Вареньку Нелидову и Николая I публичный маскарад связал 17-летней дружбой. Хотя современники считали В. Нелидову далеко не красавицей, но признавали ее необыкновенную обаятельность или то, что называется шармом. Дочь Николая I отметила, что, по ее наблюдениям, «женщины такого типа нравились деловым мужчинам, так называемые «душегрейки»». Видимо, Николай I действительно чувствовал себя в обществе Нелидовой очень комфортно. Так, Ольга Николаевна приводит эпизод, как мастерски Нелидова рассказывала анекдоты: «Папа смеялся до слез. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад»[641].

На маскарадах существовала своя «форма одежды». Причем она не формировалась стихийно, а предписывалась циркулярно. У дам все было просто. На маскарады они обязаны являться в масках, полумасках или «тематических» костюмах. Так, в 1843 г. на маскараде в доме министра Императорского двора князя М.П. Волконского императрица появилась «в богатейших средневековых нарядах»[642]. Для аристократических маскарадов, где все прекрасно знали друг друга, допускалось появление только в маскарадном костюме, без маски. В 1849 г. на традиционном Петергофском празднике по случаю дня рождения императрицы Александры Федоровны она появилась на маскараде «в великолепнейшем новогреческом (албанском) костюме, в предшествии восьми пар, одетых в такой же костюм, – все без масок. Пары эти составляли, сверх великой княжны Марии

Николаевны, фрейлины и молодые камер-юнкеры и камергеры»[643]. На известном портрете графини Самойловой кисти К. Брюллова мы видим на заднем плане публику в маскарадных костюмах, при этом сама графиня тоже в маскарадном костюме, но без маски на лице.

Что касается мужчин, то на маскарадах масок они не носили. До начала 1840-х гг. они обязаны были появляться на маскарадах в различных костюмах, в том числе домино и венецианах. Если на маскараде появлялись офицеры, то без шпаг. Так, барон М. Корф, описывая маскарад у графа Левашова в феврале 1839 г., писал: «Мы все были в цветных фраках, без масок, но и без лент, в домино, дававших нам вид немецких пасторов или каких-то Дон-Базилиев с круглыми шляпами, которых, однако, никто не надевал»[644]. Император и наследник могли позволить себе появиться на маскараде в каком-либо экзотическом обмундировании, способном сойти за маскарадный костюм. В 1843 г. на маскараде у князя М.П. Волконского Николай I был в пунцовом жупане линейных казаков Собственного конвоя.

В середине 1840-х гг. на маскарадах император и вообще мужчины, «военные и статские, являлись тут в обычной своей одежде; но дамы все без изъятия были переряжены»[645]. Однако 12 февраля 1846 г. по случаю маскарада, данного в пользу инвалидов, объявлено приказание, по которому любые маскарадные костюмы для офицеров запрещались. С этого времени офицеры развлекались на маскарадах только в форменных мундирах и обязательно при шпаге. Маскарады для военных стали отличаться от обыкновенных балов лишь тем, что на первых они должны носить на голове каски. Можно представить себе развлекающегося на маскараде офицера при шпаге и в массивной кожаной каске с имперским орлом…

На маскарадах в силу жанра самого действа манера поведения гостей была самая демократичная. В 1842 г. французский живописец О. Берне, сопровождавший Николая I на одном из маскарадов, отмечал, что «каждый предоставлен самому себе, от императора до последнего актеришки. Все проталкиваются сквозь толпу без почитания рангов и не снимая головных уборов. У офицеров поверх мундиров маленькие шелковые накидки из черного кружева… Его Величество держится с удивительной грациозностью, и на него непрестанно нападает множество черных домино, чтобы сказать ему все, что им только взбредет в голову»[646].

Традиция проведения придворных маскарадов в полной мере продолжалась в первое десятилетие правления Александра II. Примечательно, что сам жанр маскарада, даже «на заданную

тему», оставлял достаточный простор для фантазии его участников. Фантазии «на маскарадную тему» допускали даже некоторое отступление от весьма жестких условностей большого света. Молодым светским львицам жанр маскарадов позволял обнажиться чуть больше принятого или намекнуть своим костюмом на некую загадку. Граф С.Д. Шереметев, описывая петербургское общество 1860-х гг., упоминает о маскарадах в доме княгини Е.П. Кочубей: «Здесь я был на знаменитом костюмированном бале, на котором были двор и все общество… помню… княжну Марию Элимовну Мещерскую в виде египетского сфинкса с одною яркою бриллиантового звездою в волосах. Грусть и сосредоточенное, загадочное ее выражение как нельзя более шли к изображению сфинкса….Тут же был и князь Павел Петрович Вяземский в виде огра (людоеда), в огромных сапогах с раструбами, за голенищами которых насованы были куклы, изображавшие детей»[647].

Костюмированный бал во дворце княгини Елены Кочубей в честь императора Александра II. 25 февраля 1865 г. *М. Зичи. 1865 г.*

Бывали случаи, когда относительная «маскарадная свобода» становилась поводом для политических эскапад. Так, на одном из придворных святочных маскарадов 1860-х гг. влиятельная фрейлина императрицы Марии Александровны, графиня Антонина Блудова, весьма близко примыкавшая к славянофильским кругам, позволила себе одеть простонародный «костюм полотера». На маскараде «она показалась в рубашке и в

больших сапогах». Александр II «вышел из себя. Ей сделано было внушение, и больше уже этого не повторялось»[648].

Веер с карикатурой на костюмированный бал 1882 г.

Веер с карикатурой на костюмированный бал 1882 г.

Веер с карикатурой на костюмированный бал 25 января 1883 г. у великого князя Владимира Александровича. *Россия. 1883 г.*

В 1860-х гг. в Михайловском дворце при Дворе великой

княгини Елены Павловны продолжались блестящие маскарады, бывшие отголоском ушедшей Николаевской эпохи. По словам мемуариста, «это было поистине что-то сказочное….Тут были маски и костюмы удивительно богатые и разнообразные, целая депутация каких-то насекомых в мантиях и приветственная у них речь и адрес Государю, произнесенная главою депутации букашек»[649].

Участвовал в придворных маскарадах и Александр II. На одном из них, состоявшемся в феврале 1875 г., цесаревич Александр Александрович нарядился «атаманом», а император Александр II оделся Петром Великим, и «в руках его была знаменитая «дубинка», но одеяние это ему не шло, и он скоро его снял»[650]. На это замечание по поводу «скоро снятого» маскарадного костюма следует обратить особое внимание. Харизматичный Николай I мог многое себе позволить, в том числе и появиться в маскарадном костюме, и ни у кого не возникало вопроса «идет или не идет» той или иной образ монарху. Александр II был слаб, и это на подсознательном уровне осознавалось многими, поэтому ему и «не шел» образ Петра Великого с его дубинкой. Маскарадный костюм «разрушал» и без того не слишком прочный образ монарха, поэтому в 1870-х гг. маскарадная традиция стала постепенно исчезать из придворного досуга.

Однако на вкус и цвет… 18-летнему великому князю Сере-гею Александровичу на бале-маскараде 1883 г. понравилось все: «Чудный костюмированный бал у Владимира[651]….Было много красивых костюмов. Минни[652] была в розовом домино, Михен[653] – в виде жрицы солнца, великолепна. Папа[654] – Петром Великим, Саша[655] – великолепным гетманом, дядя Низи[656], Алексей[657] и Николаша[658] – витязями, Владимир – кавалергардом Елизаветы Петровны, дядя Костя[659], Костя[660] – моряками Екатерины, Елена М.[661] – бержеркой[662], очень мила. Танцевали до $^1/_2$ 5-го!!! Лег около 6 часов»[663].

При Александре III придворные маскарады проводились вплоть до 1894 г. Но за все правление государь ни разу не появлялся в маскарадном костюме. Однако то, что было не позволено монарху, дозволялось цесаревичу Николаю Александровичу. Зимой 1894 г. на необычайно оживленной масленице, несмотря на тяжелый грипп Александра III, был проведен очередной придворный маскарад. Он отражал уже сложившиеся новые веяния царствования Александра III. На этом маскараде цесаревич Николай Александрович, одетый в костюм сокольничего, «был очень хорош. Ксения Александровна царевною также очень хороша. Ее жених, «боярином» был

слаб»[664].

Праздники в императорской семье

Рождество

Новый год и Рождество сегодня это привычные радостные праздники. Логичное календарное окончание одного отрезка жизни и начало другого. Естественно, более удачного. Однако сегодня празднование Рождества и Нового года существенно отличается от восприятия этих праздников в дореволюционной России.

Как известно, перенос начала календарного года на 1 января произошел по указу Петра I в декабре 1699 г., когда на смену древнеславянскому календарю с точкой отчета летоисчисления «от сотворения мира» пришел юлианский календарь. При этом надо заметить, что в Европе в это время уже прочно утвердился григорианский календарь, введенный в XVI в. и ведший летоисчисление «от Рождества Христова». Поэтому в русских дореволюционных газетах на первой странице ставили две даты: русскую – по юлианскому календарю и европейскую – по григорианскому. Переход в России на григорианский календарь произошел только в январе 1918 г. При этом все церковные праздники по сей день продолжают отсчитываться по юлианскому календарю. Поэтому в нашу жизнь прочно вошло чисто русское, слегка бредовое понятие «старый Новый год».

Традиция шумного празднования Рождества и Нового года существовала на Руси издавна. При Петре I, «по-немецкому» образцу, в атрибутику праздника вошли еловые ветки, которыми украшались дома и кабаки.

Появление именно рождественской елки в России датируется первой четвертью XIX в., когда жена великого князя Николая Павловича, в будущем императрица Александра Федоровна, постепенно ввела этот обычай при Императорском дворе. Александра Федоровна, будучи немецкой принцессой, впитала эту традицию с детства, поскольку традиция рождественских елок получила широкое распространение в Германии на рубеже XVIII и XIX вв. При этом следует подчеркнуть, что елки и подарки были непременным атрибутом именно рождественских праздников, а не календарного начала Нового года. Существует даже точная дата появления первой рождественской елки при Императорском дворе. Великая княгиня Александра Федоровна впервые устроила рождественскую елку с подарками в декабре 1817 г., находясь с мужем в Московском Кремле.

При Николае I рождественская елка в Зимнем дворце становится прочной традицией. Постепенно этот обычай распространяется сначала среди аристократии Петербурга, а

затем и среди горожан. Как правило, накануне Рождества в сочельник после всенощной у императрицы Александры Федоровны устраивалась елка для ее детей, и вся свита приглашалась на этот семейный праздник. При этом у каждого из членов семьи имелась своя елка, рядом с которой стоял стол для приготовленных подарков. А поскольку детей и племянников было много, то в парадных залах Зимнего дворца ставилось до десятка небольших елочек. Надо заметить, что детские подарки выглядели довольно скромно. Как правило, это были различные игрушки и сладости с обязательными «конфектами». Мемуаристы зафиксировали, что Николай I лично посещал магазины, выбирая рождественские подарки каждому из своих близких.

Елки ставились обычно в покоях императрицы и ближайших залах – Концертном и Ротонде. После всенощной перед закрытыми дверями, вспоминает современник «боролись и толкались все дети между собой, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и бились сердца радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись, и мы вбегали с шумом и гамом в освещенный тысячью свечами зал. Императрица сама каждого подводила к назначенному столу и давала подарки. Можно себе представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту».

На Рождество 1831/32 г. в Зимнем дворце устроили уже традиционные семейные елки с подарками. Отец подарил 13-летнему наследнику-цесаревичу бюст Петра I, ружье, саблю, ящик с пистолетами, вицмундир Кавалергардского полка, фарфоровые тарелки и чашки с изображением различных частей русской армии и книги на французском языке.

Примечательно, что дети сами приобретали рождественские подарки для родителей на свои карманные деньги. Описывая рождественскую елку в декабре 1837 г., дочь Николая I Ольга Николаевна упоминает: «У нас была зажжена по обыкновению елка в Малом зале, где мы одаривали друг друга мелочами, купленными на наши карманные деньги».

Кстати, «зажженные елки» представляли собой определенную опасность для огромного дворца, поскольку на них зажигали свечи. И поэтому когда в декабре 1837 г. загорелся Зимний дворец и Николаю I доложили об этом, его первой мыслью было то, что пожар начался на половине детей, которые по неосторожности могли уронить свечку. И рассказывая об этом эпизоде, Ольга Николаевна обронила, что император «всегда был против елок»[665].

Однако традиция уже сложилась, и «пожароопасные» рождественские елки, так радовавшие детей, продолжали проводиться. А рождественские подарки вспоминались спустя долгое время после самого Рождества. Так, в июле 1838 г. Николай I в письме к сыну Николаю упомянул: «Надеюсь, что мои безделки на Рождество тебя позабавили; кажется, статуйка молящегося ребенка мила: это ангел, который за тебя молится, как за своего товарища»[666].

Царская семья не забывала одарить подарками и свиту. После раздачи взаимных «семейных» подарков все переходили в другой зал Зимнего дворца, где был приготовлен большой длинный стол, украшенный фарфоровыми вещами, изготовленными на императорской Александровской мануфактуре. Здесь разыгрывалась лотерея. Николай I выкрикивал карту, выигравший подходил к императрице и получал выигрыш – подарок из ее рук.

Пожалуй, самым запомнившимся современникам рождественским подарком в период царствования Николая I стал подарок его дочери, великой княжне Александре Николаевне, в декабре 1843 г. Дело в том, что накануне в Петербург прибыл ее жених. Родители скрыли это от дочери, и когда двери Концертного зала Зимнего дворца растворились, дочь Николая I нашла своего жениха привязанным к своей елке в качестве подарка с фонариками и «конфектами». Наверное, для нее это стало действительно рождественским чудом.

На это Рождество подросшие дочери Николая I в Концертном зале Зимнего дворца нашли на «своих» столах уже «взрослые» подарки. Великая княжна Ольга Николаевна получила от родителей на Рождество в декабре 1843 г. «чудесный рояль фирмы Вирт, картину, нарядные платья к свадьбе Адини и от Папа браслет с сапфиром – его любимым камнем»[667]. А для Двора и светского общества состоялся традиционный праздник с лотереей, на которой разыгрывались прекрасные фарфоровые вещи – вазы, лампы, чайные сервизы и т. д.

После смерти Николая I его сын, молодой император Александр II, продолжил традиции, сложившиеся во время царствования отца. 24 декабря 1855 г. в сочельник елка была устроена на половине императрицы Марии Александровны «в малых покоях». Поскольку в 1855 г. продолжался годичный траур по умершему Николаю I, то на елке присутствовали только «свои». К «своим» по обыкновению отнесены фрейлины Марии Александровны – Александра Долгорукая и Анна Тютчева. Все было как обычно: особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и елка для каждого из детей великого князя Константина. Вся Золотая

гостиная превратилась в целый лес елок. Выложенные под елками подарки фактически превратились «в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещиц. Императрица получила бесконечное количество браслетов, старый Saxe (саксонский фарфор), образа, платья и т. д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки»[668].

Следует отметить, что к проведению этих рождественских елок и лотерей готовились не только взрослые, но и дети. Так, 27 декабря 1861 г. великие князья Александр и Владимир на половине императрицы несколько часов готовили елку, а затем наклеивали билетики на книги для проведения лотереи[669].

Даже когда семья в силу обстоятельств была разлучена, елки в Зимнем дворце проводились по устоявшейся традиции.

Например, на Рождество 1864 г., когда за границей находился тяжело больной наследник Николай Александрович и лечившаяся в Ницце императрица Мария Александровна, в Петербурге прошла традиционная рождественская елка. На шести столах разложили присланные императрицей тщательно завернутые подарки. Четыре стола из шести предназначались для подарков от императрицы Марии Александровны Александру II и их сыновьям: Александру, Владимиру и Алексею. На двух столах лежали подарки для великого князя Константина Николаевича и его сына Николая Константиновича. Александр II сам читал письмо императрицы, и, следуя инструкциям, юноши вскрывали один за другим подарки. На другой день, в Рождество, зажгли вторую елку для прочих членов Императорской фамилии и ближайших ко Двору должностных лиц[670].

В свою очередь мать и сын, находившиеся в Ницце, устроили рождественскую елку для себя. Это было очень грустное Рождество. Наследник-цесаревич Николай Александрович умирал. В декабре он уже не вставал с постели. Накануне Рождества Мария Александровна устроила в спальне цесаревича своеобразную елку. Посреди комнаты поставили померанцевое дерево, увешанное золотистыми плодами, на его ветвях красовались фотографические портреты лиц свиты императрицы и самого наследника. Поскольку круг посетителей цесаревича ограничен, и свита не могла присутствовать на «елке», то все они были представлены на снимках. Эта затея матери развлекла и позабавила больного цесаревича. На другой день в Рождество императрица устроила у себя другую такую же елку для своего Двора и находившихся в Ницце знатных русских: «Собрание было очень оживленное и веселое»[671].

Традиция процедуры рождественских праздников сложилась

в Зимнем дворце еще во второй половине XVIII в. Собственно рождественские праздники начинались со всенощной службы в малой дворцовой церкви. Как правило, это семейный праздник, с приглашением только «своих». На богослужении присутствовали лишь императорская чета и все их дети. После службы все направлялись в Золотую гостиную Зимнего дворца, где каждого ожидала своя елка. Подарки подбирались очень тщательно, с учетом склонностей, желаний и увлечений каждого из членов семьи. Однако царская семья не могла остаться в своем узком кругу даже в рождественскую ночь. На елку приглашались и те, кто фактически становились со временем почти членами императорской семьи: няни и воспитатели, то есть те, кто растил царских детей, отчасти заменяя им родителей. Так, в 1860-х гг. на елках в обязательном порядке присутствовала фрейлина и воспитательница А.Ф. Тютчева, няня Е.И. Струтон и Д.С. Арсеньев, воспитатель младших сыновей Александра II[672].

Примечательно, что рождественское настроение овладевало не только детьми, но и взрослыми. Все с удовольствием готовились к празднику, обдумывали, какие подарки выбрать для родных и близких, и с удовольствием радовались подаркам, оказывшимися под «их» елкой. Уже выросший (16 лет) великий князь Сергей Александрович записал в дневнике 24 декабря 1873 г.: «Была чудная елка! Как мы наслаждались, подаркам не было конца! Мари получила чудные драгоценности! Китти была и очень радовалась»[673]. Примечательно, что няня царских детей Е.И. Струтон (Китти) разделяла радость всей семьи.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. рождественские традиции пришлось нарушить. В семье возникли разногласия. Императрица Мария Александровна желала провести рождественские праздники как можно скромнее по случаю продолжавшейся войны. Как писал ее сын Сергей Александрович: «Мама решила, что елок не будет у нас совсем в этом году и праздники грустные будут»[674], однако «Папа потребовал одну большую елку в Золотой гостиной»[675].

Надо заметить, что рождественские подарки имели свою материальную составляющую, впрочем, она, конечно, не особенно интересовала хозяев огромной Империи. Как правило, приготовлением елок на Рождество занимались кондитеры. Обычно им выдавался аванс на их «обустройство», а после предоставления счета происходил окончательный расчет. При Александре II (1855–1881 гг.) аванс обычно составлял 500 руб. Но при этом в 1878 г. все рождественские елки обошлись в 880 руб., с бронзовыми и другими украшениями, сюрпризами, картонажем и фруктами. В 1879 г. елки стоили 780 руб., кроме этого,

появились дополнительные расходы в 480 руб. на елку, отправленную в Ниццу, где проводила зиму больная императрица Мария Александровна. Таким образом, в этот год рождественские елки обошлись дворцовому ведомству в 1260 руб.

На Рождество и Новый год в 1870-х гг. устанавливалось, как правило, пять елок. Из них три большие елки для императора, императрицы и цесаревича – «на обыкновенных столах». По счету кондитера Петра Прядина в 1880 г. две елки «с бронзовыми украшениями» обошлись по 45 руб., три другие елки «с обыкновенными украшениями» стоили по 25 руб. Елочные подарки включали в себя: «сюрпризы французские» (95 шт. по 2 руб.), «конфекты» (75 кульков по 1 руб. 43 коп. за фунт), мандарины (150 шт. по 1 руб. 45 коп. за десяток), яблоки (150 штук по 1 руб. за десяток), чернослив французский (только для великих князей, 9 ящичков по 2 руб. 50 коп.). Кроме этого, за границу отправили великим князьям Сергею и Павлу Александровичам сюрпризы и конфеты. От стандартного «подарочного рождественского набора» отличался только подарок Александру II, ему в «комплект» включили ящичек абрикосов «пат де абрикос» (одна коробка за 3 руб.)[676].

Таким образом, в 1880 г. придворные кондитеры укомплектовали 75 «базовых» стандартных рождественских подарков, в каждый из которых входили: французские сюрпризы, конфеты (по фунту), яблоки и мандарины по 2 шт. Великим князьям добавлен чернослив. Все подарки обошлись в 972 руб. Как мы видим, по сегодняшним стандартам, подарок очень скромный, прямо-таки сиротский, но «базовый комплект», конечно, дополнялся и личными подарками членов императорской семьи. Следует отметить, что с началом «террористической охоты» на Александра II никто из членов императорской семьи не мог позволить себе ходить по магазинам, лично выбирая подарки. Образцы подарков присылались в Зимний дворец поставщиками Императорского двора, и именно из них отбирались личные подарки.

В дневниковых записях великих князей в 1870-х гг. встречаются упоминания о том, что рождественские елки организовывались и для детей слуг. 24 декабря 1874 г. великий князь Сергей Александрович целый день занимался подготовкой елки «для детей людей». В этот же день в Белом зале состоялась и семейная елка со всеми традиционными подарками. На следующий день семья отправилась в Аничков дворец, где были обед и елка «у Саши для детей»[677].

При Александре III Рождество, как правило, отмечалось в Гатчинском дворце. Готовиться начинали заранее: выбирали

подарки для гостей, отбирали фарфоровые и стеклянные вещи для лотереи и подарков.

Надо заметить, что при Александре III ситуация с практикой подбора подарков изменилась. Волна терроризма в России на рубеже 1870—1880-х гг. совершенно исключила возможность личного посещения магазинов членов императорской семьи. То, что могли себе позволить члены семьи Николая I и Александра II (в 1860-х гг.), для семьи Александра III было невозможным. Поэтому образцы подарков присылались магазинами во дворец, а уже из них отбирались собственно подарки. Проблема заключалась в том, что эти образцы из года в год повторялись, поэтому дети старались смастерить что-нибудь сами. Так, однажды маленькая великая княжна Ольга Александровна подарила отцу мягкие красные туфли, вышитые белыми крестиками. Ей было так приятно видеть их на нем[678].

Изменился и сам характер подарков. Так, подарок Марии Федоровны своему мужу в декабре 1881 г. можно трактовать по-разному. Дело в том, что это был американский револьвер смит-вессон № 38 (35 руб.), к которому прилагались 100 патронов (7 руб. 50 коп.) и кобура (5 руб.)[679]. Можно назвать это «хорошим мужским подарком», а можно его воспринять как намек на террористическую угрозу, она в полной мере сохраняла свою реальность в конце 1881 г.

Примечательно, что своим мальчикам – Николаю и Георгию – императрица подарила по хорошему английскому ножу, вполне сопоставимых по цене с револьвером[680].

Как правило, в Гатчинском дворце для царской семьи и братьев императора ставили 8—10 елок в Желтой и Малиновой гостиных. К всенощной съезжалась вся царская семья – великие князья с семьями. Кто не приезжал в сочельник, появлялись утром к литургии и праздничному завтраку в Арсенальном зале, на который приглашались лица по списку.

Хотя из года в год процедура Рождества повторялась, но от этого она не становилась менее радостной не только для детей, но и для взрослых. Сестра Николая II вспоминала, как отец, император Александр III, звонил в колокольчик, и все, забыв про этикет и всякую чинность, бросались к дверям банкетного зала. Двери распахивались, и «мы оказывались в волшебном царстве». Весь зал был уставлен рождественскими елками, сверкающими разноцветными свечами и увешанными позолоченными и посеребренными фруктами и елочными украшениями. Шесть елок предназначались для семьи и гораздо больше – для родственников и придворного штата. Возле каждой елки ставили маленький столик, покрытый белой скатертью и заваленный

подарками[681]. Дочь Александра III Ксения вспоминала, что на елку 1884 г. она «получила много вещей», а на елке «хлопали хлопушки». Младший брат Николая II Михаил писал в дневнике, что накануне Рождества он «валялся в кровати и думал о елке».

Вскоре праздник заканчивался, и елки, простоявшие во дворце три дня, убирали. Снимали украшения с елок дети: «Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из которых были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы, до чего же счастливы были и мы, доставив им такую радость!» – вспоминала великая княгиня Ольга Александровна[682].

При Александре III было положено начало традиции посещения других многочисленных елок членами Императорской фамилии. Так, ежегодно 25 декабря после фамильного завтрака ехали с детьми и великими князьями в манеж Кирасирского полка на елку для нижних чинов Собственного Его Величества конвоя, Сводно-гвардейского батальона и Дворцовой полиции. На следующий день елка повторялась для чинов, бывших накануне в карауле. Императрица Мария Федоровна лично раздавала солдатам и казакам подарки. Для офицеров праздник устраивался 26 декабря в Арсенальном зале Гатчинского дворца. Напротив бильярда стояла елка и стол с подарками, после раздачи даров, всех угощали чаем. Александр III считал своим долгом разделить рождественские праздники с людьми, обеспечивавшими его личную безопасность.

С началом нового царствования все традиции, впитанные Николаем II с детства, продолжались при Императорском дворе вплоть до 1917 г. В декабре 1895 г. император Николай II впервые встречал Рождество в Зимнем дворце мужем и отцом. Он записал в дневнике 24 декабря: «В 6 $^{1}/_{2}$ пошли ко всенощной и затем была общая Елка в Белой комнате… Получил массу подарков от дорогой Мама и от всех заграничных родственников». Затем 25 декабря: «В 3 ч. поехали в придворный манеж на Елку Конвоя и Сводного батальона.

Рождественская елка в Александровском дворце Царского Села. *Фото начала XX в.*

Как всегда были песни, пляски и балалайки. После чаю зажгли маленькую елку для дочки и рядом другую для всех женщин, Алике и детской». 26 декабря «В 2 $^1/_2$ ч. отправились в манеж на Елку второй половины Конвоя и Сводного батальона. После раздачи подарков смотрели опять на лезгинку и пляску солдат». 27 декабря была «Елка офицерам». Таким образом, начиная с Александра III, рождественские праздники для императорской семьи стали важной частью публичной демонстрации «нерушимого единства» царя и его личной охраны.

Конечно, из этой череды обязательных праздничных мероприятий старались выделить время и для семейной елки с обязательными взаимными подарками. 24 декабря 1896 г.: «В 4 часа устроили елку для дочки в нашей спальне». В этот день Александра Федоровна недомогала, а у царя «трещала голова», поэтому они в 11 вечера легли поспать, а затем, проснувшись через час, «показали наши взаимные подарки. Оригинальная Елка

в первом часу ночи в спальне!!!». Хотелось бы подчеркнуть, что тогда рождественские праздники не носили характера «всенародного праздника», а являлись тихим, семейным делом. Естественно, царем незатейливо подводились и итоги года: «Не могу сказать, чтобы с грустью простился с этим годом. Дай Бог, чтобы следующий, 1897 г. прошел бы так же благополучно, но принес бы больше тишины и спокойствия».

Няня царских детей англичанка Маргарет Эггер впервые наблюдала русское Рождество в декабре 1900 г. В этом году рождественские праздники проводились в Александровском дворце Царского Села. По ее словам, во дворце установили не менее 8 елок, в их украшении принимала участие сама императрица. Кроме этого, Александра Федоровна выбирала подарки для всего окружения императорской семьи, от офицеров охраны и до лакеев с истопниками. Для царских дочерей и их няни установили отдельную елку. Под елкой положили музыкальную шкатулку, она наигрывала бессмертное: «Ах, мой милый Августин, Августин…» Подарки для детей разместили на отдельных столиках, установленных вокруг елки.

Остальные праздники Рождества в семье Николая II проходили по сложившейся «схеме». Менялось только количество детей, и с 1904 г. праздник Рождества отмечался в Александровском дворце Царского Села. Поскольку детей поселили на втором этаже дворца, то 24 декабря 1904 г. рождественскую елку впервые установили у детей «наверху». В этот же день, к вечеру, семьей поехали в Гатчинский дворец к вдовствующей императрице Марии Федоровне. Там, после всенощной, «внизу» устроили елку «для всех». Около 11 часов вечера Николай II с женой вернулись в Царское Село, где «устроили свою елку в новой комнате Алике». В следующие два дня члены императорской семьи присутствовали на рождественских елках, устроенных для различных подразделений охраны.

В последующие годы все повторялось без изменений. Многочисленные елки для охраны, елки с родственниками, домашние елки, в которых стали принимать участие и дети.

Для них устраивались отдельные елки. Так, 24 декабря 1905 г. «В 4 часа была елка детям наверху». Готовились и личные подарки. 28 декабря 1905 г. царь «убрал рождественские подарки по комнатам». У родителей была «собственная елка». В 1906 г. Николай II записал: «В новой комнате Алике была наша собственная елка с массой прекрасных взаимных подарков».

Одна из мемуаристок упоминает, что императрица имела маленькую «рождественскую» слабость: «Она непременно хотела,

чтобы свечи на елке задувала она сама. Она гордилась тем, что особенно сильной струей воздуха ей удавалось погасить самую верхнюю свечу»[683].

Когда дочери подросли, их стали привлекать к посещениям елок, организованных для охраны. Даже появились специфические выражения «елка первой очереди», «елка второй очереди». Посещение этих обязательных елок было важной частью публичной «профессии» царя.

После того как началась Первая мировая война, многое в жизни страны изменилось. 24 декабря 1914 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна записала в дневнике: «Впервые в этом году мы с ней (Ксенией. – *И. З.*) встречали Рождество без настоящей рождественской елки»[684].

Новый год

В императорской России новогодняя ночь с 31 декабря на 1 января не считалась большим праздником, а просто считалась календарным рубежом между годом уходящим и годом наступающим, поэтому прочной традиции провожать уходящий год и встречать наступающий тогда еще не возникало. Праздником с взаимными подарками было прошедшее Рождество. Тем не менее, в семьях этот день в той или иной степени отмечали. Конечно это «отмечание» не шло ни в какое сравнение с сегодняшними новогодними гуляниями.

Сохранилось очень немного воспоминаний о том, как в императорской семье проводился предновогодний день. Так, вечер 31 декабря 1853 г. фрейлина А.Ф. Тютчева провела у императрицы. Дамы говорили о войне и щипали корпию для армии. В одиннадцать часов подали шампанское, все поздравили друг друга, и императрица отпустила фрейлин, «так принято в царской семье, чтобы к двенадцати каждый удалялся к себе»[685].

31 декабря 1861 г. сыновья Александра II Александр и Владимир проводили, в целом, как обычно. Их подняли в 7 часов утра. После завтрака юноши готовились к лотерее и наклеивали билетики на книги. Затем они посетили отца и в 11 часов пошли к литургии. На 6 часов вечера назначена елка у наследника-цесаревича. До нее великие князья готовили уроки и обедали с родителями. После елки на половине цесаревича в 8 часов вечера вся семья собралась ко всенощной, та продолжалась два часа. После этого Александр и Владимир побыли «с час времени» у родителей и «спать легли около четверти двенадцатого». Перед сном к сыновьям зашел Александр II[686]. Таким образом, никто не ждал полуночи, традиция новогодних курантов появилась много позже.

Воспитатель царских детей адмирал Д.С. Арсеньев особо отметил в дневнике (1873 г.), что «Императрица и Государь никогда не встречали Нового года, и Императрица к 12 часам уже была в постели, и великие князья Сергей и Павел Александровичи, простившись с родителями около 11 часов, пришли к нам и у нас встречали Новый год»[687]. Единственное, что выделяло этот день из череды других дней, был семейный обед всех детей с родителями. День завершался всенощной, на ней императорская чета не присутствовала.

Новый год не встречали, но в дневниковых записях нескольких поколений Романовых четко отслеживается традиция, характерная для самых разных людей, коротко подводить итоги

уходящего года. Как правило, это делалось в нескольких словах. Например, 31 декабря 1873 г. 16-летний великий князь Сергей Александрович незатейливо отметил для себя: «Вот кончился милый 1873 год, мне жаль, потому что я был счастлив в этом году, и всегда грустно покидать старое, хорошее!!!»[688].

1 января – обычный рабочий день, в том числе и для великих князей. В этот день служилась обедня в парадных туалетах, приносились поздравления, наносились обязательные визиты.

Так, 1 января 1862 г. Александр и Владимир встали также в 7 часов. В 8 часов они пошли на половину старшего брата-наследника пить чай. К половине десятого великие князья собрались в приемной у Александра II в полной парадной форме и с Андреевскими цепями. После семейного завтрака братья отправились делать визиты. Один из младших братьев цесаревича записал в дневнике: «По обыкновению, вся семья собралась утром поздравлять Папа….Завтракали en famille. Таскался целый день с визитами, ужасно много, голова болит, спать хочется»[689].

Около половины 11 они приехали домой и стали одеваться в церковь. Обедня и выход окончились в час. Позавтракав у родителей, Александр и Владимир вернулись домой, а затем опять поехали делать визиты. Они заехали ко всем членам Императорской фамилии и, кроме того, к военному министру, генерал-губернатору, генералу Плаутину, графу Строганову и графу Перовскому. Домой вернулись в три часа. Остальное время до обеда великие князья читали. В этот день молодые люди обедали у родителей, а в шесть часов пришли к себе и сели читать. В 7 часов великие князья переоделись, чтоб ехать в Большой театр. После спектакля они приехали домой «в исходе 11 часа. Еще Александр Александрович не успел снять с себя курточки, как к нам пришел государь… великие князья совершенно улеглись в половине И»[690].

31 декабря 1864 г. Александр II отметил для себя только обедом с тремя взрослыми сыновьями – Александром, Владимиром и Алексеем[691]. Когда великий князь Александр Александрович в 20 лет стал цесаревичем, для него практически ничего не изменилось в день 31 декабря 1865 г. Этот вечер наследник провел «в своих комнатах в беседах с друзьями». Только около 12 часов ночи отворилась дверь кабинета и вошел Александр II. Он поздравил цесаревича с Новым годом и благословил его. Так в 1860-х гг. русская аристократия встречала Новый год[692].

Традиция формальной фиксации наступления Нового года, в лучшем случае отмечаемого семейным молебном, сохранялась в императорской семье вплоть до падения монархии в феврале

1917 г. По дневнику Николая II можно проследить, как отмечалось 31 декабря на протяжении двух десятилетий. Эти события носили повторяющийся из года в год характер, мало меняясь со временем. В дневнике цесаревича Николая 31 декабря 1891 г. появилась запись: «Вечер провели спокойно у себя и, по обыкновению, Новый год не встречали ничем.

…Не могу сказать, чтобы сожалел, что 1891 г. кончился: он был положительно роковым для всего нашего семейства. Три смерти, болезнь и долгая разлука с Георгием, и, наконец, мой случай в г. Оцу»[693].

Если по дневникам Николая II посмотреть, как он проводил последний день уходящего года, то увидим, что для него, как и для его предшественников, то был обычный рабочий день, отличавшийся от остальных дней только тем, что в последние часы уходящего года вся семья собиралась на новогодний молебен. Этот новогодний молебен появился при Николае II, когда уже начиналась формироваться традиция торжественно встречать Новый год.

Когда Николай II жил с семьей в Зимнем дворце, то размах молебна стал соизмерим с уровнем большого императорского выхода. Одна из мемуаристок описывает такой молебен, состоявшийся в ночь 31 декабря 1900 г. Молебен служился в Большой церкви Зимнего дворца, и на нем присутствовало все императорское семейство. Соответственно, все дамы оделись в придворные платья, усыпанные драгоценностями. Следуя стандартам «формы одежды», Александра Федоровна была в кокошнике, украшенном алмазами. Она выглядела настолько хорошо, что старшая из дочерей, 5-летняя Ольга, в восторге сравнила императрицу-мать с рождественской елкой: «О! Мама, Вы – такая же прекрасная, как Рождественская елка!». Примечательно, что после рождественского молебна императрица должна была продолжить свою «работу», поскольку ей представляли всех новых фрейлин-дебютанток.

После того как царская семья переселилась в Александровский дворец Царского Села, новогодний молебен стал проводиться гораздо камернее, и в этой церемонии кроме царской семьи участвовали только самые близкие к ней люди. 31 декабря 1904 г. Николай II работал до 19 часов, после с семьей поехал в Гатчину в матери на новогодний молебен. Затем после семейного обеда вернулись в Царское Село.

Следует также отметить, что и в праздники работа для царя не останавливалась. Например, 31 декабря 1905 г. рабочий день императора включал в себя: смотр лейб-гвардии Казачьего полка (с 10.30 утра); три обычных доклада министров (с 14 до 16 часов).

Поскольку день оказался весьма насыщенным, царь отметил: «Гулял очень мало». Потом в 16.30 состоялась елка для офицеров. Затем в 20 часов – семейный обед, на нем присутствовали: «Миша» (младший брат царя), «Ольга» (младшая сестра царя), «Петя» (принц Ольденбургский, муж Ольги), «Мари», «Дмитрий» (Мария и Дмитрий Павловичи, дети дяди Николая II – великого князя Павла Александровича) и «Сашка Воронцов», дежурный флигель-адъютант и друг детства Николая II. После обеда царь, стараясь закончить нескончаемые дела, «занимался усиленно» до 23 часов 30 минут. И только затем семья «пошла к молебну». И так повторялось из года в год.

31 декабря 1906 г. с утра Николай II ездил к обедне и завтракал со своей семьей. Гулял. Затем, стараясь оставить все дела в «старом году», работал с документами «до чая и до обеда», то есть до 5 и 8 часов вечера, и «окончил все, что было на столе». Затем – семейный обед, после которого поиграл с великим князем Дмитрием Павловичем на бильярде «в пирамиду». Около 11 часов вечера в Александровский дворец подъехала императрица Мария Федоровна вместе с младшим братом царя Михаилом Александровичем. Все вместе пили чай, а затем в 23.30 пошли к молебну и «встретили наступающий год горячею молитвою!».

31 декабря 1913 г. Николай II все утро (с 10 до 13 часов) принимал доклады. На завтраке был только великий князь Иоанн Константинович. В 15 часов царь поехал с Ольгой и Татьяной в военный госпиталь и в лазарет Гусарского полка на елку. В этот день он отказался от прогулки, и тем не менее, «читал весь вечер и отвечал на телеграммы». Под термином «читал» имеется в виду работа с документами. И только в 23 часа 30 минут «поехали в полковую церковь на новогодний молебен». В этот день Николай II просил: «Благослови, Господи, Россию и нас всех миром, тишиною и благочестием!» Таким образом, день 31 декабря – фактически обычный рабочий день, заканчивающийся в 24 часа молебном.

Наступление Нового года в России издавно связано с традиционными гаданиями. Гадали в царской семье в начале января. Видимо, эта традиция появилась во второй половине царствования Николая I, когда в «сценарии» его власти отчетливо обозначилось национальное начало. Эта традиция закрепилась при Александре II, точнее, при императрице Марии Александровне, симпатизировавшей славянофилам.

Гадала Мария Александровна со своими фрейлинами (2 января 1854 г.). Поскольку фрейлины были, естественно, сплошь незамужние, то гадали, конечно, «на женихов» – «давали петуху клевать овес, топили олово»[694]. Эта традиция воспроизводилась

на протяжении десятилетий. Спустя 20 лет (2 января 1877 г.) сын Марии Александровны записал в дневнике: «…вечером у нас гадание. Мама немного простудилась и… несмотря на это, она хотела, чтобы были гадания… Отличные были шутки: лоханка с водой и записками, разные сюрпризы, петух с зернами, который, по обыкновению, неприлично себя вел, зеркало, и под столом я пугал девиц, дергая их за платье…»[695]

«Христос воскресе…»

Важное место среди череды обязательных процедурно-церемониальных мероприятий российских императоров занимала процедура ежегодного христосования на Пасху. Эта древняя традиция издревле существовала при царском дворе. Христосовались и русские цари, и российские императоры. Но во второй четверти XIX в. эта традиция претерпела существенные изменения. Дело в том, что при Николае I в практику ежегодных христосований вошли так называемые христосования «с мужиками».

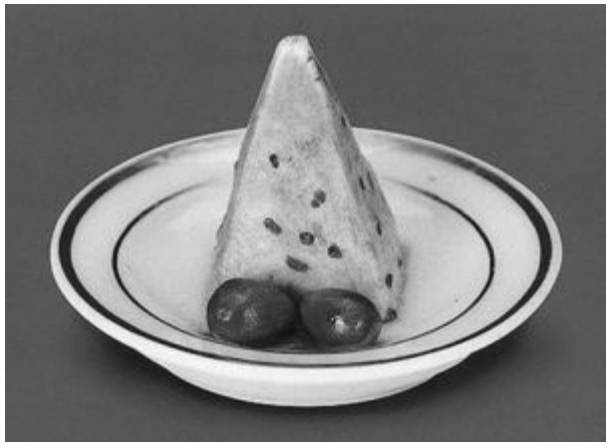
До 1830-х гг. монархи христосовались только с ближайшей свитой. При Николае I акценты смещаются. Традиция христосования со свитой сохранилась, но церемония дополнялась христосованием с простыми людьми, окружавшими царя. Этот обряд христосования царя с «мужиками» должен был продемонстрировать нерушимость триады «Православие – самодержавие – народность». Видимо, традиция «народного» христосования зародилась в конце 1830-х – начале 1840-х гг., когда отчетливо обозначилась национальная составляющая государственной идеологии Николаевской эпохи. Можно предположить, что к изменению существовавших традиций царя подтолкнуло празднование Пасхи в 1839 г.

Празднование Пасхи в 1839 г. проходило особенно торжественно. Дело в том, что весной 1839 г. в Светлое Христово Воскресенье состоялось освящение восстановленного Зимнего дворца. Перед заутреней проведен крестный ход по парадным залам. В Белом зале собрали ремесленников, в течение года восстанавливавших дворец. Торжественная процессия двигалась между длинными рядами мастеровых, большей частью бородатых мужиков в кафтанах. После крестного хода для ремесленников устроили богатые «разговены» на 3000 человек. Но обычного христосования царя со свитой в ту ночь не было. Почему, мы можем только предполагать…

Но через несколько дней во время развода гвардейских караулов в Михайловском манеже Николай I, по традиции, перецеловался со всеми генералами и гвардейскими офицерами. За вечернею молитвою императрица целовалась, по обыкновению, с дамами. Возможно, именно тогда у царя зародилась мысль христосования «с мужиками». По крайней мере, точно известно, что в 1840-х гг. он христосовался с сотнями людей. Не только со свитой, но и со своими слугами и казаками охраны. После таких массовых христосований его щека становилась черной. Причем

Николай Павлович христосовался не только сам, но и приучал к этому своих детей. Прецедент был создан. И со временем прецедент превратился в традицию, сохранившуюся вплоть до 1917 г.

Во время «народных» христосований случались и скандалы. Французский художник О. Верне передает одну из дворцовых историй времен Николая I, связанную с практикой христосований.



Пасхальные яйца с монограммами императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. *1880-1890-е гг.* Пасха и яйца на блюде. *Фарфор. ИФЗ. 1880-е гг.*

Христосование императора Николая II с членами экипажа яхты «Штандарт». *Ливадия. После 1909 г.*

Художник писал родным: «После богослужения император целуется с первым встречным. Обычно это часовой, стоящий у дверей. Несколько лет назад Государь поцеловал гренадера Преображенского полка со словами: «Христос воскресе!», на что тот отвечал: «Никак нет!» – он оказался евреем. С тех пор всех евреев перевели во флот, и в сухопутных войсках не осталось ни

одного из них. Вот от чего зависит здесь судьба людей»[696]. Иногда бывали и несчастные случаи. Так, во время христосования в апреле 1890 г. один из служащих Гатчинского дворца случайно (от волнения) так сильно ударил Александра III головой по носу, что царь едва не упал[697].

Традиция христосований с прислугой и охраной сохранялась при Александре II. Один из мемуаристов упоминает, что «обряд христосования, с давнего времени строго соблюдавшийся при Дворе, был крайне утомителен для Их Величеств. Однако ж на четвертый день праздника (15-го числа) Государь настолько почувствовал облегчение, что христосовался с фельдфебелями, вахмистрами и некоторыми другими нижними чинами тех частей гвардии, которых Его Величество считался шефом»[698].

Христосование императора Николая II с урядниками Конвоя

При Александре III практика «народных» христосований расширилась. Наряду со слугами и охраной царь стал христосоваться с волостными старшинами и старообрядцами. Это вполне вписывалось в подчеркнуто народный облик царя-миротворца.

Детали процедуры массовых христосований реконструируются в период правления Николая II, тот воспроизводил традиции царствования своего отца. В дневниках он зафиксировал и «рабочие объемы» христосований.

Как правило, процедура христосования занимала у царя от двух до четырех дней. 3 апреля 1895 г. он записал, что в

несколько приемов христосовался «с военным начальством и нижними чинами» «своей» роты Преображенского полка, стоявшей в пасхальную ночь в карауле Аничкового дворца. Это заняло час дорогого царского времени. На следующий день он христосовался с «егерями охоты», а 5 апреля состоялось христосование со старообрядцами.

С 1896 г. Николай II четко фиксирует «объемы проделанной работы». 23 марта – 288 человек. Он не указывает социальный статус людей, но, видимо, это была свита, поскольку христосование состоялось после церемонии Большого выхода в Зимнем дворце. 24 марта христосовался «со всеми людьми» в Малахитовом зале, и «почти 500 человек получили яйца». Под «всеми людьми» царь имел ввиду придворную челядь. 26 марта состоялось «большое христосование» в Концертном зале с личной охраной – «со всеми фельдфебелями, вахмистрами и пасхальными караулами». В христосовании принимала участие и императрица. Надо заметить, что это была физически тяжелая процедура. Солдат охраны специально предупреждали не стричь усов, бород, чтобы не колоть царя во время поцелуев. Тем не менее, после христосования щека царя и рука царицы распухали от бесчисленных «уколов» усами и бородами. Но то – особенность «профессии»… 27 марта состоялось последнее христосование с волостными старшинами и раскольниками, т. е. представителями народа. Таким образом, в 1896 г. в три дня царь похристосовался по меньшей мере с тысячью подданных.

Со временем число людей, с которыми христосовался царь, увеличивалось. 28 марта 1904 г. Николай II в Большой церкви Зимнего дворца похристосовался с 280 чинами свиты. В этот же день состоялось первое «большое христосование» (730 чел.) с придворной челядью. На следующий день состоялось второе «большое христосование» в Концертном зале с нижними чинами охраны (720 чел.). Таким образом, на Пасху 1904 г. Николай II троекратно похристосовался с 1730 чел.

В 1905 г. христосование заняло три дня. 17 апреля Николай II христосовался в течение часа с придворными служителями (почти 600 чел.). На следующий день в Большой галерее Зимнего дворца «Происходило христосование со свитой, военным начальством и воен. учеб. заведен.». В этот же день царь христосовался с охраной (всего 960 чел.). 19 апреля состоялось христосование со старообрядцами. То есть, по меньшей мере, царь троекратно поцеловался с 1600 человек.

В 1906 г. процедура христосования происходила в Большом Екатерининском дворце. К этому времени сложился определенный порядок христосования. Первое «большое

христосование» происходило с придворной челядью и чиновниками Министерства Императорского двора (2 апреля 1906 г. – «600 с лишком чел.»). Надо заметить, что царь «работал» как автомат: за 1 час 45 минут более 600 человек. Следовательно, процедура индивидуального христосования (троекратный поцелуй и обмен пасхальными яйцами) занимала чуть более двадцати секунд.

Второе «большое христосование» происходило со свитой, начальством и нижними чинами охраны (3 апреля 1906 г. – 850 чел.). Особенностью этого года, когда по всей стране полыхал пожар первой русской революции, стало то, что христосование с народом не состоялось по соображениям личной безопасности царя, поскольку в это время на него начали целенаправленную охоту террористы.

Однако когда ситуация начала стабилизироваться, произошло возвращение к традиционной практике христосования. В 1907 г. Николай II христосовался четыре дня. В первый день – со слугами (22 апреля – 700 чел.); во второй день – со свитой и офицерами подшефного императрице лейб-гвардии Уланского полка (в этой церемонии участвовала и императрица Александра Федоровна, она раздавала пасхальные яйца). В третий день царь христосовался «с военным начальством и с нижними чинами» охраны (24 апреля – почти 700 чел.). И 25 апреля состоялось заключительное христосование с раскольниками и волостными старшинами. Примечательно, что Николай II отмечал цифры только массовых христосований и ни разу не указал количество старообрядцев и волостных старшин. Можно с уверенностью предположить, что их насчитывалось не более двух-трех десятков. Но христосование с ними – очень важная часть праздника, поскольку символизировало единство царя и народа, а также религиозное единство страны.

В 1913 г. трехдневное христосование прошло по стандартной схеме. Со слугами – 720 человек; со свитой, начальством и нижними чинами – 915 человек и со старообрядцами и волостными старшинами «трех здешних уездов». Последняя фраза также примечательна. Следовательно, волостных старшин «отбирали» поблизости от императорской резиденции, и, видимо, они – одни и те же многократно проверенные люди.

Весну 1914 г. царская семья проводила в Крыму, в Ливадии. Несмотря на оторванность от столицы, процедура христосования на Пасху осталась без изменений. 6 апреля после заутрени царь «христосовался со всеми в церкви». Со всеми – это со свитой. После обедни пошли разговляться в столовую. Легли спать в 3 часа ночи. Днем началось первое «большое христосование» – 512

человек. На следующий день состоялось второе большое христосование с охраной – 920 человек. Процедура продолжалась час, т. е. на каждого человека уходило уже не более 15 секунд. Для того чтобы обеспечить такую скорость, нижние чины стояли строем вплотную друг за другом, а царь заученными движениями работал как заведенный. Для него это была тяжелая работа.

В 1915 г. пасхальную службу служили в Федоровском соборе Царского Села, во время крестного хода собор красиво осветили бенгальскими огнями. Утром 22 марта началось христосование в Александровском дворце Царского Села со всеми придворными, оно продолжалось полтора часа. На следующий день, 23 марта, Николай II христосовался в Большом дворце Царского Села со свитой, начальством округа и нижними чинами запасных батальонов шефских частей. Между ними было много раненых и поправившихся от ран. 24 марта у царя состоялось последнее христосование со старообрядцами и волостными старшинами.

В апреле 1916 г. Николай II впервые встречал Пасху вне семьи. Поскольку он с августа 1915 г. являлся Главнокомандующим русской армии и на него обрушилось множество дел, то к Пасхе в Ставке у него не оказалось традиционных подарочных яиц для жены и детей. Для свиты фарфоровых яиц нашлось достаточно. Царь сообщил о проблеме жене, и та немедленно ответила, что высылает пасхальные открытки и отобранные ею яйца, и даже «расписала», кому какое яйцо должно достаться.

Даже после отречения Николая II в 1917 г. традиция христосования сохранилась. В апреле 1917 г. царская семья жила под арестом в Александровском дворце Царского Села. Утром после празднования Пасхи, перед завтраком, гражданин Романов христосовался со всеми служащими Александровского дворца (135 чел.), а Александра Федоровна раздавала фарфоровые яйца, сохранившиеся из прежних запасов. То было последнее христосование последней императорской семьи.

Дни рождения взрослых в императорской семье

Дни рождения членов Императорской фамилии в царской России относились к так называемым «высокоторжественным дням». В эти дни в храмах служились молебны, а в императорских резиденциях праздники торжественно отмечались. Уровень празднования дней рождений зависел от многих причин: положения в иерархической ступени дома Романовых, состояния здоровья и даже особенностей характера. Конечно, самыми торжественными днями считались дни рождения царствующих особ.

Николай I превратил празднование дня рождения своей жены в большой летний феерический спектакль, тем более что день рождения императрицы Александры Федоровны – 1 июля – совпадал с днем их бракосочетания. Как правило, день рождения императрицы отмечали в Петергофе, где в это время года обычно находилась императорская семья. Например, 1 июля 1832 г. день рождения Александры Федоровны отмечен вечерним феерическим балетом в саду Монплезира перед бьющими фонтанами, освещенными бенгальскими огнями[699]. Обильная иллюминация стала неотъемлемой частью праздника.

Примечательно, что ранее ежегодно 22 июля в Петергофе торжественно отмечалось тезоименитство вдовствующей императрицы Марии Федоровны, жены Павла I. Традицию нарушили в 1818 г., когда праздник впервые перенесли с 22 июля на 1 июля. Императрица Александра Федоровна вспоминала, что в 1818 г. «Петергофский праздник, справляемый всегда 22 июля, был на сей раз отпразднован 1 июля, по случаю прибывания короля, моего отца»[700]. После воцарения Николая I эта практика закрепилась.

Американский посол, уезжая на родину в июле 1839 г., посетил для прощальной аудиенции Петергоф в один из «высокоторжественных дней». Его, видевшего всякое, поразил размах торжеств по случаю дня рождения императрицы: «Картина была совершенно волшебная и напоминала чудеса Алладиновой лампы. Горело не менее 500 ООО шкаликов, расположенных причудливыми фигурами. Было светло как днем; огни отражались в гладких озерах… ликующая двухсоттысячная толпа, наполнявшая все дорожки парка, расступалась перед нашей кавалькадой и теснилась к балаганам»[701].

Посол «немного» преувеличил, или ему «пустили пыль в

глаза». По свидетельству более осведомленного мемуариста, в 1845 г. в день рождения императрицы в Петергофском парке впервые на деревьях в неимоверных количествах (до 52 ООО тыс.) развесили разноцветные стеклянные фонари в форме виноградных лоз. Для их изготовления остановлены все прочие работы на казенном Стеклянном заводе[702].

Как водится, радостные события в жизни императорской семьи сопровождались высочайшими милостями. Поскольку 1 июля женский праздник, то милости распространялись преимущественно на женскую половину. И милости иногда оказывались весьма весомыми. Например, 1 июля 1845 г. бывшую воспитательницу царских дочерей статс-даму Ю.Ф. Баранову возвели «с потомством» в графское достоинство. Современники немедленно отметили, что состоялся второй пример пожалования столь высокого титула придворной даме. Первый подобный случай связан пожалованием графского титула воспитательнице сестер Николая I госпоже Ш.К. Ливен. Затем ее пожаловали в княгини. Карьера княгини Ш.К. Ливен беспрецедентна, поскольку, будучи вдовой, «на воспитательном поприще» она последовательно получила два титула – графини и княгини.

Помощницу графини Барановой, фрейлину Акулову, наградили орденом Св. Екатерины – первый случай пожалования фрейлине столь высокого ордена. Ранее орденом Св. Екатерины награждали только придворных дам, имевших звание камер-фрейлин (графиня Орлова-Чесменская и княжна Волконская)[703].

«Мужские» дни рождения отмечались гораздо скромнее. Подобная традиция оформилась в период правления Николая I, подчеркнуто демонстрировавшего свой аскетизм. Например, в июне 1854 г. по случаю начавшейся Крымской войны день рождения Николая I вообще не отмечался. Император просто провел вечер в кругу семьи[704]. Так же прошли и именины Николая Павловича 6 декабря 1854 г.: «Сегодня именины государя, но не было ни торжественного выхода, ни поздравлений. У обедни мы были в обыкновенных туалетах»[705].

Подарки мужчинам в царской семье подносились довольно скромные. Высоко ценились и приветствовались подарки детей, сделанные собственными руками. Да и для жен российских императоров считалось весьма приличным заниматься различными женскими рукоделиями, например вышиванием бисером. Для этого на женской половине имелись все необходимые аксессуары не только в виде материалов, но и различных специальных столиков для рукоделий. Так, в молодые годы великая княгиня Александра Федоровна подарила мужу (будущему Николаю I) вышитые бисером домашние туфли, он

носил их до конца жизни[706].

Когда дни рождения императоров отмечались, то праздник являл собой соединение традиционного утреннего торжественного выхода в Зимнем дворце и развода полков на площадке перед дворцом. Затем следовали парадный обед во дворце и прием дипломатического корпуса. Завершалось торжество вечером «на площадке» перед Адмиралтейством, где звучала парадная «Зоря», которую исполняли две тысячи музыкантов[707]. Именно так отмечалось 55-летие Александра II в апреле 1873 г.

Примерно таким же образом отмечались и другие дни рождения Александра II. К приведенной выше схеме можно только добавить утренние поздравления именинника всем семейством. Под всем семейством подразумевается буквально все разросшееся семейство Романовых. В апреле 1876 г. Александра II поздравлял и его старший 8-летний внук, одетый в казачью форму, будущий Николай II. В этот день рождения великому князю Сергею Александровичу запомнилось, как отец вечером читал выдержки из камер-фурьерского журнала, посвященные кончине императрицы Екатерины II[708].

Поскольку дни рождения царствующих особ являлись общегосударственными праздниками, то для сановников и придворных они становились обязательными «присутственными днями», проходившими по определенному ритуалу. Например, день рождения жены Александра III, императрицы Марии Федоровны, отмечался ежегодно 14 ноября. Как правило, этот праздник проводился в Гатчине. За годы царствования Александра III сложилась стандартная, ежегодно повторяющаяся процедура празднования дня рождения императрицы.

14 ноября 1883 г. гости собрались на Варшавском вокзале Петербурга к 9.30 утра, к отходу экстренного поезда до Гатчины. Гостям предписывалось прибыть в Гатчинский дворец к 10.30, поскольку в 11 часов начинался высочайший выход в церковь Гатчинского дворца. Для сбора каждой из категорий гостей отводилось свое помещение. Так, в Тронном зале собирались свитские дамы (12 чел.), супруги бывших адъютантов Его Величества (9 чел.); в Белом зале собирались члены

Государственного совета, министры и военная свита Его Величества, в Чесменской галерее – офицеры Кавалергардского (45 чел.) и лейб-гвардии Кирасирского полков (35 чел.), офицеры Сводной роты почетного конвоя и офицеры Собственного конвоя Его Величества (28 чел.). Выбор помещений был не случаен. Дело в том, что парадные залы Гатчинского дворца невелики по размерам. Поэтому в Белом зале могли собраться вместе только

33 члена Государственного совета, 14 министров и 48 генерал-адъютантов. Всего же на день рождения императрицы, с учетом «высочайших особ» (23 чел.) и «прочих *особ*» (53 чел.), собралось более 300 человек[709].

После церковной службы все гости приглашались на так называемый «фриштык». Так, еще по традиции, сложившейся в XVIII в., называли завтрак. Меню к завтраку печаталось на французском языке. После завтрака мужчины могли поиграть бильярд, а женщины общались или «пудрили носы». Затем начинался танцевальный вечер в Арсенальной зале. Он открывался «официальной частью», духовой оркестр исполнял марш «синих» кирасир, чьим шефом была императрица Мария Федоровна. Исполнялся также «Марш Ее Величества», сочиненный композитором Лумби.

Что касается дней рождений Александра III (26 февраля), то все они также проходили по устоявшейся схеме, которую описал один из современников: «…в 10 приезжаю в Аничков дворец. Съезжаются члены Государственного совета, очень польщенные приглашением. Поздравления происходят так, что императрица стоит посреди гостиной, и поздравляющие подходят к ней один за другим и целуют руку. Император каждому подходящему жмет руку, в этой же гостиной находятся приехавшие для поздравлений члены императорского семейства. После поздравления идут к обедне, но церковь так невелика, что большинство приехавших остается внизу, тут устраивается деловая биржа, тем более оживленная, чем дольше не виделись присутствующие, а при нашем климате сборища всякого рода весьма редки»[710]. После обедни гости рассаживались за малыми круглыми столами, накрытыми каждый на 10 человек. Поскольку во время дней рождений места за столами не распределялись заранее, то наиболее «бойкие» из гостей старались сесть поближе к царскому столу, чтобы «быть на виду».

Но так или иначе, за всеми столами немедленно возобновлялись деловые разговоры.

При Николае II празднование дня рождения императрицы Александры Федоровны проходило значительно скромнее. В этом сказывалась разница характеров двух императриц. Если Мария Федоровна никогда не отказывалась от превращения даже личных событий ее жизни в публичные действа, то Александра Федоровна с самого начала царствования всячески избегала публичности. Можно сколько угодно говорить об особенностях ее характера, но публичность императрицы была частью ее «профессии», следовательно, Александра Федоровна пренебрегала своими «должностными» обязанностями.

23 апреля 1897 г. в Полукруглом зале Александровского дворца в Царском Селе отмечался день рождения императрицы Александры Федоровны. Это был не семейный праздник, а придворная церемония со своим ритуалом, расписанным по часам. Праздник открыл в 9.25 утра хор Финского общества пения «Lieder-Taffel», он исполнил серенаду под окнами комнат Александры Федоровны. Вместе с ними до 9.40 исполнял любимые произведения императрицы Придворный хор. В 11 часов в одном из дворцовых залов началась Божественная литургия. В 12.25 близких родственников пригласили к императорскому завтраку. Стол для самых близких (всего 30 кувертов, задействовано 28) накрыли в Полукруглом зале Александровского дворца. Эти 30 кувертов размещались на трех круглых столах, по 10 кувертов на каждом из столов. В середине каждого стола стояли корзины со свежими цветами, на четырех серебряных блюдах разложены конфеты, бисквиты, фрукты и свежая земляника. Рядом, в Портретном зале, поместили стол с закусками. В ходе завтрака гостям подавали различные вина (Мадера № 3; Rudesheimer Berg-Rizling 1884 г.; Leoville 1874 г. и отечественное шампанское). На горячее подали суп из сливок со спаржей, пироги «гатчинские», форель «по-американски», отбивные из баранины, филе молодой утки, фаршированное свежим горохом[711], на десерт – персики. В завершение завтрака на балконе Александровского дворца пили кофе и шоколад.

К началу XX в. традиции празднования взрослых дней рождений соблюдались со всей строгостью. Экспромтов и импровизаций не допускалось по определению. В день своего 45-летия (6 мая 1913 г.) Николай II записал в дневнике: «Странно делается при мысли, что мне минуло 45 лет! Погода была дивная. К сожалению, Алике себя чувствовала скверно и оставалась дома целый день. В 11 час. поехал за Мама во Дворец. Обедня, поздравления и большой завтрак, все по-старому. Только и разница, что были все дочери».

№ 5.

От Папа и Мама 6го Мая 1884г.

№ 6.

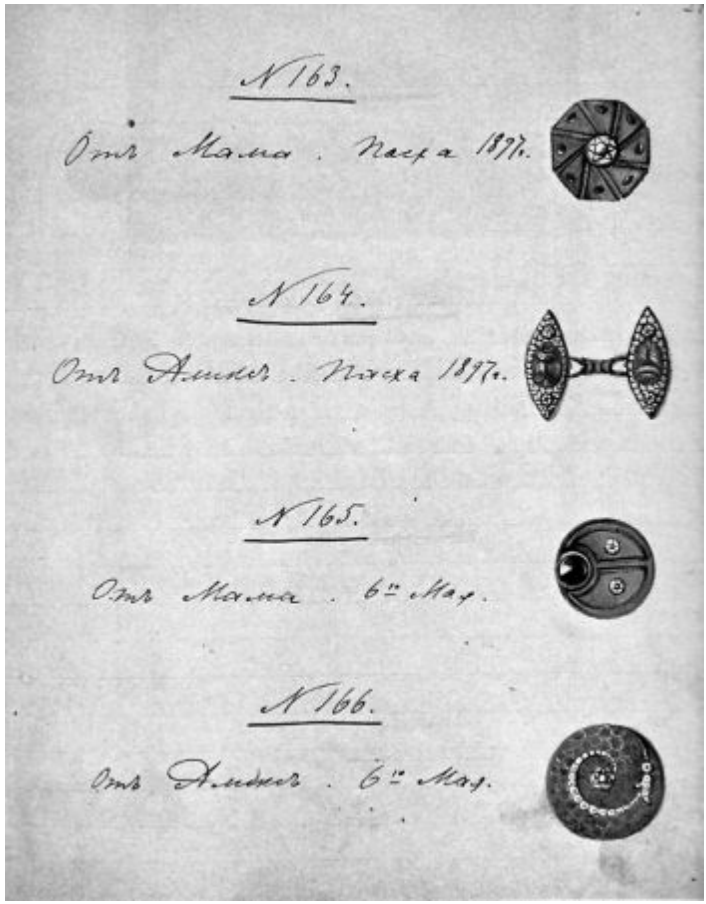
От дяди Сергия и тети Эллы 3го Июня 1884г.

№ 7.

От Мили 6го Мая 1884г.

№ 8.

От дяди Алексея. Елка 1884г.

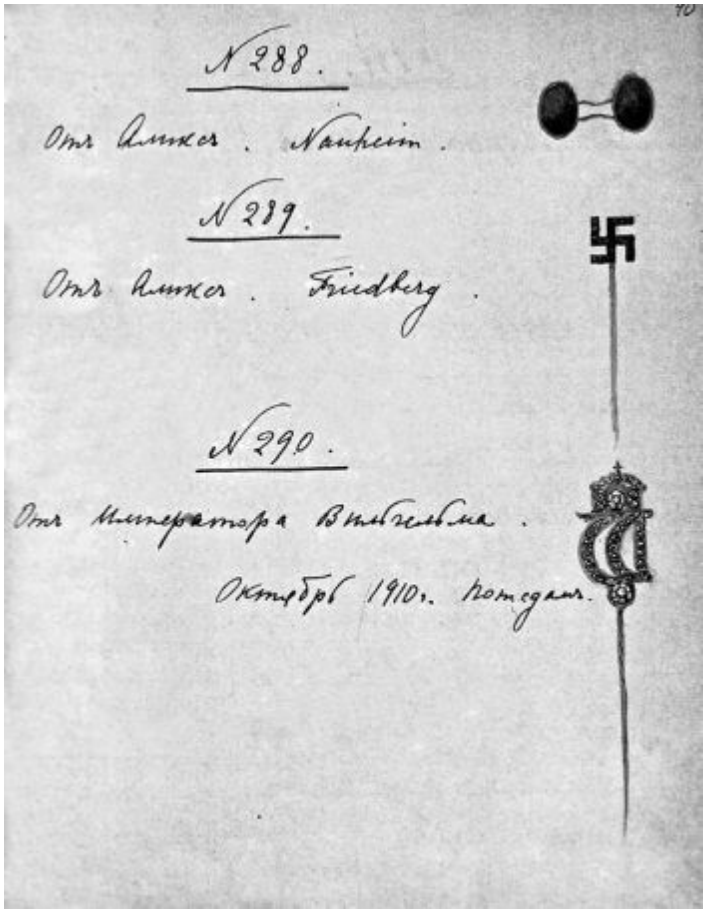


Страницы из «Ювелирного альбома» Николая II с изображением ювелирных изделий, подаренных членами Императорской фамилии, а также иностранными государями и пояснения к ним. *Автограф*

Примечательно, что, когда собиралась вся родня, Александра Федоровна «немедленно» заболевала и под этим предлогом не выходила из своих комнат даже в день 45-летия своего мужа.

Личность каждого человека многогранна. Естественно, при разработке психологического портрета кого-либо из первых лиц страны очень важны различные мелочи, позволяющие высветить как различные достоинства, так и недостатки той или иной личности.

К таким мелочам повседневной жизни Николая II можно отнести и уникальный «Ювелирный альбом» царя. На протяжении всей жизни цесаревич, а затем император Николай II регулярно получал в качестве подарков различные ювелирные изделия.



Страница из «Ювелирного альбома» Николая II с изображением ювелирных изделий, подаренных членами Императорской фамилии, а также иностранными государями и пояснения к ним. *Автограф*

Как правило, различные мужские мелочи – запонки, галстучные булавки, цепочки для часов и т. д. Царь хранил эти дорогие для него мелочи в специальном сундучке, обшитом изнутри вельветовой тканью. К сундучку прилагался специальный альбом, в него царь лично зарисовывал эти украшения, сопровождая свои рисунки краткими комментариями. Примечательно, что свой альбом он заполнял на протяжении 25 лет – с 1 января 1889 г. по 1913 г. Рисунки выполнялись акварелью. Всего в альбоме 305 рисунков. Последний подарок под этим номером преподнесен царю 26 мая 1913 г. принцем Ганноверским Эдуардом Августом и принцессой Викторией-Луизой, дочерью Вильгельма II, во время их бракосочетания[712].

В альбоме император со свойственной ему скрупулезностью и

педантичностью фиксировал подаренные ему ювелирные изделия. На самом деле предметов было больше. Как правило, одним рисунком царь изображал целую группу идентичных ювелирных предметов, каждый рисунок – с кратким пояснением и обозначением места подарка. Рисунки выполнялись акварелью с использованием чернил, мела и бронзовой краски. Качество рисунков достаточно высокое. На любительском уровне царь действительно умел неплохо рисовать.

Вещицы изготовлялись в модном тогда стиле «art nouveau», известном в России как стиль модерн. В небольших ювелирных украшениях присутствовали характерные для этого стиля растительные мотивы. Вещи делали лучшие европейские и российские ювелиры – К. Фаберже, А. Картье, К. Бланк и, соответственно, представляли различные ювелирные школы – французскую, дармштадтскую и русскую.

Присутствовала и определенная символика подарков. Изделия в виде сердца, иногда с инициалами имен членов семьи как символа любви и семейного счастья, наиболее часты в этой коллекции. Встречаются изделия в форме подков – символа удачи. Есть вещицы с изображением волшебной птицы Сирин, она считалась в России символом доброго предзнаменования. На Пасху дарились запонки и булавки в виде пасхальных яиц, на тезоименитство – с изображением Св. Николая Чудотворца, на годовщины коронации – с символами царской власти. Камням приписывают определенные мистические свойства. Николаю чаще всего дарили сапфир, он считается камнем тельца, под знаком которого 6 мая родился император.

Среди этой символики ювелирных изделий несколько раз встречается свастика. Ее изображение в Древней Индии считалось символом вечного возрождения и часто использовалось в Европе XIX в. как элемент ювелирных изделий или архитектурного декора. Именно свастику «на счастье» нарисовала императрица Александра Федоровна на косяке двери в Ипатьевском доме перед расстрелом в июле 1918 г.

«Вредные привычки»

Вредные привычки российских императоров и их ближайших родственников никогда не выходили за рамки относительной «нормы». Они курили, пили очень в меру, волочились за женщинами в пределах разумного. Самой распространенной «вредной привычкой» среди императоров было курение.

Из российских императоров XIX в. не курил только Николай I. Все остальные российские императоры завзятые курильщики и курили практически все: трубки, сигары, сигареты и пахитоски[24].

Изображать курящих императоров на картинах или акварелях было не принято. О том, что император Александр I курил, мы узнаем только по сохранившейся трубке, хранящейся в фондах Екатерининского дворца в Царском Селе.

Николай I не курил и не пил. Однако лояльно относясь к питию спиртного в своем присутствии, он совершенно не выносил курения поблизости от него. Это было отлично известно окружению императора, и в его присутствии свита воздерживалась от курения. По свидетельству мемуариста, «так как сам государь (Николай I. – *И. З.*) не курил и терпеть не мог табачного дыма, то, конечно, и при дворе это удовольствие не имело места»713.

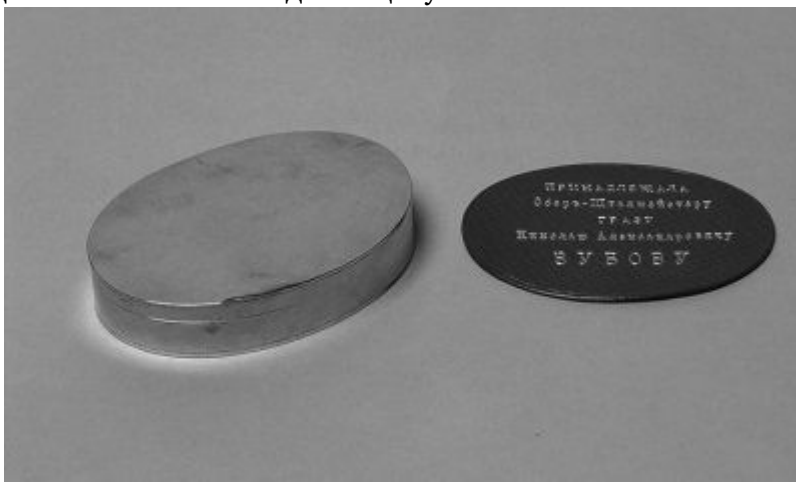
Более того, при Николае Павловиче ввели драконовские законы, связанные с курением. С 17 июля 1839 г. запрещалось курить на улицах и площадях714, что связано не с антипатией царя к курильщикам, а с реальной опасностью больших городских пожаров. Впоследствии при Николае Павловиче принимались и другие антитабачные законы. В 1848 г. в «Табачный устав» внесено положение, согласно которому запрещалось курение в общественных местах и даже на улице. Нарушение наказывалось крупным денежным штрафом.

Табакерка с вензелем Петра Федоровича. *1740-е гг. Россия*

Периодически боролись с курением и при Императорском дворе. Еще при Елизавете Петровне вышел указ от 9 января 1749 г., запрещавший употребление нюхательного табака во время церковных служб в императорских дворцах: «Ее Императорское Величество изволила указать именным Своего Величества указом обретающимся при дворе Ее Императорского Величества кавалерам и фрейлинам и прочим чинам без изъятия объявить Свой Императорского Величества указ, дабы никто в придворных церквах во время отправления службы Божией, стоящих как внутри, так и в близости и вне церкви в первых комнатах от церкви, в которых стоят для слушания божественного пения, табаку отнюдь не употребляли, а ежели затем Ее Императорского Величества указом, в противность оному, табак будет кто употреблять, у таковых табакерки отбирать камер-лакеям и лакеям, кто таковых усмотрит, и обратно их не отдавать, а тому, у кого за приемы или употребление такого табаку табакерки требованы будут, отдавать без всякого спору, дабы, опасаясь того, охотники употреблять табак в таковое, божественной службы время, могли воздержаться… А у кого табакерки ими отобраны будут, в Придворную контору рапортовать»[715].

Табакерка с мопсами. *Мастер Д.И. Виноградов. СПб. 1752 г.*

Следует отметить, что на протяжении XVIII – начала XIX вв. обычай нюхать табак был весьма распространен не только среди придворных кавалеров, но и придворных дам. Да и сама Екатерина II постоянно имела при себе табакерку. При этом императрица нюхала табак, используя для этого левую руку, на ней и оставались желтые следы табака, правая же рука предназначалась только для поцелуев.



Табакерка Н.А. Зубова, которой был убит Павел I. *Конец XVIII в. Россия*

Табак нюхали по ряду соображений. Во-первых, «для здоровья». Считалось, что со «злым чихом» из человека «вылетают» все его болячки. Поэтому и во время бала не считалось дурным тоном зрелой матроне заправить ноздри доброй понюшкой табака. Во-вторых, нюхательный табак, изготовленный на основе виргинского табака, со множеством самых разнообразных ароматизаторов, являлся простейшим средством взбодриться.

В первой половине XIX в. табакерки были вполне в ходу, и этому посвящено ироничное стихотворение А.С. Пушкина «Красавице, которая нюхала табак»:

Ах! Если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Тогда б я в сладком восхищенье
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б я в сладком восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже может быть… Но что! Мечта пустая.
Не будет этого никак.
Ах, отчего я не табак!..

Видимо, традиция использования нюхательного табака сохранялась вплоть до середины XIX в., поскольку Николаю I пришлось фактически продублировать указ Елизаветы Петровны от 28 апреля 1847 г. «О неупотреблении табаку в церквах во время отправления службы».

Во второй половине XIX в. начались новые времена, когда отношению к курению радикально изменилось. Причина этого связана не только с либерализацией общественных отношений, но и с тем, что Александр II курил сам, курили и все его сыновья.

Зажигалка настольная. *Западная Европа. Вторая половина XIX в.*

Как известно, увлечения и пристрастия первых лиц России моментально становились увлечениями и пристрастиями всего их окружения. Известно, что Александр I и Николай I не жаловали «табашников». Тем не менее, иногда при императорах курили, но разрешение курить в присутствии лиц царской фамилии расценивалось как знак «высочайшей милости». При Российском императорском дворе открыто курить начали при Александре II. В его правление не считалось дурным тоном во время церковной службы великим князьям выскочить на пять минут перекурить на церковной лестнице. Курильщиками были и Александр III, и Николай II.

В результате в 1860 г. разрешили продажу раскурочного табака, папирос и сигар. 4 июля 1865 г. официально легализовано курение на улицах Петербурга. Запрет сохранился только для солдат и матросов. Кроме этого, запрещалось курение табака «на тротуаре, облегающем Зимний дворец».

В мемуарной литературе не осталось каких-либо подробных эпизодов, связанных с курением Александра II, кроме

констатации самого этого факта. Можно отметить только, что император предпочитал сигары.

Коробка табачная. *Россия. Начало XX в.*

Александр III унаследовал привычку своего отца и также предпочитал сигары и папиросы. Иногда он пользовался мундштуком. При Александре III в повседневный обиход широко входит фотография, но при этом до нас дошло очень мало семейных снимков курящего императора, это признанное табу.

Гильотинка для сигар. *Западная Европа. Начало XX в.*

В рабочих кабинетах императора имелось все необходимое для комфортного курения. Рабочий кабинет Александра III находился на втором этаже Аничкова дворца на углу здания так, что окна кабинета выходили в сад и на Невский проспект: «тут же лежали папиросы, которыми они угощали…»[716]. В рабочем кабинете Аничкового дворца на письменном столе у Александра III стояла «фигура пожарного, держащего факел, об этот факел зажигал он свою папироску.

Трубка фигурная со скульптурным портретом Вильгельма I. *Западная Европа. Вторая половина XIX в.*

Курил он большею частию папиросы, которые впоследствии стал ему доставлять султан. Курил иногда и сигары, но был бережлив и почти никогда сигарами не угощал»[717]. Следует отметить, что курила и императрица Мария Федоровна. Однако ни одного снимка курящей императрицы до нас не дошло. Здесь табу соблюдалось очень жестко.

«Коллективно» курить после семейных завтраков великие князья начали при Александре III. Эту традицию в семье ввел великий князь Владимир Александрович. Именно в его дворце мужчины, позавтракав, немедленно доставали портсигары по пути в библиотеку великого князя, где, собственно, и проходило священнодействие курения сигар и папирос[718].

Самым заядлым курильщиком был Николай II. Курил он преимущественно папиросы, набитые первоклассным турецким (египетским) табаком. В списке императорских поставщиков с 1895 г. значились два поставщика, подданные Османской империи, специализировавшихся именно на поставках табака для российского императора.

Поскольку Николай II – завзятый курильщик, то до нас дошло множество фотографий, на которых царь запечатлен с папиросой в руке. Множество мемуаристов оставили описания того, как происходил процесс курения при Императорском дворе.

В парадных рабочих кабинетах российских императоров хранились и драгоценные вещи, связанные с процессом курения. Эти ювелирные изделия немыслимой стоимости так искусно сделаны, что использовать их по прямому назначению даже

императоры позволяли себе только в особых случаях. Например, в «Библиотеке Его Величества» Николая II вплоть до мая 1917 г. находился курительный стол. Его инвентарное описание как-то не увязывается с утилитарными задачами: «Крышка стола круглая, полированная, сделанная из золота; по фризу стола награвирован орнамент; между орнаментом награвированы военные атрибуты, украшенные сиянием. На крышке стола укреплены на железных винтах четыре стопки, сделанные из золота, из коих: одна для сигар, одна для папирос, одна для спичек и одна пепельница. Пепельница имеет вкладку круглой формы с ручкою посередине, вкладка сделана также из золота…

Император Николай II на скамейке перед Охотничьим домиком в Крыму. *Фото 1914 г.*

Император Николай II на борту яхты «Штандарт»

На туловище стопки для сигар, на верхней кромке, кругом сделан узор из бриллиантов, в которых 12 крупных бриллиантов, между ними сделаны листья из мелких бриллиантов….На стопке для папирос такое же украшение, состоящее из 10 крупных бриллиантов; между ними листья из мелких бриллиантов….На пепельнице такое же украшение, состоящее из 10 крупных бриллиантов; между ними листья из мелких бриллиантов….На спичечнице такое же украшение, состоящее из 6 крупных бриллиантов; между ними листья из мелких бриллиантов. На крышке стола прикреплена на винтах подставочка для зажигания спичек, сделанная также из золота, бока подставочки украшены золотым ажурным узором. Стол на 3 круглых ножках, сделанных из серебра, гладкими трубками….Ножки заканчиваются украшением, сделанным также из золота, рисунок которого – листья чеканной работы, а нижней части – точеные. На кромке стола имеется гравированная надпись: «Rossi. Bijonter. Pera».

Стол находится в футляре, сделанном из дерева и обтянутом снаружи бархатом красного цвета, а внутри – атласом красного цвета и украшен мишурным шнуром. Ручки, петли и застежки у

футляра сделаны из меди»[719].

В обычной жизни все выглядело скромнее, но соответствующий уровень курительных принадлежностей поддерживался неукоснительно. Пепельницы, спичечницы, зажигалки и гильотинки для сигар только от лучших ювелиров. Подросшие дочери довольно часто дарили отцу курительные принадлежности, которыми Николай II активно пользовался, и они постоянно находились в его рабочих кабинетах.

Особенно много воспоминаний о повседневной практике курения относится к 1915–1916 гг., когда Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и стал более открыт и доступен для повседневного общения.

Протопресвитер отец Шавельский вспоминал: «В конце завтрака, как и обеда, государь обращался к гостям: «Не угодно ли закурить?» И сам первый закуривал папиросу, вставив ее в трубку (или в мундштук) в золотой оправе, которую всегда носил в боковом кармане гимнастерки»[720].

Один из генералов Ставки воспроизводит эту процедуру гораздо подробнее: «К концу обеда государь вынимал из портсигара папиросу; затем доставал из-за пазухи своей серой походной рубахи пеньковый коленчатого вида мундштук; медленно и методично вставлял в него папиросу; закуривал ее и затем предлагал курить всем. Сигар не курили, так как государь не выносил их запаха.

Я никогда не видел, чтобы государь предлагал свои папиросы другим лицам. Он, как большой курильщик, видимо, очень дорожил своим запасом табака, который ему доставлялся из турецких владений в виде подарка от султана. Так как мы были в войне с Турцией, то, очевидно, приходилось быть экономным.

«Я очень рад, – говорил, шутя, император Николай, – что новый запас табака был мне привезен в Крым от султана незадолго до начала войны, и, таким образом, я оказался в этом отношении в довольно благоприятных условиях».

Период курения после еды был очень длителен и утомителен для не куривших, так как государь не спеша выкуривал за столом не менее двух-трех довольно больших и толстых папирос»[721]. Этот же мемуарист уточняет, что «первую папиросу он курил, жадно втягивая в себя дым, и, докурив до половины, нервными толчками тушил ее… Тотчас закуривал вторую, которую и выкуривал до конца».

Примечательно, что эта привычка может дать нам некоторый объективный материал для оценки эмоционального состояния Николая II после отречения 2 марта 1917 г. В денежных документах царя счета за папиросы весной и летом 1917 г.

начинают встречаться значительно чаще, чем раньше. В феврале 1917 г. царь уплатил папиросному магазину «Мусса» 30 руб. за 1200 шт. папирос. Тогда же ему починили мундштук (8 руб.). В апреле 1917 г. в том же магазине куплено 1200 шт. толстых папирос и 1800 шт. папирос тоненьких, всего на 87 руб. В мае бывший император купил себе две новые трубки (4 руб. и 5 руб.). Тогда же на 17 руб. 50 коп. вновь «куплены папиросы для Его Величества». Последний «папиросный счет» относится к сентябрю 1917 г., когда в магазине «Мусса» для царя купили 1460 шт. папирос толстых и 1800 шт. папирос тоненьких на 192 руб. 20 коп.[722] Другими словами, только за 9 месяцев 1917 г. Николай Романов выкурил около 8000 папирос.

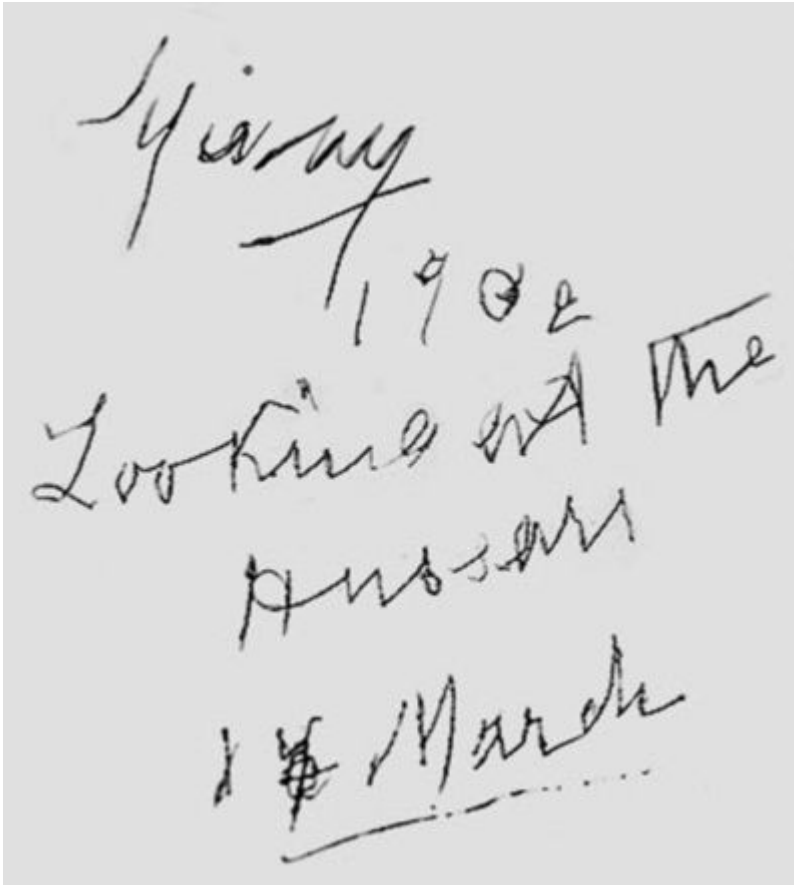
Курила и императрица Александра Федоровна. Судя по воспоминаниям, до 1905 г. она не курила, но «во время революции приохотилась к папиросам»[723]. О том, что императрица курила, свидетельствуют и ее денежные счета. Так, в сентябре 1914 г. ее Канцелярия оплатила счет табачного магазина фабрики «Стамболи» на 1 руб. 25 коп.[724]

Поскольку здоровье Александры Федоровны оставляло желать лучшего, то императрица неоднократно пыталась бросить курить. В одном из писем к мужу в апреле 1915 г. она упоминала, что нездоровье заставило ее попытаться отказаться от курения. В августе 1915 г. она упоминала в письме, что ее «пост состоит в том, что я не курю – я пощусь с самого начала войны и люблю ходить в церковь»[725]. Однако отказаться от курения было непросто, и в ноябре она пишет Николаю: «Я себя скверно чувствую, так что даже несколько дней не курила»[726].

Граффити на стекле

Говоря о повседневной жизни российских императоров, следует упомянуть об одной традиции, воспроизводившейся в семье на протяжении нескольких поколений. Речь идет о граффити на стекле. Это был способ лично запечатлеть то или важное событие. Причем в фиксации событий проблем не возникало, поскольку российские императоры добросовестно вели поденные дневники, а все их «телодвижения» тщательно фиксировались в камер-фурьерских журналах. В этом случае важна именно сиюминутная личная фиксация события. Технически все выполнялось очень просто несколько слов, дата или фраза выцарапывались на стекле бриллиантом. Подчас об этой надписи становилось широко известно, подчас о ней знали только авторы. К сожалению, стекло – очень хрупкий материал, а Зимний дворец и другие императорские резиденции пережили не одну войну.

Одно из самых ранних свидетельств граффити – это надписи на стекле в Датском дворце Фриденсборг. В сентябре 1864 г. наследник цесаревич Николай Александрович и датская принцесса Дагмар объяснились в любви. В память об этом событии на одном из окон дворца они выцарапали надписи «№x» и «Dagmar». После того как цесаревич умер в апреле 1865 г., невеста «перешла» к младшему брату – Александру. Когда в мае 1866 г. будущий Александр III прибыл в Данию для сватовства на той же Дагмар, его поселили в тех же комнатах, где всего два года назад жил его любимый старший брат. В этих комнатах он и обнаружил выведенные на стекле надписи. После удачного завершения сватовства Александр повторил «опыт» старшего брата, оставив на стекле свое имя, сделанное перстнем с бриллиантом[727]. Так что окна Фриденсборга, возможно, по сей день украшают четыре процарапанные на стекле имени – двух русских цесаревичей и дважды одной Дагмар.



Зимний дворец. Надпись на стекле. «Ники смотрит на гусар». *1902 г.*

Другая дошедшая до нас история связана с «романом» цесаревича Николая и гессенской принцессы Алике. Во время их второй встречи в 1889 г. они оставили свои имена на стекле одного из окон Коттеджа в Петергофе. Тогда цесаревичу исполнился 21 год, а его будущей жене – 17 лет. История их граффити имела продолжение. В 1896 г. молодая семья императора Николая II и императрицы Александры Федоровны отправилась в первый заграничный вояж. В ходе путешествия они навестили родину императрицы, заехав в Дармштадт. И во дворце, в котором выросла девочка Алике, они вновь оставили свои имена, вырезанные бриллиантом на одном из «гостевых окон». Дело в том, что в Дармштадтском дворце было окно, на стекле которого из десятилетия в десятилетие все значимые гости оставляли автографы на стекле.

Прошли годы. Постоянной резиденцией императорской семьи

вновь стал Зимний дворец. И вот как-то в 1902 г., стоя у одного из окон дворца, императрица Александра Федоровна вновь вырезает на стекле ничего не значащие для посторонних слова: «Ники смотрит на гусар».

Как это ни удивительно, несмотря на революцию 1917 г., пожар Гражданской войны, ремонты дворца и страшную блокаду, это стекло с надписью уцелело. Поэтому сегодня мы, проходя по залам, можем приподнять одну из занавесей и увидеть «руку» императрицы, вырезавшую на стекле малопонятную для нас надпись.

Духовники российских императоров

Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной[728].

Взаимоотношения российских самодержцев и православной церкви имели свою, весьма драматическую историю. При этом следует иметь в виду, что все российские монархи были религиозными людьми, но к православной церкви как к институту власти они относились по-разному.

В первой четверти XVIII в. Петр I сумел подчинить православную церковь, сделав ее частью государственного механизма. В результате священнослужители фактически превратились в государственных служащих. Это решение не связано с личной религиозностью монарха. Это было политическое решение. Поэтому на протяжении XVIII – начала XX вв. церковные структуры интегрировались в бюрократическую систему Российской империи.

Процесс подчинения церкви государству сопровождался бюрократизацией ее структур и постепенной утратой морально-нравственного авторитета священнослужителей в глазах народа. Совершенно не случайно то, что в великой русской литературе XIX в. крайне мало положительных образов священников. Художники также отдали дань антирелигиозной пропаганде. Достаточно вспомнить картины В.Г. Перова «Монастырская трапеза» и «Крестный ход на Пасху». Тем не менее именно православная вера цементировала целостность Империи, а российские монархи фактически определяли стратегию церковного влияния на душу народа. Поэтому небезынтересно оценить уровень личной религиозности российских монархов, формировавшейся не без влияния царских духовников.

Следует отметить, что демонстративное пренебрежение национально-религиозными традициями со стороны монархов было редкостью и в конечном счете дорого им обходилось. Так, Петр III, внук Петра I, всячески выказывал свое пренебрежение православной обрядностью. В придворной среде спустя десятилетия об этом ходили самые разные рассказы. В 1860-х гг. министр Императорского двора В.Ф. Адлерберг «рассказал, что слышал от императора Александра Павловича, как в Зимнем дворце была лютеранская церковь Петра III»[729]. Надо признать, что источники этой информации весьма авторитетны.

Прагматичная Екатерина II активно использовала «религиозный фактор» в процессе подготовки переворота, подчеркнуто демонстрируя приверженность идеалам православия.

Тем не менее после воцарения Екатерины II в 1762 г. никакого религиозного фанатизма при Российском императорском дворе не наблюдалось. Что весьма характерно для XVIII в., вошедшего в европейскую историю как век Просвещения, густо замешанный на атеизме.

Однако в XIX в. ситуация изменилась. Следует отметить, что система домашнего образования российских монархов и великих князей предполагала их обязательное и традиционное религиозное образование в детские годы. Вместе с тем уровень религиозности особ Императорской фамилии, естественно, оказывался разным, хотя на протяжении жизни со всеми ее драматическими коллизиями он мог меняться в ту или иную сторону.

Несмотря на свое исключительное положение, российские монархи, конечно, оставались людьми, разграничивавшими личную религиозность и религиозную политику империи, во главе которой они находились. Говоря об уровне религиозности членов Императорского двора, необходимо также разграничивать личную религиозность императоров и сложившуюся, весьма устойчивую религиозную практику Высочайшего двора. Вплоть до последней четверти XIX в. религиозная практика Императорского двора оставалась в рамках формально-религиозных традиций, сложившихся еще при Екатерине II.

Для придворных в первой четверти XIX в. в целом присуще формально-скептическое отношение к религии, характерное для XVIII в. Безусловно, в этом сказалось воспитание Александра I в духе космополитических просветительских идей Ж. – Ж. Руссо и Вольтера.

Религиозным образованием Александра I в детские годы руководил протоиерей А.А. Самборский. Судя по воспоминаниям современников, это был человек достаточно светский, лишенный глубокого религиозного чувства. Протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский (1732–1815) не только обучал будущего Александра I основам православия, но и стал его первым духовником.

А.А. Самборский.
В.Л. Боровиковский. Конец 1790-х и.

Говоря о духовниках российских императоров, следует иметь в виду, что по традиции, сложившейся к концу XV в., духовниками русских царей, а затем и российских императоров становились настоятели Кремлевского Благовещенского собора. Хотя в имперский период российской истории духовники и жили в Петербурге, но по традиции протопресвитер Большого придворного собора в Зимнем дворце одновременно возглавлял и Благовещенский собор Московского Кремля, будучи духовником императорской семьи.

Как правило, духовники российских императоров были широко образованными людьми, подолгу жившими в Европе. Не являлся исключением и А.А. Самборский. Окончив в 1765 г.

Киевскую духовную академию, он, по воле Екатерины II, отправлен в Англию для изучения агрономии. Одновременно с этим на него возложили обязанности ведения церковных служб при российском посольстве в Лондоне. В 1768 г. он женился на англичанке, которую обратил в православие. В 1868 г. его официально назначили на должность священника при посольской церкви. Наряду со службами на русском языке он совершал службы для греков и сочувствующих православию англичан на греческом или латинском языках. В Англии Самборский пробыл 15 лет. В 1780 г. императрица Екатерина II отозвала Самборского в Россию.

В 1781 г. его включают в свиту наследника Павла Петровича во время его путешествия по Европе. По завершении путешествия «графа Северного» Самборский награжден Екатериной II бриллиантовым крестом на голубой ленте. В 1785 г. Самборского назначили наставником в Законе Божием и духовником к великим князьям Александру и Константину Павловичам. Позже в этом же звании он был и при великих княжнах, дочерях Павла I. Когда в 1788 г. в Царском Селе возвели величественный Софийский собор, Самборский стал его первым протоиереем.

Его деятельность высоко оценили. В 1799 г. Самборский удостоился ордена Св. Анны I степени. В этом же году его определили духовником к великой княгине, эрцгерцогине австрийской Александре Павловне, при которой он находился вплоть до ее кончины в 1801 г. Его не забывали и после смерти Павла I. Самборского удостоили алмазными знаками ордена Св. Анны и позволили жить в Михайловском дворце «на покое».

Литургический прибор из походной церкви Александра I. *Россия. Около 1812 г.*

Влияние священника-агронома Самборского сказалось на экуминистических увлечениях Александра I. В результате император, воспитанный в традициях энциклопедистов, стал, по сути, космополитом, оставаясь православным монархом православной Империи. Проявлялось это в различных поступках. Известно, что император длительное время поддерживал отношения с баронессой В. – Ю. Крюденер, проповедовавшей идею слияния православной и католической церквей. В 1813 г. император посетил в Германии общину моравских братьев. С 1812 г. он начинает систематически читать Библию и посылает сестре Екатерине Павловне список «мистической литературы»[730]. Все эти увлечения были весьма далеки от канонического православия.

А.А. Самборский являлся духовником Александра I с 1785 г. по 3 апреля 1808 г., то есть на этой должности он пребывал 23 года. После ухода с должности одряхлевшего Самборского его место при императоре занял Павел Васильевич Криницкий (1752–1835). Он происходил из дворян Черниговской губернии,

образование получил в Черниговской гимназии и Киевской духовной академии. По окончании курса Криницкий некоторое время преподавал поэзию и греческий язык в черниговской гимназии. Однако в 1783 г. его жизнь резко изменилась, поскольку его отправили священником в Париж, где он пробыл до 1791 г. и стал свидетелем начала Великой французской революции. По возвращении в Россию он с 1793 по 1795 г. состоял законоучителем в Академии художеств.

Император Александр I перед отъездом из Санкт-Петербурга 1 сентября 1825 г. *Г.Г. Чернецов. 1825 г.*

В 1799 г. началась придворная карьера П.В. Криницкого. Его определили законоучителем младших детей императора Павла Петровича и протоиереем Софийского собора. В расходных документах великого князя Николая Павловича впервые имя

Криницкого упоминается в 1801 г., когда повелением императрицы Марии Федоровны «находящемуся при

Их Императорских Высочествах великих князьях духовником и законоучителем протоиерею Павлу Криницкому» выдается «в пожалование 100 руб.»[731].

Именно П.В. Криницкий стал первым законоучителем будущего императора Николая I. Любопытно, что таинство исповеди при Императорском дворе было «платной услугой». По крайней мере, в финансовых документах прямо фиксируется, что помимо жалованья в марте 1810 г. «духовнику протоиерею Павлу Криницкому» выдано «за исповедь 200 рублей»[732]. Систематические занятия Законом Божьим начались у великого князя Николая Павловича с осени 1802 г.

Постепенно Криницкий занял все должности дряхлевшего Самборского. В декабре 1803 г. его причислили к придворной церкви, 27 января 1806 г. назначили старшим над придворным духовенством. И, наконец, 3 апреля 1808 г. назначили духовником царским и членом Священного Синода. Таким образом, в 1808 г. у Александра I появился второй духовник.

После 1815 г. близ царской семьи появляется новое духовное лицо – Николай Васильевич Музовский, он стал духовником Николая и Михаила Павловичей. В результате вплоть до 1825 г. Криницкий оставался духовником Александра I, императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны, а Музовский был духовником «младших» великих князей – Николая и Михаила. При этом, несомненно, решающее слово при решении «кадровых вопросов» в делах придворного духовенства играли Александр I и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Примечательно, что Криницкий оставался духовником вдовствующей императрицы вплоть до ее смерти в 1828 г., а после этого его продолжали официально называть «бывшим духовником покойной государыни императрицы»[733].

На момент коронации Николая I в августе 1826 г. «Камер-фурьерский журнал Высочайшего двора обеих половин» зафиксировал разделение полномочий между священниками следующим образом: среди духовенства, присутствовавшего на коронации, упоминается «Их императорских Величеств протопресвитер Криницкий» и «Его Императорского Величества духовник протоиерей Музовский»[734].

Формальная религиозность Высочайшего двора проявлялась и во внешнем облике духовника Николая Павловича – Николая Васильевича Музовского[735]. Своим внешним обликом он мало напоминал православного священника. В 1817 г. он ходил «в черной одежде, в белом галстуке и без бороды», и, по мнению

современников, в нем «трудно было признать… нашего православного священника»[736].

Прибор для причастия. *1820-е и.*

Наряду с церковными службами, крещениями, венчаниями и прочим, одной из его обязанностей было обращение в православие немецких принцесс, выходивших замуж за великих князей дома Романовых. Когда в 1817 г. в Россию приехала будущая жена Николая I, духовник «постоянно должен был находиться в приемной принцессы, чтобы, пользуясь каждым свободным часом, помогать ей выучить наизусть Символ веры»[737].

Надо признать, что формальный подход Н.В. Музовского к вопросам веры сделал переход из протестантизма в православие для прусской принцессы Шарлотты тяжелым испытанием. Спустя много лет императрица Александра Федоровна вспоминала, что «Священник Муссовский, знакомивший меня с догмами греческой церкви, должен был подготовить меня к принятию

Святых Тайн; он был прекрасный человек, но далеко не красноречив на немецком языке. Не такой человек был нужен, чтобы пролить мир в мою душу и успокоить ее в смятении в подобную минуту»[738]. Сама процедура приобщения к православию произвела тяжелое впечатление как на прусскую принцессу, так и на ее свиту: «С грехом пополам прочла я Символ веры по-русски; рядом со мной стояла игуменья в черном, тогда

как я была одета вся в белом, с маленьким крестом на шее; я имела вид жертвы; такое впечатление произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая с состраданием и со слезами на глазах взирала на участие бедной принцессы Шарлотты в церковном обряде, естественно, странном в глазах протестантов»[739].

Для протестантки адаптация к новой для нее религии оказалась тяжелой. Не только из-за неизбежного духовного перелома, но и из-за особенностей повседневной обрядности. Для православной великой княгини Александры Федоровны, в прошлом прусской принцессы Шарлотты, необходимость выстаивать на ногах продолжительные службы показалась крайне тяжелой. Спустя много лет Александра Федоровна вспоминала о своем первом посещении Москвы: «Мне пришлось пролежать в постели, а затем на кушетке в течение нескольких дней; настолько утомили коленопреклонения мои ноги, я даже с трудом могла двигать ими»[740].

Таким образом, мы можем констатировать, что, во-первых, в период правления «западника» Александра I религиозная жизнь российского Императорского двора в полной мере воспроизводила традиции формальной религиозности, сложившиеся в XVIII в. Во-вторых, император Александр I после 1815 г. во многом находился во власти идей, связанных со стремлением к слиянию католической и православных церквей. В-третьих, оба духовника императора Александра I были широко образованными людьми, подолгу служившими при православных храмах в Европе. Немаловажно было и то, что внешний облик царских духовников был далек от канонического образа русского православного священника.

Николай I, став императором в декабре 1825 г., будучи православным по рождению и воспитанию, за 30 лет правления прошел через серьезную духовно-религиозную эволюцию, связанную с постепенным отказом от формальной религиозности.

Будущего императора начали учить молитвам и креститься с февраля 1803 г., когда ему шел восьмой год[741]. Главными учителями, закладывавшими религиозность в детскую душу, были воспитательницы, как это ни странно, исповедовавшие протестантизм и лютеранство, что, безусловно, накладывало свой отпечаток на личную религиозность детей.

Если во второй половине 1820-х гг. молодой Николай I был достаточно формально религиозным человеком, то с начала 1830-х гг. его личная религиозность приобретает более одухотворенные формы. Духовная трансформация Николая I теснейшим образом связана с формированием собственного сценария власти, основанного на национальных традициях и

отрицании западной религиозно-политической практики.

Подчас поступки императора Николая I настолько выбивались из привычных стереотипов поведения, что это буквально приводило в смятение придворных. Но со временем они выстроились в линию поведения, которая и формировала национально ориентированный сценарий власти. И важнейшей частью нового сценария власти стала искренняя православная религиозность Николая Павловича.

Так, мемуаристы упоминают, что иногда во время службы император Николай I становился впереди, рядом с хором певчих и подпевал им своим красивым голосом. Одна из дочерей Николая I вспоминала, что «для Папа было делом привычки и воспитания никогда не пропускать воскресного Богослужения, и он, с открытым молитвенником в руках, стоял позади певчих. Но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству. При этом он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, что так часто встречается у людей сильной воли»[742]. Это очень показательная цитата. Действительно, искренне верующий православный монарх, читающий Евангелие по-французски, является неким символом переломных процессов, начало которым положил Николай Павлович.

Одной из старых православных традиций, существовавших при царском дворе со времен московской Руси, была практика изготовления «родовых» икон. С новорожденных снимали «мерку», по ее длине отрезали кусок доски, на нем иконописцы писали лик святого, в день которого появился на свет царственный младенец. Николай I в своих записках упомянул, что он для своих детей сохранил этот обычай, и «Императрица дарила каждому новорожденному икону его святого, сделанную по росту ребенка в день его рождения»[743]. Примечательно, что в своем духовном завещании, составленном в 1844 г., Николай Павлович упомянул и о своей «родовой» иконе, распорядившись ее судьбой: «Образ Чудотворца Николая, в рост мой при рождении, должен всегда оставаться в Аничкове»[744]. Когда в 1857 г. у Александра II родился сын, названный в честь Сергия Радонежского, то сразу по его рождении известному иконописцу Пешехонову был заказан образ преподобного Сергия Радонежского «в рост Его Высочества, как того требовал старинный благочестивый обычай»[745].

Любопытно, что в Большой церкви Зимнего дворца богослужения совершались и по «политическим» поводам. В период правления Николая I каждый год 14 декабря совершалось богослужение, на которое приглашались только лица, причастные

к событиям, связанным с подавлением восстания декабристов в 1825 г. После службы все допускались к руке императрицы Александры Федоровны и целовались с императором, как в Пасху.

Примечательно, что традиция богослужений в память событий 14 декабря сохранялась и при Александре II, правда, уже только по юбилейным датам. Например, 14 декабря 1875 г., в память 50-летия событий на Сенатской площади, состоялся торжественный обед, на который пригласили оставшихся участников событий, в числе которых были князья А.А. Суворов, В.Ф. Адлерберг, Р.Е. Гринвальд. На это время в Зимний дворец привезли мундир Николая I по форме лейб-гвардии Измайловского полка, в котором был император в этот трагический день. Естественно, старики вспоминали о событиях. Нашел о чем рассказать сыновьям и Александр II, которому в декабре 1825 г. было 7 лет[746].

Николай Павлович с первой половины 1830-х гг., когда завершился процесс оформления его «сценария власти», всячески подчеркивал свою «русскость». Наряду с введением в повседневный придворный быт русского языка (он разговаривал на русском языке «даже с женщинами (дотоле неслыханное дело при Дворе)») он первый ввел в моду «привычку петь тропари праздничные и даже всю обедню вместе с хором в церкви – это одни мелочи; но модные дамы времен Александра рассказывают, какое это сделало впечатление, как удивило, как показалось странным, причудливым и какой переворот сделало в гостиных, а впоследствии и в семейной жизни, и в воспитании, и мало-помалу разбудило народное чувство»[747].

Следует подчеркнуть, что вера Николая I была совершенно искренней, и он сознательно «подтягивал» свой Двор к искренней и благоговейной православной религиозности. Фрейлина А.Ф. Тютчева вспоминала, что в дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в Большой церкви Зимнего дворца. На службе мужчины были в парадной форме, при орденах, дамы – в придворных костюмах, то есть в повойниках и сарафанах с треном, расшитым золотом, производивших величественное впечатление.

Впрочем, обрядовая религиозность Императорского двора, естественно, была далека от проявлений простонародных традиций православного благочестия. Славянофилка фрейлина А.Ф. Тютчева упоминала, что она не смела ни становиться, как привыкла, на колени, ни класть земных поклонов, «так как этикет не допускал подобных проявлений благочестия. Все стояли прямо и вытянувшись.…Члены императорского дома, однако, держали себя в церкви примерно и, казалось, молились с истинным

благочестием. Император Николай стоял один впереди, рядом с хором певчих и подпевал им своим красивым голосом»[748].

При Николае Павловиче начали возводиться новые придворные соборы. Любовно обустраивая Петергофскую Александрию, Николай I приказал возвести домашнюю церковь близ Коттеджа. Ее построили в модном тогда готическом стиле и назвали Капеллой Св. Александра Невского. С июля 1834 г. там начались богослужения. Они носили семейный, камерный характер. К службе кроме членов семьи Романовых приглашали по особым спискам лишь близких родственников и придворных. При Николае I исключение делали только для кадет. В Царском Селе в 1825–1827 гг. в Александровском парке соорудили в готическом стиле Шапель[749]. В арочном своде Шапели устроили вход в квартиру духовника императора Н.В. Музовского.

Религиозному воспитанию своих детей Николай I уделял большое внимание. Следуя традиции, он лично выбрал кандидатуру законоучителя для старшего сына – цесаревича Александра Николаевича. Им стал доктор богословия Г.П. Павский.

Герасим Петрович Павский в 1814 г. окончил Петербургскую духовную академию со званием магистра. В этом же году он занял в академии кафедру еврейского языка. В 1815 г. Павский получил должность священника при Казанском соборе в Петербурге. В 1817 г. его определили законоучителем в Царскосельский лицей, ив 1821 г. Павский получил степень доктора богословия и высочайше награжден орденом Св. Владимира IV степени. На то время ему исполнилось только 34 года. На этом карьерный взлет молодого богослова не окончился. После открытия в 1819 г. Петербургского университета попечитель Учебного округа С.С. Уваров предоставил Павскому кафедру богословия. И в академии, и в лицее, и в университете лекции талантливого богослова вызывали всеобщий интерес. Поэтому не случайно он вошел в круг преподавателей цесаревича Александра Николаевича, которых подбирал В.А. Жуковский. По поручению императора Николая I Павский составил программу преподавания Закона Божия, по которой начал свои занятия с цесаревичем с 30 ноября 1826 г.

Свои занятия он начал с изучения молитвы «Отче наш», применительно к представлениям восьмилетнего ученика. Занимаясь преподаванием цесаревичу, Павский составил два руководства («Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе»), их издали ограниченным тиражом.

Царственным родителям и руководителям воспитательного процесса цесаревича В.А. Жуковскому и К.К. Мердеру Павский

понравился. Об этом свидетельствует запись в дневнике воспитателя цесаревича К.К. Мердера: «2 февраля 1829 г. Вечером Их величества присутствовали при экзамене в Законе Божием. Великий князь отличался в особенности, все ответы его были прекрасны и доказывали большую правильность его суждений». По результатам экзамена Николай I «объявили совершенное удовольствие» отцу Павскому[750].

Вскоре Павский начал преподавать Закон Божий и дочерям Николая I – Марии, Ольге и Александре. Кроме этого, его причислили к Большому собору Зимнего дворца. И, наконец, пиком придворной карьеры Павского стало его назначение духовником всех высоких воспитанников. Его неоднократно отмечали и награждали (бриллиантовым наперсным крестом, алмазными знаками Св. Анны II степени, орденом Св. Владимира III степени и еще двумя бриллиантовыми перстнями). При Императорском дворе Павский проработал 9 лет. Столь заметные успехи порождали зависть среди церковных иерархов.

В 1835 г. разразился скандал. Поводом к нему стали «конспекты-методички» Павского, подготовленные для цесаревича. Его обвинили в ошибках, недобросовестности и неблагонамеренности. В дневнике А.С. Пушкина в феврале 1835 г. появилась запись: «Филарет[751] сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин. Павский отставлен от великого князя. Митрополит и Синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят»[752].

Тем не менее Павский сохранил доброе расположение со стороны Николая I, поскольку только с его ведома Павского могли назначить на должность священника Таврического дворца, сохранив за ним все права и преимущества по службе.

Поскольку цесаревич лишился не только законоучителя, но и духовника, то встал вопрос о его замене. Эту проблему вновь решал лично император Николай I. Инициатор «дела Павского» московский митрополит Филарет обратил внимание императора на молодого священника Василия Борисовича Бажанова.

К 1835 г. В.Б. Бажанов уже считался опытным преподавателем. После окончания в 1823 г. Духовной академии со званием магистра он до 1827 г. преподавал Закон Божий во Втором кадетском корпусе, а после ухода Павского из университета принял от него кафедру богословия. Одновременно он преподавал в Главном педагогическом институте и в 1-й гимназии. Именно в гимназию на урок Бажанова и пришел Николай I. Императору хватило 15 минут, чтобы составить

мнение о священнике, после чего он ушел. По воспоминаниям Бажанова, император по возвращении во дворец заявил, что нашел, наконец, законоучителя для наследника. Естественно, не все встретили это назначение доброжелательно. Фрейлина императрицы Александры Федоровны отметила в дневнике: «Променяли ястреба на кукушку»[753].

Здесь уместно будет сослаться и на мнение А.С. Пушкина, тот, будучи близким приятелем В.А. Жуковского, лично знал и Г.П. Павского (1787–1863), и В.Б. Бажанова (1800–1883). Первого он называл «умным, ученым и добрым священником», а второго – человеком «очень порядочным»[754]. Таким образом, мы можем констатировать, что законоучителями и духовниками у подраставшего цесаревича были грамотные и достойные священники.

Очень важно и то, что Николай I лично приобщал своих детей и внуков к семейно-религиозным традициям. Внуков Николая I, включая будущего Александра III, крестил духовник императора Николая Павловича протопресвитер Музовский[755]. Подрастающие внуки исполняли все положенные религиозные обязанности: накануне воскресений, царских дней и больших праздников их водили ко всенощной, а в воскресные и праздничные дни они слушали обедню в Малой церкви Зимнего дворца в присутствии царя и родителей[756].

Николай I и родители, цесаревич Александр и цесаревна Мария Александровна, своим отношением в церковным службам прививали детям серьезное отношение к религиозным обрядам. Мемуаристка с почтительным удивлением писала: «Лицо цесаревны выражало полную сосредоточенность. Ее сопровождали все дети, даже самый маленький, которому еще не было трех лет и который стоял молча и неподвижно, как и остальные, в продолжение всей длинной службы. Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали»[757].

То – взгляд близкого, но стороннего наблюдателя. Детей, конечно, приучали к порядку. Император Николай Павлович внимательно следил за порядком в церкви, обращая внимание на мельчайшие детали, в том числе и на поведение своих внуков. Так, в 1852 г. Николай I, внимательно наблюдая за внуками на богослужении, высказал главному воспитателю внуков генералу Н.В. Зиновьеву, что «они стоят за обедней очень хорошо, но что

плечи держат неправильно и каблуки не вместе»[758]. Эти «каблуки не вместе» по отношению к маленьким внукам[759] действительно поражают, рисуя во всей полноте особенности характера Николая I.

Личная религиозность российских императоров, безусловно, имела и политическую составляющую. Постоянная демонстрация приверженности православным святыням Руси была важной и обязательной частью их публичного имиджа. Так, в семье Романовых вплоть до 1917 г. сохранялся обычай при визитах в Москву буквально первым делом посещать икону Иверской богоматери, а затем мощи московских святых. В октябре 1831 г. при посещении Москвы Николай I и цесаревич Александр Николаевич, которому тогда было 13 лет, немедленно по приезде отправились поклониться гробнице митрополита Алексия[760]. Спустя 20 лет, в сентябре 1851 г., когда в Москву приехала цесаревна Мария Александровна, она сама отвезла детей в Троице-Сергиеву лавру, где они отстояли обедню в Троицком соборе, а затем молились перед ракой Св. Сергия Радонежского. Мать и дети посетили Гефсиманский скит и отправились в Ростов на поклонение Св. Дмитрию Ростовскому[761]. Летом 1855 г. еще не короновавшийся Александр II впервые посетил древнюю столицу в качестве императора. Один из дней весьма напряженного визита посвящался Троице-Сергиевой лавре, где Александр II и императрица Мария Александровна усердно молились у мощей Св. Сергия[762].

На детские души посещение московских религиозных святынь производило большое впечатление, поскольку «было принято сейчас же по прибытии совершать поклонение мощам; один из постоянно там молящихся пяти монахов поднимал крышку гроба»[763].

Тем не менее, дочь Николая I Ольга Николаевна оценивала характер религиозного воспитания царских детей как достаточно формальный. Она объясняла это тем, что «нас окружали воспитатели-протестанты, которым едва были знакомы наш язык и наша церковь»[764]. Вместе с тем следует отметить, что воспитательный процесс в царской семье предусматривал существенную разницу в подготовке цесаревича и его сестер.

Дело в том, что, по сложившейся практике, дочери российских императоров рано или поздно становились супругами протестантов. Возможно, поэтому их приобщение к православной религии носило, пожалуй, формальный характер.

Николай I сделал очень много для изменения религиозной жизни Российского императорского двора, однако надо признать, что ему так и не удалось переломить формального отношения к

православным канонам в придворно-аристократической среде. Пышные богослужения в дворцовых домовых храмах по большей части являлись только необходимой частью пышных дворцовых церемоний. В них не было самого главного – искренней веры. Фактически придворные религиозные службы носили характер светской церемонии.

Личный авторитет императора и его религиозность, безусловно, дисциплинировали присутствовавших в Большой церкви Зимнего дворца. Как упоминала А.Ф. Тютчева, «все стояли прямо и вытянувшись», «члены императорского дома… держали себя в церкви примерно»[765]. Отсутствие на церковной службе или опоздания сурово и немедленно пресекались Николаем Павловичем. Например, в апреле 1834 г. камер-юнкер А.С. Пушкин нарушил этикет, не явившись в придворную церковь «ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресенье». После этого он немедленно получил приказ явиться для объяснений. Сам поэт писал: «Однако ж я не поехал на головомытье, а написал изъяснение»[766].

Но и при грозном императоре во время длинных служб великие князья периодически умудрялись выскакивать из церкви «перекурить» на церковную лестницу. Поэтому 28 апреля 1847 г. издается высочайший указ о категорическом запрете употребления «табаку в церквах во время отправления службы». После смерти императора Николая I весь строгий порядок очень скоро нарушается: «Каждый мог запаздывать, пропускать службу по желанию, не будучи обязан никому отдавать отчета»[767].

Как и каждый православный, Николай Павлович периодически исповедовался своему духовнику Н.В. Музовскому (1772–1848). Его он «получил» от матери и старшего брата Александра I, память о котором Николай Павлович глубоко чтил. Однако, видимо, облик и личностные качества Музовского претили Николаю I. Об этом косвенно свидетельствуют его слова, произнесенные в 1848 г. после назначения Бажанова на место умершего Музовского. После первой исповеди у нового духовника Николай I сказал семейству, что он «первый раз в жизни исповедовался». Сам Бажанов писал, что он не знает, что эти слова означают, но предположил, что «государь не исповедовал своих грехов перед духовниками, и духовники не предлагали ему вопросов, а прочитывали только молитвы пред исповедью и после исповеди»[768].

О личностных предпочтениях Николая I свидетельствует и то, что в 1841 г. именно В.Б. Бажанову, а не Музовскому поручается приобщить будущую императрицу Марию Александровну к таинствам православной церкви. Императрица Александра

Федоровна, невольно сравнивая происходящее, отмечала, что «конфирмация моей невестки, цесаревны, совершалась совершенно при иных условиях: она нашла здесь прекрасного священника, который объяснил ей слово за словом все догматы и обряды нашей церкви…»[769]. Тем не менее, в завещании, составленном Николаем Павловичем в 1844 г., «отдельным пунктом» выражена благодарность «отцу-духовнику» Музовскому «за его верную долговременную службу; душевно его почитав»[770].

Мы можем предположить, что Музовский изначально не устраивал царя, но снять его с должности означало пойти против воли Александра I, чью память чтил Николай I. В результате только после смерти Музовского в 1848 г. В.Б. Бажанов стал духовником не только цесаревича Александра Николаевича, но и Николая I.

Современники неоднократно отмечали глубокую личную православную религиозность Николая I. Так, графиня А.Д. Блудова писала, что «Николай Павлович – самый православный государь из царствующих над нами со времен Федора Алексеевича»[771]. В этом контексте особенно весомо звучит фраза Николая I, которую он произнес в ходе своей предсмертной беседы с В.Б. Бажановым о вере: «Я не богослов; верую по-мужицки»[772]. И эта твердая мужицкая православность добавляет новый важный штрих к облику самодержца Николая I.

Отношение Александра II к религии не выходило за общепринятые рамки его круга. Он был, конечно, верующим человеком, выполнявшим все обязательные обряды православной церкви. Но его религиозность сродни религиозности Александра I: формальная вера, но без глубокого религиозного чувства. В отличие от отца, к нарушениям дисциплины во время церковных служб он относился совершенно спокойно. Александр II не любил Москву, не любил, когда ему напоминали, что он родился в Чудовом монастыре древней столицы. Он – «западник» и лучше чувствовал себя в каком-нибудь Эмсе и вообще в Пруссии…[773]

В семье Александра II подлинным носителем православной религиозности была, как это ни странно, императрица Мария Александровна. Бедная немецкая принцесса, ставшая цесаревной, а затем и императрицей, всем сердцем восприняла православные каноны. По свидетельству воспитательницы царских детей А.Ф. Тютчевой, «душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю»[774].

В начале1850-х гг. внуки Николая I начали последовательно включаться в систему религиозного образования. Для старшего сына цесаревича Александра великого князя Николая Александровича уроки Закона Божия начались со 2 ноября 1850 г.

Эти уроки вел Бажанов, его утвердили в должности 20 января 1851 г., с оплатой в 285 руб. в год. Столько же он получал за преподавание всем остальным детям цесаревича. В начале 1851 г., когда великому князю Николаю Александровичу шел восьмой год, Бажанов стал готовить мальчика к первой исповеди и Великом посту[775]. В 1853 г. Бажанов готовил к первой исповеди уже восьмилетнего великого князя Александра Александровича, будущего Александра III[776].

Следует заметить, что кандидатура В.Б. Бажанова в качестве учителя Закона Божьего при детях Александра II не была бесспорной. Императрица Мария Александровна хотела сама подобрать законоучителя для своего старшего сына, даже пойдя против традиций. Поэтому в начале 1850-х гг. в качестве возможной кандидатуры законоучителя рассматривался духовник принцессы Вюртембергской Ольги Николаевны – протоиерей И.И. Базаров. Главной причиной такого решения стало то, что Бажанов занимал иные многочисленные должности и детям мог уделять только малую толику своего внимания. А императрице духовник требовался все время. Она писала Ольге Николаевне о Базарове: «…Мы примем его с распростертыми объятиями.

Но если в него запала хоть малейшая доля протестантизма, то мы не поймем друг друга. Я очень дорожу учебною частью (которой, увы, пренебрегает Бажанов)… я еще ничего не говорила Бажанову до получения ответа. Полагаю, что он сам поймет, что у него не хватает на это времени… не слишком ли он мягок? Но для детей мне прежде всего нужна сердечность»[777]. Однако по ряду причин вариант с И.И. Базаровым не прошел, и преподавание осталось за Бажановым, его цари «глубоко уважали как своего многолетнего духовника, не пожелали оскорбить или просто даже огорчить»[778].

Но Мария Александровна, не осуществив свой замысел для старшего сына, все-таки реализовала его для младших сыновей. Бажанова освободили от обучения, и в 1859 г. преподавание Закона Божьего поручается протоиерею Рождественскому, служившему при церкви Мариинского дворца, с одновременным преподаванием Закона Божьего детям великой княгини Марии Николаевны. Н.В. Рождественского перевели в Малую церковь Зимнего дворца и причислили к ней сверх штата[779]. К такому назначению Н.В. Рождественского подтолкнуло охлаждение его отношений с хозяйкой Мариинского дворца, великой княгиней Марией Николаевной. Это связано с тем, что священник отказался тайно совершить обряд венчания дочери Николая I и графа Строганова. Позже Н.В. Рождественский стал настоятелем Малой церкви Зимнего дворца, членом Священного Синода и

духовником императрицы Марии Александровны. С 1866 г. Н.В. Рождественского назначили на должность учителя Закона Божьего и духовника великого князя Сергея Александровича, а когда подрос великий князь Павел Александрович, он стал и его духовником[780].

Надо сказать, что царские дети искренне полюбили Н.В. Рождественского. Великий князь Сергей Александрович после наступления совершеннолетия просил мать, императрицу Марию Александровну, подарить Ивану Васильевичу красивый наперсный крест. Императрица сама выбирала камни для креста и заказывала его рисунок. В январе 1876 г. одна из фрейлин императрицы Марии Александровны, по просьбе Сергея Александровича, купила материю на рясу И.В. Рождественскому. Видимо, священник сумел установить со своими духовными сыновьями ту тонкую душевную связь, которая и делает религию религией. После исповеди в феврале 1876 г. Сергей Александрович записал в дневнике: «Иван В. так со мною хорошо говорил!»[781]

Вместе с тем И.В. Рождественский мог быть и строгим к своим подопечным. Того же Сергея Александровича его духовник строго разбранил за то, что его подопечный пропустил всенощную во время масленицы (2 февраля 1877 г.).

Умер И.В. Рождественский в 1882 г. Удар с ним случился через несколько дней после кончины императора Александра II от горя и страшного потрясения, так как, когда умирающего государя привезли во дворец, именно Иван Васильевич Рождественский приобщал Святых Тайн умирающего императора[782].

Примечательно также и то, что когда в начале 1860-х гг. цесаревичу Николаю Александровичу начали преподавать «университетский курс», то в качестве «учебных пособий» использовали такие бесценные сокровища, как подлинники Остромирова Евангелия и летопись Нестора «Повесть временных лет»[783]. Профессор Московского университета Буслаев вспоминал: «Никогда не забуду, с каким наслаждением читал я ему об Остромировом Евангелие, об Изборнике Святославовом и о великолепных миниатюрах Сийского Евангелия по драгоценным рукописям, которые были доставлены нам для лекций из Петербургской Публичной библиотеки, из Московской синодальной и с далекого Севера, из Сийского монастыря»™.

Воспитатели детей императора Александра II оставили дневниковые записи, в которых упоминается об эпизодах повседневной религиозной жизни царских сыновей. Так, в марте 1862 г. великий князь Владимир Александрович (15 лет) «отвез

Василию Борисовичу (Бажанову. – *И. З.*) материю на рясу в подарок от императрицы»[785]. В апреле 1862 г., накануне пасхальных торжеств, дети рано утром пошли «на половину великого князя наследника на исповедь. Они вернулись назад в 10 минут девятого, что, мне кажется, слишком скоро для исповеди». После этого они отправились «к родителям, чтобы читать с императрицею книги духовного содержания»[786]. На следующий день мальчики, следуя традиции, красили яйца. И, наконец, в субботу 7 апреля 1862 г. воспитатель «В половине двенадцатого… разбудил великих князей, чтобы идти к заутрене. Разговлялись у государя около половины четвертого.

Вернувшись назад, сейчас же легли спать»[787]. Так для мальчиков прошла Пасха 1862 г.

Пасха, как и везде на Руси, – особый праздник. Конечно, подносились традиционные подарки в виде пасхальных яиц. Если кто-то из семьи отсутствовал в Зимнем дворце, то подарки им обязательно отправлялись по месту пребывания. Например, в Вербное воскресение 1865 г. Александр II отправил фельдъегеря в Ниццу к императрице Марии Александровне с пасхальными подарками. Сам же император в пасхальную ночь 1865 г., как обычно, работал. Сначала с тремя сыновьями и всеми членами дома Романовых он присутствовал на торжественной светлой заутрене в Большой церкви Зимнего дворца. После заутрени он, по традиции, христосовался с присутствующими знатными особами и с представителями гвардейских полков. Разговенный завтрак, как всегда, состоялся в Золотой гостиной Зимнего дворца. По признанию самого царя, он «вернулся в кабинет усталый после христосования с 416 лицами, отчего, по его выражению, у него закружилась голова»[788].

Мемуаристы в один голос отмечают, что религиозная жизнь в Зимнем дворце при императоре Александре II концентрировалась вокруг его жены – императрицы Марии Александровны. Как писал хорошо знавший Марию Александровну граф С.Д. Шереметев: «Нужно признать, что она с полным сознанием и убеждением изучала все русское, и прежде всего православие. Ее переход в православие не был простой формальностью. У нее были такие руководители, как митрополит Филарет, такие друзья, как В.Д. Олсуфьев, когда она была еще цесаревною, такие поклонники, как Николай I»[789]. Пожалуй, после Екатерины II не было императрицы, столь глубоко изучившей «нашу веру, наш строй и нашу народность. Она оставила крупный след, отразившийся на ее детях и придавший им то, что так отсутствует в других членах семьи иных ее поколений….Отражение матери следует искать в детях императора Александра II. Она воспитала «русское»,

честное поколение»[790].

Православная религиозность императрицы Марии Александровны не могла не повлиять на формирование искренней религиозности ее детей. Александр III вспоминал: «Мама постоянно нами занималась, приготовляла к исповеди и говению; своим примером и глубоко христианскою верою приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама мы, все братья и Мари, сделались и остались истинными христианами и полюбили и веру, и Церковь»[791]. После смерти матери цесаревич Александр Александрович писал младшему брату: «Если бы речь шла о канонизации моей матери, я был бы счастлив, потому что я знаю, что она была святая»[792]. Так старший сын оценил роль матери в формировании его искренней православной религиозности.

Следует также отметить, что «кружок» императрицы Марии Александровны был центром придворных славянофилов. Большое влияние на императрицу во второй половине 1850– 1860-е гг. имели ее фрейлины А.Ф. Тютчева и А.Д. Блудова. По воспоминаниям мемуаристов, Антонину Блудову при дворе прозвали «жандармом православия»[793].

В конце царствования Александра II наметили «кадровый резерв» на должность царского духовника, так как духовник Бажанов достиг уже весьма преклонного возраста. В качестве преемника на должность духовника выбрали Ивана Леонтьевича Янышева. Он родился в 1826 г. в Калужской губернии в семье дьякона. Курс в Санкт-Петербургской духовной академии Янышев завершил с ученой степенью бакалавра физико-математических наук. В 1851 г. его определили священником в православную церковь в Висбадене. В 1856 г. Янышева перевели в Санкт-Петербургский университет профессором богословия и философии. В 1858 г. вновь направили в заграничную командировку, назначив священником в церкви русской миссии в Берлине. Затем – вновь в Висбаден, где он проработал с 1859 по 1864 г. Все это время Янышев достаточно активно занимался научной работой.

Придворная карьера И.Л. Янышева началась в 1864 г., когда его пригласили в Копенгаген преподавать Закон Божий невесте российского цесаревича принцессе Дагмар. Это произошло, когда тяжело болевший Николай Александрович счел необходимым лично встретиться с Янышевым, с которым «долго беседовал… о предстоящей задаче и остался вполне доволен отношением к столь важному делу ученого-богослова»[794]. После того как в 1866 г. Дагмар превратилась в цесаревну Марию Федоровну, услуги Янышева не забыли, и его назначили ректором Санкт-

Петербургской духовной академии (1866–1883 гг.).

Именно Янышев в своих проповедях с церковной кафедры толковал великие реформы Александра II. Когда осенью 1866 г. в Россию прибыла невеста цесаревича Александра Александровича датская принцесса Дагмар, И.Л. Янышев готовил ее к церемонии миропомазания, а императрица Мария Александровна учила ее, как подходить к иконам и молиться. 12 октября 1866 г. в Большой церкви Зимнего дворца состоялась церемония миропомазания, и датская принцесса Дагмар получила новое имя – Мария Федоровна[795]. Обряд миропомазания совершал митрополит Исидор в Большой церкви Зимнего дворца. Принцесса во время обряда была одета в простое белое платье со шлейфом, без украшений. Свидетельницей выступила сама императрица Мария Александровна[796]. В 1874 г. Янышев призвали к участию в делах по старокатолическому вопросу в качестве официального представителя русской церкви на боннской конференции. Именно он произнес проповедь 2 марта 1881 г. над гробом убитого террористами Александра II. Судя по воспоминаниям Богданович, эта речь произвела большое впечатление на присутствовавших: «Государь не скончался – он убит! Убит!» – закричал он на всю церковь. Эти слова были встречены глухими рыданиями»[797].

Продолжателем православной традиции на российском императорском престоле стал Александр III. Частью его «сценария власти» стала подчеркнутая «народность», тесно связанная с его искренней православной религиозностью.

«Мужицкая» внешность царя органично сочеталась с его глубокой православной религиозностью. Современники подчеркивали, что личная религиозность Александра III носила камерный характер, но искренность его религиозного чувства была совершенно очевидна для окружающих. Описывая события лета 1877 г., один из воспитателей царских детей, пообщавшись с будущим императором, отметил для себя, что цесаревич показался ему очень рассудительным, патриотичным, сведущим по русской истории и очень религиозным[798].

Многолетний соратник Александра III граф С.Д. Шереметев вспоминал, что когда в начале 1870-х гг. цесаревич Александр Александрович предложил ему искупаться, то он увидел на груди великого князя множество образков и среди них крест[799]. Граф вслух высказал свое удивление, поскольку в аристократической среде подобное проявление религиозности не было принято. Впоследствии С.Д. Шереметев объяснял увиденное русской натурой Александра III, для которого была совершенно чужда космополитичность его отца.

Проявлялось это и в большом, и в малом. Так, Александр III, в отличие от отца, любил Москву. Он часто говорил, что его давнее желание – пожить в Москве, провести в ней Страстную неделю, поговеть и встретить Пасху в Кремле[800]. Именно Александр III инициировал начало «императорской серии» ежегодных пасхальных яиц работы мастеров фирмы К. Фаберже. Именно Александр III положил начало традиции ежегодного пасхального христосования не только со свитой, но и с прислугой и нижними чинами охраны. В его уборной в Аничковом дворце всегда горела в углу лампада перед иконами с подвешенными пасхальными яйцами[801].

Александр III хорошо знал детали православной обрядности, он понимал символизм православной церкви. Поэтому его православие – исповедание русского человека. Он чувствовал и сознавал, что без него нельзя быть всецело русским человеком, что отречение от православия равносильно отречению от России, ее духа, ее истории, ее преданий, ее силы[802].

При Александре III Зимний дворец остался только парадной резиденцией, поскольку царь там не жил. Он продолжал жить в Аничковом дворце, куда поселился еще в 1866 г. после женитьбы. Примечательно, что в 1865–1866 гг., накануне свадьбы цесаревича, построили церковь Аничкова дворца. Постепенно она пополнялась древними иконами, собираемыми цесаревичем. Для звонницы заказали особые колокола, повторявшие знаменитые ростовские звоны. Даже священником в Аничковой церкви служил простой армейский полковой священник, судьба свела его с цесаревичем во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Более того, в церковь Аничкова дворца имели право ходить все живущие во дворце: прислуга, кучера, старики унтер-офицеры. По свидетельству современников, «в церкви Аничкова дворца чувствовалась та теплота, которая совершенно отсутствовала в Малой церкви Зимнего дворца; стояли не чиновные люди, не свита, а разночинцы, и дорожили они этим правом… было что-то патриархальное в этом совместном молении, что-то резко отличавшееся от обычных дворцовых порядков»[803].

Тот же мемуарист, рассказывая о парадном выходе в Зимнем дворце 6 января 1891 г. по поводу очередной церемонии водосвятия на Неве, описывал церковную службу следующим образом: «Служба прекрасная, пение безукоризненное, церковь полна, фрейлины направо, царедворцы налево….Толпа равнодушных, дипломатический корпус со своими дамами в окнах Николаевской залы. Бинокли наставлены на Неву. Зрелище»[804].

Так же любовно Александр III обустроил и церковь

Гатчинского дворца, куда в конце марта 1881 г. переехал со всей семьей. Надо заметить, что дворцовая Гатчинская церковь в начале 1880-х гг. имела вид не то гостиной, не то проходной комнаты, чему способствовали лестницы с двух сторон и полное отсутствие икон, кроме самых необходимых, на иконостасе. Мало-помалу Александр III лично занялся украшением церкви. Все подносимые ему иконы он развешивал в церкви, причем некоторые собственноручно. Церковь украшалась пасхальными яйцами, в ней возобновили живопись. В церкви появилось «царское место». В результате через несколько лет церковь уже действительно походила на православный храм. В ней стало теплее, и протестантский оттенок совсем исчез. Граф С.Д. Шереметев подчеркивал, что Александр III «любил щегольнуть знанием церковного устава, хотя иногда и ошибался, но всегда дорожил церковным благолепием и был глубоко верующим (православным) человеком без всякой тени ханжества»[805].

Столь пристальное внимание Александра III к своим домовым церквям вызывало удивление даже у священников. Граф С.Д. Шереметев приводит высказывание духовника царя Янышева по поводу того, что царь «вообще так любит иконы». В свою очередь, граф выразил недоумение по поводу «удивления» Янышева, его С.Д. Шереметев называл «двуличный Янус»[806].

К некоторым придворным храмам Александр III относился неоднозначно. В Петергофе, в парке Александрия еще при императоре Николае I по проекту архитектора К.Ф. Шин-келя выстроили придворную капеллу Св. Александра Невского в модном тогда готическом стиле. Александр III знал эту церковь с детства. Однако, когда определились его архитектурно-религиозные пристрастия, не скрывал, что церковь в Александрии ему не нравится, поскольку построена по образцу немецкой кирхи. Вместе с тем ему нравилась Ливадийская церковь[807], выдержанная в строгих православных архитектурных традициях. Кроме того, ему были дороги воспоминания о матери, которая также любила и особенно заботилась об этой церкви[808].

Траурный крест с изображением Александра III. *1899 г.*

Примечательно, что при Александре III Императорский двор стал более строго следовать традициям православной обрядности. Во многом это связано с влиянием обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева. Так, ему удалось добиться принятия решения о полном прекращении театральных представлений в Петербурге во время Великого поста. Запрет на светские развлечения соблюдался и в императорской семье. Даже у маленькой великой княжны Ольги на время Великого поста отменялись уроки танцев[809].

Следует подчеркнуть, что Александру III удалось передать свое искреннее православие детям. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала, как в дворцовой церкви Гатчинского дворца собиралась семья и свита на пасхальную заутреню. С одной стороны, все неукоснительно следовали правилам этикета: на голове – усыпанный жемчугами кокошник, вышитая вуаль до талии, сарафан из серебряной парчи и кремовая атласная юбка. С другой стороны, несмотря на неизбежную придворную

официальность, религиозное чувство сохранялось в полной мере: «Я не помню, чтобы мы чувствовали усталость, зато хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали, затаив дыхание, первый торжествующий возглас «Христос Воскресе!»»[810].

В.Б. Бажанов, занявший должность духовника императорской семьи при Николае I в 1848 г., оставался на этом посту вплоть до своей смерти в 1883 г., уже при Александре III, то есть занимал ее 35 лет. На протяжении длительного времени он обучал Закону Божьему младших детей Николая I и всех детей Александра II. Не без его влияния сложились твердые морально-нравственные взгляды и у Александра III. Именно в религии Александр III искал нравственную опору, принимая подчас очень сложные, судьбоносные для России решения. Один из мемуаристов привел слова императора: «Когда что меня смущает и я чувствую, что человеческими силами не выйти из тяжелого состояния души, стоит вспомнить слова Евангелия «Да не смущается сердце Ваше, Веруйте в Бога и в Мя веруйте», и этого довольно, чтобы прийти в себя»[811].

В период правления Александра III началась придворная карьера Ивана Леонтьевича Янышева. В 1883 г., после смерти духовника царской семьи В.Б. Бажанова, его назначили «духовником Их Императорских Величеств, заведующим придворным духовенством и протопресвитером соборов Большого в Зимнем дворце и московского Благовещенского». Однако ни мемуаристы, ни другие источники не упоминают о какой-то особой духовной близости между глубоко и искренне верующим царем и его духовником. Янышев при Дворе был только сановником в рясе, добросовестно выполнявшим все положенные обязанности.

Когда Александр III умирал в Ливадии в октябре 1894 г., рядом с ним находился его духовник Янышев. Но при этом к царю пригласили и знаменитого о. Иоанна Кронштадтского, он известен не только как блестящий проповедник, но и как целитель. 10 октября 1894 г. Александр III принял о. Иоанна Кронштадтского. По свидетельству современницы: «Войдя к нему, он сказал: «Великий Государь, чем болеешь ты?» Они вместе молились, Государь стал на колени. Отец Иоанн провел рукой по больным местам и не причинил боль. Государь был очень тронут»[812]. Видимо, царь цеплялся за соломинку, поскольку врачи его уже приговорили, и он надеялся только на священника-целителя. Умер Александр III 20 октября 1894 г.

Николай II был одним из самых верующих российских монархов, что связано не только с его духовным воспитанием, но и жизненными обстоятельствами, часто заставлявшими искать

утешения в религии. Как император, он строго выполнял все обязательства, связанные с обычной чередой дворцовых богослужений и церемоний. Его личная религиозность проявлялась в искренности веры. Домашний иконостас, находившийся в царской спальне, поражал количеством икон.

Во второй половине 1870-х гг. решался вопрос о законоучителе для будущего Николая II, и повторилась ситуация 1850-х гг., когда императрица Мария Александровна попыталась пригласить законоучителя для своих детей «со стороны». В 1875 г. Александр III и императрица Мария Федоровна, в обход «традиционных» Бажанова и Янышева, попытались пригласить на место законоучителя царских детей протоиерея Н.В. Рождественского, «которого они любили и с которым охотно беседовали». Граф С.Д. Шереметев вспоминал: «…Нужен был законоучитель для цесаревича Николая Александровича, и родители остановились выбором на протоиерее Рождественском и при мне просили его очень убедительно принять на себя эту обязанность, но Рождественский, ссылаясь на болезнь и на упадок сил, не нашел возможным принять это предложение. Долго убеждали его родители… в действительности же Рождественский прожил недолго и открыл путь И.Л. Янышеву (Двуликий Янус)»[813].

Приводя эту цитату, следует уточнить, что Рождественский все же на короткое время стал духовником будущего Николая II. По сложившейся традиции, в 1875 г. у мальчика Николая, которому исполнилось семь лет, состоялась первая исповедь. Его духовником стал Н.В. Рождественский. 12 февраля 1877 г. «Вся семья приобщалась, и Ники, который второй раз исповедовался у Ивана В. Пили потом чай все вместе»[814]. После смерти И.В. Рождественского в 1882 г. духовником Ники некоторое время состоял престарелый Бажанов, в 1883 г. его сменил Янышев.

Ивана Васильевича Рождественского (1815–1882) любили многие. Протоиерей, член Священого Синода, настоятель Малой церкви Зимнего Дворца, проповедник, он родился в селе Богоявленский Погост, Вязниковского уезда Владимирской губернии, 18 января 1815 г., в семье священника. Санкт-Петербургскую духовную академию он окончил в 22 года в 1837 г. магистром богословия. В 1840—1850-х гг. он преподавал Закон Божий в петербургских кадетских корпусах, справедливо считаясь одним из самых талантливых преподавателей. В 1859 г. он стал законоучителем детей великой княгини Марии Николаевны и по ее рекомендации в 1859 г. был переведен к Большому Двору, где стал преподавать Закон Божий детям Александра II, а в 1862 г. он назначается протоиереем Малой

церкви Дворца. Вся царская семья полюбила нового наставника. Так что Александр III лично знал протоиерея Рождественского с 1859 г.

После того как И.В. Рождественский отказался занять место законоучителя будущего Николая II, это место занял Янышев. Когда цесаревич Николай Александрович приступил к изучению наук университетского курса, то Янышев продолжил свою педагогическую карьеру при цесаревиче, читая ему курс канонического права в связи с историей церкви, а также богословие и историю религий.

Со временем религиозность Николая II стала приобретать черты религиозного фатализма. Николай II постоянно упоминал, что он родился в день Иова Многострадального и что конец его царствования будет трагичным. Точкой отсчета зарождения этого чувства можно считать Ходынскую катастрофу, произошедшую в мае 1896 г. во время коронации в Москве. Следует заметить, что в этой сложной ситуации, когда ему предлагались различные решения – от объявления траура по погибшим до «продолжения банкета», – духовник царя о. Янышев вел себя совершенно пассивно. Как вспоминал влиятельный чиновник Министерства Императорского двора В.С. Кривенко, он после Ходынки «бросился к духовнику государя о. Янышеву, умоляя его пойти к государю, настоять на отмене праздников. Протопресвитер вздыхал, высказывался уклончиво, а на представленный решительно вопрос ответил: разве он может беспокоить государя подобными заявлениями? Так узко формально понимал духовник царя свои обязанности, а Янышев слыл за высокообразованного человека, много лет прожившего за границей»[815].

Следует заметить, что не только Николай II был «запрограммирован» на трагическую кончину, но в том же была убеждена и императрица Александра Федоровна, о чем свидетельствует эпизод, произошедший во время Саровских торжеств в июле 1903 г. Там Николай II встречался с юродивой Пашей Саровской. Об их встрече ходило много слухов. Художница В.П. Шнейдер, участница Саровских торжеств, вспоминала свой разговор с императрицей по этому поводу: «Значительно позднее на одном из приемов, когда Императрица подолгу разговаривала со мной, разговор зашел про юродивых.

Протоиерей Иоанн Янышев

Императрица спросила меня, видела ли я Саровскую Пашу? Я сказала, что нет. «Почему?» – «Да я боялась, что, прочтя, как нервный человек, в моих глазах критическое отношение к ней, она рассердится и что-нибудь сделает, ударит и т. п.» И осмелилась, спросила, правда это, что когда Государь Император хотел взять варенья к чаю, то Паша ударила его по руке и сказала:

«Нет тебе сладкого, всю жизнь будешь горькое есть!» «Да, это правда». И раздумчиво Императрица прибавила: «Разве вы не знаете, что Государь родился в день Иова Многострадального?» Потом говорили о юродивых бургундских принцессах (Эльза, Лострип), грюндвальдских старцах и проч.»[816].

После того как в конце 1904 г. Александровский дворец Царского Села стал постоянной резиденцией семьи Николая II,

встал вопрос о месте для молитв императорской семьи, ведь императору, как мы уже упоминали, в условиях революции пришлось резко ограничить свои передвижения вне территории императорских резиденций.

Следует заметить, что формально в Александровском дворце домовой церкви не существовало. Однако еще в 1840-х гг. в нескольких комнатах дворца сформировалась домовая церковь. Это было связано с трагедией, в 1844 г. пережитой Николаем I. Дело в том, что 24 июня 1844 г. в кабинете императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) от скоротечной чахотки умерла дочь Николая I Александра Николаевна. После ее смерти в кабинете императрицы устроли дворцовую молитвенную комнату. Архитектор Д. Ефимов перестроил интерьер этой комнаты. На месте, где стояла постель, возвели маленькую молельню. Иконостас с личными иконами княгини Александры Николаевны покоился на панелях, сделанных из ее же кровати братьями Гамбс. Центром молельни стала портретная икона с изображением умершей в образе св. царицы Александры. При Николае I здесь служили панихиды по великой княгине. В соседней комнате оборудовали предмолельню. Этот мемориальный комплекс сохранялся во дворце вплоть до конца 1920-х гг.

Однако Николай II счел необходимым устроить «свою» домовую церковь в одном из дворцовых парадных залов. В этом помещении сначала располагалась его спальня, затем – парадная зала и, наконец, малиновая гостиная императрицы Александры Федоровны. Здесь установили походный иконостас Александра I, сопровождавший его во время заграничных походов в 1813–1814 гг. Иконостас представлял собой шесть тканых полотнищ, укрепленных на складной ширме[817]. Легкий иконостас перевозился при Николае II в Ливадию и Спалу. Перед иконостасом в ряд стояли четыре стула для княжон, кресло для Николая II и стул цесаревича Алексея.

Александровский дворец. Спальня императора Николая II и его супруги. *Фото 1930-х гг.*

Александровский дворец. Киот в спальне цесаревича Алексея. *Фото 1930-х гг.*

Для императрицы Александры Федоровны в этом же зале устроили маленькую отдельную молельню с иконами на стенах, где для нее поместили кушетку и аналой. Конечно, скудный церковный антураж мало сочетался со светскими интерьерами парадных залов Александровского дворца. Поэтому когда в 1913 г. близ Александровского дворца возвели Федоровский собор, то он и стал домовым храмом императорской семьи.

По свидетельству современников, Николай II хорошо разбирался в богословских проблемах и хорошо знал православную обрядность. Протопресвитер русской армии и флота о. Шавельский, находившийся в Ставке с 1914 по 1917 г. и лично наблюдавший царя, вспоминал: «В истории церковной он был достаточно силен, как и в отношении разных установлений и обрядов церкви….Государь легко разбирался в серьезных богословских вопросах и в общем верно оценивал современную церковную действительность, но принятия мер к исправлению ее ждал от «специалистов» – обер-прокурора Св. Синода и самого Св. Синода»[818]; «Государь выслушивал богослужение всегда со вниманием, стоя прямо, не облокачиваясь и никогда не приседая на стул. Очень часто осенял себя крестным знамением, а во время пения «Тебе» и «Отче наш» на литургии, «Слава в вышних Богу» на всенощной становился на колени, иногда кладя истовые земные поклоны. Все это делалось просто, скромно, со смирением. Вообще о религиозности государя надо сказать, что она была искренней и прочной. Государь принадлежал к числу

тех счастливых натур, которые веруют, не мудрствуя и не увлекаясь, без экзальтации, как и без сомнений. Религия давала ему то, что он более всего искал, – успокоение. И он дорожил этим и пользовался религией как чудодейственным бальзамом, который подкрепляет душу в трудные минуты и всегда будит в ней светлые надежды»[819].

Религиозность императора отмечалась всеми, кто его окружал. Генерал Ю.Н. Данилов вспоминал, что «Император Николай был глубоко верующим человеком. В его личном вагоне находилась целая молельня из образов, образков и всяких предметов, имевших отношение к религиозному культу. При объезде в 1904 г. войск, отправлявшихся на Дальний Восток, он накануне смотров долго молился перед очередной иконой, которой затем благословлял уходившую на войну часть.

Будучи в Ставке, государь не пропускал ни одной церковной службы. Стоя впереди, он часто крестился широким крестом и в конце службы неизменно подходил под благословение протопресвитера о. Шавельского. Как-то особенно, по-церковному, они быстро обнимают друг друга и наклоняются каждый к руке другого»[820].

Говоря о религиозности последнего российского императора, нельзя не сказать и о его жене, императрице Александре Федоровне. Сразу следует отметить, что наряду с личными отношениями религия стала одной из прочных основ их брака.

Необходимость перемены религии, обязательная для жены российского монарха, долгое время заставляла колебаться протестантку дармштадтскую принцессу Алике. Однако после того как она решила принять предложение руки и сердца наследника Российской империи, она всем сердцем приняла и православие.

По сложившейся традиции к невесте в Англию направили царского духовника о. Янышева, для того чтобы подготовить ее к переходу в православие. Это событие подробно обсуждалось в петербургских гостиных. Так, в июне 1894 г. в дневнике генеральши Богданович зафиксировано: «Говорят, что Алиса находится под влиянием пастора, что Янышев, посланный наставлять ее в православной вере, произвел на нее мало впечатления, что она не поддается его убеждениям. Янышев – ученый, холодный богослов, влиять на душу он не может. Про нее говорят, что она холодная, сдержанная»[821]. Это стало только началом всевозможных пересудов, шлейфом тянувшихся за Александрой Федоровной на протяжении всей ее жизни.

В дневниках Николая II неоднократно зафиксирован весь «круг» религиозных обязанностей императорской четы. В 1895 г.

молодые супруги вместе проходили его впервые. 1 января 1895 г. к обедне приехали дяди Николая II – «Миша, Владимир, Алексей и тетя Михень». Одной из обязательных церемоний для императорской семьи было ежегодное водосвятие на Неве. Для ее проведения напротив Иорданского (Посольского) подъезда Зимнего дворца сооружался шатер с помостом, и в прорубь торжественно опускался серебряный крест. В дневнике Николай II следующим образом описывается это событие (5 января 1895 г.): «…Надо было идти к вечерне с водосвятием.

Алике в первый раз присутствовала при окроплении всего дома св. водою». 6 января 1895 г.: «На улицах с утра стояли толпы народа, вероятно, ожидавшие выезда в Зимний; там происходило обычное водосвятие по Иордани без участия войск».

19 января 1895 г. молодой император и муж показывал жене иконы и блюда в Концертном зале Зимнего дворца. После этого он «показал Алике Малую церковь» Зимнего дворца. Поскольку при Дворе соблюдался траур по умершему Александру III, то масленичные гуляния в 1895 г. отменили, и 13 февраля Николай II записал: «В этом году никакой разницы для нас нет между масленицей и постом, все также тихо, только теперь, разумеется, дважды ходим в церковь. Настроение такое, что молиться очень хочется, само просится – в церкви, в молитве – единственное самое великое утешение на земле!». Это очень редкий и показательный эмоциональный всплеск для крайне сдержанного царя. 17 февраля 1895 г. Николай II и Александра Федоровна исповедовались «в нашей спальне после общей молитвы» о. Янышеву.

В марте-апреле 1895 г. императрица Александра Федоровна впервые приняла участие в церковных службах, связанных с православной Пасхой. 4 марта супруги «пошли ко всенощной с поклонением Св. Кресту». На следующий день участвовали в обедне. 25 марта ходили «ко всенощной – получили вербы». 26 марта присутствовали на обедне. 27 марта «были на вечерней службе». Поскольку дела никто не отменял, а Николай II еще не выработал жесткий ритм своих «занятий», то в этот день ему «пришлось заняться делами и вечером, т. к. потерял час из-за церкви». 28 марта супруги присутствовали на обедне и на вечерней службе. 30 марта они «пошли к 12-ти Евангелиям». 31 марта «был вынос плащаницы». 1 апреля ходили к обедне. В этот день Александра Федоровна «занялась краскою яиц с Мишею и Ольгою», а вечером – «обоюдные подарки и разные сюрпризы в яйцах. В 11.50 пошли к заутрене, в первый раз в нашу домашнюю церковь». 2 апреля, в воскресенье, наступила Пасха с длинной службой и разговением.

Искренняя и экзальтированная религиозность императрицы Александры Федоровны далеко выходила за общепринятые при Императорском дворе рамки. Исследователи отмечают отчетливую наследственную предрасположенность Александры

Федоровны к религиозному мистицизму. Обычно это связывают с тем, что среди ее далеких предков – святая Елизавета Венгерская. Рано умершую мать будущей императрицы связывала долголетняя дружба с известным теологом Давидом Штраусом. Повышенная религиозность, переходящая в мистицизм, была характерна и для старшей сестры императрицы – великой княгини Елизаветы Федоровны[822]. Эта предрасположенность к религиозному мистицизму привела к восприятию не только догматов православия, но и всей его обрядовой, мистической стороны.

Хорошо знавшие императрицу люди отмечали ее тягу к религиозности, характерную для допетровской Руси, с почитанием старцев и юродивых[823]. Следует отметить, что официальная церковь не одобряла подобную религиозность, расценивая ее как «крайнюю и даже болезненную форму православия». Это проявлялось в ненасытной жажде знамений, пророчеств, чудес, отыскивания юродивых, чудотворцев, святых как носителей сверхъестественной силы[824].

Именно императрица инициировала процедуру канонизации Серафима Саровского в 1903 г. Произошло это при трагических для нее обстоятельствах. Александра Федоровна родила подряд четырех дочерей, и вопрос о престолонаследии для нее стоял очень остро. Поэтому в Петербург из Франции пригласили экстрасенса Филиппа, тот гарантировал императорской чете рождение мальчика. Однако вместо ожидаемого мальчика у императрицы оказалась замершая беременность, и пришлось объяснять всей стране, почему не родился официально обещанный ребенок. Однако даже при столь трагических обстоятельствах Александра Федоровна не утратила веру в Филиппа. Этим воспользовались российские духовные иерархи. На даче великого князя Петра Николаевича, близ Петергофа, состоялась встреча мартиниста Филиппа и о. Иоанна Кронштадтского. Именно он подсказал Филиппу идею канонизации Серафима Саровского, связывая с этим рождение мальчика в царской семье. Филипп выполнил свою задачу, и Серафима Саровского, невзирая на сопротивление обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, канонизировали. А летом 1904 г. в царской семье родился цесаревич Алексей Николаевич. Именно с этим связано появление в кабинете Николая II большого портрета святого Серафима[825].

О Серафиме Саровском в царской семье стало известно еще в 1860-х гг. По семейной легенде, когда в 1860 г. заболела дочь Александра II Мария[826], кто-то предложил пригласить целительницу из Дивеевской общины Гликерию Занятову. Она укрыла девочку куском мантии Серафима Саровского, и девочка выздоровела[827].

Примечательно, что во время Саровских торжеств, видимо, «с подачи» Александры Федоровны, Николай II «очень желал, что бы лейб-медик Вельяминов зарегистрировал бы случаи исцелений, которых было множество, было прозрение слепых, хождение параличных и т. д. Вельяминов отказывался наотрез от регистрирования, говорил, что все эти случаи вполне объясняются на нервной почве, а он даст свое имя только тогда, если у безногого вырастет нога»[828].

Императрица Александра Федоровна со временем стала хорошо разбираться в русской православной литературе. Основу ее личной библиотеки составляли религиозные книги и, прежде всего, труды отцов церкви. Со временем императрица научилась даже разбирать религиозные тексты на старославянском языке. По свидетельству современницы, «ее величество много читала, ее, главным образом, интересовала серьезная литература. Библию она знала от корки до корки»[829]. Как и у русских цариц допетровского периода, любимым занятием Александры Федоровны стало вышивание воздухов[25] и других принадлежностей церковного обихода[830].

Однако при всей религиозности императорской четы царские духовники влияния на нее фактически не имели. Наличие официального духовника и периодические исповеди носили формальный характер и не затрагивали их душ. К сожалению, следует признать, что появление Распутина близ царской четы связано не только с болезнью цесаревича Алексея, но и с отсутствием духовного авторитета близ царской семьи. Дело в том, что о. Янышев, начавший свою придворную карьеру еще при Александре II, уже одряхлел и не мог затронуть душу императрицы.

Поэтому Александра Федоровна, имея официального духовника, начала поиски авторитетного для нее духовного иерарха. Таким неофициальным духовником Александры Федоровны стал Феофан Полтавский (Василий Дмитриевич Быстров)[831]. Его знакомство с царской семьей обычно датируется 1905 г. Архимандрит Феофан не только вел духовные беседы с императрицей, но и служил в домовой церкви Александровского дворца. При этом Александра Федоровна со своими дочерьми пела на клиросе всю литургию. Он же исповедовал всю царскую

семью. Следует отметить, что не без его одобрения в Александровском дворце началась придворная карьера Г.Е. Распутина. Такая ситуация с наличием «официального» (И.Л. Янышев) и «неофициальных» (В.Д. Быстров и Г.Е. Распутин) духовников сохранялась при Императорском дворе вплоть до лета 1910 г.

Летом 1910 г. произошло несколько важных событий. Во-первых, скончался «официальный» духовник царской семьи Янышев, и формально должность царского духовника оказалась вакантной. По мнению одного из современников, «знаменитый протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев, оставивший как талантливый ректор академии (1866–1883 гг.), как ученый, как блестящий проповедник великую память о себе и в то же время как протопресвитер (1883–1910 гг.) и администратор – плохое наследство… Придворное духовенство, несмотря на прекрасное материальное обеспечение и все исключительные преимущества и выгоды своего положения, блистало отсутствием талантов, дарований, выдающихся в его составе лиц. В общем, может быть, никогда раньше состав его не был так слаб, как в это время: Иоанна Леонтьевича некем было заменить. Между тем еще при его жизни потребовались заместители; в последние годы он ослабел, ослеп. Поэтому еще при жизни своей он должен был передать другим обязанности царского духовника и законоучителя детей»[832].

Во-вторых, к 1910 г. императрица Александра Федоровна определилась с кандидатурой своего «неофициального» духовника. Несмотря на то что в 1909 г. состоялась хиротония архимандрита Феофана в епископы и его назначение на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии, влияние Г.Е. Распутина, не занимавшего никаких официальных должностей при Императорском дворе, стало безусловным. Епископ

Феофан пытался бороться, но исходом этой борьбы стало его удаление из Петербурга на Таврическую кафедру в 1910 г. Епископ Феофан пытался бороться с Распутиным и позже. В 1911 г. он предложил церковным иерархам обратиться с коллективным письмом к царю, целью которого было раскрыть ему глаза на Распутина. Однако иерархи отказались пойти на это, сославшись на то, что Феофан – духовник императрицы и это его личный долг. И Феофан пошел до конца. Осенью 1911 г. он добился личной аудиенции у Александры Федоровны в Ливадии. Встреча продолжалась полтора часа. Однако собеседники друг друга не поняли, и вскоре епископ Феофан попросил перевода в Астрахань, подальше от царского дворца в Ливадии…

В-третьих, в 1910 г., после смерти И.Л. Янышева, все занимаемые им должности были разделены между четырьмя священниками:

– протопресвитером армии и морского флота стал Петр Григорьевич Шавельский;

– заведующим Придворным духовенством был назначен духовник вдовствующей императрицы Марии Федоровны Петр Афанасьевич Благовещенский;

– духовником императорской семьи стал протоиерей Николай Григорьевич Кедринский;

– законоучителем царских детей – протоиерей Александр Петрович Васильев.

В целом это были довольно слабые назначения. Протопресвитер армии и морского флота Г.П. Шавельский[26] оказался самой сильной кандидатурой в этом списке. Среди офицерства и солдат он пользовался авторитетом. Николай II, заняв в августе 1915 г. должность Верховного главнокомандующего и почти постоянно живя в Ставке, с уважением относился к этому человеку. Следует отметить, что П.Г. Шавельский не являлся для армии чужим человеком. Он участвовал в Русско-японской войне и «в деле» под Ляояном как священник 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, был контужен.

Цесаревич Алексей с отцом Александром (Васильевым). *Фото 1912 г.*

Глава Придворного духовенства П.А. Благовещенский на момент назначения – немощный 80-летний старец, теряющий память, и его больше заботили материальные блага, чем дела придворной службы.

Законоучитель царских детей протоиерей А.П. Васильев на момент назначения не имел должного влияния и ограничивался только учебными занятиями «по предмету». Когда подрос цесаревич Алексей Николаевич, то его, так же как и предков, начали учить Закону Божьему. В 1915/16 учебном году в расписании цесаревича Алексея значилось три урока Закона Божьего в неделю.

Царский духовник всегда занимал особое положение в придворной иерархии, поскольку принимал исповедь царей. По словам Г.П. Шавельского, протоиерей Н.Г. Кедринский «еще при Янышеве попал в духовники по какому-то непонятному недоразумению»[833]. Н.Г. Кедринский имел диплом Санкт-Петербургской духовной академии и стаж долгой придворной службы, на которую он попал через «взятие», женившись на

дочери пресвитера собора Зимнего дворца, протоиерея Щепина. Шавельский характеризует его как «тип простеца, незлого по душе, но который себе на уме, довольно хитрого и недалекого»[834].

Цесаревич Алексей с учителями, в том числе и с отцом Александром. *Спала. Фото 1912 г.*

Это назначение, состоявшееся в 1910 г., конечно, не было случайным. В это время влияние Г.Е. Распутина и А.А. Вырубовой на царскую семью стало уже весьма значительным. Распутин уже являлся фактическим и высокочтимым царским духовником. В этой ситуации назначение Н.Г. Кедринского являлось не более чем формальностью, поскольку место царского духовника фактически прочно занял Распутин. Видимо, такое положение вполне устраивало Николая II и его супругу. О том, как по-разному в царской семье относились к Распутину и Кедринскому, свидетельствуют дневниковые записи царя. С одной стороны, 13 января 1913 г. Николай II коротко фиксирует: «Принял Кедринского»; «В 10 час. исповедовались у о. Кедринского» (10 апреля 1913 г.). А с другой стороны, 18 января 1913 г. Николай II записал: «В 4 часа приняли доброго Григория, кот. остался у нас час с $^1/_4$».

Судя по всему, судьба о. Кедринского решилась осенью 1913 г. По крайней мере, уже в октябре 1913 г. Николай II с семьей исповедовался о. Васильеву «в молельне» (20 октября 1913 г.). Высочайшим указом от 2 февраля 1914 г. Н.Г. Кедринский смещается с должности официального царского

духовника. Смещение «подсластили» назначением его на пост помощника заведующего Придворным духовенством. Следует подчеркнуть, что факт смещения царского духовника Высочайшим указом не имел прецедентов, по крайней мере, в имперский период истории России. Примечательно, что Александра Федоровна в личной переписке после 1917 г. называла А.Ф. Керенского «Кедринским».

Причиной этого нарушавшего все придворные традиции решения стало поведение самого о. Кедринского. По воспоминаниям Шавельского, «ни ученых, ни общественных заслуг за ним не значилось. Его малоразвитость, бестактность и угловатость давали пищу бесконечным разговорам и насмешкам. Более неудачного «царского» духовника трудно было подыскать. При Дворе это скоро поняли, ибо трудно было не понять его. Придворные относились к нему с насмешкой. Царь и царица терпели его. Но и их многотерпению пришел конец».

В результате духовником семьи Николая II с февраля

1914 г. стал о. Васильев. Александр Петрович Васильев родился в крестьянской семье, проживавшей в Смоленской губернии. Он кончил курс Петербургской духовной академии в 1893 г., но ученой степени кандидата богословия не получил. Свою карьеру начал в церкви Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Петербурге, преподавал Закон Божий в нескольких гимназиях и очень много проповедовал среди рабочих Нарвского района. До назначения ко Двору пользовался в Петербурге известностью прекрасного народного проповедника, дельного законоучителя и любимого духовника. Прекрасные душевные качества, доброта, отзывчивость, простота, честность, усердие к делу Божьему, приветливость расположили к нему и его учеников, и его паству. Кроме того, отцу Васильеву нельзя было отказать не только в уме, но и в известной талантливости[835].

Сразу же по назначении на столь почетную должность о. Васильеву пришлось определять свое отношение к Распутину.

Он, конечно, понимал, что его карьера прямо зависит от этого отношения. Только при определенной лояльности к Распутину он мог сохранить свою должность. При этом на о. Васильева давили многочисленные противники Распутина, пытаясь использовать его новое положение.

Естественно, будучи вхожим в царскую семью с января 1910 г., к февралю 1914 г. Васильев пребывал в курсе «придворных раскладов». Кроме этого, его весьма ценила императрица Александра Федоровна. В своих письмах она периодически упоминает о проповедях протоиерея Васильева,

давая им самую высокую оценку.

Судя по всему, Васильев достаточно лояльно относился к Распутину. С ним беседовал на эту тему Шавельский. В разговоре, продолжавшемся более трех часов, Шавельский уяснил для себя со слов Васильева, что «Александра Федоровна считала Распутина не только народным целителем, но и духовным авторитетом: Он (Распутин) совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а они в ответ: «Как угодно будет вашему величеству! Ужель я их спрашиваю затем, чтобы узнать, что мне угодно?» А Григорий Ефимович всегда свое скажет, настойчиво, повелительно»[836]. Основой этой повелительности была искренняя вера Распутина в самого себя[837]. По воспоминаниям Г.П. Шавельского, «о. Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин действительно человек отмеченный, Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого».

Из этого разговора Г.П. Шавельский вынес твердое убеждение, что при всех положительных качествах официального царского духовника Г.Е. Распутин «фактически негласный духовник и наставник в царской семье, лицо, пользовавшееся в ней таким бесспорным авторитетом, каким не пользовался ни талантливый, образованнейший прот. Янышев, ни все три вместе заместители его… Распутин стал как бы обер-духовником царской семьи. После краткой, в течение нескольких минут, исповеди у своего духовника, на первой неделе Великого поста 1916 г., Государь более часу вел духовную беседу со «старцем» Григорием Ефимовичем». В дневниках Николая II рассыпано множество упоминаний о визитах Распутина в Александровский дворец.

В заключение мы можем констатировать, что религиозные традиции, бытовавшие в царской семье, на протяжении XIX в. менялись. Начало этим изменениям было положено в царствование Николая I, заложившего основы «национальной модели» царствования. Новый импульс развитию этой модели придали царствования Александра III и Николая II. Однако если православная религиозность Александра III стала органичной частью внутренней политики, то религиозность его сына не только не выходила за рамки «закрытой» личной жизни, но и привела к созданию кризисной внутриполитической ситуации, когда либеральной оппозиции удалось успешно разыграть «карту

Распутина», дискредитируя царскую семью.

Роль царских духовников на протяжении всего XIX в. не выходила за жестко очерченные служебные рамки. Они совершали все необходимые при дворе службы, занимались административной, научной и педагогической деятельность, но серьезного влияния на души царей не имели. Только Распутин, сумевший стать фактическим духовником царской семьи, оказывал действенное влияние на духовную жизнь всей царской семьи. Характер и степень его влияния выходят за рамки настоящей работы, поэтому и не рассматриваются. Однако стоит отметить, что как только Распутин приобрел это влияние, нарушая устоявшиеся правила, то немедленно началась ожесточенная борьба придворных группировок как за приобретение влияния на самого Распутина, так и за полную ликвидацию этого влияния, что вылилось в убийство Распутина в декабре 1916 г.

Официальные духовники российских императоров

№№ п/п	Ф.И.О.	Должность	Время службы	Срок службы
1	Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815)	Духовник Александра I	1785–1808	23 года
2	Криницкий Павел Васильевич (1752–1835)	Духовник Александра I	1808–1825	17 лет
3	Криницкий Павел Васильевич (1752–1835)	Духовник Николая I	1801–1815?	14 лет
4	Музовский Николай Васильевич (1772–1848)	Духовник Николая I	1815?–1848	33 года
5	Павский Герасим Петрович (1787–1863)	Духовник Александра II	1826?–1835	9 лет
6	Бажанов Василий Борисович (1800–1883)	Духовник Николая I	1848–1855	7 лет
7	Бажанов Василий Борисович (1800–1883)	Духовник Александра II	1835–1881	46 лет
8	Бажанов Василий Борисович (1800–1883)	Духовник Александра III	1853–1883	30 лет
9	Янышев Иван Леонтьевич (1826–1910)	Духовник Александра III	1883–1894	11 лет
10	Янышев Иван Леонтьевич (1826–1910)	Духовник Николая II	1875–1910	35 лет
11	Кедринский Николай Григорьевич	Духовник Николая II	1910–1914	4 года
12	Васильев Александр Петрович (1868–1918). Расстрелян в Петрограде	Духовник Николая II	1914–1917	3 года

Наследственные черты Романовых

Специфика царской профессии предполагала многочисленные публичные контакты между монархом и подданными. Конечно, для каждого из подданных Российской империи только возможность увидеть царя превращалась в одно из главных событий жизни. А уж если царь с кем-то заговаривал, то это становилось поводом для написания мемуаров. Любой, даже самый мимолетный разговор подданного с царем становился важнейшим событием и запоминался на всю жизнь. С другой стороны, для монарха эта бесконечная череда лиц не должна оставлять даже следа. Однако, как это ни удивительно, след оставался.

Дело в том, что большая часть Романовых в XIX в. обладала такой счастливой для монарха способностью, как память на лица. Да и вообще у них была хорошая память, что было очень важно при их публичной профессии, поскольку хорошая память необычайно способствовала их популярности.

В мемуарах рассыпано множество примеров этой знаменитой «памяти Романовых», которая, видимо, была устойчивой наследственной чертой. Монархи знали об этом и при случае старались блеснуть своей памятью. Приведем несколько примеров, относящихся ко времени правления Николая I.

Император Николай Павлович дважды за свою жизнь посетил Англию – в 1817 и 1844 гг. Перерыв между этими визитами составлял 27 лет. Тем не менее во время визита 1844 г. он узнал старого слугу, прислуживавшему ему в 1817 г.: «Я помню вас. Вы состояли при мне во время моей предыдущей поездки в Англию»[838], – сказал царь. Американский посланник Д. Даллас приводит следующие слова Николая I: «Полторы недели тому назад я встретил вас, и вы меня не узнали. А вот я никогда не забываю лиц, хотя бы видел человека всего пять минут»[839]. Дочь Николая I великая княгиня Ольга Николаевна писала в своих записках: «У него была замечательная память на фамилии и лица, и он мог много лет спустя, встретясь с кем-нибудь, назвать его имя по фамилии или отнестись к нему как к товарищу, что доставляло иногда больше радости, чем всякая награда»[840].

Один из бывших кадет вспоминал, как, глядя на ребенка, Николай Павлович вспомнил его отца: «Император Николай Павлович славился своей памятью на лица и имена, и потому неудивительно, что он вспомнил моего отца… такая внимательность государя не была обусловлена решительно ничем, кроме его замечательной памяти, которую он любил

выказывать, а также его чисто отеческим отношением ко всем вообще детям»[841].

Подобные эпизоды бывали и в других учебных заведениях. Барон Корф упоминал, как император Николай I, обладавший «чудесной памятью, в особенности на лица, имена и фамилии», в декабре 1846 г. посетил Пажеский корпус и встретил племянника Корфа, при этом царь вспомнил, как звали отца мальчика, который умер в 1831 г., то есть за 15 лет до встречи[842].

Александр II, старший сын Николая I, в полной мере унаследовал память отца. Упоминания об этом имеются, однако их значительно меньше по сравнению с Николаем I. На еженедельных воскресных разводах караулов император Александр II знал по имени не только всех офицеров, но и многих нижних чинов. В мемуарах рефреном проходит мысль, что «память у государя и наблюдательность были поразительные, в чем и мы не раз имели случай убедиться»[843].

У Александра III эта наследственная черта Романовых ярко не проявилась. Видимо, память на лица у него была в пределах нормы. При этом следует помнить, что Александр III далеко не блистал в годы учебы, и за ним вообще закрепилась репутация малоспособного ребенка. Зато Александр III в полной мере унаследовал харизму власти своего деда.

Возрождается наследственная память в полной мере в Николае II. Близко знавшая Николая в бытность его цесаревичем М.Ф. Кшесинская свидетельствовала, что наследник был очень образован, великолепно владел языками и обладал исключительной памятью, в особенности на лица и на все, что он читал[844]. Крупный чиновник В.И. Гурко также отмечал, что Николай II обладал исключительной памятью: «Благодаря этой памяти его осведомленность в разнообразных вопросах была изумительна»[845]. А.Н. Шварц, министр народного просвещения, писал в мемуарах: «Бросалась в глаза его редкая память, если не на лица – зрительная память его, кажется, была невелика, – то на имена, числа, годы и т. п. В этом отношении он положительно поражал меня»[846]. Важно, что это оценка педагога-профессора. О прекрасной памяти царя пишет также военный министр А. Редигер. Он процитировал слова царя о его способе борьбы с бессонницей: «Он мне говорил, что в редких случаях бессонницы он начинает перечислять в памяти полки по порядку номеров и обыкновенно засыпает, дойдя до резервных частей, которые знает не так твердо»[847]. Следует заметить, что названия полков русской армии были достаточно сложны, и речь шла о сотнях наименований. Близкая ко Двору Лили Ден упоминает, как Николай II во время одного из приемов через 12 лет узнал

полковника сибирского полка, с которым мимоходом встречался в 1891 г., когда возвращался в Петербург из Японии через Сибирь[848].

Мы можем уверенно отметить наличие такой наследственной характеристики, как прекрасная память, у нескольких поколений правящего дома Романовых. Степень яркости проявления этой наследственной черты различная, как была и различной степень «эффективности» этой памяти. Так, современники, единодушно признавая факт прекрасной памяти Николая II и, соответственно, высокий уровень его эрудиции, не менее единодушно утверждали, что у царя была слабо развита способность к аналитическому мышлению. Поэтому, по мнению некоторых мемуаристов, богатейшие знания царя представляли собой груду несистематизированного и отчасти бесполезного хлама.

И еще одно замечание по поводу памяти первых лиц. В 1948 г. в США во время предвыборной кампании Г. Трумэна впервые использовалась технология, применявшаяся российскими монархами на уровне инстинкта. Политтехнологи Трумэна при подготовке его визита в тот или иной американский город устанавливали всех простых людей, с кем ранее так или иначе общался американский президент. И когда президент, пожимая руку избирателя, «вспоминал» этого очередного Джона или Смита и напоминал ему обстоятельства их встречи, то это производило потрясающее впечатление. Почти такое же, как в России, когда Николай I или Николай II вспоминали не только имя, но и послужной список человека. Только в XX в. на Трумэна работала команда политтехнологов, готовившая для него «впечатления», а российские монархи обходились лишь своей головой.

Филологическая подготовка российских монархов

Особое место в образовательной практике российской императорской семьи занимала филологическая подготовка. В этом процессе было два встречных потока. С одной стороны, женам русских императоров, как правило, немецким принцессам, приходилось срочно изучать язык своей новой родины. С другой стороны, русские великие князья и княжны изучали внушительный блок иностранных языков.

Необходимость изучения иностранных языков ни у кого не вызывала вопросов. Во-первых, в дворянской России знание французского языка было просто необходимо, поскольку петербургский бомонд использовал его как язык повседневного общения. Во-вторых, императрицы, будучи сами носительницами языка, передавали его (немецкий или датский язык) своим детям. В-третьих, все многочисленные взаимные родственные или официальные визиты требовали общения без переводчиков на языках-посредниках. Это было нормой дипломатической практики XVIII начала XX вв. В-четвертых, многоязычность Императорского двора формировала многослойную структуру восприятия мира, когда органично, на языке носителя, усваивалась европейская культура во всем ее многообразии. В-пятых, уровень знания иностранных языков при Императорском дворе служил почти официальным «индикатором», делившим присутствующих на «своих» (это те, кто знал иностранные языки как родные) и «чужих» (то есть тех, кто говорил на смеси «нижегородского с французским»), И только те «чужие», кому удавалось подняться на самый верх иерархической лестницы, могли пренебречь этим «индикатором», и общество смирялось с этим. Такой «чужой» был А.А. Аракчеев, он учился на «медные деньги» и языками не владел.

Следует упомянуть еще об одной важной составляющей филологического блока образования царских детей. Цесаревич и великие князья должны были правильно, без акцента, говорить по-русски. В многоязычном Императорском дворе, когда дети начинали говорить на английском или французском языках и только потом на русском, это представлялось необычайно важным. Все это достаточно очевидно, но мало известно, как, собственно, строился образовательный процесс.

В XVIII в. в основу филологического образования было положено прямое общение детей с носителями языка, которых

зачисляли в обслуживавший штат царственных младенцев. Английские бонны не только растили младенцев, но и общались с ним. Детей окружали вниманием придворные, для них французский язык был более органичен, чем их родной язык. Ну а бабушка Екатерина II и все последующие немки на троне всегда хорошо помнили свои корни. В результате этого «вавилонского» смешения языков дети усваивали начала иностранных наречий, органично врастая в пеструю языковую среду.

Примечательно, что эти традиции сохранялись вплоть до начала XX в. Дети начинали одновременно говорить и по-русски, и по-английски, уже в раннем возрасте они усваивали основы французского языка. Так, о великом князе Сергее Александровиче, которому в 1865 г. шел девятый год, его воспитатель писал: «Из новых языков Сергей Александрович довольно свободно владел английским языком, которому научился, конечно, исключительно практически, почти одновременно с тем, как начал говорить и по-русски, благодаря тому, что был на руках у англичанки-няни Е.И. Струтон. Довольно бегло великий князь говорил и по-французски, научившись этому языку практическим путем частью под руководством г. Реми, частью слыша постоянно французскую речь и у родителей, и в обществе сестры, когда он был на попечении А.Ф. Тютчевой… наконец, и по-немецки еще до отъезда за границу летом 1864 г. Сергей Александрович начал брать уроки, но говорить еще не умел»[849]. Таким образом, для российских монархов и великих князей со второй половины XVIII в. и до начала XX в. являлось нормой знание трех-четырех иностранных языков.

Начало этой практике положено при дворе Екатерины II. О четырехлетнем внуке, будущем Александре I, Екатерина II писала в июле 1781 г., что «он очень хорошо понимает по-немецки, и еще более по-французски и по-английски…»[850]. Для того чтобы закрепить и систематизировать языковую подготовку внука, к нему в 1784 г. пригласили преподавателя французского языка швейцарского гражданина Цезаря Лагарпа.

Когда подросли младшие сыновья Павла I, их также начали учить языкам. Будущего Николая I начали регулярно учить французскому языку в 1802 г., в возрасте 7 лет. Его учительницей сначала была мать – вдовствующая императрица Мария Федоровна. Затем процесс перешел в руки профессионального педагога дю-Пюже. Впоследствии Николай I вспоминал, что эти уроки ему не особенно нравились.

Одновременно с французским языком в 1802 г. начались уроки русского языка, но уроки русского, в отличие от

иностранных языков, вели дилетанты. Так, первой учительницей русского языка будущего императора стала его воспитательница шотландка мисс Лайон. С ней он учил «русскую азбуку». Затем занятия русским языком перешли под контроль безымянных «дежурных кавалеров». Вряд ли эти «дежурные» уделяли серьезное внимание правилам русского языка. Но, так или иначе, в 1806 г. Николай Павлович уже писал сочинения на русском языке.

В январе 1804 г. 9-летний великий князь Николай Павлович начал изучать немецкий язык, который ему преподавал профессиональный учитель Аделунг. Этот же педагог преподавал великому князю латинский и греческий языки[851]. Древние языки в то время были обязательной частью добротного образования. Но в аристократической среде изучение латыни и греческого языков широко не распространилось. Эти языки введены в образовательную программу Николая Павловича по настоянию их матери – императрицы Марии Федоровны. С изучением латыни и греческого у Николая I связаны самые мрачные воспоминания[852].

Когда в 1817 г. великий князь Николай Павлович женился на прусской принцессе Луизе, принявшей в православии имя Александры Федоровны, новой великой княжне пришлось срочно приступить к изучению русского языка. Летом 1817 г. в учителя к Александре Федоровне определили Василия Андреевича Жуковского, в то время уже известного поэта.

В.А. Жуковский был поэтом, а не преподавателем-методистом. Поэтому его уроки преследовали цели весьма высокие, но далекие от утилитарной задачи – в кратчайшие сроки научить прусскую принцессу правильно говорить по-русски. В дневнике В.А. Жуковский свои педагогические задачи формулировал следующим образом: «Я надеюсь со временем сделать уроки свои весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу к размышлению и подействуют благодетельным образом на сердце»[853].

От своей воспитанницы он, конечно, слышал только слова благодарности (6 ноября 1817 г.): «Урок мой был очень приятен… Я имел удовольствие слышать от нее, что мои уроки ей нравятся»[854]. Однако впоследствии Александра Федоровна хотя и вспоминала его уроки с благодарностью, но это не мешало ей видеть методические «огрехи» своего учителя. С уважением относясь к Жуковскому, она считала его слишком «поэтичным», чтобы быть хорошим учителем[855]. По ее словам, «вместо того чтобы корпеть над изучением грамматики, какое-нибудь отдельное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметом для беседы; таким образом проходили

уроки. Поэтому русский язык я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желание изучить его, он оказывался настолько трудным, что я в продолжение многих лет не имела духу произносить на нем цельных фраз»[856].

Судя по всему, относительно регулярные уроки русского языка продолжались около полутора лет. По крайней мере, зимой 1819 г. Александра Федоровна еще продолжала «брать уроки у Жуковского»[857]. Впрочем, салонным языком российского Императорского двора в это время был французский язык, и по-русски при Дворе говорили мало. Надо сказать, что у молодой великой княжны в начале ее жизни России возникли большие филологические сложности, поскольку кроме русского языка, ей пришлось срочно закрывать пробелы и во французском языке, на котором она также сначала «затруднялась говорить»[858].

Конечно, со временем все проблемы разрешились, хотя трудности с русским языком у императрицы Александры Федоровны оставались на протяжении всей ее 43-летней жизни в России. К своему первому учителю русского языка, поэту В.А. Жуковскому, она сохранила теплое отношение на всю жизнь и хорошо помнила его уроки. У них отмечались даже «свои» юбилеи. Так, 12 марта 1842 г. она сочла своим долгом написать поэту: «И вот мы с вами отпразднуем наши серебряные уроки, кажется, в сентябре месяце. 25 лет!!! Боже мой, это целая жизнь»[859].

Об уровне владения иностранными языками российских монархов сохранились свидетельства самих иностранцев. Так, американский посланник Д. Даллас при Российском императорском дворе в 1837–1838 гг. упоминал, что императрица Александра Федоровна «довольно хорошо знала английский язык» и много беседовала с послом об американской литературе и особенно о Фениморе Купере, романами которого в то время зачитывалась вся Европа[860]. И если с императрицей американский посол говорил по-английски, то с Николаем I – сначала по-французски. Однако после того как знакомство состоялось, император также перешел на английский язык. Следует иметь в виду, что правила придворного этикета предписывали говорить на том языке, на котором заговорят высочайшие особы. Видимо, сначала Николай Павлович был не уверен в своем английском. Впоследствии император говорил послу: «Вы первый человек, который заставил меня при публике заговорить по-английски. Надеюсь, что вы не откажете почаще беседовать со мной и учить меня этому языку»[861].

Видимо, неуверенность в английском так и осталась у Николая I, что вполне понятно, поскольку повседневный при

Российском императорском дворе – французский язык, а им император владел великолепно. На английском языке ему говорить было фактически не с кем. Поэтому во время официального визита в Англию в 1844 г. Николай I общался с хозяевами на французском языке и, эпизодически, на немецком. Только перед отъездом из Англии он обратился на английском языке к одному из сановников[862].

Оценивали уровень языковой подготовки Николая I и соотечественники. Барон Корф, описывая манеру Николая Павловича вести себя на дворцовых приемах, упоминает, что император беседовал со своими гостями то «по-русски, то по-французски, то по-немецки, то по-английски. И все одинаково свободно»[863]. За столом Николай Павлович обыкновенно говорил по-русски, и только обращаясь к императрице, или когда у других шел разговор с нею, переходил на французский язык.

Фрейлина А.Ф. Тютчева отмечала, что император Николай Павлович «имел дар языков; он говорил не только по-русски, но и по-французски, и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением»[864]. Об уровне знания английского языка Николаем I Тютчева не упоминает, поскольку в то время его при Дворе практически не использовали. Надо заметить, что Корф и Тютчева – образованнейшие люди своего времени и хорошо разбирались в филологических нюансах.

Дети Николая I знакомились с иностранными языками так же, как и их родители, через английских бонн и придворных. По словам дочери Николая I, великой княжны Ольги Александровны, она уже в пять лет могла читать и писать на трех языках[865]. Видимо, она имела в виду немецкий, английский и французский языки.

Когда в конце 1820-х гг. поэт В.А Жуковский составил план образования цесаревича Александра Николаевича, в нем, естественно, большое внимание уделялось иностранным языкам. Постепенно вокруг цесаревича сложился круг преподавателей-филологов. Эти же преподаватели несколько позже вели занятия и у дочерей Николая I. Одна из них дала характеристики каждому из преподавателей. Так, английский язык вел «веселый» Веранд. Немецкий язык преподавал Эртель. По словам Ольги Николаевны, он «вдалбливал в своевольные головы наши ужасно трудные немецкие фразы, в которых до бесконечности нужно ждать глаголов». Девочка даже пыталась вести свой дневник по-немецки. Систему занятий Эртеля княжна называла «блестящей», но при этом добавляла, что говорить по-немецки она научилась, только выйдя замуж и уехав в Германию[866].

Хотя по-французски Ольга Николаевна говорила и писала с 5

лет (по ее словам), но системно изучать французский язык начала только в 15 лет. Видимо, это была просто грамматическая шлифовка уже имевшихся знаний. Но и занималась этим языком княжна дольше остальных языков. Свое образование великая княжна закончила в 1842 г. К этому году она занималась только русским и французским чтением «у Плетнева и Курно»[867].

О практике повседневного использования иностранных языков в императорской семье Ольга Николаевна писала: «Мама много читала по-русски… но говорить ей было гораздо труднее. В семье мы, четверо старших, говорили между собой, а также с Родителями всегда по-французски. Младшие же три брата, напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папа, которое постепенно вытесняло все иностранное»[868].

Николай Павлович, следуя своему национально ориентированному сценарию власти, положил начало «филологической революции» при своем Дворе. Общаясь с придворными, он начал говорить по-русски. Это немедленно отметили в его ближайшем окружении. Одна из фрейлин записала в дневнике: «Государь со мной всегда говорит по-русски. Он первый заговорил в салоне императрицы по-русски. Александр Павлович и его Лизетта всегда говорили по-французски»[869]. Следует пояснить, что речь идет об Александре I и его жене императрице Елизавете Алексеевне. Об этом же, с чувством некоторого удивления, записал в дневнике и А.С. Пушкин: «28 февраля 1834 г. Воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал: он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения»[870]. Однако, несмотря на все старания Николая Павловича, Российский императорский двор так и остался франкоговорящим. Но русский язык при Дворе, по крайней мере, перестал быть моветоном.

Русским языком император Николай I владел во всей его палитре, особенно в мужской, офицерской среде. Так, однажды, после неудачного смотра сводного батальона военно-учебных заведений, он назвал батальон «бланманже»[871].

Повседневное общение между родителями и дочерьми на французском языке приводило к «языковым перекосам». Так, младшая дочь Николая I Александра Николаевна, или Адини, как ее звали родные, вообще плохо говорила по-русски, поскольку у нее была не только бонна-англичанка, но и английская воспитательница. Поэтому она так и не научилась свободно говорить на родном языке[872].

Изучению иностранных языков цесаревичем Александром

Николаевичем уделялось первостепенное значение. В курс его обучения входил «стандартный набор» из трех иностранных языков. Но для того чтобы расширить кругозор детей, их периодически собирали в библиотеке цесаревича, и актеры Французского театра читали им французских классиков, особенно часто Мольера, конечно, в оригинале[873].

Наряду с изучением «стандартного набора» европейских языков цесаревич специально изучал польский язык, что произошло с подачи Николая I: тот понимал, что польские проблемы не ограничатся временем его царствования. Польским языком с цесаревичем занимался преподаватель Первого кадетского корпуса капитан Юрьевич. Более того, для того чтобы дать цесаревичу определенную языковую практику, Николай I приказал воспитателю цесаревича К.К. Мердеру в январе 1829 г. пригласить к обеду флигель-адъютанта Гауке, и великий князь несколько раз «решался с ним разговаривать по-польски»[874]. Надо добавить, что великому князю тогда шел 11-й год. Буквально через несколько дней после этого обеда состоялся экзамен цесаревича по польскому и английскому языкам. Видимо, устраивая обеденную встречу с поляком, Николай I хотел уяснить для себя, насколько цесаревич овладел разговорным языком, и дать сыну возможность дополнительного тренинга перед экзаменом. В результате Николай I и императрица Александра Федоровна «были весьма довольны успехами, сделанными в обоих языках, в особенности в польском. Великий князь переводил с русского на польский и писал по-польски без ошибок»[875]. В зрелые годы Александр II довольно свободно говорил на польском языке.

Надо сказать, что опасения Николая I по поводу Польши сбылись, и когда в начале 1860-х гг. там началось восстание, младшему брату Александра II, великому князю Константину Николаевичу, пришлось срочно осваивать польский язык. Это было связано с тем, что его назначили наместником в Царство Польское. В своем дневнике в мае 1862 г. он отметил: «Утром имел первый урок польского языка»[876].

Возвращаясь к языковой подготовке будущего Александра II на рубеже 1820—1830-х гг., следует отметить несколько особенностей. Так, из плана обучения Александра Николаевича, подготовленного В.А. Жуковским в 1828 г., Николай I лично исключил латинский язык. То было эхо детского негативного опыта Николая I, буквально возненавидевшего латынь. В начале 1850-х гг. Николай Павлович прикажет передать все фолианты на латинском языке из библиотеки Императорского Эрмитажа в Императорскую публичную библиотеку, объяснив это своими

мрачными детскими воспоминаниями об изучении латыни. Латинский язык не преподавался никому из детей Николая I. Впоследствии эта традиция сохранялась для всех последующих российских монархов.

В 1856 г. над старшим сыном Александра II «нависла угроза» изучения древних языков, поскольку дипломат князь

А.М. Горчаков в составленной им программе преподавания высказался за возобновление их преподавания: «Мертвые языки – школа слога, вкуса и логики….С русской национальной точки зрения следовало бы отдать предпочтение греческому языку. Но язык латинский легче и развивается логичнее. Если наследник будет учиться латыни, то греческому языку можно было бы научить одного из его братьев»[877]. Однако в 1857 г. мысль об обучении великих князей одному из классических языков совершенно оставляется. И хотя во второй половине XIX в. в классических гимназиях мальчикам вдалбливали латынь и греческий, царских детей от этого на некоторое время избавили.

Начиная с Владимира, младшего брата Александра III, преподавание латинского языка для царских детей возобновляется. К.В. Кедров преподавал латинский язык великим князьям Владимиру, Алексею, Сергею и Павлу Александровичам. Мемуарист свидетельствует, что Александр II сам выступил инициатором возобновления изучения латыни, полагая ее научной основой всякого языкознания[878].

Наряду с изучением иностранных языков не меньшее значение уделялось изучению русского языка. Воспитатель цесаревича К.К. Мердер даже во время каникул приучал великого князя правильно разговаривать по-русски и развивал его навыки чтения на родном языке[879].

Когда Александр II женился на немецкой принцессе, в православии императрице Марии Александровне, ей, как и ее предшественницам, пришлось заняться основательным изучением русского языка. Однако ее учителем стал не поэт или профессиональный преподаватель, а воспитательница великой княжны Ольги Николаевны фрейлина Анна Александровна Окулова. Видимо, результаты оказались очень неплохими, поскольку, по словам великой княжны Ольги Николаевны, «после императрицы Елизаветы Алексеевны ни одна немецкая принцесса не владела так хорошо нашим языком и не знала так нашу литературу, как знала Мари».

Следует отметить, что в 1850-х гг. вокруг императрицы Марии Александровны сложился славянофильский кружок. В ее салон были вхожи достойные представители русской мысли и слова: князь П.А. Вяземский, Ф.И. Тютчев и граф А.К. Толстой.

Толстой именно императрице Марии Александровне посвятил следующие строки:

Напомнив дни, когда Царица, долу
Склонясь задумчивой главой,
Внимала русскому глаголу
Своею русскою душой…

С учителями-иностранцами императрицы Александра Федоровна и Мария Александровна говорили на немецком языке. Но сами учителя-филологи могли слышать их русскую речь. И поражались тому, что Мария Александровна преимущественно говорила по-русски и с очень хорошим произношением.

Следует заметить, что галантный «западник» Александр II полностью вернул французский язык ко Двору, и русский язык при Дворе вновь стал редкостью. И, как это ни странно, главной носительницей «русскости» при Дворе Александра II стала дармштадтская принцесса – императрица Мария Александровна.

Примечательно, что воспитатели постоянно отмечали уровень «правильности» русского языка у царских детей, даже когда они были совсем маленькими. Так, в 1847 г. один из воспитателей писал Александру II, что его четырехлетний сын Николай «удивительно как хорошо выражается по-русски, и притом чрезвычайно логически»[880].

Учителей (проф. Погодина и Грота) приятно удивляло то, что императрица говорила с детьми, и дети ей отвечали по-русски «ясно, чисто, правильно»[881]. Когда в декабре 1855 г. у старших сыновей царя состоялись «годовые экзамены», то один день из них посвящался русскому и славянскому языкам. 10-летний великий князь Александр (будущий Александр III) на экзамене читал «Бородино». На филологическую подготовку молодых великих князей обращали внимание и во время досуга. С 1856 г. к мальчикам в Зимний дворец начали приводить для игр ровесников, и гостям строго предписывалось разговаривать между собой только на русском языке.

Со временем результаты сказались. Биографы отмечали, что цесаревич Николай Александрович «овладел законами русской речи и с течением времени выработал себе ясный, правильный и изящный письменный слог»[882]. Однако у цесаревича тяжело шел церковно-славянский язык.

Наряду с русским языком родителей весьма беспокоил уровень знаний детьми европейских языков. При этом следует иметь в виду, что в 1840-х гг. дети цесаревича, по традиции, получили своих нянь-англичанок и основы английского языка

усвоили с детства. С осени 1851 г. двух старших сыновей цесаревича, Николая (минуло 8 лет, с 17 сентября) и Александра (шел 7-й год, с 4 декабря), начали учить французскому языку. Французский язык преподавал Куриар, получая за каждого из учеников по 285 руб. в год. Впоследствии содержание было удвоено за внеклассные его беседы с ними[883].

Немецкий язык у детей шел слабо не только потому, что занятия продолжались не более двух часов в неделю, но и потому, что «никто из членов царской семьи никогда не говорил с детьми по-немецки».

Поскольку образование было домашним, то ежегодно в декабре для мальчиков устраивали годовые экзамены, в том числе и по иностранным языкам. В декабре 1855 г. провели экзамены по немецкому и французскому языкам. Преподаватели отметили успехи детей в немецкой речи. Родители остались довольны[884].

По мере взросления мальчиков педагоги менялись, и с ними менялись «системы» изучения иностранных языков. Для того чтобы как-то упорядочить их изучение, в 1856 г. министр иностранных дел канцлер А.М. Горчаков по просьбе императрицы Марии Александровны составил инструкцию о воспитании наследника. В этой инструкции немалое место отводилось и стратегии в изучении иностранных языков. Прежде всего он констатировал, что «не нужно знания многих иностранных языков. Оно отняло бы слишком много времени, которое следует посвятить фактам и идеям». По мнению Горчакова, кроме русского языка цесаревичу достаточно знать еще два других живых языка: сначала французский, потом немецкий. По мнению дипломата, английский язык «имеет лишь третьестепенное значение, и без него можно обойтись. Редко Государь извлекает пользу из прямых переговоров с иностранцами. Тем лучше, если кто-либо из братьев наследника выучится говорить по-английски».

С 1856 г. цесаревича Николая стали учить отдельно, по более основательной программе. Его младшие братья Александр и Владимир учились вместе. Все братья собирались только за обедом. Безжалостные учителя предписали им за обедом разговаривать только по-французски, по-немецки или по-английски. Того, кто случайно заговаривал по-русски, «штрафовали» пятачком в пользу бедных. Это очень забавляло великих князей. Они часто ошибались по рассеянности и платили установленный штраф[885].

Императрица Мария Александровна особое внимание уделяла старшему сыну Николаю. В конце 1860 г., когда

наследнику-цесаревичу исполнилось 17 лет, преподавание английского языка, который он знал с пеленок, прекратили, но изучение французской и немецкой словесности продолжили[886].

Французский язык детей императора шлифовался особенно тщательно. Когда весной царская семья выезжала в Царское Село, из всех учителей-филологов туда брали только учителя французского языка Реми. В его присутствии от детей требовали разговаривать только по-французски. Учителю, конечно, доплачивали.

Надо заметить, что учителям с великими князьями Александром и Владимиром приходилось очень тяжело. Ни о каких телесных наказаниях не было и речи. Воздействовать на мальчиков приходилось только словесно, но великие князья учились откровенно плохо. Их дневники за 1861–1862 гг. буквально переполнены примерами «школьного саботажа» великих князей: «Александр Александрович выказал ужасное упорство в разговоре на французском языке; он все уверял, что в воскресенье следует говорить по-русски»; «В классе русского языка опять было отсутствие всякого внимания, и очень плохо знал урок. Во время этого урока приходил к нам государь и сделал выговор великим князьям за нерадение»; «Экзамен французского языка был менее удачен. Александр Александрович наделал 18 ошибок в восьми строках, и довольно грубых. Все это, правда, очень слабо, особенно по летам, но что есть успехи после летнего экзамена – в этом нет сомнения»; «Великие князья как-то особенно снисходительно смотрят на свое незнание в языках… экзамен английского языка был ниже всякой критики»; «От 12 до 2 у Александра Александровича были уроки русской словесности и английского языка; из первого он получил «два» и «три», а за английский урок «три» и «три». Итак, Александр Александрович получил сегодня три раза «три»»[887].

Тем не менее титанические усилия преподавателей все-таки приносили свои скудные плоды. В 1863 г. 18-летний великий князь Александр Александрович мог уже без труда разговаривать на французском языке. К педагогическому процессу подключился даже отец – император Александр II, случай вообще небывалый. В 1865 г. Александр II просил своего 20-летнего сына читать ему вслух по-французски, говорил с ним и побуждал его писать на этом языке письма матери.[888]

Младшие сыновья Александра II, Сергей и Павел, учились более старательно. Первый урок английского языка состоялся у Сергея, когда ему было семь лет. Языковая основа у великого князя уже имелась. Благодаря своей английской няне Е.И. Струтон он знал произношение английских букв и слогов[889].

При Александре III филологическая сторона повседневной жизни Императорского двора вновь претерпела изменения. И это опять-таки было связано с возвращением русского царя к национально ориентированному сценарию власти. Фактически повторялась ситуация 1830-х гг., когда Николай I впервые заговорил по-русски при Дворе. Спустя 50 лет, в 1880-х гг., это повторил Александр III. Он вновь сделал русский язык главным языком общения при Императорском дворе. Конечно, французский язык отчасти сохранил свое значение, но теперь французская речь слышалась только при обращении к императрице Марии Федоровне. С императором все разговаривали только по-русски[890].

Особо следует отметить, что по-русски при Дворе Александр Александрович заговорил во второй половине 1870-х гг., будучи еще цесаревичем. И заговорил при Дворе Александра II, который пользовался преимущественно французским языком. Граф С.Д. Шереметев вспоминал, что цесаревич терпеливо выдерживал, «словно не замечая намеков и приемов, невозмутимо обращаясь к ним на русском языке и вынуждая их отвечать тем же, хотя большей частью они лучше знали язык, чем желали это показать»[891].

Став императором, Александр III стал серьезно влиять на филологическую составляющую своего Двора, при котором со временем сложилось некое «двуязычие». С Александром III разговаривали преимущественно по-русски, а с императрицей Марией Федоровной – преимущественно по-французски.

Примечательно, что «на русской половине» Александра III не возбранялись не только жаргонизмы, но и крепкие слова. Как-то на придворной трапезе рафинированная аристократка княгиня Куракина неизвестно почему выразилась по поводу пробы вин, о которых была речь, припомнив известное изречение «пройтись по хересам». Александр III так и воспрянул: «Княгиня! Откуда вы знаете это выражение?». С этого дня он, уже не переставая, подтрунивал над нею, все напоминая: «Как это вы говорите, княгиня, пройтись по хересам?», а когда подавали ужин, то, наливая вино, приговаривал: «Княгиня, пройдемтесь по хересам!»[892].

Надо заметить, что некоторых из членов своей многочисленной родни Александр III не переваривал. Часть этого отношения связана и с филологической составляющей. Например, он терпеть не мог великую княгиню Екатерину Михайловну[893], та была «совершенная немка и с трудом говорила по-русски. Государь не признавал ее родства и детей ее называл «пуделями»»[894].

Но при всей своей «русскости» Александр III не упускал возможности попрактиковаться в разговоре на иностранном языке. Граф С.Д. Шереметев упоминает эпизод, связанный с поездкой в английском экипаже из Царского Села в Красное Село. Александр III, будучи тогда цесаревичем, правил сам. С ними был англичанин-кучер, «с которым он охотно вел разговор на английском языке, хотя и далеко не правильном»[895].

В ряде изданий упоминается, что Александр III владел датским языком. Вряд ли это так. Конечно, Александр III неоднократно бывал на родине своей жены, но его «знание» датского языка, скорее всего, сводилось в лучшем случае к отдельным словам или фразам. Конечно, прибывая в Данию, он мог поздороваться с нижними чинами по-датски[896].

Говоря об императрице Марии Федоровне, следует отметить, что она довольно быстро овладела русским языком. Сохранились ее учебные тетради, в которых она трудолюбиво и методично занималась русским языком.

Конечно, акцент сохранялся, что отмечали мемуаристы. По-русски писала она хуже, чем говорила. Всю личную переписку Мария Федоровна вела на европейских языках. Личный дневник и письма к своей любимой сестре Александре на протяжении всей жизни она писала на родном датском языке. При этом Мария Федоровна владела обязательным французским и английским языками. По воспоминаниям американца Г. Фокса, она «непринужденно поддерживала беседу и свободно говорила на английском, практически не делая ошибок»[897].

Когда в семье Александра III подросли дети, то традиции, связанные с их языковой подготовкой, воспроизводили полностью. Были и традиционные бонны-англичанки. Но при этом в «джентльменский набор» языков при Российском императорском дворе вошел и датский язык. Специально его не преподавали, но регулярное общение с датскими родственниками и уроки матери привели к тому, что Николай II на бытовом уровне вполне прилично знал датский язык.

К концу XIX в. роль английского языка при Российском императорском дворе изменилась. Этот язык решительно потеснил немецкий и отчасти французский. В начале XX в. «средством общения в петроградском обществе был английский язык: на нем неизменно говорили при дворе»[898]. Во многом это обусловливалось изменениями как в династической, так и в политической ситуации. С одной стороны, в 1901 г. старшая сестра императрицы Александра стала английской королевой. С другой стороны, Александр III и Мария Федоровна не симпатизировали усиливавшейся Германии. Поэтому цесаревич

Николай Александрович очень хорошо овладел английским языком. Во многом это заслуга преподавателя цесаревича Карла Иосифовича Хиса[899].

Карл Иосифович Хис (Heath) родился в Англии в 1826 г. Свое счастье он отправился искать в Россию, куда приехал в 1850 г. Прорыв в его педагогической карьере произошел в 1856 г. (это был год окончания Крымской войны, в которой Россия воевала с Англией), когда он занял должность преподавателя английского языка и литературы в престижнейшем Императорском Александровском лицее, где проработал более 20 лет. В 1878 г. Карл Хис занял должность преподавателя английского языка у 10-летнего цесаревича Николая Александровича. Этим он обеспечил свое будущее, и в число его учеников вошли дети Александра II – великие князья Сергей и Павел Александровичи, Мария Александровна. Он преподавал английский язык будущему переводчику «Гамлета», великому князю Константину Константиновичу, вошедшему в анналы русской поэзии под псевдонимом «К. Р.». Последним знаменитым» учеником Хиса стал младший брат Николая II, великий князь Михаил Александрович – несостоявшийся Михаил III. Карл Хис добился в жизни многого. Он вышел в отставку в чине действительного статского советника и умер в 1901 г.

Следует отметить, что английский «крен» в языковой подготовке цесаревича заметили многие сановники и отнеслись к этому без особого восторга. Вот одно из типичных мнений по этому поводу: «Разница между тем временем и нынешним та, что тогда был господствующий язык французский, ныне его заменяет английский, сделавший громадные успехи при Царе, воспитаннике поляка и англичанки. Английский воспитатель царский – это явление позднейших времен, как и английская царица… Это явление роковое… Преклоняясь перед многим, что дала человечеству английская культура, уважая отдельных англичан и в особенности их моральную устойчивость во всех мыслях своих, я, тем не менее, почитаю английскую нацию и английское правительство заклятыми и коварнейшими врагами нашими. Это «Каиново отродье», как говорила тетка моей бабушки Мария Семеновна Бахметьева»[900].

Одним из результатов педагогической деятельности талантливого преподавателя стало блестящее знание английского языка Николаем II. По свидетельству великого князя Александра Михайловича: «Накануне окончания образования, перед выходом в лейб-гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его по знанию английского языка за настоящего англичанина.

Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки»[901].

Следует подчеркнуть, что Николай II обладал прекрасным чувством стиля. Текст отречения, написанный лично императором 2 марта 1917 г., демонстрирует прекрасный, сложившийся слог. Однако в устной речи у Николая II присутствовал едва различимый так называемый «гвардейский акцент». Это отмечали многие мемуаристы. Так, генерал Ю.Н. Данилов, близко общавшийся с царем с 1915 по 1917 г., отмечал: «В речи императора Николая слышался едва уловимый иностранный акцент, становившийся более заметным при произношении им слов с русской буквой «Ять»»[902]. Об этом же писал и депутат Государственной думы В.В. Шульгин: «Государь говорил негромко, но очень явственно и четко. Голос у него был низкий, довольно густой, а выговор чуть-чуть с налетом иностранных языков. Он мало выговаривал «Ъ», почему последнее слово звучало не как «кръепла», а почти как «крепла»»[903].

Женой императора Николая II, по традиции, стала немецкая принцесса, в православии императрица Александра Федоровна. Ее положение при Российском императорском дворе с самого начало оказалось непростым. Отчасти это связано и с языковыми проблемами.

Прежде всего следует отметить двуязычность дармштадт – ской принцессы Алике. С одной стороны, ее отцом был дармштадтский герцог, и она считалась природной немецкой принцессой. С другой стороны, ее матерью была дочь английской королевы Виктории. А поскольку мать Алике рано умерла, то девочка подолгу жила при Дворе своей бабушки – английской королевы Виктории. Как и все аристократки, Алике получила домашнее образование. Был у нее и учитель французского языка, но говорила она на этом языке неважно[904].

Родным для нее стал именно английский язык, на котором она вела всю свою личную переписку и дневник. На английском языке Александра Федоровна разговаривала в приватной жизни со своим мужем – Николаем II. Имелось еще одно немаловажное обстоятельство. Русским языком Александре Федоровне пришлось овладевать в срочном порядке, буквально «с колес». Дело в том, что она приехала в Россию буквально за неделю до смерти Александра III, который умер 20 октября 1894 г. А императрицей она стала уже 14 ноября 1894 г., выйдя замуж за Николая II.

Следует отметить, что занятия русским языком Александра Федоровна начала еще до замужества. Будущая императрица до 1894 г. трижды посещала Россию. Первый раз она посетила Россию в 1884 г., приехав в гости к старшей сестре – Елизавете

Федоровне, вышедшей замуж за великого князя Сергея Александровича.

Второй раз Алике посетила Россию в 1889 г. Перед поездкой она впервые выучила несколько слов на русском языке, поскольку этикет обязывал произнести несколько слов на языке принимающей стороны. В январе 1899 г. в дневнике принцессы появилась запись: «Начала заниматься русским языком»[905]. Алике и ее отца принимала царская семья в Петергофе. Именно тогда завязался ее роман с наследником Николаем. Однако девочка не понравилась императрице Марии Федоровне, и ее не включили «в список» кандидаток в потенциальные жены цесаревича. Но у Алике были свои планы…

В третий раз она посетила Россию в 1890 г. Алике вновь приехала к старшей сестре и жила у нее в Москве. Однако наследника родители в Москву не пустили. Несмотря на это, немецкая принцесса всерьез рассчитывала на развитие своего романа с цесаревичем. По возвращении из России в Англию

Алике принимается за изучение русского языка, знакомится с русской литературой и даже приглашает священника русской посольской церкви в Лондоне и ведет с ним продолжительные религиозные беседы, то есть, в сущности, знакомится с догматами православной веры[906]. Однако мечта Алике сбылась только четыре года спустя, когда в апреле 1894 г. 26-летний цесаревич Николай и 22-летняя дармштадтская принцесса Алике обручились в г. Кобурге.

После помолвки в Англию из России немедленно командировали Екатерину Адольфовну Шнейдер для обучения Алике русскому языку. Выбор Е.А. Шнейдер был не случайным. Еще в 1884 г. дочь надворного советника Е.А. Шнейдер преподавала русский язык великой княгине Елизавете Федоровне, старшей сестре Алике. Видимо, учительница сумела найти общий язык с ученицей, и они оказались связаны на всю жизнь. Даже после того как услуги Е.А. Шнейдер уже не требовались, она получила при Дворе должность «гоф-лектриссы» и всю жизнь прожила в Зимнем, а затем в Александровском дворце Царского Села. В «семье» ее называли домашним именем Трина.

Рядом с императорской семьей всегда находились люди, которых нельзя назвать слугами в прямом значении этого слова. То одна из давних традиций помещичьей России, когда врачи, учителя, няни и прочие превращались с годами в членов семьи. Такое положение при семье Николая II занимала Екатерина Адольфовна Шнейдер. Сама она происходила из прибалтийской семьи, будучи дочерью надворного советника Шнейдера.

Занятия Александры Федоровны с Триной продолжались на

протяжении нескольких лет. В письме к старшей сестре Виктории Баттенбергской (4 февраля 1895 г.) Александра Федоровна упоминала, что Трина, ее она за глаза называла «Шнайдерляйн», живет в Зимнем дворце, что «на днях ей исполнилось 38 или 39. Она приходит каждое утро, и мы усердно занимаемся. А еще она читает мне час перед ужином»[907].

Е.А. Шнейдер не выходила замуж, и вся ее жизнь оказалась сосредоточена на царской семье. Шнейдер постоянно держалась в тени, но поблизости от императрицы. Величина ее «квартиры» косвенно свидетельствовала о ее статусе. На втором этаже «свитской половины» Александровского дворца в квартиру Трины входили семь помещений: первая людская (комната № 38), вторая людская (№ 39), коридор (№ 40), гостиная (№ 41), спальня (№ 42), ванная (№ 43) и даже комната портнихи (№ 44). Она прожила рядом с императрицей Александрой Федоровной 23 года, вплоть до 1917 г., все это время занимая официальное положение гоф-лектриссы. Е.А. Шнейдер отправилась за своей хозяйкой в Сибирь, и ее расстреляли в сентябре 1918 г.

Большинство современников, общавшихся с императрицей, отмечали ее уровень владения русским языком. Близкий к царской семье великий князь Александр Михайлович вспоминал, что после замужества «молодая императрица с трудом говорила по-русски….Принцесса Алике должна была в течение короткого срока изучить язык своей новой родины и привыкнуть к ее быту и нравам»[908]. Во время коронации в мае 1896 г., после катастрофы на Ходынском поле, Александра Федоровна обходила больницы и «спрашивала по-русски»[909]. В 1902 г. один из генералов «говорил с государынею, и она мне отвечала тоже по-русски, коротко, но довольно правильно»[910]. Эту удовлетворительность русской речи Александры Федоровны мемуаристы отмечали и позже. Так, один из депутатов Государственной думы вспоминал, что императрица говорила по-русски (в 1907 г.) «достаточно удовлетворительно для немки»[911]. Баронесса С.К. Буксгевден утверждала (явно преувеличивая), что императрица в совершенстве овладела русским языком и «могла говорить на нем без малейшего иностранного акцента, однако, в течение многих лет она боялась вести беседы по-русски, страшась сделать какую-нибудь ошибку»[912]. Другая мемуаристка, также встречавшаяся с Александрой Федоровной в 1907 г., вспоминала, что «по-русски она говорит с заметным английским акцентом»[913]. С другой стороны, по утверждению одного из самых близких к императрице людей капитана 1-го ранга Н.П. Саблина, «она хорошо говорила по-русски, хотя и с заметным немецким акцентом».

Несмотря на некоторую разноголосицу мемуаристов, мы можем уверенно констатировать, что Александра Федоровна справилась со всеми трудностями русского языка и уверенно владела им. Этому в немалой степени способствовал и Николай II, на протяжении многих лет он находил время читать ей вслух русскую классику. Именно так она приобрела немалые познания в области русской литературы[914]. Более того, императрица Александра Федоровна овладела и старославянским языком. Набожная императрица регулярно посещала церковные службы, и основу ее личной библиотеки в Александровском дворце составляли именно богослужебные книги.

Когда в семье Николая II появились дети, то к ним, по традиции, из Англии пригласили нянь-англичанок, но рядом с ними были и русские воспитательницы. В результате старшая дочь царя Ольга Николаевна, родившаяся в 1895 г., в 1897 г. заговорила «одинаково по-русски и по-английски». Дети книги читали преимущественно на английском языке.

Фактически семья Николая II была двуязычной. С одной стороны, Николай II желал, чтобы его дочери и сын выросли русскими по своему характеру и взглядам на мир, поэтому он говорил с детьми только на русском языке, и цесаревича Алексея довольно поздно начали обучать иностранным языкам. С другой стороны, с женой Николай II разговаривал и переписывался только на английском языке. Когда дети подросли, между собой они говорили только по-русски, с матерью девочки беседовали по-английски, по-французски общались с преподавателем П. Жильяром. Ольга и Татьяна немножко разбирались в немецком, но говорили на нем с трудом. Мария, Анастасия и Алексей немецкого языка не знали совсем[915].

Основной костяк педагогов-филологов сложился еще вокруг царских дочерей. В 1908/09 учебном году языковая нагрузка для девочек определялась следующим расписанием:

Предмет	Преподаватель	Уроки в неделю	Жалованье
Русский язык	Петров	9 уроков	1800 руб. в год
Английский язык	Гиббс	6 уроков	1200 руб. в год
Французский язык	Жильяр	8 уроков	1600 руб. в год

Всего в неделю учебная нагрузка составляла 31 урок, то есть при пятидневном режиме занятий по 6 уроков в день.

Преподаватели обычно подбирались по рекомендациям. Наиболее часто после преподавателя французского языка П.

Жильяр в мемуарной литературе упоминается преподаватель английского языка, выпускник Кембриджа Сидней Гиббс. Протежировала ему воспитательница царских дочерей фрейлина С.И. Тютчева. В октябре 1908 г. она направила секретарю императрицы графу Ростовцеву письмо с просьбой сообщить ей, «какое он на Вас произведет впечатление»[916]. К письму прилагались рекомендации г-жи Бобрищевой-Пушкиной, в учебном заведении которой Гиббс преподавал английский язык. Директриса писала о нем, как о «чрезвычайно талантливом» преподавателе, работающем в классах привилегированного училища правоведения. В результате «смотрин» в ноябре 1908 г. 32-летнего С. Гиббса назначили учителем английского языка царских детей. Поскольку царская семья постоянно проживала в дворцовых пригородах Петербурга, то ему ежемесячно доплачивали деньги на транспортные расходы[917].

Говоря об изучении иностранных языков, необходимо еще раз заметить, что наследника Алексея достаточно поздно начали им обучать. С одной стороны, это было связано с его постоянными недомоганиями и длительными реабилитационными периодами, а с другой стороны, царская семья сознательно откладывала обучение наследника иностранным языкам. Николай II и Александра Федоровна считали, что у Алексея должен, прежде всего, выработаться чистый русский выговор[918].

В 1909/10 учебном году учебная нагрузка для царских дочерей значительно увеличилась. Тогда старшей дочери, великой княжне Ольге Николаевне, шел 15-й год, а младшей, Анастасии, 6-й. Филологический блок составлял:

Предмет	Преподаватель	Уроки в неделю	Жалованье
Русский язык	Петров	11 уроков	2200 руб.
Английский язык	Гиббс	13 уроков	2600 руб.
Французский язык	Жильяр	13 уроков	2600 руб.

Недельная учебная нагрузка увеличилась с 31 урока до 54 уроков, то есть при пятидневной неделе более 10 уроков в день. Именно языковые дисциплины лидировали по количеству отведенных часов. Однако следует иметь в виду, что это расписание не являлось фиксированным, поскольку светские обязанности и переезды, безусловно, уменьшали фактический объем занятий, а продолжительность одного урока составляла только 30 минут[919].

Как всякая мать Александра Федоровна обращала внимание

именно на языковую подготовку своих дочерей. В письме к старшей сестре (19 августа 1912 г.) она писала: «Я много читаю им, да и сами они уже начали читать друг другу английские книги. Они очень много читают по-французски, а две младшие замечательно играли в пьесе… Четыре языка – это очень много, но все они им просто необходимы… Я также настаиваю на том, чтобы они завтракали и обедали вместе с нами, поскольку это хорошая практика для них»[920]. Языковая практика, как мы уже упоминали, связана с тем, что между собой Николай II и Александра Федоровна разговаривали только на английском языке.

Когда подрос цесаревич Алексей, эти же преподаватели стали заниматься и с ним. Французским языком цесаревич начал заниматься, когда ему шел девятый год. Первый урок французского языка П. Жильяр дал цесаревичу 2 октября 1912 г. в Спале, но в связи с болезнью занятия надолго прервались. Относительно регулярные занятия с цесаревичем возобновились только со второй половины 1913 г. Следует подчеркнуть, что по традиции иностранные языки членам дома Романовых преподавали только носители языка, т. е. иностранцы.

Педагогические способности преподавателей французского и английского языков высоко оценивала Вырубова: «Первыми учителями были швейцарец мсье Жильяр и англичанин мистер Гиббс. Лучший выбор едва ли был возможен. Совершенно чудесным казалось, как изменился мальчик под влиянием этих двух людей, как улучшились его манеры и как хорошо он стал обращаться с людьми»[921]. Со временем Пьер Жильяр занял при цесаревиче должность воспитателя, и его звали по-домашнему – «Жилик».

В мае 1913 г. подданного Великобритании Чарльза Сиднея Гиббса наградили орденом Св. Анны III степени. В марте 1914 г. у него состоялось последнее занятие с семнадцатилетней Ольгой Николаевной. По этому случаю ему пожаловали золотые запонки. По мере того как взрослел Алексей, внимание С. Гиббса сосредотачивалось на нем, и в сентябре 1916 г. «в связи… с усилением его занятий с Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем» оплата его занятий возросла до 6000 руб. в год[922].

Добрые отношения с педагогами сохранялись буквально до последних дней жизни цесаревича Алексея Николаевича.

После Февральской революции 1917 г. С. Гиббс остался преподавателем, а затем в сентябре, вслед за царской семьей, уехал в Тобольск. В 1918 г. в письме в Екатеринбургский исполком лейб-медик Е.С. Боткин просил оставить рядом с

цесаревичем его воспитателей Гиббса и Жильяра, подчеркивая, что «они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен»[923].

От гибели Гиббса спасло то, что его как английского подданного не взяли из Тобольска в Екатеринбург. Весной 1918 г. Гиббса выслали в Тюмень. После расстрела царской семьи в августе 1918 г. Гиббс вернулся в Екатеринбург и помогал Соколову в расследовании дела о гибели царской семьи. В 1919 г. при адмирале А.В. Колчаке Гиббс занимал должность секретаря британского Верховного секретариата в Омске. После разгрома армий Колчака С. Гиббс бежал в Китай. В 1934 г. он принял православие и стал иеромонахом о. Николаем, а затем архимандритом. В 1938 г. о. Николай (С. Гиббс) вернулся в Англию. После Второй мировой войны он основал в Оксфорде православный приход, в 1963 г. умер, его похоронили на кладбище Хэдистон в Оксфорде.

Пьер Жильяр также сумел уцелеть, находясь рядом с царской семьей. Выбравшись из России через Китай, он женился на «комнатной девушке» императрицы Александры Федоровны, Александре Александровне Тегелевой, и поселился в родной Швейцарии. Там он написал мемуары о своей службе при царской семье и опубликовал многочисленные фотографии.

Имена и прозвища в семье Романовых

Выбор имени для любого человека имеет немалую значимость, а для будущего правителя – это в определенном смысле концентрированная и сжатая до предела история династии. Выбранное имя включало царственного младенца в мир предков, властителей, связь с которыми являлась главнейшей основой его собственного права на власть[924]. На выбор имени младенца влияло множество факторов, и только о некоторых из них нам известно, да и то эти сведения разбросаны по самым разным источникам.

В императорской семье детям с самого раннего возраста прививалась определенная этика внутрисемейного общения. Нюансы внутрисемейных взаимоотношений впитывались детьми буквально с молоком матери. Конечно, родителей дети называли «мама» и «папа», бабушек и дедушек «анпапа» и «анмама», на французский манер и с соответствующим ударением. Но по мере взросления дети уже отчетливо осознавали свое место в иерархической системе дома Романовых. И эта впитанная с детства иерархия взаимоотношений диктовала им манеру общения со сверстниками.

По свидетельству современников, великий князь Михаил Павлович называл старшего брата (Николая I) на людях не только на «Вы», но всегда «Ваше Величество». Даже в семейном кругу, в отсутствии посторонних, «Вы» и «Ваше Величество» сохранялось. Только в личных письмах Михаил Павлович отступал от этой формы и всегда называл Николая I на «ты» и «любезный Ника». В семье Николая I все дети называли отца, императора Николая I, в письмах всегда «любезный папа», а в разговоре тоже «папа»[925].

Подбору имен для рождавшихся младенцев в императорской семье придавали большое значение. В целом при подборе имени родители следовали сложившимся традициям, но возникали и нюансы. Во-первых, сохранялась давняя русская традиция называть детей в честь тех или иных святых, в день которых рождался младенец. Во-вторых, детей называли в честь кого-либо «из семьи», причем это могли быть не только представители династии Романовых, но и Рюриковичей. В-третьих, решающее слово при выборе имени подчас оставалось не за родителями, а за бабушками или дедушками, если на этот момент они находились «у руля» огромной империи. В-четвертых, у некоторых из Романовых были имена с отчетливым политическим контекстом.

Второй внук Екатерины II, великий князь Константин Павлович, получил «политическое имя» по идее бабушки. Константином его назвали потому, что в 1770-х гг. Екатерина II вынашивала планы превращения Стамбула в Константинополь и установления полного контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы. Под эти планы мальчик и получил имя Константин, и не только имя. К нему даже пригласили учителя греческого языка, которым Константин Павлович блестяще овладел. Однако далеко идущим политическим планам не суждено было сбыться.

Свое имя Николай I также получил от Екатерины II. Следует подчеркнуть, что до 1796 г. в семье Романовых Николаев не было вообще. Для Екатерины II рождение мальчика, после пяти внучек подряд, стало большой и, наверное, последней семейной радостью. При святом крещении 6 июля 1796 г. мальчика официально нарекли Николаем в честь св. чудотворца Николая Мирликийского[926].

Когда 27 июля 1831 г. в семье Николая I родился третий мальчик, то его также назвали Николаем, но не в честь отца, а в честь святого Николая Кочанова, юродивого Новгородского[927], почитание которого приходилось на 27 июля. В письме к графу П.А. Толстому от 28 июля 1831 г. царь писал: «Бог меня наградил за поездку в Новгород, ибо, спустя несколько часов после моего возвращения, Бог даровал жене счастливое разрешение от бремени сыном Николаем». Когда мальчик подрос, то в семье его стали звать домашним именем Низи, а в русскую историю он вошел под именем великого князя Николая Николаевича (Старшего).

Четвертого сына, родившегося 21 октября 1832 г., в семье Николая I назвали Михаилом Николаевичем. Свое имя он получил в честь Михаила Архангела. В письме к И.Ф. Паскевичу царь назвал младенца – «новорожденный мой Архистратиг»[928].

Затем пришла пора давать имена детям Александра II. Своего первенца, родившегося в 1843 г., цесаревич Александр Николаевич назвал Николаем, в честь Николая I. Своего второго сына Александра (1845 г.), будущего Александра III, родители назвали в честь Александра I[929].

Таким образом, первые два мальчика получили имена двух братьев-монархов. После этого в поисках имен родители обратились к историческому прошлому России. Поэтому третий сын, родившийся весной 1847 г., получил имя Владимир в честь равноапостольного князя Владимира, Крестителя Руси[930]. Четвертого сына (1847 г.), Алексея, назвали в честь митрополита московского св. Алексия, в память о том, что сам Александр II родился в его обители и у его раки принял святое крещение[931].

Своего пятого сына, Сергея, родители назвали в честь св. Сергия Радонежского. Родители считали Сергея «обетным ребенком», поскольку императрица Мария Александровна была беременна сыном во время коронационных торжеств в Москве летом 1856 г. И обет назвать возможного сына Сергеем родители дали у раки Св. Сергия Радонежского[932].

Бывало и так, что царских младенцев называли «по сну». Следует напомнить, что снам тогда придавалось серьезное значение. Всем хорошо известна легенда о том, что часовому приснился архангел Михаил и «просил передать» императору Павлу I, что строящийся на берегу Фонтанки замок следует назвать Михайловским. Солдат добросовестно выполнил «приказ», и о сне доложили по команде. Как это ни удивительно, но информация «сверху» дошла до Павла I, и он назвал свой замок Михайловским. Это весьма достоверная, но – легенда. Когда осенью 1853 г. цесаревна Мария Александровна готовилась рожать, то родители заранее подобрали имя Вера, если родится девочка. 5 октября 1853 г. цесаревна родила девочку, но Верой ее не назвали по следующей причине: «Старая кн. Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией». К этому времени в семье цесаревича было уже четыре здоровых мальчика и одна умершая дочь, по которой родители очень горевали. Они очень хотели, чтобы у них родилась девочка. А поскольку «условие» до них «доведено», то родившуюся девочку, единственную дочь Александра II, назвали Марией[933].

К сожалению, сведения о том, в честь кого и почему называли младенцев из семьи Романовых, крайне скудны и отрывочны. Но достоверно известно, что Александр III и его жена Мария Федоровна назвали своего первенца Николаем, родившегося в мае 1868 г., в память об умершем в 1865 г. брате и женихе – великом князе Николае Александровиче.

Бывало, что в императорской семье детей называли и «просто так», потому что имя нравилось родителям. Конечно, любое имя сопровождалось дискуссией между родителями. Когда 25 марта 1875 г. в семье будущего Александра III родилась дочь, ее назвали Ксенией. По свидетельству великого князя Сергея Александровича «это имя родителям нравилось, и поэтому дочь так назвали, других причин нет»[934].

По мере рождения дочерей в семье Николая II все они получали свои имена и прозвища. Надо заметить, что в 1895 г. имя царского первенца «согласовано» с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной[935]. На семейном совете решили: если родится мальчик назвать Павлом, а если девочка,

то Ольгой. Родилась девочка, ее назвали Ольгой. Тогда и вторую дочь решили назвать именем знаменитой героини пушкинского «Евгения Онегина» – Татьяной. В результате две старшие дочери Николая II получили имена литературных героинь «Евгения Онегина».

Когда в 1901 г. в семье Николая II родилась четвертая дочь, то ее назвали Анастасией. По свидетельству Маргарет Эггер, потому, что это имя издавна ассоциируется с Узоразрешительницей. Так во времена императорского Рима называли одну из первых христианок, выкупавшую из узилищ своих единоверцев. Анастасию назвали так потому, что Николай II амнистировал студентов, участвовавших в университетских беспорядках и проведших зиму в тюрьмах Санкт-Петербурга и Москвы.

Тогда многие из императорской семьи явно удивились тому, что родившуюся великую княжну не назвали Викторией в память об умершей бабушке императрицы Александры

Федоровны, английской королевы Виктории, скончавшейся в 1901 г.

Можно упомянуть и о том, что в семье Романовых имя Александра считалось несчастливым. У дочери Павла I Александры внезапно расстроился брак со шведским принцем, что стало одним из поводов к резкому ухудшению здоровья Екатерины II, а затем и ее смерти. Дочь Николая I Александра умерла от скоротечной чахотки. У Александра II была горячо любимая дочь Александра, умершая в возрасте 8 лет. Ее маленькое синее шелковое платье хранилось в Зимнем дворце вплоть до 1917 г. Жена великого князя Павла Александровича Александра Георгиевна умерла в родах, оставив ему двоих детей. Поэтому в императорской семье закрепилось поверье, что Александры не доживают до 21 года.

Долгожданный цесаревич, родившийся в 1904 г., получил имя Алексей. Это имя не было популярно в царской семье, после того как в трагическом противостоянии в 1718 г. погиб царевич Алексей, сын Петра I. Сын Николая II получил это имя в память московского царя Алексея Михайловича Тишайшего, время правления которого Николай II идеализировал. Буквально за полтора года до рождения сына, в феврале 1903 г., в Зимнем дворце состоялся исторический бал по мотивам эпохи правления Алексея Михайловича.

Семейные прозвища

Наряду с именами у Романовых имелись и прозвища, или прозвания. Дело в том, что большая семья Романовых имела множество уровней общения. На уровне личных контактов, говоря между собой о ком-либо из членов своей семьи, часто использовали прозвища, иногда принимавшие почти официальный характер. Эти прозвища связывались либо с внешними особенностями, либо со специфическими чертами характера. Как правило, «свое» неофициальное прозвище члены императорской семьи знали. Если оно носило комплиментарный характер, то становилось почти официальным. Если несло в себе негативные черты, то его, конечно, «в глаза» не произносили, что не мешало активно пользоваться прозвищем в разговорах между собой «за глаза». Упоминания об этих прозвищах довольно редки, поскольку о них только иногда говорится в личной переписке или мемуарах.

У правящей Императорской фамилии было и некое коллективное прозвание – «Большая ектенья». Дело в том, что во время церковных праздников по всей России членам Императорского дома провозглашалась «Долгая лета…». И тогда вся семья фигурировала под именем «Большой ектеньи».

Широко известны прозвища (прозвания) российских императоров. Как правило, они носили политизированный характер и связывались с особенностями проводимой ими внутренней или внешней политики. Иногда причиной появления того или иного прозвища становились какие-либо конкретные события.

Следует отметить, что традиция прозваний первых лиц страны очень древняя, настолько древняя, что восходит буквально к началам российской государственности. Кроме этого, следует помнить, что прозвища прочно бытовали в общественном сознании, поскольку до XIV–XV вв. собственно фамилий и не было, и именно прозвища стали фундаментом для появления фамилий. Все мы помним, что князя Владимира, крестителя Руси, называли Красным Солнышком, его сына Святополка – Окаянным, а другого сына Ярослава – Мудрым. Даже после появления фамилий традиция прозваний первых лиц сохранялась. Так, Ивана IV мы больше знаем как Грозного, а московского царя Алексея Михайловича как Тишайшего. Эта традиция прозваний в полном объеме воспроизводилась вплоть до 1917 г.

Однако в XIX в. ситуация с появлением прозваний изменилась. В середине XIX в. российское общество стремительно

политизируется, и прозвания начинают исходить из среды, оппозиционной дому Романовых. Так, авторство самого известного прозвища Николая I, Палкин, приписывают герценовскому «Колоколу». Именно из среды революционных демократов вышли и другие столь же нелестные для царя прозвища. Их усилиями сложную и противоречивую фигуру Николая I на многие десятилетия свели к однолинейному образу солдафона с оловянными глазами.

Александр II получил официальное прозвание Освободителя. Царский манифест, подписанный 19 февраля 1861 г., освободивший миллионы крепостных крестьян, навеки связан с именем Александра II. Официальная пропаганда приложила немало усилий для закрепления лестного прозвания за именем царя.

Александр III получил прозвание Священного Миротворца. За 13 лет правления этого царя Россия, не участвуя в войнах, значительно укрепила свои позиции на международной арене. Тем не менее это прозвание также стало результатом официальной пропаганды. Его впервые употребил Николай II в 1895 г. в одной из своих первых речей, составленной обер-прокурором Священного Синода К.П. Победоносцевым. Оба комплиментарных прозвания, Освободитель и Миротворец, усилиями официальной пропаганды тесно спаялись с именами Александра II и Александра III. Это стало возможным не только благодаря усилиям официальной пропаганды, но и тому, что эти прозвания имели под собой прочную основу, признанную современниками.

У Николая II так и не появилось подобного лестного официального прозвания, но в изобилии были некомплиментарные прозвища. Самое известное из них – Кровавый. Память о погибших на Ходынском поле во время коронационных торжеств 1896 г. оставалась в памяти народа вплоть до 1917 г. Это прозвище окончательно закрепилось за царем после проигранной Русско-японской войны, Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. и бессмысленных многомиллионных жертв Первой мировой войны. Появились у Николая II и другие столь же нелестные прозвища. Так, в одном из его манифестов в тексте неудачно и неоднократно использовалась фраза «А на нас легла тяжкая ответственность…», «А на нас легло бремя…», «А на нас…». В результате у царя появилось прозвище Ананас.

Менее известны прозвища других членов императорской семьи и то, как сами называли себя самодержцы в кругу своих близких. Например, Николай I в письме к младшему брату Михаилу Павловичу 17 мая 1826 г. просил от его имени обнять

племянниц, «от имени дяди с длинным носом»[936]. Следует отметить, что в данном случае самоирония императора характеризует его весьма положительно. Младшего брата, великого князя Михаила Павловича, Николай I в письмах называл «любезный Михайло»[937].

Императрица Александра Федоровна имела много домашних прозвищ. Все они, естественно, носили комплиментарный характер, поскольку Николай Павлович десятилетиями последовательно создавал культ прекрасной дамы по отношению к жене. У Шарлотты Прусской имелось еще домашнее, девичье прозвище – Белый Цветок. Так ее назвали по имени героини французской поэмы XVIII в., возлюбленной сарацинского короля Испании. Звучало это прозвище как Бланш флер, или Бланшфлур. Сам Николай Павлович называл свою жену птичкой за хрупкость фигуры и легкость походки. Иногда Николай I величал жену как Madame Nicolas[938]. В этом же духе он называл свою невестку великую княгиню Елену Павловну – Madame Michel.

Были домашние прозвища и у детей Николая I. Старшего сына-наследника, будущего Александра II, рожденного в Москве, отец иногда назвал Московским калачом[939]. Свою дочь Александру Николаевну, наряду с офранцуженным сокращением Адини, называли еще и Домовым. Трудно сказать, почему.

Естественно, были прозвища и у придворных из ближайшего окружения Императорской фамилии. Примечательно, что некоторые из прозвищ шли из детства. Так, министр Императорского двора граф В.Ф. Адлерберг из детства вынес не только шрам на лбу, полученный ружейным прикладом в детской потасовке от будущего Николая I, но и детское прозвище Флам[940]. И в более поздние времена у императорского окружения появились свои прозвища. Некоторые из них были очень незатейливыми – детскими. Так, уже достаточно взрослый великий князь Сергей Александрович называет фрейлину графиню А.Д. Блудову Блудихой («Поздравляли Блудиху с именинами»), а воспитательницу великой княжны графиню А.А. Толстую – Толстихой («Вечером у нас была вечеринка с несколькими персонами: Блудиха, Толстиха, Надина, Варвара В., Костя, Никола»)[941]. Одного из офицеров охраны Николая II в семье назвали Пекинским Деном. Дело в том, что капитан 1-го ранга Карл Ден принимал участие в подавлении боксерского восстания в Пекине и первым из офицеров поднялся на стену Запретного года, получив за это орден Св. Георгия[942].

Ряд прозвищ бытовал только в узком кругу. Так, Александр II в своих письмах к Е.М. Долгоруковой называл себя Мунькой, а свою гражданскую жену – Дусей.

Поскольку имя Николай с легкой руки Екатерины II стало популярным в семье Романовых, то, естественно, от этого имени было много «домашних» производных. Когда в семье Александра II в 1840-х гг. начали рождаться дети, то им родители по традиции давали «домашние» имена. Старшего сына Александра II, великого князя Николая Александровича дома звали Никсой. Поэтому, когда в 1850 г. у второго сына Николая I великого князя Константина Николаевича родился первый сын, названный также Николаем, возникла проблема, как его звать попросту, в домашнем быту. Барон М.А. Корф передает слова молодого отца: «В нашей семье столько Николаев, что нелегко придумать для каждого уменьшительное имя. Большого брата до сих пор зовут Низи. Николая Александровича – Никса. Николая Максимилиановича – Коля, пришлось мне назвать моего – Никола»[943].

Второго сына великого князя Константина Николаевича, Константина Константиновича, знаменитого поэта «К. Р.», уже в юности за высокий рост и худобу родственники называли Селедкой.

Дочь Александра II, великую княгиню Марию Александровну, будущую герцогиню Эдинбургскую, дома звали Уткой. У нее были и другие домашние имена. Одна из мемуаристок приводит эпизод, когда у них, тогда маленьких детей, состоялся по этому поводу разговор с молодым императором: «Государь говорил нам, что и своей дочке Маше он дал прозвище. «Отгадайте, дети, какое?» Мы ничего не придумали. «Утка – за ее походку»»[944]. Но у отца для дочери были и более ласковые имена. В одном из писем Александр II, благодаря дочь за письмо, называет ее Душонком[945].

Второго сына Александра II, будущего императора Александра III, любящие родители звали за крепкое телосложение и некоторую мешковатость Бульдожкой, Мопсом или Макой. Видимо, требовательные родители не были в восторге от внешности своего сына. В одном из писем к жене Александр II писал по поводу будущего Александра III: «О, как я хотел бы задушить поцелуями этого милого дурнушку»[946].

Третьего сына Александра II, великого князя Владимира Александровича, в детстве отличавшегося пухлым телосложением, называли Толстяком[947]. Было у него и другое детское прозвище – Кукеа. Видимо, оно было связано уже с особенностями характера маленького великого князя. Конечно, детей так называли без всякой задней мысли, но от этого для них эти прозвища, наверное, не становились менее обидными. Пятого сына Александра II, Сергея, императрица Мария Александровна

называла Гегой[948], а родные в письмах – Сижиком. Шестого сына Александра II, великого князя Павла Александровича, родившегося в 1860 г., буквально с младенческих лет все домашние звали Пицем.

Традиция прозвищ бытовала и в детской среде. Для детей это было вполне естественно. Граф С.Д. Шереметев, описывая свои отроческие годы, пришедшиеся на 50-е гг. XIX в., упоминал, что «был между всеми заведен обычай называть друг друга особыми прозвищами. Так, Александр Петрович прозывался Ириний, Георгий Петрович – Баха, меня звали Макар, а Екатерина Петровна была Марлиночка[949]. Следует только добавить, что все вышеперечисленные – принцы и принцесса Ольденбургские, оставившие заметный след в истории России второй половины XIX в.

Однако детей царя, даже во время игр, ровесники называли неизменно по имени-отчеству, вне зависимости от возраста. Когда в 1865 г. у семилетнего великого князя Сергея Александровича один из его товарищей по играм спросил можно ли его называть просто Сережа, то семилетний мальчик ответил: «Не знаю, спроси у Дмитрия Сергеевича»[950]. Однако мальчик постеснялся обращаться к воспитателю и продолжал называть семилетнего великого князя Сергеем Александровичем. Следует отметить, что императрица Мария Александровна заблаговременно просила родителей «приглашенных» детей внушить им не угодничать перед маленьким великим князем, не называть его «Ваше Высочество», а просто «Вы» и «Сергей Александрович»[951].

В семье Александра III императрицу Марию Федоровну за взрывной характер за глаза называли Гневной. Наследника цесаревича, будущего Николая II, звали Ники, или Ника. Второго сына Александра III, болезненного и худого великого князя Георгия Александровича, родители звали Джоржи. Было у него и другое «имя». Невестка, императрица Александра Федоровна, прозвала болезненно худого Георгия Александровича Плакучей Ивой – «Weeping Willow».

Другого брата Николая II, великого князя Михаила Александровича, родные называли Милый Floppy. Это прозвище произошло от английского «flop» – шлепаться. Дело в том, что долговязый Михаил имел обыкновение шлепаться в кресло, вытягивая перед собой свои длинные ноги[952].

Как отмечали современники, Александр III изменил стереотип общения с подданными. Все единодушно утверждали, что, в отличие от предшественников, на «ты» царь обращался только к самым близким людям. То же самое относилось и к

прозвищам. Александр III очень редко «допускал себе давать прозвища и говорить в полушутливом тоне с придворными»[953]. Тем не менее у него с отроческих лет остались прозвища для близких людей, он периодически их использовал. Так, своего дядю, великого князя Константина Николаевича, с которым он очень не ладил, Александр III называл не иначе как Коко, а великую княгиню Екатерину Михайловну (дочь великого князя Михаила Николаевича), «еще неудобнее…» Над своим младшим братом Владимиром Александровичем царь подтрунивал, называя его «генералом»[954]. Оставались еще друзья юности, с кем отношения постепенно менялись. Такого причудливого человека со сложной репутацией, как князь В.П. Мещерский, Александр III называл Vovo, но без малейшего раздражения, скорее с чувством жалости и легкой иронии[955].

Иногда весьма уничижительные прозвища получали и члены императорской семьи. Так, именно при Александре III великий князь Михаил Михайлович (1861–1829) получил незатейливое прозвище Миша-дурак. Оставивших по себе мрачную память великих княгинь черногорок Милицу и Стану, родственники за глаза величали Сциллой и Харибдой[956]. Надо сказать, что любящая родня «пригвоздила» семейным, нелестным прозвищем и Николая II. Великий князь Николай Михайлович за глаза называл своего племянника не иначе как «наш дурачок Ники».

Имела свои прозвища и многочисленная европейская родня. Английскую королеву Викторию (1838–1901) при Российском дворе привычно называли Гранни. Принца прусского Сигизимунда-Вильгельма – Бобби, германского императора Вильгельма II – дядей Вилли. Марию Максимилиановну, принцессу баденскую, попросту называли тетей Марусей. Таких имен было множество. Поэтому внешняя европейская политика вплоть до начала XX в. имела отчетливо выраженный семейный характер, когда бабушка Гранни могла по-семейному пожурить своего «внука», российского императора Ники, в присутствии дяди Вилли (германского императора Вильгельма II).

Когда Николай II женился, то светские сплетники немедленно отметили, что молодая жена «по-своему» называет мужа. Если раньше его дома звали Ника, то молодая императрица стала звать его Коко[957]. Впрочем, это имя не закрепилось в семье, и Александра Федоровна стала, как все, называть мужа Ники.

У императрицы Александры Федоровны были свои «имена». Так, в детстве она подписывала свои письма «М.К. № III», это сокращение детского прозвища – «Маленькая Королева № III»[958]. Свои письма к мужу она часто незатейливо подписывала «Твоя Старая Курица», «Твоя Старая Женушка». Однако, как правило, и

за глаза, и в глаза ее называли Алике.

Носили домашние имена и дети Николая II. Так, третью дочь, великую княжну Марию Николаевну, сестры звали Машкой. Четвертую, великую княжну Анастасию Николаевну, самую заводную и шкодливую, – Швибздом[959]. У долгожданного цесаревича Алексея были только комплиментарные домашние прозвища. Родители в переписке называли его на английский манер – Бэби, Крошкой, или Солнечным лучом.

Дошедшая до нас переписка Николая II и императрицы Александры Федоровны позволяет реконструировать и то, как они называли часть своего окружения. Называли в основном по имени-отчеству. Но были и прозвища для лиц из ближайшего окружения. Анну Александровну Вырубову в письмах супруги называли Аней, Большой Бэби, в минуты раздражения Коровой, или Инвалидом. Воспитателя и учителя французского языка Пьера Жильяра звали в глаза Жиликом. Гоф-лектриссу императрицы Екатерину Адольфовну Шнейдер звали Триной, или Шнейдерляйн. Камер-юнгферу Александры Федоровны, приехавшую с ней из Германии в 1894 г., Марию Густавовну Тутельберг в семье называли Тюдельс. Камердинера Александры Федоровны Густава Генриховича Лио почему-то прозвали Листопадом.

Были свои имена и у лиц, входивших в ближайшую свиту. Фрейлину Анастасию Васильевну Гендрикову ласково называли

Настенькой. Адмирала Константина Дмитриевича Нилова прозвали Маленьким адмиралом, другого моряка, контр-адмирал Свиты Его Величества, командира императорской яхты «Штандарт», англомана Ивана Ивановича Чагина, называли между собой Джонни. Друга детства Николая П Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова в глаза и за глаза звали попросту Сашкой. Имел свое прозвище и министр Императорского двора В.Б. Фредерикса, которого оба царственных супруга глубоко уважали. В своей переписке они называли его Стариком.

Когда в 1915 г. императрица Александра Федоровна начала втягиваться в политическую жизнь страны и почувствовала вкус к принятию управленческих и кадровых решений, то у них с мужем появились шифрованные прозвища, по поводу которых до настоящего времени ведутся споры.

Например, известно, что принца Александра Петровича Ольденбургского в «семье» называли Алеком, а весьма пожилого премьера Ивана Логгиновича Горемыкина – Премудростью. Однако кому принадлежат прозвища Красная шапочка, Цветущий или Малина, до сих пор вызывает споры.

От издателей

На легкомысленной (почти интимной) теме семейных прозвищ мы прерываем обстоятельнейшее исследование бытового «закулисья» взрослых членов Императорской фамилии.

В следующей книге И.В. Зимин столь же скрупулезно расскажет: о «детском мире» императорских резиденций (о воспитании, системе образовательной подготовки, развлечениях высокородных детей); о «сфере обслуживания» монархов (об уровне комфорта, инфраструктуре резиденций, об императорской кухне, о статс-дамах и фрейлинах и даже о придворной челяди).

Читателю предстоит узнать еще много любопытного…

Примечания

1 Предисловие М. Пиотровского // Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. 1. XVIII – первая треть XIX в.

2 Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. Т. 1. XVIII – первая треть XIX в.

3 Цит. по: *Файбисоеич В.М.* Александр I – человек на троне // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба»: Каталог выставки. СПб., 2005. С. 73. Здесь и далее в цитатах сохранено написание оригиналов.

4 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М„2005. С. 21.

5 Бреге в Эрмитаже: Каталог выставки. СПб., 2004. С. 126.

6 *Шевелева Е.Н.* Ордена Александра I. СПб., 1993.

7 Цит. по: *Чулков Е.* Императоры. М., 2001. С. 231.

8 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевич. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 469.

9 Сэр Чарльз Муррей. Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 328.

10 *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838 гг.) // Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 199.

11 За два парика парикмахеру было уплачено 37 руб. См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 650. Д.1061.Л.8// Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1812 года.

12 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069 // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

13 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 32. Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

14 *Корф М.А.* Записки. М„2003. С. 304.

15 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 26 // Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 года.

16 *Кеммерер Генрих Вильгельм* (1786–1854), с 1853 г. – оценщик Кабинета Е.И.В., с 1839 г. – придворный ювелир. Специализировался на изготовлении орденов.

17 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1071. Л. 14 // Книга гардеробной суммы 1838–1841 гг.

18 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 330.

19 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 5 об. // Приходно-расходная

книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

20 *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника, http: www.smr.ru.

21 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 203.

22 Николай Первый и его время. М., 2000, Т. 1. С. 368.

23 Цит. по: *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 386.

24 Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник. 1887. Т. 30. № 10. С. 49.

25 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 33.

26 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М„2001. С. 38.

27 Там же. С. ИЗ.

28 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М„2005. С. 421.

29 *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. М„2008. С. 110.

30 Там же. С. 487, 493.

31 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1-е изд. 16 января 1705 г. № 2015.

32 ПСЗРИ. 2-е изд. 30 марта 1837 г. № 10076.

33 ПСЗРИ. 2-е изд. 20 августа 1874 г. № 53829, 53830.

34 ПСЗРИ. 2-е изд. И августа 1875 г. № 54988.

35 *Тютчева А.Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 360.

36 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М„1990. С. 82.

37 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 322.

38 *Бену а А.Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 365.

39 Из воспоминаний адмирала Д.С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн.: 1877–1880. М., 2007. С. 25.

40 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М„2001. С. 142.

41 *Кропоткин П.А.* Записки революционера // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 138.

42 Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 410.

43 *Литвинов Н.П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 94.

44 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М„1990. С. 78.

45 *Рокштулъ (Rockstuhl) Алоизий (Густав) Петрович* (1797–1877) – профессор миниатюрной живописи Императорской академии художеств, живописец Его Величества, управляющий музеем Царскосельского арсенала в Mon Bijou.

46 *Яковлева А.И.* Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 95.

47 Там же.

48 *Литвинов Н.П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 57.

49 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М„2005. С. 239.

50 *Литвинов Н.П.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 57.

51 *Шереметьев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 313.

52 *Тютчева А.Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 359.

53 *БенуаА.Н.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 226.

54 Там же. С. 229.

55 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 321.

56 «Крепкого словца» не чурались и другие Романовы. Они жили в России и считали себя русскими, со всеми особенностями национальной ментальности. Например, гр. С.Д. Шереметев упоминает, что старшая дочь Николая I была дамой порывистой и «разговорах не всегда парламентна». См.: Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 176.

57 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 325.

58 Там же. С. 322.

59 Там же. С. 322.

60 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2.: 1877–1880. М„2007. С. 61.

61 Из переписки с Цесаревичем великим князем Александром Александровичем // Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 167.

62 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 296.

63 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 322.

64 Там же. С. 319.

65 *БерсА.* Воспоминания об Александре III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 83, 84.

66 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 300.

67 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 317.

68 *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 419.

69 *Мамонтов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 112.

70 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. СПб., 2005. С. 45.

71 *Барышников М.Н.* Деловой мир Санкт-Петербурга: Исторический справочник. СПб., 2000. С. 311.

72 Цит. по: *Введенский Г.Э.* Пять веков русского военного мундира. СПб., 2005. С. 109.

73 *Волков А.А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 39.

74 *Масолов А.* При дворе императора. Рига. 1936. С. 175.

75 *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-исторические тетради. Париж. 1957. Т. 67. С. 35.

76 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 387.

77 *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 420.

78 Там же. С. 420.

79 *Кшесинская М.Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 33.

80 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных // *Морд – винов А.* Воспоминания. М., 1999. С. 62.

81 *ГЦеголев П.Е.* Последний рейс Николая II. М., 1928. С. 184.

82 *Шварц А.Н.* Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 60.

83 *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М„1999. Т. 1. С. 548.

84 *Куропаткин А.Н.* Дневник. Н. Новгород, 1923. С. 132.

85 *Пурталес.* Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. М., 1923. С. 61.

86 Падение царского режима. М., 1927. Т. VII. С. 393.

87 Там же. С. 394.

88 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных

// *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. М., 1999. С. 40.

89 *Блок А.* Последние дни старого режима // Былое. 1919. № 15. С. 47.

90 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 292.

91 *Танеева А. (Вырубова).* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923. С. 100.

92 Там же. С. 102.

93 *АлферъевВ.В.* Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 147.

94 *Щеголев П.Е.* Последний рейс Николая II. М., 1928. С. 116.

95 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 118.

96 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II. С. 356.

97 Там же. С. 372.

98 Придворная охота. М., 2002.

99 *Кони А.Ф.* Николай II // Николай II. Воспоминания. Дневники. С. 171.

100 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 43.

101 Там же. С. 45.

102 Там же. С. 51.

103 Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. М„1966. С. 53.

104 Там же. С. 324.

105 Под термином «автоматически» имеется в виду передача звания придворного поставщика без процедуры полного прохождения документации на подтверждение звания поставщика. В подобном случае в Списке указывалось «звание сохранено».

106 *Погожее В.П.* Очерк деятельности Министерства Императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 2. С. 164.

107 *Бризак Рене.* Река жизни // День и ночь. Литературный журнал для семейного чтения. 2006. № 9—10.

108 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария / Авт. – сост. Ю.Ю. Рассулин. СПб., 2005. С. 60.

109 *Бризак Рене.* Река жизни.

110 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 246.

111 РГИА.Ф. 525. On. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 5, И, 22,42,57,87

// О разных расходах по суммам Ея Императорского Величества. 1914 г.

112 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 21.

113 *ВооресЙ.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 261.

114 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. С. 55.

115 *Бризак Рене.* Река жизни.

116 отчет о приходе и расходе денежных сумм, поступивших в распоряжение Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны на нужды войны за 1914 г. Пг., 1915. С. 22.

117 Следует отметить, что воспоминания Рене Бризака пестрят массой неточностей. Например, он пишет, что Александра Федоровна принимала его в Петергофском дворце, хотя в это время она находилась в Александровском дворце Царского Села.

118 *Бризак Рене.* Река жизни.

119 РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 184 //Денежные документы за 1881 г.

120 Цит. по: *Папсуева С.* «Мундирное» платье фрейлины // Уральский следопыт. 1996. № 11–12. С. 95.

121 ПСЗРИ. Изд. 2.1834. № 6861.

122 *Коршунова Т.* Придворный костюм в России // Наше наследие. 2000. № 53. С. 85.

123 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 260.

124 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 353.

125 *Бологовская Н.П.* Моя Ливадия // Русская мысль. Париж, 1989. 30 июня.

126 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 60.

127 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 43.

128 Там же.

129 Под «русскими платьями» имеются в виду придворные платья для «выходов», сшитые по «русскому фасону», введенному в начале 1830-х гг. Николаем I.

130 *Яковлев В.И.* Александровский дворец-музей в Детском Селе. Л., 1927. С. 380.

131 2 мая стирка 6 женских сорочек – 51 руб.; 6 мая вышила 6 монограмм «под короной» – 6 руб. К 13 мая прачка выполнила следующие работы: перешила воротники на 17 рубашках за 17 руб.; «поправила» 6 эполет за 4 руб. 50 коп.; постирала 17 рубашек за 8 руб. 50 коп.; в этот же день постирала 6 черных

подтяжек за 9 руб., а также выстирала 36 носков за 5 руб. 40 коп. Все это было привезено во дворец, с оплатой транспортных расходов в сумме 3 руб.

132 Мундир Екатерина II «заняла» 28 июня 1762 г. у поручика лейб-гвардии Семеновского полка А.Ф. Талызина. В настоящее время этот мундир, образца 1720-х гг., хранится в Государственном историческом музее.

133 1. Мундирное платье по форме флота Екатерины II. 2. Мундирное платье Екатерины II по форме Кавалергардского корпуса. 1766 г. Цвет платья и его форменное шитье полностью соответствуют цветовому решению и декору формы офицеров Кавалергардского корпуса 1764–1796 гг. 3. Мундирное платье Екатерины II по форме лейб-гвардии Конного полка. 1773 г. 4. Мундирное платье Екатерины II по форме Преображенского полка. После 1785 г. 5. Мундирное платье Екатерины II по форме Преображенского полка. 1763 г. 6. Мундирное платье Екатерины II по лейб-гвардии Конному полку. 1766 г. По крайней мере, именно эти платья экспонируются на выставках. Есть упоминания, что в Ливадии также хранится мундирное платье Екатерины II, но его изображений автору не встречалось.

134 *Кошунова Т.Т.* Костюм в России XVIII – начала XX вв. Из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1979. С. 131.

135 Кроме Александры Иосифовны шефами полков были: великая княгиня Елена Владимировна (3-й драгунский Новороссийский полк); великая княгиня Мария Александровна (14-й уланский Ямбургский полк); великая княгиня Ольга Александровна (12-й гусарский Ахтырский полк); великая княгия Ксения Александровна (15-й гусарский Украинский полк).

136 Царское Село.

137 Мария Павловна (ст.) (Михень) (1854–1920) – великая княгиня, супруга (с 1874 г.) великого князя Владимира Александровича.

138 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920 гг.). М., 2005. С. 29.

139 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 306.

140 Там же. С. 213.

141 Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 40.

142 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 319.

143 2 марта 1906 г. кавалергарды отметили 25-летие шефства императрицы Марии Федоровны над их полком устройством

палаты ее имени в полковом лазарете для нижних чинов.

144 Дневник Государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892. М„1966. Т. 2. С. 416.

145 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М„2006. С. 48.

146 Уже 25 сентября 1907 г. командир 11-го Восточно-Сибирского полка полковник Яблочкин рапортовал императрице о награждении

офицеров полка орденом Св. Георгия IV степени за участие в боях Русско-японской войны.

147 Императрица Мария Федоровна. Жизнь и судьба // www.ru-sarchives.ru.

148 *Плотникова Ю.В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец – памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997.

149 В различных изданиях датировка этой фотографии колеблется от 1910 г. до 1913 г. На выставке в ГАРФе, посвященной императрице Марии Федоровне, она датируется 1912 г. Однако нам представляется, что все фотографии Ольги и Татьяны в мундирных платьях были сделаны в одно время, т. е. в конце июля – начале августа 1913 г.

150 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 449.

151 Там же. С. 448.

152 Там же. С. 475.

153 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 204.

154 *КшесинскаяМ.Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 425.

155 К неудачным бракам можно отнести только, пожалуй, женитьбу цесаревича Александра Павловича, которому было 16 лет, на 14-летней принцессе баденской Луизе, великой княгине Елизавете Алексеевне.

156 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 32.

157 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 28.

158 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005. С. 261.

159 *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 467.

160 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 7.

161 Там же. С. 13.

162 Там же. С. 8.

163 Там же.

164 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1074 // Книга по Собственной Е.И.В. гардеробной сумме с 1 января 1852 г. по 15 марта 1855 г.

165 РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Д. 109. Л. 29 // О доставлении в Контроль Министерства Императорского двора по требованию оного ежемесячных расписаний секретных пенсий и пособий. 1867–1887.

166 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 280.

167 Там же. С. 264.

168 Там же.

169 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 371.

170 Там же.

171 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 276.

172 Великая княгиня Александра Александровна – 19 августа 1842 г., умерла 16 июня 1849 г.; великий князь, цесаревич Николай Александрович – 8 сентября 1843 г., умер 12 апреля 1865 г.; великий князь Александр Александрович, впоследствии император Александр III – 26 февраля 1845 г., умер 20 октября 1894 г.; великий князь Владимир Александрович – 10 апреля 1847 г., умер 4 февраля 1909 г.; великий князь Алексей Александрович – 2 января 1850 г., умер 1 ноября 1908 г.; великая княгиня Мария Александровна – 5 октября 1853 г.; великий князь Сергей Александрович – 29 апреля 1857 г., умер 4 февраля 1905 г. и великий князь Павел Александрович – 21 сентября 1860 г.

173 *Молин Ю.А.* Романовы… Забвение отменяется! Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2005. С. 207.

174 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М„2005. С. 248.

175 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М„2002. С. 421.

176 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 160.

177 *Шереметев С Д.* Полковые воспоминания. СПб., 1898. С. 20.

178 *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 378.

179 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. С. 242.

180 Там же. С. 282.

181 В 2001 г. в Государственном архиве Российской

Федерации письма Юрьевской: 3450 писем Александра 11 к ней за период с 1867 по 1880 г. и 1458 писем от Юрьевской к царю за период с 1870 по 1880 г., нет писем за 1879 г. Сохранились рукопись и машинописная копия мемуаров Юрьевской.

182 Петергоф. Новые поступления. 2003–2005. Петергоф, 2005. С. 242.

183 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 300.

184 Княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. М„2004. С. 90.

185 Там же. С. 95.

186 *Витте С.Ю.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 283.

187 *Чиркова Е.А.* Император и фрейлина. По материалам архива светлейшей княгини Е.М. Юрьевской // Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX вв. М„2004. С. 122.

188 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

189 *Чиркова Е.А.* Император и фрейлина. По материалам архива светлейшей княгини Е.М. Юрьевской // Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII – начала XX вв. С. 128.

190 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

191 *Тютчева А.Ф.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 358.

192 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883–1886. М., 1966. Т. 1. С. 301.

193 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 316.

194 *Бену а А.Н.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 367.

195 *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира //За кулисами политики. 1848–1914. М„2001. С. 470.

196 Епитроп – заведующий имуществом церкви или монастыря.

197 *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 378.

198 *Половцев А.А.* Дневник 1877–1878 гг. // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 325.

199 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 267.

200 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 453.

201 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

202 Во время помолвки Николая и Александры в апреле 1894 г. ей был вручен орден Св. Екатерины I степени (стоимостью

5431 руб.). Список лицам, получившим подарки из Кабинета Его Величества. 1891–1916 гг. СПб., 2003. С. 3.

203 Цит. по: *Боханов А.* Романовы и английский королевский дом: династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3.

204 Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. М„1996. С. 36.

205 *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 81.

206 Там же. С. 82–84.

207 Там же. С. 86.

208 Там же.

209 Там же. С. 105.

210 Там же. С. 107.

211 Дневник Николая II. М„1991. С. 41.

212 *ШугуровЛ.* Гараж Его Императорского Величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 6. Ныне этот автомобиль хранится в запасниках Политехнического музея.

213 Дневник Николая II. С. 48.

214 Там же.

215 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 283.

216 *Корф М.А.* Записки. М„2003. С. 187.

217 Екатерина Петровна, принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 34.

218 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М„2005. С. 459.

219 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 446.

220 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 426.

221 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 110.

222 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 313.

223 Там же.

224 Там же. С. 338.

225 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 223.

226 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 464.

227 Там же. С. 453.

228 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 315.

229 *Плотникова Ю.В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец – памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997. С. 49.

230 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 583.

231 *Боханов А.Н.* Святая царица. М„2006. С. 111.

232 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 106.

233 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 281.

234 *Бену а А.Н.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 229, 230.

235 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 300.

236 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 218.

237 *Витте СЮ.* Воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 295.

238 Там же. С. 296.

239 Там же. С. 295.

240 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 246.

241 ПСЗРИ. Ст. 188.

242 Династия Романовых. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 2000. С. 47.

243 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 10.

244 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М„2006. С. 406, 407.

245 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 76.

246 Там же. С. 86.

247 Там же. С. 417.

248 Там же. С. 177.

249 *Половцев А.А.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 300.

250 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 200.

251 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 288.

252 «Впредь никто из Великих Князей и Великих княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, т. е. не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому».

253 *Палеолог И.* Дневник посла. М., 2003. С. 443.

254 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 294.

255 Там же С. 335.

256 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия

Александры Федоровны, императрицы всероссийской. С. 104.

257 Там же. С. 196.

258 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 401.

259 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 206.

260 Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба»: Каталог выставки. СПб., 2005. С. 90.

261 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 199.

262 Придворная охота. М„2002. С. 254.

263 Ратчинский арсенал: Сто предметов из собрания российских императоров. СПб., 2001.

264 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М„2002. С. 418.

265 *Мамонтов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 103.

266 Придворная охота. М„2002. С. 306.

267 *Мамонтов В.И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 103.

268 Там же С. 112.

269 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Тетрадь № 12. Л. 50. Дневник великого князя Николая Александровича.

270 *Бтюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 113.

271 Документальная история этого придворного подразделения восходит ко временам Московского царства. В имперский период российской истории эта служба неоднократно меняла названия и подчиненность. С 1742 по 1796 г. – Обер-егермейстерская канцелярия; Егермейстерская контора с 1796 по 1882 г. и Управление императорской охотой с 5 марта 1882 по 14 апреля 1917 г.

272 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3. СПб., 2002. С. 158, 159.

273 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1693. Журнал императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910 гг.

274 Великий князь Михаил Александрович, великий князь Николай Николаевич и принц П.А. Ольденбургский.

275 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1693. Журнал императорской охоты № 9, составленный ловчим Владимиром Романовичем Дицем. 1906–1910 гг.

276 Там же.

277 Там же.

278 Там же.

279 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 368.

280 *Первушина Е.В.* Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии. СПб., 2007. С. 42.

281 Там же.

282 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 16. Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С.А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность Его Наследником Цесаревичем.

283 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 190.

284 Эрнест-Альберт – принц Великобританский, герцог Эдинбургский, второй сын королевы Виктории; род. 6 августа 1844 г. В 1862 г. его избрали королем Греции, но он отклонил от себя корону. С 23 января 1874 г. Альберт находился в браке с великой княгиней Марией Александровной, единственной дочерью императора Александра II; старший сын от этого брака, принц Альфред-Александр, род. 15 октября 1874 г.

285 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 267.

286 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 456.

287 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 249.

288 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 160 // Денежные документы за 1881 г.

289 Катушка к удилищу (16 руб. 50 коп.); стеклянная рыбка (1 руб. 50 коп.); металлическая рыбка (4 руб.); два мотка лесы плетеной (8 руб.). Всего 4 вещи на 30 руб.

290 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 508.

291 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 58.

292 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 213.

293 РГИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 996. Л. 181 // Денежные документы за 1881 г.

294 РГИА. Ф. 525, Оп. 3. Д. 85. Л. 57 // Денежные документы по суммам Ея Императорского Величества за 1897 г.

295 ратчинкой в царской семье называли килеватую лодку с частыми шпангоутами, с одной парой весел. Обводы лодки позволяли быстро набрать хорошую скорость. По своим обводам

гатчинка была близка к каноэ, но только весла вставлялись в уключины.

296 *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 248.

297 Придворная конюшенная контора была создана 16 марта 1733 г. 17 мая 1762 г. преобразована в Конюшенную канцелярию. В 1765 г. она была разделена на Придворную конюшенную контору в Санкт-Петербурге и Дворцовую конюшенную канцелярию в Москве. В 1786 г. эти дворцовые подразделения были вновь слиты в единую структуру – Придворную конюшенную контору и в таком виде просуществовала вплоть до 2 августа 1882 г. При Александре III в ходе реорганизации структур Министерства Императорского двора была переименована в Придворную конюшенную часть и под этим названием просуществовала вплоть до марта 1917 г.

298 Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 412.

299 Княгиня Юрьевская (под псевдонимом Виктор Лаферте). Александр II. М„2004. С. 104.

300 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 330.

301 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. С. 260.

302 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 376.

303 РГИА. Ф. 544 Оп. 1. Д. 369 // Переписка о деньгах, посылаемых Императрицей Марией Федоровной на расходы по содержанию дворца Ея отца Датского Короля Христиана IX. 1914 г.

304 *Новосельский Ю.* Императорские поезда // Пресса Царского Села. № 87. 9 ноября 2002 г.

305 *Киселев С.* Императорские поезда в России // Антик. Инфо. 2004. № 9.

306 *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. С. 456.

307 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 554.

308 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 227.

309 РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 449. Л. 49 // По пребыванию государыни-императрицы в Ливадии и по возвращению оттуда в Санкт-Петербург в 1863 г.

31 ˚Стоимость состава на Берлинском заводе – 167 500 талеров, против 156 700 талеров на заводе Ратгебера во Франции, при прочих равных условиях. См.: РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 883. Л.

2. О заказе императорского поезда. Переписка с министерством. 1872 г.

311 Шесть салонных вагонов и один багажный вагон.

312 РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 889. Л. 2 // Дело инспектора постройки императорского поезда для заграничных путешествий. Первая доставка вагонов из Эйкупа в Варшаву и их сдача. 1873–1874 гг.

313 1. Вагон Александра II. 2. Вагон Марии Александровны. 3. Вагон великой княжны. 4. Большой красный салон. 5. Вагон-столовая. 6–8. Три свитских вагона. 9. Служебный вагон. 10. Технический вагон.

314 Устройство вентиляции и отопления по системе барона Дермиза обошлось казне в 23 564 руб.

315 РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 887. Л. 3 // Дело инспектора постройки императорского поезда для заграничных поездок. 1872–1874 гг.

316 РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 905. Л. 3 // О заказе и поставке мелких принадлежностей по непосредственному распоряжению министра. Императорский поезд для заграничных путешествий. 1873–1874 гг.

317 Умывальная чашка и бак для воды.

318 Для спальни Его Величества – 2 шт., для свиты – 6 шт.

319 РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 902. Л. 2 // О недостатках в существующих вагонах, предложения относительно устранения таковых. 1873–1874 гг.

320 *Витте С.Ю.* Воспоминания. М„1960. Т. 1. С. 197.

321 *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Л., 1929. Т. 5. С. 250.

322 *Новосельский Ю.* Императорские поезда // Пресса Царского Села. 2002. № 87 (9409). 9 ноября.

323 *Кисилев С.* Императорские поезда в России // Antiq. Info. 2004. 09.

324 Вечерний Челябинск. 10.09.2002. Размещено на сервере http://www. chelpress.ru.

325 Орлов Владимир Николаевич (1868–1927) – князь, флигель-адъютант, генерал-лейтенант, помощник начальника (1901–1906), затем начальник Военно-походной канцелярии императора Николая II (1906–1915), входил до 1915 г. в ближайшее окружение Николая II, помощник наместника на Кавказе (1915–1917). Эмигрировал. Умер в Париже.

326 Младший брат царя.

327 Красносельские лагеря, где каждое лето проходили маневры войск ивардейского корпуса.

328 Из дневника кн. В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 56.

329 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С.

395.

330 *Яковлев В.И.* Александровский дворец Царского Села. Л., 1926. С. 282.

331 1. «Delaunnay-Belleville» – трехместный фаэтон, приобретен в 1906 г. 2. «Delaunnay-Belleville» – ландо, приобретен в 1908 г. 3. «Delaunnay-Belleville» – ландо, приобретен в 1909 г. 4. «Delaunnay-Belleville» – ландо, приобретен в 1910 г. 5. «Mercedes» – ландо, приобретен в 1910 г.

332 1. «Mercedes» – синий лимузин, приобретен в 1906 г. 2. «Mercedes» – красный лимузин, приобретен в 1906 г. 3. «Mercedes» – темно-синяя полуоткрытая модель, приобретен в 1906 г.

333 «Delaunnay-Belleville» – ландо, приобретен в 1910 г.

334 «Panhard-Levassor» Laimo, приобретен в 1908 г.

335 «8егех» – ландо, приобретен в 1910 г.

336 Английская версия «Daimler», приобретен в 1910 г.

337 «Lessner» – темно-зеленый лимузин, приобретен в 1907 г.

338 «Руссо-Балт» – ландо, приобретен в 1910 г., и автобус-трейлер с кроватью, приобретен в 1909 г.

339 1. «Renault» – грузовик-трейлер с двумя кроватями и пассажирским фургоном, приобретен в 1908 г. 2. «Daimler» – грузовик-трейлер с кроватями, приобретен в 1908 г. 3. «Dietrich» – грузовик-трейлер с кроватями мощностью в 18 л. е., приобретен в 1908 г. 4. «Dietrich» – грузовик-трейлер с кроватями мощностью в 20 л. е., приобретен в 1909 г.

340 «Mercedes» – темно-зеленый лимузин, приобретен в 1906 г., и автобус «Mercedes», приобретен в 1906 г.

341 РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 124. Л. 27 // Донесения дворцового коменданта и по вопросам охраны. 1899–1915.

342 «Mercedes» Laimo – четыре цилиндра на 70 л. е., приобретен в 1911 г., два автомобиля «Delaunnay-Belleville» – ландо – шесть цилиндров на 45 л. е., приобретены в 1911 г., один автомобиль «Руссо-Балт» – ландо на 12 л. е., приобретен в 1911 г.

343 Два автомобиля «Mercedes» фаэтон – четыре цилиндра на 70 л. е., приобретены в 1911 г., два автомобиля «Delaunnay-Belleville» – фаэтон – шесть цилиндров на 45 л. е., приобретены в 1912 г., автомобиль «Руссо-Балт» на 12 л. е., приобретен в 1911 г.

344 Два автобуса «Mercedes», приобретены в 1911 г.

345 «Serex» – ландо на 40 л. е., приобретен в 1910 г., и четырехцилиндровый «Mercedes» Laimo на 70 л. е., приобретен в 1911 г.

346 Даже протирочные «концы» для автомобилей приобретались во Франции.

347 *Шугуров Л.* Гараж Его Императорского Величества //

Обозреватель. 1994. № 3. С. 6.

348 РГИА. Ф. 472. On. 50. Д. 1715. Л. 2, 3.

349 www. Alexander Palace, com.

350 Впоследствии А. Кегресс вошел в совет директоров фирмы «Ситроен».

351 РГИА. Ф. 237. On. 1. Д. 706. Л. 2 // Об оборудовании вагонов для «Гаража».

352 *Воейков В.Н. С* царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя-императора Николая II. Гельсинфорс, 1936. С. 61.

353 *Шугуров Л.* Гараж Его Императорского Величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 7.

354 РГИА. Ф. 475. On. 2. Д. 81 // Переписка и талоны на выдачу бензина для автомобилей, июнь – сентябрь 1917 г.

355 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 441.

356 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М„1990. С. 116.

357 Там же. С. 122.

358 Там же. С. 125.

359 Там же. С. 125.

360 Там же. С. 126.

361 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. М„2006. С. 179.

362 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 22.

363 Там же. С. 39.

364 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 670.

365 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 182.

366 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.). М„2005. С. 30.

367 ПСЗРИ. 1-е изд. № 11275.

368 *Комелова Т.Н.* Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. Т. 1. С. 68.

369 *Кудрявцева Т.В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец: Очерки жизни императорской резиденции. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. Т. 1. С. 83.

370 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. Л. 22 об. // Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

371 ОР РЫБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 52 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

372 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 53 об. // Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

373 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 254.

374 Из альбомов императрицы Александры Федоровны //

Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 152.

375 *Аксельрод В.И, Буланкова Л.Л.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 59.

376 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868 гг.) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М,,2001. С. 37.

377 *Принцева Г.А.* Игральные карты со сценами охоты Александра II // При Дворе русских императоров. Произведения Михая Зичи из собрания Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2005. С. 34.

378 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 433.

379 Там же. С. 442.

380 Там же. С. 605

381 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1883–1886. М., 1966. Т. 1.С. 41.

382 Там же. С. 206.

383 Там же. С. 67.

384 *Ден Л.* Подлинная царица. С. 30.

385 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 476.

386 Из записок Марьи Сергеевны Мухановой, фрейлины Высочайшего двора. М,,1878. С. 22.

387 Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 162.

388 *ОглоблинаЛ.Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 244.

389 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 31.

390 Великий князь Сергей Александрович. С. 330.

391 Там же. С. 331.

392 РГИА. Ф. 525. On. 3. Д. 8. Л. 203. Денежные документы по расходу и приходу сумм Его Императорского Величества за 1896 г.

393 Там же.

394 Там же.

395 РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 3. Л. 43. Бухгалтерская книга по суммам Его Императорского Величества. 1914–1917 гг.

396 РГИА. Ф. 525. On. 3. Д. 535. Л. 65. Денежные документы по суммам Государя-императора. Январь 1917 – март 1918 гг.

397 РГИА. Ф. 525. On. 2 (213/2711). Д. 207. Лейтнер Александр. Рижский купец, владелец фабрики велосипедов и автомобилей «Россия».

398 Там же. Л. 25.

399 РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 132. О поднесении велосипеда наследнику велосипедной фирмой «Дукс Ю.А.

Меллер». 1913 г.

400 РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (216/2714). Д. 132. Л. 13. «Дукс Ю.А. Меллер», фирма велосипедов. 1913 г.

401 Там же.

402 Там же.

403 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 266.

404 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 53. *Кривенко В.С.* В Министерстве Двора. 1876–1896 гг.

405 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892. Т. 2. С. 208.

406 Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980. С. 17.

407 *Половцев АЛ.* Дневник // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 303.

408 Single (англ.) – один.

409 Видимо, смета была сделана «задним числом», поскольку корт строили по принципу «уже вчера», и царь впервые вышел на этот корт 26 июня 1896 г.

410 *Каргаполъцев С.Ю., Каргаполъцев М.Ю., Седых В.Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб., 2005. С. 181.

411 *Танеева А.А.* Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария. С. 39.

412 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 564.

413 *Колоссов А.* Его Величество. Берлин, б. г. С. 30.

414 Там же. С. 53.

415 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 529.

416 Великий князь Сергей Александрович. С. 265.

417 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 47.

418 Великий князь Сергей Александрович. С. 278.

419 Там же.

420 Два снимка уборной комнаты Марии Федоровны в Аничковом дворце (по 15 руб.); один снимок портрета императора в той же комнате, исполненный акварелью (100 руб.); 12 экз. фотографий той же комнаты (по 10 руб.) и проезд с фотоаппаратом 30 руб. Всего 280 руб. См.: РГИА. Ф. 544. On. 1. Д. 996. Л. 205. Денежные документы за 1881 г.

421 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и

Алексей: Каталог выставки. М., 2000. С. 110.

422 Там же.

423 Ностиц Иван Григорьевич (1824–1905) – граф, генерал-лейтенант.

424 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. С. 97.

425 РГИА. Ф. 525. On. 3. Д. 65. Л. 25, 31. Бухгалтерская книга Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. 1895–1899.

426 РГИА. Ф. 525. On. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 71. О разных расходах по суммам Ея Императорского Величества. 1914.

427 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М„2005. С. 42.

428 РГИА. Ф. 525. On. 3. Д. 32. Отчеты по суммам бывшего великого князя Алексея Николаевича за 1916 г.

429 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». Кн. 3. Гатчинский дворец. М., 2006.

430 *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. С. 109.

431 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей. С. 110.

432 *ПрокоповаЛ.* // Крымские известия. 2005. № 65 (3295). 9 апреля.

433 *Мосолов А.* При Дворе императора. Рига. 1936. С. 43.

434 РГИА. Ф. 525. On. 2 (215/2713). Д. 250. Л. 1. Ханжонков Александр. Директор акционерного общества и фабрики кинемакартин в Москве и его уполномоченный Гончаров Василий. 1912.

435 РГИА. Ф. 525. On. 2 (215/2713). Д. 250. Л. 17. Там же.

436 *Морис Палеолог.* Дневник посла. М., 2003. С. 468.

437 В книге, посвященной Александровскому дворцу, изданной в 1920-х гг., приведены фотографии музыкальных инструментов, на которых играл Александр I. Вполне возможно, что они уцелели в огне Отечественной войны и по сей день хранятся в запаснике.

438 *Выскочков Л.В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 536

439 Из записок Елисаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 317.

440 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007.

441 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1067. С. И об. Приходно-расходная книга карманных сумм. 1824–1825 гг.

442 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

443 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1069. Л. 40 об. Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

444 ОР РНБ. Ф. 650 Д 1069 л 48 Гардеробные суммы за 1833–1835 гг.

445 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1070. Л. 5. Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.

446 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1073. Л. 16. Книга о Собственной Е.И.В. гардеробной сумме с 30 октября 1847 г. по 1 января 1853 г.

447 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1074. Книга о Собственной Е.И.В. гардеробной сумме с 1 января 1852 г. по 15 марта 1855 г.

448 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 184.

449 Цит. по: *Берне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М„2008. С. 141.

450 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 263.

451 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 234.

452 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. 1887–1892. Т. 2. С. 173.

453 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 16. Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С.А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность Его Наследником Цесаревичем.

454 Там же.

455 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 5. Гатчинский дворец. Кн. 2. С. 25.

456 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М„2002. С. 163.

457 Екатерина Петровна, Принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 24.

458 Указ. соч. С. 186.

459 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 482.

460 Там же. С. 460.

461 Там же. С. 496.

462 Там же. С. 515.

463 Пианист Кюндингер учил игре на фортепиано не только великих князей, но и П.И. Чайковского.

464 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. С. 523.

465 Там же. С. 527.

466 Там же. С. 533.

467 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 39.

468 Александр Александрович, наследник – корнет, позже играл на геликоне. После 1881 г. иногда играл на валторне; Александр Петрович Ольденбургский – альтгорн; Константин Петрович Ольденбургский – медные инструменты; Георгий Петрович Ольденбургский – виолончель; Александр Берс – скрипка, бас; граф Адам Васильевич Олсуфьев – корнет; граф Александр Васильевич Олсуфьев – корнет; генерал Михаил Викторович Половцев – альтгорн; барон Александр Егорович Мейендорф – альтгорн. Кроме этого, в кружок входили три профессиональных артиста – Шрадер, Тюрнер и Бергер.

469 *Берс А.* Воспоминания об Александре III // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 88.

470 Там же.

471 Там же. С. 83, 84.

472 Там же. С. 84.

473 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. С. 334.

474 Там же.

475 Об этом мы упоминаем в другом разделе.

476 *Шавелъский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 130.

477 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 31.

478 *Ден Л.* Подлинная царица. С. 30.

479 *Буксгевден С.* Указ. соч. С. 258.

480 Там же. С. 245.

481 Там же. С. 286.

482 РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 603. Л. 4. О преподавателе игры на балалайке надворном советнике Александре Николаевиче Зарубине. 1917.

483 *Бурдин Ф.А.* Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 280.

484 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 39.

485 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 161.

486 Цит. по: *Смирнов Г., Янченко И.* Арсенальное каре Гатчинского дворца. С. 5.

487 *Корф М.* Записки. С. 160.

488 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 166.

489 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра. С. 410.

490 Там же. С. 308.

491 Из дневника И.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 506.

492 Там же. С. 507.

493 *КшесинскаяМ.Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 23.

494 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. С. 107.

495 Из дневника И.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. С. 509.

496 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 509.

497 Там же. С. 515.

498 *Аксельрод В.И, Буланкова Л.Л.* Аничков дворец – легенды и были. С. ИЗ.

499 ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 174. *Кривенко В.С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

500 Оперные постановки: Массене – «Вертер»; Направник – «Дубровский»; Верди – «Отелло»; Вагнер – «Тангейзер»; Верди – «Аида»; Чайковский – «Евгений Онегин».

501 Постановки Французского театра: «Mr. le directeur»; «Les Tenailles»; «Un conseil judiciaire»; «Un voyage d'agrement».

502 Балетные постановки: Чайковский – «Лебединое озеро»; «Конек-Горбунок»; бенефис Петипа; Чайковский – «Спящая красавица».

503 Постановки Французского театра: «Cabotins»; «II ne faut jurer de rien»; «La poudre aux yeux»; «Le filleui de Pornpignac»; «Conseil judiciaire»; «L'hotel du libre echange».

504 Оперные постановки: «Рафаэль»; «Паяцы»; «Спящая красавица»; «Гибель Фауста» (Берлиоз).

505 Постановки Немецкого театра: «Der Dornenweg»; «Militarfromm».

506 «Gluck im Winkel».

507 Постановки Французского театра: «Les idees de M-me Aubray»; «Le remplasant»; «Blanchette»; «Ten Toupinel»; «Liebelei»; «Untreu»; «Grosse fortune»; «Gavant, Minard et C°»; «Le Paradis».

508 *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 494.

509 По большому счету, во второй половине XIX в. традиция

домашних спектаклей вышла за рамки дворянской среды и получила широкое распространение в среде российской интеллигенции.

510 «Мансарда в Крыму». Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 40.

511 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 392.

512 Там же. Т. 2. 1887–1892. С. 167.

513 Там же. С. 172.

514 Великий князь Сергей Александрович. Кн. 1: 1857–1877. С. 264.

515 Там же. С. 276.

516 Городничего изображал флигель-адъютант И.А. Фуллон, остальные персонажи комедии были представлены флигель-адъютантом К.И. Прежбяно, А.А. Поливановым, флигель-адъютантом Н.А. Косачем, флигель-адъютантом И.С. Мальцовым.

517 Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. Париж, 1980. С. 16.

518 Как пишут биографы, великий князь работал над переводом около 10 лет. Его перевод до настоящего времени считается одним из самых удачных, буквально передающим дух великого произведения Шекспира.

519 *Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира //За кулисами политики. 1848–1914. М„2001. С. 483.

520 *Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н.* Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. С. 153, 155.

521 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 173.

522 Там же. С. 173.

523 Там же. С. 176.

524 Там же. С. 267.

525 Александр III. Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 505.

526 Там же.

527 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 193.

528 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 336, 337.

529 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 261.

530 Александр III. // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 505.

531 Там же. С. 509.

532 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 63.

533 *Богданович А.* Три последних самодержца.

534 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 247.

535 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 211.

536 Великая княгиня Мария Николаевна, сестра императора Александра II.

537 Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 241.

538 Там же. С. 339.

539 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 48.

540 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 299.

541 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 168.

542 *Милютин Д.А.* Дневник. 1873–1875. С. 95.

543 *Корф М.* Записки. С. 619.

544 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 168.

545 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 69.

546 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 331.

547 *Пушкин А.С.* Дневник. 1834 год. Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 79.

548 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 321.

549 *Шереметев С Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 334.

550 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 260.

551 Александр III. Там же. С. 505.

552 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 335.

553 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 39.

554 Там же. С. 25.

555 Там же. С. 14.

556 *Корф М.* Записки. С. 161.

557 Там же. С. 407.

558 *Берне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга.

1842–1843. М,,2008. С. 58.

559 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 32. Выписка о Высочайших больших балах в 1867 г.

560 РГИА. Ф. 469. Оп. 12 (738/1854). Д. 293. Л. 33. Выписка о Высочайших больших балах в 1867 г.

561 *Шереметев С Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 334.

562 *Корф М.* Записки. С. 161.

563 ПСЗРИ. 2 изд. Т. 32. (1857). № 32503. 2 декабря. Бальная форма генерал-адъютантам и генералам Свиты, и флигель-адъютантам.

564 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. С. 532.

565 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 287.

566 Римский-Корсаков Григорий Александрович (1792–1852) – отставной полковник лейб-гвардии Московского полка.

567 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. С. 42.

568 *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 131.

569 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. С. 333.

570 Александр III. // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 505.

571 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. Николай I. С. 247.

572 Там же.

573 Там же. С. 223.

574 *Корф М.* Записки. С. 79, 80.

575 *Кропоткин ПА.* Записки революционера // Александр Второй. С. 135.

576 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. С. 310.

577 Там же.

578 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 114.

579 Шереметев С.Д. Мемуары // Александр Третий. С. 334.

580 Там же. С. 418.

581 Там же. С. 421.

582 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 178.

583 Там же. С. 383.

584 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 335.

585 *ВоорсЙ.* Последняя великая княгиня. С. 271.

586 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. С. 205.

587 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 10.

588 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 102.

589 Там же. С. 103.

590 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 300.

591 Николай I: личность и эпоха. С. 298.

592 Там же.

593 Костюмированный бал у великого князя Владимира Александровича 25 января // Всемирная иллюстрация. 1883. № 737. С. 183.

594 *Плотникова Ю.В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец – памятник российской истории. Материалы конференции. С. 50.

595 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 34.

596 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 150.

597 *Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2003. С. 266.

598 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы всероссийской. С. 47.

599 Цит. по: *Аксельрод В.И, Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. С. 94.

600 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 324.

601 Письма императора Александра III к наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М„1999. Т. IX. С. 45.

602 Великий князь Сергей Александрович. С. 240.

603 *Плотникова Ю.В.* Памятные веера императрицы Марии Федоровны // Аничков дворец – памятник российской истории: Материалы конференции. СПб., 1997. С. 50.

604 К.Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М„1998. С. 209.

605 Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. С. 332.

606 Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006.

607 Там же.

608 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II. С. 333.

609 Цит. по: *Захарова О.Ю.* История русских балов. М., 1998. С. 76.

610 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 27.

611 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 290.

612 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 27.

613 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. С. 374.

614 *Комелова Г.Н., ПобединскаяА.Г.* «Оперный дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. Т. 1. С. 134.

615 *Кудрявцева Т.В.* Приемы в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. XVIII – первая треть XIX вв. СПб., 2000. Т. 1. С. 78.

616 *Комелова Г.Н., ПобединскаяА.Г.* «Оперный дом» Зимнего дворца // Зимний дворец. С. 134, 136.

617 Там же. С. 136.

618 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 211.

619 *Дараган П.М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819. С. 7.

620 Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 149.

621 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. С. 177.

622 Там же. С. 206.

623 Пушкин и Зимний дворец: Каталог выставки. СПб., 1999. С. 12.

624 Там же.

625 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. С. 226.

626 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1070. Л. 26. Гардеробные суммы Николая I за 1836–1837 гг.

627 Цит. по: *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 70.

628 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. С. 286.

629 Там же. С. 291.

630 Цит. по: *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. С. 58.

631 *Корф Ю.* Записки. С. 157.

632 *Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы

власти в Российской империи XVIII – начала XX веков. М., 2003. С. 245.

633 *Кюстин де А.* Николаевская Россия. М., 1910. С. 53.

634 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. С. 448.

635 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. С. 115.

636 РГИА. Ф. 469. Оп. И. Д. 71. Л. 6. О публичном маскараде, бывшем в Зимнем дворце. 1844.

637 Письма императора Николая I к цесаревичу Александру Николаевичу // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 155.

638 *Корф U.* Записки. С. 109.

639 Там же.

640 Там же. С. 389.

641 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. С. 249.

642 *Корф U.* Записки. С.209.

643 Там же. С. 509.

644 Там же. С. 627.

645 Там же. С. 109.

646 *Берне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М,,2008.С. 54.

647 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 45.

648 Там же. С. 120.

649 Там же. С. ИЗ.

650 Великий князь Владимир Александрович. С. 408.

651 Великий князь Владимир Александрович. Третий сын Александра II.

652 Цесаревна Мария Федоровна, жена цесаревича Александра Александровича

653 Великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира Александровича.

654 Александр II.

655 Цесаревич Александр Александрович.

656 Великий князь Николай Николаевич (Старший).

657 Великий князь Алексей Александрович, четвертый сын Александра II.

658 Великий князь Николай Николаевич (Младший).

659 Великий князь Константин Николаевич, младший брат Александра II.

660 Великий князь Константин Константинович.

661 Елена Михайловна – принцесса Мекленбург-Стрелицкая, дочь великой княгини Екатерины Михайловны.

662 Пастушкой (фр. Bergere).

663 Великий князь Сергей Александрович. С. 260.

664 Мемуары графа С.Д. Шереметева. // Александр III. С. 593.

665 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 242.

666 Письма Николая I детям. Там же. С. 330.

667 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 298.

668 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 119.

669 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. С. 506.

670 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. С. 390.

671 Там же. С. 394.

672 Великий князь Сергей Александрович. С. 119.

673 Там же. С. 234.

674 Из переписки с Цесаревичем великим князем Александром Александровичем // Великий князь Сергей Александрович Романов: Биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. М„2007. С. 167.

675 Дневник великого князя Сергея Александровича. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 166.

676 РГИА. Ф. 469. On. 10. Д. 663. Л. 2. О приготовлении для императорской фамилии елок. Декабрь 1880 – январь 1881 гг.

677 Великий князь Сергей Александрович. С. 253.

678 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 206.

679 РГИА. Ф. 544. On. 1. Д. 996. Л. 401. Денежные документы за 1881 г.

680 Английские ножики лучшего качества (35 и 30 руб.); два футляра (12 руб.) и два чехла (2 руб.). Всего на 79 руб.

681 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. С. 207.

682 Там же. С. 208.

683 *Ден Л.* Подлинная царица. С. 34.

684 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.). М„2005. С. 81.

685 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М„1990. С. 130.

686 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. С. 508.

687 Великий князь Сергей Александрович. С. 225.

688 Там же. С. 235.

689 Там же. С. 334.

690 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. С. 509.

691 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 390.

692 *Мещерский В.П.* Мои воспоминания // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 67.

693 ГАРФ. Ф. 601. On. 1. Д. 227. Л. 118. Дневник великого князя Николая Александровича. Тетрадь № 12. 1891 г.

694 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. С. 131.

695 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. С. 335.

696 *Берне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга. 1842–1843. М„2008. С. 66.

697 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 271.

698 *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868–1873. С. 253.

699 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 197.

700 Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 48.

701 *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838 гг.) // Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 199.

702 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 359.

703 Там же.

704 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. С. 145.

705 Там же. С. 168.

706 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. С. 167.

707 *Милютин Д.А.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 257.

708 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. С. 282.

709 РГИА. Ф… 536. On. 1. Д. 53. Jl. 1. О дне рождения Ея императорского Величества Государыни Императрицы. 1883 г.

710 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 1. 1883–1886. С. 188.

711 Рецепт приготовления «свежего гороха» – вымойте один фунт свежего «сахарного» гороха, затем высушите его. Добавьте 23 золотника ($У_6$6 фунта) масла, половину стакана воды, 12 золотников лука, соль по вкусу, 5 золотников сахара. Поместить

все на средний огонь и держать в течение тридцать минут в плотно закрытой кастрюле. По готовности гороха добавить 23 золотника масла, смешанного с 4 золотниками муки. Кипятить на огне, помешивая горох в кастрюле.

712 *Егоров Б.* Альбом Государя // Наше наследие. 2004. Сам альбом хранится в Отделе рукописных, печатных и графических фондов (ОРПГФ) Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Название по описи «Записная книжка Николая II с рисунками ювелирных украшений». № 14226 охр., № Гр-3763.

713 Цит. по: *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. С. 205.

714 *Богданов И.* Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М., 2007. С. 55.

715 *Волков Н.Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. С. 26, 27.

716 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 485.

717 Там же. С. 496.

718 Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. С. 279.

719 РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1410. Л. 2. О принятии из бывших учреждений Министерства Двора на хранение в Камеральную часть разных ценных вещей, составляющих собственность бывшего Императора и Императрицы. 10 мая 1917 г.

720 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

721 *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

722 РГИА. Ф. 525. Оп. 3. Д. 535. Л. 85. Денежные документы по суммам государя императора. Январь 1917 – март 1918 гг.

723 *Ден Л.* Подлинная царица. С. 45.

724 РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 1. Л. 77. О разных расходах по суммам Ея Императорского Величества. 1914 г.

725 Там же. С. 211.

726 Там же. С. 427.

727 *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 62.

728 ПСЗРИ (ст. 62). 1727 Мая 7 (5070); 1741 Ноябр. 28 (8476); 1797 Апр. 5 (17910); 1841 Апр. 24, Выс. утв. заключ. Св. Синода; 1906 Апр. 23, собр. Узак., 603, ст. 24.

729 Мемуары графа С.Д. Шереметева. // Александр III. С. 500.

730 Баронесса Крюденер. Неизданные автобиографические тексты. М., 1998. С. 29.

731 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1050. Л. 4. Книга прихода и расхода денежной суммы великому князю Николаю Павловичу 1801 г.

732 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1059. Л. 11. Книга прихода и расхода денежной суммы великого князя Николая Павловича 1810 г.

733 *Чистович И.А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894. С. 45.

734 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 301.

735 Музовский Николай (Лупп) Васильевич (1772–1848) – обер-священник гвардии и Высочайшего двора. Духовник семьи Александра I и Николая I.

736 *Дараган П.М.* Из воспоминаний камер-пажа. 1817–1819 // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 6.

737 Там же.

738 Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 40.

739 Там же. С. 40, 41.

740 Там же. С. 45.

741 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 211.

742 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. С. 201.

743 Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 74.

744 Духовное завещание в Бозе почившего государя императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года // Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 465.

745 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. С. 14. Серебряный вызолоченный оклад для этой иконы был выполнен петербургским золотых дел мастером Кейбелем. После гибели великого князя Сергея Александровича, по традиции, икону поместили в храм-усыпальницу в Чудовом монастыре.

746 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. С. 275.

747 Император Николай Павлович. 1850. Записка графини А. Д. Блудовой // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 359.

748 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания. С. 388.

749 Шапель – часовня, капелла.

750 *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 64.

751 Митрополит Московский.

752 Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 34.

753 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 169.

754 Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 10.

755 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 36.

756 Там же. С. 53.

757 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 388.

758 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 73.

759 Внукам Николая I в 1852 г. было: Николаю – 9, Александру – 7 и Владимиру – 5 лет.

760 *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 70.

761 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 66.

762 Там же. С. 92.

763 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. С. 236.

764 Там же. 201.

765 Там же.

766 Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. С. 8.

767 *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 389.

768 Автобиография протопресвитера В. Б. Бажанова // Николай Первый и его время. Т. 2. С. 349.

Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 41.

Духовное завещание в Бозе почившего государя императора Николая Павловича. 4 мая 1844 года. //Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 462.

Император Николай Павлович. Записка графини А.Д. Блудовой // Николай Первый и его время. Т. 2. М., 2000. С. 357. *Плетнев П.Л.* Сочинения и переписка. Т. III. СПб., 1885. С. 424.

Шереметев С Д. Мемуары // Александр Третий. С. 324. *Тютчева А.Ф.* Воспоминания // Александр Второй. С. 101. *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 63. Там же. С. 81. Там же. С. 184. Там же. С. 185. Там же. С. 218.

Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 129. Там же. С. 278. Там же. С. 129.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 220. Там же. С. 227.

Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. С. 523. Там же. С. 530. Там же. С. 531.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 426. Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 120.

Великий князь Владимир Александрович // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М„2001. С. 404.

Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 19.

Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 2:1877–1889. М„2007. С. 216.

Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М„2001. С. 124.

Татищев С.С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. С. 376. *Тарасова Н.И.* Императрица Мария Федоровна, принцесса Датская // Император Александр III. Императрица Мария Федоровна. Каталог выставки. СПб., 2006. С. 13.

796 *Корнева Г.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 78.

797 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 56.

798 Из воспоминаний адмирала Д.С. Арсеньева. 1877 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2:1877–1880. М„2007. С. 20.

799 *Шереметев С Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 319.

800 Там же. С. 324.

801 Там же. С. 325.

802 Александр III. // Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 589.

803 Там же. С. 509.

804 Там же. С. 560.

805 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий. С. 329.

806 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 560.

807 Дворцовая церковь в Ливадии была построена в 1863–1865 гг. по проекту придворного архитектора И. А. Монигетти в византийском стиле. По желанию императрицы Марии Александровны освящена в честь праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Иконы для храма писал академик живописи А.Е. Бейдеман, награжденный за эту работу орденом Св. Станислава II степени. В церкви свободно помещалось до 50 человек.

808 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 602.

809 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 208.

810 Там же.

811 *Корнева Т.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 157.

812 *Комаровская А.Е.* Последние дни императора. Из дневника // Московский журнал. 1998. № 7. С. 12.

[813]Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 602.

814 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 339.

815 *Кривенко В.С.* Из рукописи «В Министерстве Императорского двора» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 35.

816 *Шнейдер В.П.* Саровские торжества. Июль 1903 года // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 81.

817 Сейчас этот иконостас хранится в Эрмитаже.

818 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 124.

819 Там же. С. 131.

820 *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче. С. 422.

821 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 193.

822 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 378.

823 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 159.

824 Там же. С. 161.

825 *Витте С.Ю.* Из «Воспоминаний» // Николай II:

Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 262.

826 Мария Александровна (1853–1920), дочь Александра II, в замужестве герцогиня Эдинбургская.

827 *Боханов А.Н.* Святая царица. М„2006. С. 124.

828 *Шнейдер В.П.* Саровские торжества. Июль 1903 года // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 81.

829 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 45.

830 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 379.

831 Феофан Полтавский, епископ (1872–1943), русский православный церковный деятель и библеист. Родился в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1896 г.), где был оставлен профессорским стипендиатом, а затем назначен доцентом по кафедре библейской истории. В 1898 г. принял монашество. В 1901 г. был возведен в сан архимандрита и назначен инспектором Академии. В 1905 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1909 г. стал ректором Санкт-Петербургской Духовной академии. По отзывам современников, это был «строгий сторонник православной церковности, глубокий аскет и носитель духа святоотеческих преданий». В 1910 г. был переведен в Таврическую кафедру. Затем стал епископом Астраханским (с 1912 г.) и Полтавским (с 1913 г.). В 1919 г. уехал на Афон, где и жил до конца своих дней.

832 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 165.

833 *Шавельский Г.* Из «Воспоминаний последнего протопресвитера русской армии и флота» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 47.

834 Там же.

835 Там же. С. 49.

836 Там же. С. 161.

837 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 233.

838 Сэр Чарльз Муррей. Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 328.

839 *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838 гг.) // Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 195.

84 ˚Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 276.

841 *Эвальд А.В.* Рассказы о Николае I // Николай Первый и

его время. М„2000. Т. 2. С. 245.

842 *Корф М.А.* Записки. М„2003. С. 369.

843 *Оглоблина Л.Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 244.

844 *КшесинскаяМ.Ф.* Из «Воспоминаний» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 33.

845 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 355.

846 *Шварц А.Н.* Мои воспоминания о Государе. М., 1994. С. 59.

847 *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. М„1999. Т. 1. С. 547.

848 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 59.

849 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 119.

850 Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба». СПб., 2005. С. И.

851 *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 1. С. 211.

852 Там же.

853 *Аксельрод В.И., Буланкова Л.П.* Аничков дворец – легенды и были. СПб., 1996. С. 52.

854 Там же.

855 Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 150.

856 Там же.

857 Воспоминания императрицы Александры Федоровны // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 49.

858 Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 162.

859 Письма Александры Федоровны к В.А. Жуковскому // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 172.

860 *Даллас Д.* Американский посланник при дворе Николая I (1837–1838 гг.) // Николай Первый и его время. М„2000. Т. 2. С. 194.

861 Там же. С. 198.

862 Сэр Чарльз Муррей. Королева Виктория и Николай I // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 332.

863 *Корф МЛ.* Записки. М„2003. С. 168.

864 *ТютчеваА.Ф.* Воспоминания // Николай Первый и его время. М., 2000. Т. 2. С. 390.

865 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император.

М„2000. С. 182.

866 Там же С. 230.

867 Там же. С. 286.

868 Там же. С. 275.

869 *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 480.

870 Пушкин и Зимний дворец. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 8.

871 Бланманже – желе из сливок или миндального молока. *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М„2005. С. 572.

872 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 295.

873 Там же. С. 200.

874 *Мердер К.К.* Записки воспитателя. 1826–1832 // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 63.

875 Там же.

876 Великий князь Константин Николаевич // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 226.

877 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М„2002. С. 162.

878 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 131.

879 Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995 // Жуковский В. А. Письмо императрице Александре Федоровне. 8 июля 1828 г. С. 55.

880 ОР РНБ. Ф. 650. Д. 1277. Л. 30 об. Письма об августейших сыновьях императора Александра II, писанные С. А. Юрьевичем в 1847 г. к Его Величеству в бытность Его Наследником Цесаревичем.

881 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 92.

882 Там же. С. 78.

883 Там же. С. 69.

884 Там же. С. 94.

885 Там же. С. 220.

886 Там же. С. 266.

887 Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 486, 492, 515, 534.

888 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя

Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М„2002. С. 410.

889 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 99.

890 *Шереметев С.Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 318.

891 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 436.

892 Там же. С. 433.

893 Екатерина Михайловна (1827–1897) – великая княгиня, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, жена герцога Мекленбург-Стрелицкого.

894 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 582.

895 Там же. С. 441.

896 *Корнева Т.Н., Чебоксарова Т.Н.* Любимые резиденции императрицы Марии Федоровны в России и Дании. СПб., 2006. С. 106.

897 Там же. С. 69.

898 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 26.

899 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 198.

900 Петербургское общество 60-х годов (1863–1868) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М„2001. С. 288.

901 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 302.

902 *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае 11 и великом князе Михаиле Александровиче // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 420.

903 *Шульгин В.В.* Из книги «Дни» // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 461.

904 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 31.

905 *Боханов А.Н.* Святая царица. М., 2006. С. 34.

906 *Гурко В.И.* Царь и царица // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 383.

907 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 96.

908 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 304.

909 *Куропаткин А.Н.* Из дневников // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 50.

910 Там же. С. 63.

911 *Головин Ф.А.* Николай II // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 87.

912 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 86.

913 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 22.

914 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 98.

915 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 250.

916 РГИА. Ф. 525. On. 1. Д. 213. Л. 1.

917 По 17 руб. в месяц за поездки в Петергоф и 12 руб. за поездки в Царское Село.

918 *Шуленбург В.Э.* Воспоминания об императрице Александре Федоровне. Париж. 1928. С. 6.

919 РГИА. Ф. 525. On. 1. Д. 213. Л. 29.

920 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 209.

921 Цит. по: Николай II: воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 227.

922 РГИА. Ф. 525. On. 1. Д. 213. Л. 46.

923 *Мельник Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 114.

924 *Успенский Ф.* Родовые имена и небесные покровители в семье Ивана Грозного // Наше наследие. 2008. № 87–88.

925 *Корф М.* Записки. М„2003. С. 513.

926 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 23.

927 Блаженный, юродивый новгородский. Юродствовал на Софийской стороне, не переходя через Волхов на Торговую сторону, куда не пускал его блаженный Феодор. Будучи непримиримыми врагами, Николай и Феодор постоянно стерегли друг друга на Волховском мосту; в этом они оставались верны старинной распре двух частей, или сторон, древнего Новгорода. Скончался Николай Кочанов в 1392 г.; день его поминовения – 27 июля.

928 Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 461.

929 *Татищев С. С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 32.

930 Там же. С. 40.

931 Там же. С. 41.

932 Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2:1877–1880. М., 2007. С. 217.

933 *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М„1990. С. 124.

934 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 262.

935 *Боханов А.Н.* Святая царица. М., 2006. С. 103.

936 Письма Николая I родным // Николай I. Муж. Отец. Император. М„2000. С. 76.

937 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 356.

938 Там же. С. 536.

939 *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М„2005. С. 570.

940 Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 356.

941 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 261.

942 *Ден Л.* Подлинная царица. СПб., 2003. С. 20.

943 *Корф М.А.* Записки. М„2003. С. 512.

944 *ОглоблинаЛ.Н.* Император Александр II среди детей // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 242.

945 *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М„2002. С. 424.

946 Там же. С. 44.

947 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 197.

948 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 154.

949 Екатерина Петровна, принцесса Ольденбургская (1847–1866) // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 31.

950 Дмитрий Сергеевич Артемьев – воспитатель великого князя Сергея Александровича.

951 Великий князь Сергей Александрович: биографические материалы. Кн. 1:1857–1877. М„2006. С. 64.

952 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 195.

953 Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 603.

954 Там же. С. 608.

955 Там же. С. 428.

956 *Воорес Й.* Последняя великая княгиня. СПб., 2003. С. 270.

957 *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 191.

958 *Буксгевден С.* Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы всероссийской. М., 2006. С. 60.

959 Там же. С. 249.

notes

Примечания

1

Мундшенк – придворный чин, заведовавший напитками. Винолий, виночерпий, виночерпец, виночерпий м., виночерпица ж.; стар, чашник, заведывавший напитками, разливавший и подносивший их; кравчий, крайчий; кельнер, мундшенк. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

2

Партикулярное – партикулярный, частный; неофициальный, неслужебный, неформенный. Партикулярное платье, невоенное, гражданское.

3

«Гардеробная сумма» – часть личных средств императоров, выделяемых из сумм Кабинета Его Императорского Величества (Е. И. В.).

При Николае II «гардеробная сумма» составляла 20 000 руб. в год.

4

Ташка – сумка, подвесная сума. Охотничья ташка, яхташ. Положи коровай в ташку, иовг., в суму или котомку. Гусарская ташка, кожаный карман на отлете, вроде украшенья.

5

Золотые пушки – металлическая арматура на каске, обозначавшая принадлежность к тому или иному роду войск. В данном случае – к артиллерии.

6

Шлафрок – или шлафор, м. нем. – халат, спальная одежда.

7

Рейтерн Михаил Христофорович – граф, статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета, министр финансов, председатель Комитета министров. Родился 12 сентября 1820 г. в г. Поречье, Смоленской губернии, умер 11 августа 1890 г. в Царском Селе.

8

Жаконетовое платье – жаконет – полушерстяная ткань с добавлением хлопка.

9

Ннкса – семейное прозвище великого князя Николая Александровича.

10

Русификация – политика, направленная на укрепление империи, в том числе через распространение русского языка как государственного языка империи.

11

Ставка – в данном случае Ставка Верховного Главнокомандующего русской армии. Образована в августе 1914 г. Сначала размещалась в Барановичах, со второй половины 1915 г. – в Могилеве.

12

Чахчиры – форменные лосины, элемент гусарской формы.

13

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский политик, депутат и с 1910 г. – председатель III Государственной думы, стоял во главе партии октябристов. Член Государственного совета (1915–1917 гг.), военный и морской министр Временного правительства (1917 г.), председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1920-е гг. эмигрировал.

14

Лионское броше – пестрая шерстяная ткань, отличается более или менее гладким фоном с распределенными по нему фигурами.

15

Саше – Sachet – изящно отделанные ароматические подушечки, которые кладутся в белье и бумагу, чтобы их надушить. Для приготовления саше в мешочки накладывают сместь мелко измолотых душистых растений и смол. Свой аромат саше сохраняют очень долго, а потому представляют экономные духи.

16

Колет – воинский мундир, застегивающийся на крючках и делавшийся обыкновенно из лосины. Колет входит в состав обмундирования кирасирских полков; делается из сукна белого цвета.

17

Форменный галун – узкая ткань из серебряных или позолоченных высокопробных (ок. 90 %) нитей, на желтой или белой шелковой основе, употребляемая для обшивки разных предметов обмундирования и снаряжения.

18

Арсентьев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – генерал-адъютант, адмирал, с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем их императорских высочеств великих князей Сергея и Павла Александровичей.

19

Мальцева (Мальцева) Анастасия Николаевна (1820–1894) – камер-фрейлина императрицы Марии Александровны.

20

«Максимилиановский» доспех – вид доспеха, который связывают с императором Максимилианом I, для которого характерна детальная и чрезвычайно сложная разработка частей (до 200 шт.), высокое качество материала благодаря холодной ковке и высокому уровню состояния кузнечного мастерства.

21

Великий князь Павел Александрович – младший сын императора Александра II, род. 21 сент. 1860 г., с 1893 г. – генерал-майор. Состоял в супружестве с 4 июня 1889 г. с греческой королевой Александрой Георгиевной (1870–1891). Расстрелян в Петропавловской крепости в 1919 г.

22

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал Императорского двора (1912–1917 гг.).

23

Сандро – Александр Михайлович (1866–1933). Четвертый сын великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Федоровны, супруг великой княгини Ксении Александровны, дочери императора Александра III.

24

Пахитоски тонкие папиросы.

25

Воздуха – больший из трех покровов для покрытия Св. Даров, приготовленных к освящению на дискосе и потире и покрываемых сперва порознь малыми покровами. Оба священных сосуда покрываются вместе воздухами, окружающими Св. Дары.

26

Шавельский Георгий Петрович (1871–1951) – главный священник Маньчжурской армии (1904–1905 гг.), участвовал в деятельности «Союза русского народа», протопресвитер Военного и Морского духовенства (с 1911 г.).